

Том 3. В объятиях Шамбалы

Сенсационные
открытия
научной
тибетской
экспедиции

Эрнст Мулдашев

В ПОИСКАХ
ГОРОДА БОГОВ

И, наконец, в этом томе Вы, дорогой читатель, увидите легендарный Город Богов. Мы просим прощения за то, что качество снимков, может быть, не совсем хорошее — съемки велись на высоте 5-6 тыс. метров и нередко в облаках.

Что же такое Город Богов? Вы увидите это сами. А также Вы познакомитесь с подробностями путешествия автора в Долину Смерти и место Голодного Черта, которые считаются заколдованными местами.

Посвящается памяти Николая Константиновича Рериха

Предисловие автора

Шел 1999-й год. Российская экспедиция на Тибет продолжалась. Мы разбили лагерь на подступах к легендарному Городу Богов.

Ночью я неожиданно проснулся. Я лежал в палатке, закинув руки за голову, удивляясь тому, что голова легко и четко работает.

— Эх, если бы голова работала так днем, а не ночью! — с досадой подумал я.

Быстро, как будто в сжатом времени, мысли проносились в голове. Они, эти мысли, начали как бы перелистывать страницы организации и проведения этой тибетской экспедиции.

— А все-таки странно, что у меня вообще зародилась мысль о Городе Богов! — удивился я.

Я и в самом деле осознавал, что эта мысль пришла откуда-то ниоткуда, но она так крепко засела в голове, что я, скрипя зубами и негодуя по поводу того, что так и не нашел первоисточников по легенде о Городе Богов, организовал экспедицию по поискам этого призрачного поднебесного Города.

Меня немного успокаивало то, что предпринятые исследования по систематизации пирамид и монументов древности на Земле привели к тому, что мировая система пирамид и монументов древности начинается со священной горы Кайлас, недалеко от которой сейчас стояла наша палатка, где лежал я, закинув руки за голову. Я все-таки привел экспедицию сюда, надеясь, что рядом со священной горой мы найдем Город Богов. Но найдем ли?

— Эх, найдем ли? — пролепетал я, зная, что послезавтра мы отправляемся к тому месту, где по всем расчетам должен быть Город Богов.

Как сон пронеслись недавние приключения в Непале и на Тибете. Все, что происходило здесь, далеко от Родины, сейчас, когда я лежал в палатке с закинутыми за голову руками, казались мне фантастикой, сущей фантастикой. Мой российский разум отказывался верить в то, о чем поведали непальские и тибетские ламы. Он, этот приземленный разум, не хотел воспринимать того, что чудеса и в самом деле существуют на свете, и что ламам, несущим на себе бремя древности, нет никакого смысла фантазировать, им просто хочется, чтобы все люди, в том числе и мы — чванливые европейцы — поверили в то, что на Земле до нас существовали великие цивилизации, и что лучшие сыны и дочери этих древних цивилизаций не исчезли с лица Земли и живут до сих пор в прекрасной Шамбале за призрачной перегородкой параллельного мира. Да и Царство Мертвых... живет... вместе с ними — Царство Живых Мертвых.

— Золотые пластины Харати, — патетически прозвучала мысль, напоминая о том, что все здесь началось с легендарной загадки Харати.

Я вспомнил про непальские ступы, про машину древних, про камень Шантамани, про загадочное свечение в небе, про глаза, которые видел в небе Селиверстов, про загадочные круги, про озеро Демонов и вдруг осознал, что весь этот конгломерат загадок не мог быть случайностью. За этим стоит Нечто. И все сводилось к тому, что это Нечто есть Шамбала, в объятия которой мы так хотели попасть.

Я вполне представлял, что если это Нечто и в самом деле существует, то мы сейчас находимся в двух шагах от его Обители. Я жаждал встречи с Ним, жаждал страстно, чтобы хоть на мгновение соприкоснуться с Великим Соединенным Разумом всех Земных Человеческих Рас — разумом Шамбалы. Я мечтал об этом, хотя и знал, что мой ничтожно слабый разум, конечно же, малоинтересен для них — невидимых людей Шамбалы, которые когда-то давным-давно, после Всемирного Потопа, заново воссоздали нас — современных людей — именно здесь, в их главной Обители — Городе Богов. Я понимал, что меня никогда не пустят в подземный мир и никогда не допустят до Царства Мертвых, потому что мое любопытство многого не стоит. Но я

хотел хотя бы увидеть легендарные врата в Шамбалу, хотя бы... Я хотел найти мифическую Долину Смерти, чтобы ощутить дыхание Царя Смерти Ямы. Я хотел... Но я еще не знал, существует ли в реалиях Город Богов — наземная часть Шамбалы!

Я лежал в палатке с закинутыми за голову руками. За палаткой бесновался и выл высокогорный тибетский ветер. Я ждал утра и волновался перед ожидаемой встречей с Городом Богов.

Я еще не знал того, что Город Богов мы и в самом деле найдем и будем не просто удивляться, а восхищаться невероятными по мощи технологиями Шамбалы, которые позволили создать этот странный Город, состоящий из колоссальных пирамид и монументов. Но, будучи в Городе Богов, мы так и не поймем предназначения этого Города. Мы будем думать, думать и думать на эту тему, но только после окончания экспедиции, в Уфе, после завершения кропотливой работы по созданию карты-схемы Города Богов, мы сможем выдвинуть гипотезу о его предназначении, и слово «матрица» засветится особо яркими красками.

Я еще не знал, что Долина Смерти так потрясет сжатым временем каждую мою клеточку и каждую молекулу, что я долгое время после этого буду периодически останавливаться, падать на землю и долго стонать от жуткой боли в области солнечного сплетения. Я также не знал, что именно на этом месте после выхода из Города Богов мы вновь поставим палатку, и я всю ночь буду корчиться от боли, ощущая, что с этой дикой болью из меня выходит накопленная за всю жизнь негативная энергия. Но в эту ночь я, как самое дорогое, буду обнимать свои полевые тетради с рисунками монументов Города Богов.

Я не знал, что все-таки останусь жив и начну писать книгу «В поисках Города Богов», состоящую из нескольких томов. А память, прошедшая испытание сжатым временем Долины Смерти, будет добросовестно снабжать меня информацией не только о каждом шаге в этой экспедиции, но и о каждой мысли, возникшей там.

А тогда, перед походом в Город Богов, я продолжал лежать в палатке с закинутыми за голову руками. Выл тибетский ветер. На душе было спокойно и хорошо. А рядом со мной спали ребята — члены тибетской экспедиции. Сергей Анатольевич Селиверстов мерно посапывал. Он иногда по-детски шевелил губами и видел, наверное, розовые сны — сны на тему оптимизма и романтики, характерные для него.

Равиль Шамилевич Мирхайдаров свернулся калачиком. Одна его рука держала видеокамеру, которую он бережно пристроил у изголовья. Рафаэль Гаязович Юсупов спал, уткнувшись носом в грудь Селиверстова и положив на него свою худую руку. Он и во сне как бы опускал Селиверстова на землю, не давая ему «взлететь» в его романтических порывах.

Руки, закинутые за голову, у меня совсем затекли. Я вытащил их и повернулся на бок. А за палаткой выл тибетский ветер. Я уже не надеялся уснуть, я просто ждал завтрашнего дня — дня, когда мы соберемся, чтобы ступить на землю легендарного Города Богов.

Глава 1. Первые пирамиды Города Богов

Мой друг Сергей Анатольевич Селиверстов выючил яка. — Лишь бы была погода, лишь бы была погода, — приговаривал я про себя, помогая приспособить наши рюкзаки на яков, которых мы наняли у местных пастухов, чтобы совершить пешеходное путешествие вглубь тибетских гор в районе священной горы Кайлас.

Нам настоятельно рекомендовали идти с легкими рюкзаками, поскольку путешествие будет проходить на высотах 5000— 6000 метров, а на таких высотах переноска больших тяжестей может сильно замедлить скорость хода. Яки же, как утверждали тибетцы, могут не только легко нести большой груз, но и хорошо проходить каменистые россыпи и даже карабкаться по некрутым скалам.

— Все! Разгружайте яков! Не забудьте, какой рюкзак с каким связывали на спине яка, чтобы поклажа не перетягивала в одну сторону, — сказал проводник Тату. — Завтра мы должны выйти очень рано, с рассветом. Яков будем выючить еще в темноте. Погонщики подведут сюда яков уже в шесть часов утра.

Я поднял голову и еще раз посмотрел на черные облака, которые окутали район священного Кайласа.

— Эх! — с досадой выговорил я. — Вчера вечером ведь Кайлас открылся, а сегодня его опять затянуло облаками. Неужели не будет погоды, а? Если не будет погоды, то мы ничего не увидим! Ничего! Мы не увидим Города Богов, который должен быть здесь, в районе Кайласа. Тогда вся экспедиция окажется напрасной! Эх!

Неужели я вижу пирамиду?

Обуреваемый такими мыслями, я сел на кочку и стал смотреть в сторону Кайласа. В руках у меня была карта, по которой я мог точно определить месторасположение Кайласа, закрытого облаками. Потом мой взгляд скользнул по сторонам и вдруг, на западе от Кайласа, остановился на необычной горе правильной формы. Я внимательно пригляделся. У меня заколотилось сердце.

— Так это же не гора! Это же пирамида! — вслух сказал я сам себе, привстав от возбуждения.

Я судорожным движением достал фотоаппарат и, максимально выдвинув объектив, несколько раз сфотографировал пирамидальную гору. Потом я полез в экспедиционную сумку, вынул тетрадь и принялся зарисовывать эту треугольную гору, резко выделяющуюся на фоне невысокого пологого хребта.

— Ух ты! Ух ты! — приговаривал я, глупо шевеля губами и вспоминая, что еще в Непале мне два или три приходила в голову мысль о том, что легендарный Город Богов должен состоять из очень древних пирамид, расположенных вокруг главной пирамиды — священной горы Кайлас.

Я вспомнил также, что там, в Катманду, когда я бродил среди ступ комплекса Сваямбанат, расположенных вокруг главной ступы, у меня настойчиво kloкотала мысль, что комплекс Сваямбанат символизирует комплекс Кайласа. Тогда я тщательно пересчитал все ступы комплекса Сваямбанат — их было 108.

Закончив зарисовывать, я сполз с кочки и откинулся на редкую травку. Было очень холодно.

Дул ледяной ветер.

— Неужели вокруг Кайласа расположено 108 пирамидальных конструкций?! — неожиданно подумал я. — Неужели эта гора, которая передо мной, является одной из многочисленных пирамид?

Я прикинул расстояние до увиденной пирамидальной горы, взял все необходимые азимуты и нанес ее месторасположение на карту. Потом я быстро пошел к лагерю и, дойдя, закричал:

— Рафаэль Гаязович! Равиль! Выходите из палаток! Давайте цифровую камеру и готовьте ноутбук.

Вновь подойдя к кочке, на которой я недавно сидел, мы несколько раз сфотографировали пирамидальную гору на цифровую камеру. Я попросил ребят вывести изображение на экран компьютера, увеличить его и сделать обводку граней горы, чтобы убедиться в ее пирамидальной форме.

Обводка у Рафаэля Юсупова получилась довольно быстро.

— Похоже на пирамиду, похоже ведь, а! — воскликнул я. — Но если это пирамида, то она очень древняя — смотрите, на увеличенном изображении видны разрушения. Эх, шапка снега, лежащая на ней, мешает хорошо просмотреть боковые поверхности!

Пирамида ли это? Может, нам просто кажется, что это треугольная гора является искусственной пирамидой?! Может, мы выдаем желаемое за действительное?

Сомнения как вихрь закружились в моей голове. Тяжелый невротический ком подступил к горлу. Я с сожалением признал свою детскую и... наверное беспочвенную мечтательность и стал ненавидеть ее.

— Я, я, я... тупой мечтатель, привел сюда целую экспедицию, — думал я в тот момент, сжимая в руках компас. — Купаться в розовых мечтах легко, сидя в уютном кабинете! А реальность, она ведь суровее, она ведь требует доказательств! А где они, доказательства-то? Только этот расплывчатый компьютерный рисунок? А облака? Эти проклятые черные облака! Они не просто закрыли священный Кайлас, они вскоре и эту, сравнительно низко расположенную пирамиду закроют. Да и пирамида ли это?

Ежась от холода, я нервно закурил. Рафаэль и Равиль молчали.

— Ну хоть бы сказали что-нибудь! Сказали бы, что я дурак и фантазер, — подумал я. — Не говорят, я ведь их шеф по работе.

Усилием воли я постарался отогнать сомнения и начать анализировать гипотезу о том, что в районе священного Кайласа существует целый комплекс очень древних пирамидальных конструкций, в целом составляющих Город Богов.

— А ведь это может и подтвердиться, — почему-то грустно и безучастно прошептал я сам себе. — Может быть, эта пирамидальная гора есть только начало? Может, это первая ласточка? Может быть, вслед за ней начнут встречаться новые и новые пирамидальные конструкции?!

Я стал перебирать в голове все те предпосылки, которые привели нас сюда — на далекий и суровый Тибет, чтобы именно здесь искать легендарный Город Богов. Мысли закрутились в аналитическом ключе. Но откуда-то из глубин сознания медленно выполз давно мучивший меня вопрос — каково же предназначение Города Богов? Этот вопрос прервал ход аналитических мыслей и стал требовать хоть какого-либо, пусть умозрительного, пусть гипотетического и даже пусть фантастического ответа. Я напрягся, стараясь подключить весь свой мозговой потенциал, но ответа не было. Ком разочарования и раздражения самим собой опять подступил к горлу. Меня даже бросило в жар.

В этот момент я еще не знал, что еще долго, очень долго я не смогу найти ответа на этот вопрос. А ответ окажется столь неожиданно необычным, что я долго буду сидеть с глупо раскрытым ртом и думать о причинах бытующей на Земле человеческой злости, из-за

существования которой и был построен этот поднебесный «город» — Город Богов.

Я тупо помотал головой, чтобы отвлечься, и спросил ребят:

— Мужики, какова, по-вашему, высота этой пирамидальной горы?

Чего? Говори громче! Ветер... — встрепенулся Рафаэль Юсупов.

— Высота какая этой пирамидальной горы, говорю?

— А... а, — Рафаэль начал приглядываться. — Довольно высокая она. До нее... м... м... километров двадцать этак будет, а она высокогато выступает над хребтом. Да и видим мы ее не до основания.

— Ну, выше она, чем пирамида Хеопса, высота которой аж 146 метров ?

— По-моему, выше.

Я подумал о том, что эта пирамидальная гора является просто карликовой в сравнении со священным Кайласом, который... который... наверное, все же является тоже пирамидальной конструкцией, созданной древними.

— Очень древняя, видимо, эта пирамидальная гора? — я показал пальцем на нее.

— Чего? — опять не расслышал Рафаэль Юсупов. — Говори громче, я тебе говорю, ветер ведь воет.

— Древняя ли она, гора эта? — прокричал я.

— Кто его знает... Для этого надо подойти к пирамидальной горе, нужны специалисты по геологии, чтобы они...

— Геологов среди нас нет, — перебил Рафаэля Юсупова Равиль. — Шеф, мы к этой пирамидальной горе пойдём?

— Да нет, наверное, — ответил я, стараясь избавиться от чувства невесть откуда нахлынувшей грусти. — Пойдем по намеченному маршруту.

— Хорошо.

— Любопытно, как же была построена эта пирамида? Если, конечно, это пирамида, а не естественная гора? — пробурчал я себе под нос.

— Ну, ты будешь говорить громче или нет? — взъерошился Рафаэль Юсупов.

— Гаязыч, шляпу надо стянуть с ушей, — посоветовал Равиль.

— Чего?! — переспросил Рафаэль Юсупов.

Сомнения не покидали меня. Я еще не знал, что вскоре мы увидим огромное многообразие пирамидальных конструкций и постепенно, очень постепенно сомнения будут развеиваться и мы, наконец, поймем, что в реалиях видим Город Богов.

— Ребята, идите в лагерь! Я еще побуду здесь. Облака, вроде бы, поднимаются. Оставьте цифровую камеру, — сказал я.

Я снова сел на любимую кочку. Было такое ощущение, что кочка подогревает снизу. Я внимательно переводил взгляд с одного горного изгиба на другой, стараясь найти еще одну пирамидальную гору. Я начал было уже отчаиваться, как вдруг мой взгляд остановился невдалеке от первой пирамидальной горы на странных полосах, показавшихся из-под поднимающегося облака. Я присмотрелся — полосы были и в самом деле странными. Но вершина горы была закрыта облаком.

Дикие собаки

Я стал ждать, надеясь, что облако поднимется и откроет эту полосатую гору. В этот момент сзади раздался хруст травы. Я невольно вздрогнул и обернулся. Омерзительного вида собака,

невесть откуда взявшаяся, стояла и, скаля зубы, смотрела на меня.

Я встал, повернулся к собаке лицом и стал молча смотреть на нее. Собака не выдержала взгляда человека и, залившись лаем, бросилась на меня. Я успел пнуть ее ногой, но собака, оправившись, стала носиться вокруг меня, оглашая окрестности лаем и рычанием.

Откуда ни возьмись, появились еще две большие собаки, которые вместе с первой стали кругами бегать вокруг меня, норовя подскочить сзади и вцепиться мне в ногу. Я еле успевал отбиваться.

Никакого оружия, кроме ножа, у меня не было. Нож я крепко держал в руке. Нагнуться, чтобы поднять камень, я не решался, боясь не успеть среагировать при нападении собак. Два фотоаппарата болтались на шее, сбивая координацию движений. Экспедиционная сумка валялась на земле. Сырой ветер с шелестом перелистывал листы полевого дневника, лежащего рядом.

Чувствовалось, что собаки хотят вымотать меня. Вскоре, отбиваясь, я и в самом деле начал уставать. Тогда я снял шапочку и бросил ее перед собой. Одна из собак инстинктивно метнулась к ней. Я, рискуя быть укушенным сзади, бросился к этой собаке и, выиграв долю секунды, изо всех сил пнул ее в челюсть. Как в замедленном кино, я заметил, что мой жесткий туристический ботинок прямо-таки входит в морду этой озлобленной твари, ломая кости. Оглушительный вопль заполнил тибетскую равнину.

Я резко обернулся. Две другие собаки, прекратив лай, остановились и, скаля зубы, стали смотреть на меня. Раненая собака продолжала истошно вопить, крутясь на месте.

Я резко нагнулся, поднял большой камень и бросил в сторону двух замолкших собак. Собаки отбежали метров на десять и снова, как призраки, стали смотреть на меня. Я сделал рывок в их сторону, пугая. Собаки еще отбежали и все так же, как призраки, продолжали смотреть на меня. Раненая собака, покачиваясь, пыталась убежать.

Я с достоинством, похожим на достоинство более сильного животного, небрежно поднял брошенную шапочку, полевой дневник, экспедиционную сумку и стал горделиво отходить в сторону, делая вид, что отношусь к этим одичавшим собакам как к каким-то никчемным хомьякам или зайцам.

Я отходил все дальше и дальше, к сожалению удаляясь от лагеря, а две оставшиеся собаки продолжали молча смотреть на меня, напоминая призраков. Когда я удалился на почтительное расстояние, сзади раздался вой. Я обернулся и увидел, как две «призракоподобные» собаки бросились в сторону и, добежав до раненого собрата, остановились перед ним.

— У-а-а! — завопила раненая собака, понимая, видимо, жестокость «волчьих законов».

Вскоре все смешалось в рычащем клубке.

Я отвернулся и пошел дальше. Зайдя за бугор, я снова нашел сухую кочку, сел на нее, сориентировался по компасу и стал взглядом искать те необычные полосы, на которых недавно акцентировал внимание. Но внутренне собраться мне никак не удавалось, за грудиной тяжело стучало сердце. Я постоянно оглядывался, боясь нового нападения собак. Только выкурив три сигареты подряд, мне удалось мысленно отдалиться от недавней «собачьей пляски».

Еще одна пирамида?!

Я снова начал внимательно осматривать склоны.

Через некоторое время я возбужденно сказал сам себе:

— Это не странные полосы. Это ступенчатая пирамида вынырнула из облаков.

Было достаточно хорошо видно, что эта «гора» имеет правильную пирамидальную форму с обрубленной вершиной. Несмотря на то, что южную сторону «горы» частично закрывал пласт снега, вполне четко прослеживались полосы, похожие на ступени.

Я быстро зарисовал эту пирамидальную гору, боясь, что ее снова закроет облаком, после чего сфотографировал на обычную и цифровую камеры. Мне показалось, что рядом с этой пирамидальной горой, чуть поодаль, находится еще одна пирамидальная конструкция, но другой формы и меньшая по размеру. В бинокль было видно, что она довольно сильно занесена снегом, но грани и цилиндрический выступ на вершине прослеживались довольно хорошо. Я зарисовал и эту конструкцию, не будучи уверенным, что она имеет отношение к пирамидам.

Забегая вперед, скажу, что после тщательной компьютерной обработки в городских условиях выяснилось, что последняя конструкция тоже, скорее всего, может быть интерпретирована как «пирамидальная гора», хотя некоторые сомнения остались.

Закончив зарисовки и фотографирование, я продолжил рассматривать вторую пирамидальную гору, которая просматривалась достаточно хорошо. Она была очень похожа на ступенчатые пирамиды, которые я не раз видел в Латинской Америке. Но в сравнении с ними эта гора была несравненно больше и по размерам, видимо, превосходила даже великую пирамиду Хеопса в Египте.

Я начал всерьез подумывать о том, что завтра, возможно, будет более целесообразно пойти не по намеченному маршруту, а отправиться исследовать увиденные пирамидальные горы, чтобы произвести необходимые замеры, взобраться на вершину и тому подобное. В этом случае мы могли бы с большей достоверностью утверждать, что нашли новые, доселе неизвестные пирамиды. Точные азимуты, которые я взял, позволяли найти эти пирамидальные горы в любую погоду.

— Что делать, а? Что делать, а? — начал причитать я, обуреваемый душевной сумятицей.

Но в глубине души я надеялся, что погода будет благоволить нам и в окрестностях священного Кайласа мы увидим еще много необычных пирамид. А легендарная Долина Смерти? А Зеркало Царя Смерти Ямы? А врата в Шамбалу? А загадочная пещера Миларепы?!

— Нет! Идем по намеченному маршруту! — твердо сказал я сам себе, заново осознав то, что главной целью экспедиции все же являются поиски Города Богов, а не обнаружение и подробное описание новых пирамид.

Неожиданно луч заходящего солнца пробился из-за туч и осветил участок ландшафта чуть восточнее первых увиденных пирамидальных гор. И в этом луче из холодного сумрака выплыла еще одна пирамидальная конструкция.

— Мерещится, что ли, мне? — подумал я ненароком. — Желаемое, что ли, выдаю за действительность?

Боясь, что эта конструкция вновь закроется тучами, я быстро, как мог, зарисовал ее. Но когда я приступил к фотографированию, туча все же поглотила этот злополучный луч солнца, тем самым, повлияв на качество фотографии.

— Черт побери, сперва надо было сфотографировать! — выругался я про себя.

Однако я точно видел, что эта необычная гора имела четкую пирамидальную вершину, расположенную на основании, похожем на четырехгранный купол.

— Смотри-ка, какое разнообразие пирамидальных конструкций! Ни одного повторения! — воскликнул я полупрошепотом. — К чему бы это?

Быстро смеркалось. По компасу я взял азимут к нашему лагерю и тут вспомнил, что путь будет пролегать через то место, где на меня нападали одичавшие собаки. Я поморщился и решил идти окружным путем, отклоняясь от намеченного азимута вначале на 30° на запад, а через полпути — на 30° на восток. Я понимал, что в этом случае найти наш лагерь будет труднее, но

уж больно мерзкое впечатление оставили собаки.

Я шагал, ориентируясь по стрелке компаса. Мысли вертелись вокруг увиденных пирамидальных гор, пытаюсь найти их предназначение.

— Для чего древние строили пирамиды? — раз за разом спрашивал я сам себя и не находил ответа на этот вопрос.

Душевный сумбур, возникший из-за отсутствия мало-мальски приемлемого ответа, усилился, когда я подумал о предназначении Города Богов, который, вполне возможно... вполне возможно, состоит из пирамид.

— Пора, кстати, заворачивать на 30° на восток, — прошептал я и изменил направление хода.

Совсем стемнело. До лагеря, по моим подсчетам, оставалось около полутора километров. «у-У-У] У-У-У, — послышался вой.

— Черт побери! — выругался я и достал нож, продолжая идти по азимуту.

— У-у-у, у-у-у, — раздался вой где-то вблизи.

Я для смелости стал напевать песенку, по-моему, песню Бориса Моисеева «Черный бархат от дождя промок, но бродяге помогает Бог...». Было противно от мысли, что если я промахнусь по азимуту и пройду мимо лагеря, то мне придется ночевать в ледяном тибетском поле при температуре около минус 10° в окружении одичавших собак. О, как грезился мне тогда простой российский костер!

Спускаясь с бугра, я споткнулся о кочку и упал, распластавшись на земле.

— Р-р-р, — раздалось рычание где-то рядом.

Холодок пробежал по спине. Собаки видели меня, а я их нет. Я снова запел песенку Бориса Моисеева, изображая беспутного и уверенного в себе смельчака.

Чуть левее от направления моего хода взлетела ракета — ребята сигналили.

Я быстро взял поправку к азимуту и вскоре дошел до лагеря. У-у-у, — раздавалось уже где-то вдали.

Ребята встретили меня. Со вздохом облегчения я забрался в палатку.

— Завтра мы снова должны увидеть пирамиды, — сказал я сам себе, закусывая после глотка разбавленного спирта.

Идем по Стране Богов

Утром, высунув голову из палатки, я увидел, как Сергей Анатольевич Селиверстов уже привычно выючил яка. Як слегка мычал, но не сопротивлялся. Довьючив яка, Сергей Анатольевич крикнул:

— Ух! Получилось!

Рассветало. Дул сильный западный ветер. Мы пошли на север, пересекая плоскую долину перед священной горой.

— Этот ветер должен сорвать облака с Кайласа и прилежащих к нему гор, — подумал я.

Мы, выстроившись гуськом, шли с легкими рюкзаками. Яки вместе с погонщиками шли рядом.

— Холодно как, а! Сколько уже идем, а я все согреться немогу, — послышался голос шагавшего за мной Рафаэля Юсупова.

Размеренно шагая, я вспомнил слова из книги Ангарики Говинды, которую читал в храме ламы Кетсун Зангпо, периодически свешиваясь из окна, чтобы унять свою далеко не

высокопарную похоть к курению. Ангарика Говинда, рассказывая о долине, по которой мы шли, писал, что паломник, приходящий сюда, предстает перед Предвечным и видит Страну Богов. Я обернулся и сказал:

— Мужики! Мы, кстати, по Стране Богов идем! Так написано у Ангарики Говинды.

— А-а-а...

Я внимательно всматривался в просветы облаков, которые, зацепившись за горный массив в районе священного Кайласа, никак не хотели срываться. Но чувствовалось, что сильный западный ветер вскоре унесет эти облака.

— Наверняка, — думал я, шагая с позорным для спортсмена — туриста маленьким рюкзачком синего цвета, — пирамиды вокруг священного Кайласа (если они, конечно, есть!) расположены на нескольких уровнях по высоте. При облачности можно увидеть только нижний уровень пирамид, при ясной погоде будут видны и пирамиды, расположенные выше.

Я стал водить глазами в районе подножия гор, а не всматриваться в просветы облаков. Вскоре мой взгляд упал на необычную гору, ясно выделяющуюся на фоне тибетских холмов. Я резко остановился. Як, шедший с нами параллельным курсом, тоже остановился, загородив собой эту гору. Я сделал несколько шагов вперед, чтобы снова увидеть гору. Як, тоже сдвинувшись вперед, остановился, опять загородив вид. Я еще раз сделал несколько шагов вперед, чтобы выглянуть из-за яка, но он снова сдвинулся вперед, загородив собой необычную гору.

— Ну что за скотина, а! — в сердцах выговорил я.

— Шеф, он не хочет, чтобы ты туда смотрел, — высказал предположение Селиверстов.

Я окликнул погонщика и проводника Тату. После оживленной беседы между ними Тату объяснил, что этот як воспринял меня за погонщика, поэтому он останавливается тогда, когда останавливаюсь я, то есть «погонщик». Так его приучили с детства.

— Так что же мне делать?! — недоуменно спросил я.

Тату, посоветовавшись с погонщиком, ответил, что надо останавливаться в тех местах, где растет трава. В этом случае як начнет щипать траву и перестанет копировать движения... м... м... «погонщика».

— Но мы же останавливаемся тогда, когда видим пирамидоподобные горы, а не тогда, когда видим, что растет трава для яка! — рассердился Селиверстов.

Тату опять посоветовался с погонщиком.

— Как только вы хотите остановиться, вы сразу должны идти назад, — сказал он.

— Не понял?! — Селиверстов поднял подбородок.

— Ну... — смутился Тату, — если вы остановитесь и сразу сделаете несколько шагов назад, то як будет стоять на месте, а назад не пойдет. Як, понимаете ли, умное животное, он будет идти только вперед и никогда не пойдет назад, чтобы сэкономить силы.

— М... да, — только и проговорил я, отходя назад.

Достав полевую тетрадь, я принялся зарисовывать необычную гору, похожую на пирамиду. Селиверстов и Равиль фотографировали. Як как вкопанный стоял на месте.

— Любопытно, — заговорил Равиль, — что эта необычная гора как бы обточена спереди, то есть с нашей стороны, в то время как боковые стороны вроде бы не подверглись обработке. Односторонняя пирамида, что ли?

— Нельзя исключить того, — возразил Рафаэль Юсупов, — что боковые стороны этой пирамидальной конструкции подверглись большому разрушению. Обратите внимание, что западная сторона больше разрушена, чем южная; здесь, на Тибете, западная роза ветров.

У меня эта необычная гора вызывала сомнения в принадлежности к пирамидам, уж больно вычурной и экстравагантной она была. Извечный вопрос о роли пирамид не давал покоя, не

позволяя применить логический метод научного анализа. Нам оставалось только скрупулезно зарисовывать детали и фотографировать, надеясь, что фотографии получатся.

В голове крутились выхваченные из литературы сведения о том, что некоторые части ДНК и белка коллагена имеют пирамидальную структуру, а вещество представляет собой особое состояние пространства и времени.

— Наверное, пирамиды влияют на пространство и время, — неуверенно подумал я. — Но как? Какова роль формы пирамиды? Какова роль ступеней пирамиды?

Як повернул голову в нашу сторону и, взглядом найдя меня, «погонщика», пристально уставился в глаза, как бы намекая, что пора идти. Мы двинулись вперед.

Во время хода наш «родной як» шел сбоку на пару шагов позади меня, позволяя мне озиаться по сторонам. Не прошли мы и двухсот метров, как чуть ли не все сразу увидели четкую пирамидальную конструкцию, принадлежность которой к пирамидам почти не вызывала сомнений. Мы все остановились. Як подошел и тоже остановился, традиционно загородив пирамидальную гору.

— Отступим, черт побери, назад! — выругался я.

Отойдя назад, я зарисовал эту пирамидальную конструкцию: получилось, что она имеет форму усеченной пирамиды с одной ярко выраженной ступенью. И, конечно же, надо сказать, что эта пирамидоподобная гора была громадна, намного больше, чем пирамида Хеопса.

— Ну и пирамидка, какая громадная! — воскликнул Селиверстов. — Может быть, к ней подойдем и обследуем как надо?

— Дальше еще не то увидим! — отозвался Равиль.

— Ясно видно, что на верхней площадке этой пирамидальной горы лежит снег в виде округлой шапки. Это свидетельствует о том, что вершина пирамиды находится на высоте более 6000 метров, — заметил Рафаэль Юсупов. — На Тибете в это время года снег появляется на высотах не менее 6000 метров.

Я предложил отойти несколько на запад, чтобы заглянуть за хребет, загораживающий восточную сторону пирамидальной горы. Как только мы двинулись в сторону, «наш» як поплелся за нами, в то время как остальные три яка шли вместе с настоящим погонщиком.

— Шеф, ты пользуешься успехом у яков, — ревниво съязвил Сергей Анатольевич.

Когда нам удалось заглянуть за хребет, то мы увидели, что от пирамидальной горы отходит какая-то дугообразная конструкция, заканчивающаяся симметричным выступом со ступеньками. Внутри этой дугообразной конструкции все еще висел полупрозрачный клочок утреннего тумана, сквозь который просматривалась эта дуга. Я понимал, что туман значительно снизит качество снимков.

— Странное сочетание! Как будто изогнутая пирамида совмещена с зеркалом времени, — проговорил я сам для себя.

— Чего? — отозвался Рафаэль Юсупов.

— Такое ощущение, что необычная пирамида совмещена с зеркалом времени, — членораздельно сказал я, обратив внимание, что шляпа Рафаэля Юсупова опять надвинута на уши.

В этот момент я еще не знал, что вскоре мы встретим такие громадные изогнутые каменные конструкции, что понятие «сжатие времени» станет для нас воочию осознаваемым, а имя гениального русского ученого Николая Козырева не будет сходить с уст. Мы будем в смятении ощущать, что все же, наверное, существует какой-то Всемогущий Разум, который через шепот интуиции вводит в сознание некоторых избранных им же людей совершенно невероятные идеи, не укладывающиеся в бытующие в науке представления и не имеющие реальных доказательств. Хотя кто из ученых, критиковавших Козырева за его идеи по сжатию времени с помощью

изогнутых зеркал, знал, что подобные зеркала были уже созданы древними в заоблачном Городе Богов.

— Як, по-моему, начал понимать, что он загораживает вид, — заметил Селиверстов, наблюдая за животным.

Мы отправились вперед по намеченному маршруту. Я ждал появления новых пирамидоподобных конструкций.

— А что это за ступени выглянули слева из-под облаков? — воскликнул Селиверстов. — Як не мешает, он справа.

— Где?

— Вон она... ступенчатая пирамида.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, — посчитал я ступени.

— Вроде как настоящая ступенчатая пирамида выглядит. Фотографируйте, я зарисую ее.

— Шеф, ее закрывает облаком, — вскричал Селиверстов. — Эх, уже закрыло, я сфотографировал облако.

— М... да, — только и сказал я, держа в руках полевой дневник. — Ну что ж, я ее, пирамиду эту, зарисую по памяти. Но я вам скажу, громадна она, больше всех тех, которые мы видели.

Снегом не закрыта, значит не так высоко расположена. А ступени какие четкие! Эх! Я, к счастью, успел по компасу взять на нее азимут, поэтому мы сможем привязать ее к местности.

— Ну, ничего, — начал успокаивать всех Равиль, — не успели так не успели сфотографировать эту пирамиду. Чувствуется, что их здесь много.

— Не пирамиду, а пирамидальную гору или пирамидоподобную конструкцию. Надо быть более деликатным в употреблении научных терминов, — поучительно заметил Рафаэль Юсупов. — То, что эта конструкция есть настоящая пирамида, надо еще доказать. Пирамиды, если судить по общеизвестным египетским пирамидам, есть древние конструкции пирамидальной формы, сложенные из каменных блоков.

— А почему Вы, Рафаэль Гаязович, считаете, что пирамида должна быть обязательно сложена из каменных блоков? — вмешался в разговор Селиверстов. — Почему пирамида не может быть создана путем обтачивания естественной горы? В Египте нет гор, поэтому приходилось возводить пирамиды путем укладки каменных блоков, а здесь, на Тибете, гор полным-полно — какой же смысл обтачивать каменные блоки и их складывать, проще обточить гору. Главное в пирамиде — это ее форма, а не ее содержимое. Именно форма ломает пространство.

— Не ломает, а изгибает! — опять внес коррективу Рафаэль Юсупов.

— Кстати говоря, древнюю машину для обтачивания гор мы видели в Катманду, — бросил Равиль. — Кто знает, может быть, она летала здесь и обтачивала горы, превращая их в пирамиды.

— Хочу добавить, — Рафаэль Юсупов насупился, — меня смущает многообразие форм пирамидоподобных конструкций. Повторяемость тех или иных фактов в науке есть признак достоверности.

— Не согласен, не согласен, — отрезал Селиверстов. — В Катманду, когда мы изучали комплекс ступы Сваямбанат, который можно считать символом... м... м... пирамидального комплекса священного Кайласа, мы все обращали внимание на многообразие малых ступ — ни одного повторения среди 108 ступ. А малые ступы Сваямбаната можно интерпретировать как символы пирамид, входящих в состав... Города Богов, то есть пирамидального комплекса Кайласа.

— Разные пирамиды изгибают пространство по-разному, — проговорил Равиль. — Только для чего это надо?

— Смотрите! — вскричал я, показывая на высокий заснеженный горный хребет, — вон еще одна пирамида! В просвете облаков появилась.

— Не пирамида, а пирамидальная гора, — передразнил Селиверстов.

— Фотографируйте, а! — закричал я, схватившись за фотоаппарат. — А то закроется облаками. Эх... исчезла, не успели! Не успели, черт побери, сфотографировать, не то что зарисовать! Да и форму не успел толком рассмотреть, чтобы рисовать по памяти.

— Мне кажется, это была малая пирамида, фотографию которой тебе показывал монах Арун, — высказал предположение Селиверстов. — Эта фотография долго лежала у тебя на столе, я ее хорошо запомнил.

— Может быть, может быть... — сказал я, вспоминая рассказ монаха Аруна, который паломником посещал район священного Кайласа и видел здесь, на хребте, как бы вырубленное пирамидо-подобное образование. — Да и похоже ведь было... на фотографию, сделанную монахом. Правда, ракурс несколько иной, да и дальше мы располагаемся.

Шагая дальше параллельно с яком, я снова подумал, что мы идем по так называемой Стране Богов, которую описывал Ангарика Говинда. Мне вспомнились его слова о том, что паломник здесь находится в окружении невидимых попутчиков — духовных братьев, тоже идущих поклоняться горе, в которой телесному взору открывается сверхструктура чего-то более великого и недоступного. Вновь замелькали мысли о параллельных мирах и, в частности, о том, что священный Кайлас и весь его комплекс были построены одновременно в нескольких параллельных мирах.

Когда мы остановились, чтобы перекусить, я посмотрел на сфотографировавшихся Равиля и проводника Тату. Мне представилось, что рядом с ними стоят два невидимых попутчика из параллельного мира.

Приблизившись к горам, мы начали плавно подниматься на невысокий холм. Сильный западный ветер сорвал-таки тяжелые облака с комплекса Кайласа, и даже кое-где появилось голубое небо. Сам Кайлас был закрыт холмом. Когда мы, поднявшись на склон холма, заглянули за него, то прямо-таки обомлели. — О! — только и смог сказать Селиверстов.

Сбоку от нас, выстроившись в ряд, высились три громадные пирамиды. Отличие их от прилежащих тибетских гор было столь разительным, что назвать их пирамидоподобными конструкциями не поворачивался язык.

— Древние, чувствуется, пирамиды, — проговорил Рафаэль Юсупов. — Ветровая эрозия кое-где уже разрушила ступени, но тем не менее, они прослеживаются хорошо. Все три пирамиды отличаются друг от друга, хотя и имеют общий стиль конструирования и построения.

Мы сфотографировали эти пирамиды.

— Мужики, может быть, я поднимусь на бугор и загляну вниз, чтобы рассмотреть основания пирамид, — в запале предложил я и тут же осекся. — Хотя... хотя какой это имеет смысл? Для нас важно зафиксировать факт наличия пирамид на Тибете. А если я пойду, то потеряю около двух часов; а вдруг погода испортится и мы не увидим... дай-то Бог, новые пирамиды.

— Мы будем первооткрывателями тибетских пирамид! — Равиль восторженно поднял палец.

— Наша цель другая — найти Город Богов, — высокопарно произнес Сергей Анатольевич Селиверстов, — хотя... он только начинается... этот Город, состоящий из пирамид. Какова, интересно, его роль, а? Ведь с какой-то целью...

— Мужики, — перебил я Селиверстова, чувствуя, что ком негодования от неразрешимости этого вопроса подступил к горлу, — я побегаю по склону холма, чтобы с нескольких ракурсов зарисовать эти пирамиды. Да и третья пирамида только чуть-чуть выглядывает из-за склона

холма, надо уйти налево и вверх, чтобы ее рассмотреть.

— Давай.

Побегать по склону холма, честно говоря, не удалось. Мы с Равилем еле переводили дыхание при быстрой ходьбе; около 5000 метров высоты все же! Чтобы рисовать, я часто ложился на землю — так было удобнее.

Рисунок получился довольно хорошим. Я подумал о том, что и в дальнейшем надо применять способ зарисовки пирамидальных конструкций при обзоре с разных ракурсов, ведь рисунок тем и отличается от фотографии, что на нем можно отобразить объемность конструкции.

Пока я рисовал, Равиль пристально смотрел на северо-восток.

— Шеф, что это вон там? — спросил он.

— Подожди, дорисую.

Дорисовав, я всмотрелся туда, куда показывал Равиль. Из-за холма еле выглядывала какая-то кривая пипка, расположенная на плоской, как стол, вершине.

— Посмотри при максимальном увеличении видеокамеры. Увеличение у видеокамеры больше, чем у бинокля.

Попытавшись сделать это, Равиль с досадой произнес:

— Не получается, елки-палки! Руки дрожат. Штатив нужен.

— А все-таки, что там?

— Вроде как на человека похоже.

— Чего?! — изумился я.

Человек как будто сидит, — глаза Равиля расширились.

— Быстрее вниз, к ребятам! Возьмем штатив и возвратимся сюда. Мы поднимемся еще выше на холм, чтобы лучше разглядеть. Это может быть статуей...

— Кого?

— Читающего Человека.

Глаза Равиля расширились еще сильнее.

Глава 2. Читающий Человек

Когда мы возвратились к ожидавшим нас Рафаэлю Юсупову и Сергею Анатольевичу Селиверстову, я возбужденно сказал:

— Вроде бы мы видели статую Читающего Человека. Надо сделать видеосъемку при максимальном увеличении, а для этого нужен штатив.

— А под статуей Читающего Человека находятся главные золотые пластины лемурийцев, на которых записаны «истинные знания», способные в корне перевернуть жизнь человечества, — риторически проговорил Селиверстов.

— А где остальные яки? Только наш «родной» як здесь, — я стал озираться по сторонам.

— Они с погонщиком пошли вперед по тропе, будут ждать нас в долине реки, — ответил Рафаэль Юсупов.

— Вообще-то, — рассердился я, — в походе нельзя рассыпаться.

Ну да ладно. Пойдемте все туда, где мы только что были с Равилем.

Когда мы лезли вверх по склону, в голове всплыли слова, сказанные «старшим человеком» пещеры Харати и Астаманом о том, что статуя Читающего Человека притягивает к себе облака и редко кому ее удается увидеть. Я вспомнил, что «старшему человеку», посещавшему район священного Кайласа в качестве паломника, не выпала удача увидеть статую Читающего Человека.

— Шеф, ты слишком высокий темп взял. Даже як не поспевает, — послышался голос Селиверстова.

— Боюсь, что облаком закроет статую Читающего Человека, — ответил я.

Неужели это тот самый Читающий Человек?

Дойдя до нужного места, мы установили штатив и сделали съемку при максимальном увеличении, после чего я начал рисовать, всматриваясь в окуляр видеокамеры. Было вполне четко видно, что это и в самом деле громадная статуя человека, сидящего в позе Будды. К сожалению, условия видимости в высокогорье, когда все тени черные и плохо видны полутени, не позволяли рассмотреть детали статуи. Но я надеялся на последующую компьютерную обработку снимков. Тем не менее, было видно, что голова статуи склонена вперед, будто бы этот громадный человек читает книгу, лежащую на коленях. Статуя располагалась на многоступенчатом постаменте, а вернее была установлена на вершине ступенчатой пирамиды, высота которой была не менее 6000 метров. Статуя была повернута лицом на восток. Примерное расстояние до статуи Читающего Человека равнялось 25—30 км. Размер статуи мы оценили как минимум с 10-12-этажный дом.

Селиверстов, заглянув в окуляр видеокамеры, тихо проговорил:

— Лицом на восток сидит этот человек. Так же, как и египетский сфинкс смотрит на восток. Я бы его, этого человека, назвал тибетским сфинксом.

— Ну, Сергей Анатольевич, Вы ошибаетесь! Сфинкс, он другой: голова у него человеческая, тело льва, а здесь мы видим статую натурального сидящего человека, который читает... книгу, — возразил Равиль.

— А кто такой сфинкс? — неожиданно взъерошился Селиверстов. — Я хочу спросить тебя, Равиль, — кто такой сфинкс?

Не знаешь, наверное?

— М... м... не знаю.

— Отвечаю, — Селиверстов гордо поднял голову, — сфинкс это Загадка Веков. Понятно?

— Не совсем, — Равиль сконфузился.

— Все Загадки Веков смотрят на восток. Египетский сфинкс смотрит куда? На восток.

Читающий человек сидит лицом куда?

Тоже на восток. Отсюда, какой вывод можно сделать? — Селиверстов лукаво взглянул на Равиля.

— Какой?

— Все загадочные древние монументы, которые смотрят на восток, называются сфинксами.

— С чего это? — недоверчиво пробурчал Рафаэль Юсупов.

— А с того, — Селиверстов возбужденно снял шапочку-касбетку, — что на востоке что-то есть. Египетский сфинкс смотрит не просто на восток, он смотрит на Город Богов, где находится статуя Читающего Человека, символизирующая кладезь древних знаний, записанных на золотых пластинах лемурийцев. А Читающий Человек тоже обращен лицом на восток, то есть в ту сторону, где находится Тихий Океан, где когда-то располагалась древняя Лемурия-земля самой развитой цивилизации в истории нашей планеты, знания которой не исчезли, а, будучи записанными на золотые пластины, хранятся для более умных и добрых, чем мы, потомков. Читающий Человек, обращенный лицом на восток, как бы указывает, откуда пришли эти знания. Таким образом, египетский сфинкс смотрит на Читающего Человека, а Читающий Человек «смотрит» на затонувшую Лемурию.

— А при чем тут то, что ты назвал Читающего Человека тибетским сфинксом? — насупился Рафаэль Юсупов.

— Сфинкс... — Селиверстов замешкался, — сфинкс есть символ Мудрости, а разве Читающий Человек не олицетворяет Мудрость?

Олицетворяет. Поэтому я его и назвал... «тибетским сфинксом».

— А-а-а... — хором ответили Рафаэль и Равиль.

— У меня, — вклинился я в беседу, — из головы не выходит разговор с хранителями загадочной пещеры Харати в Непале. Астаман и «старший человек» утверждали, что в пещере Харати хранятся золотые пластины лемурийцев. Но они говорили также, что главные золотые пластины, на которых записаны Главные Знания Древности, находятся на Тибете в районе Кайласа и это место обозначено статуей Читающего Человека.

— Так что, господа, — Селиверстов торжественно поднял руку и показал в сторону Читающего Человека, — извольте лицезреть место главной кладези древних знаний на Земле.

— «Старший человек» также говорил мне, — продолжал я, — что там, около статуи Читающего Человека находится второй Вход в подземелья Кайласа и что в последние 2000 лет никто не входил туда. Интересно, где он может...

— Облако к статуе приближается, — перебил меня Равиль, смотревший в окуляр видеокамеры.

— Интересно, притянет ли его к себе статуя, как утверждал «старший человек», — проговорил Рафаэль Юсупов.

— Равиль! Дай я буду смотреть в окуляр. Включи, пожалуйста, видеокамеру, — попросил я.

В окуляр было видно, что облако приблизилось к статуе Читающего Человека и начало постепенно закрывать ее.

— И в самом деле притягивает, что ли? — промолвил я.

Облако прикрыло солнце, и в этот момент я увидел, что характерные для высокогорья черные тени на статуе начали блекнуть, появились полутени и вместе с ними проявились некоторые детали статуи Читающего Человека. Этот момент длился всего несколько секунд, но мне удалось воочию убедиться, что Читающий Человек, сидящий в позе Будды, держит на коленях не книгу. Нет! На коленях его лежала не книга! На коленях его лежала большая пластина! А Читающий Человек сидел, положив на эту пластину руки!

— Руками читает пластину!!! — вскричал я, с отчаянием наблюдая, как облако закрывает статую.

Забегая вперед, скажу, что последующая компьютерная обработка полученных видеозахватов подтвердила тот факт, что Читающий Человек держит на коленях пластину, положив на нее ладони рук.

Облако зацепилось за статую Читающего Человека и никак не хотело сходить с нее.

— Как повезло, что мы смогли увидеть эту легендарную статую, — выдохнул я. — Бог, наверное, помог! Равиль, храни, ради Бога, эту видеокассету как зеницу ока.

— Конечно, конечно, шеф.

— Любопытно то, — продолжал я, — что... как я увидел... как мне показалось, что Читающий Человек «читает» золотую пластину, положив на нее ладони рук. Механизм такого «чтения» вряд ли может быть понятен для нас, но он, видимо, существовал, и... возможно, будет существовать. Кстати, «старший человек», рассказывая о золотых пластинах пещеры Харати, говорил, что их тоже читают руками: через руки информация как бы сама входит в мозг.

— Нельзя исключить того, что древние люди имели очень высокие экстрасенсорные способности, в связи с чем и характер письма мог быть совершенно иным, — добавил Рафаэль Юсупов. — Например, вполне возможно, что запись на золотые пластины производилась с помощью биополей, исходящих от рук человека и фиксировалась внутри металла на атомарном уровне. Считывание этой информации осуществлялось, видимо, тоже через биополя человека. Поэтому надеяться на то, что на золотых пластинах лемурийцев можно увидеть привычные буквы или иероглифы, вряд ли приходится.

— Спутник Николая Рериха по экспедициям Осендовский в своих книгах описал рассказ тибетского ламы о том, что в одной из потаенных пещер посвященные люди читали золотые пластины, прикладывая их к голове, — заметил я.

— Да, можно представить и такой способ «чтения» золотых пластин, поскольку биополя исходят как от рук, так и от головы, — пояснил Рафаэль Юсупов. — Но мне думается, «чтение» руками является основным способом получения информации с золотых пластин. Не зря же Читающий Человек держит руки на пластине, а не удерживает пластину на голове. А здесь... а здесь находятся главные золотые пластины мира.

— Эх! Посмотреть бы на них! — послышался вздох Селиверстова.

Никто не подойдет к читающему Человеку

— Ха! — отозвался Юсупов. Они что, рядом со статуей Читающего Человека стопкой сложены?

Главные золотые пластины находятся, наверняка, в глубоком подземелье внутри или под

пирамидой, на вершине которой установлена статуя.

— В этой связи мне опять пришли на ум слова «старшего человека» о том, что существует 3 входа в подземелья Кайласа. Второй из них расположен рядом со статуей Читающего Человека. Я помню, он говорил, что вот уже 2000 лет никто не входил в подземелья Кайласа через второй вход. Любого человека, кто попытается подойти ко второму входу, ожидает смерть. Зеркало Царя Смерти Ямы убивает непослушных. Странно это...

— Почему?

— Да дело в том, — продолжал я, — что Зеркало Царя Смерти Ямы, способное, видимо, убить человека за счет сжатого времени, находится, по моим прикидкам, довольно далеко от статуи Читающего Человека. По крайней мере, путь к статуе Читающего Человека (например, отсюда) не пролегает через Долину Смерти, связанную с Зеркалом Царя Смерти Ямы. Почему же «старший человек» говорил о том, что непослушных убивает Зеркало Ямы?

— Шеф, покажи, где по твоим расчетам должны располагаться Долина Смерти и Зеркало Ямы, — попросил Равиль.

— Вот здесь оно должно быть, зеркало это, — я ткнул пальцем в карту, — а статуя Читающего Человека вон где. Между ними где-то 15 километров.

— М... да, — протянул Равиль.

— Мне вот что кажется, — стал рассуждать я. — Люди, стремящиеся войти в подземелья Кайласа через второй вход, должны пройти Суд Совести перед Зеркалом Царя Смерти Ямы, то есть войти в Долину Смерти. Суд Совести, наверное, по неписаным законам Тибета является обязательным условием, смертью отсеивающим недостойных. Но если даже человек выдержит Суд Совести Ямы и после этого подойдет к статуе Читающего Человека, то там его ждет второе испытание.

— Какое? Уж не такое ли, как в пещере Харати?! — живо отозвался Равиль.

— Если ту пещеру, Равиль, охраняет Харати — предположительно лемуриец в состоянии Сомати, дух которого способен считывать мысли приближающихся к пещере людей и воздвигать для них непреодолимый психоэнергетический барьер, то можно представить, какое испытание ждет человека там, где находятся главные золотые пластины лемурийцев! Оно, это испытание психоэнергетическим барьером, несравненно мощнее, и пропускает через второй вход под статуей Читающего Человека только кристально чистых, почти богоподобных людей. А таких среди нас, современных людей, к сожалению, нет. Поэтому в последние 2000 лет никто и не входил через второй вход, — красноречиво произнес я.

Кто знает, все возможно, — невольно поежился Рафаэль Юсупов.

Кто знает, — оживленно продолжал я, — вполне возможно, что под статуей Читающего Человека в прекрасном подземелье вместе с главными золотыми пластинами покоятся в состоянии Сомати 10-12-метровые тела многих и многих лемурийцев, невообразимо мощный дух которых не бездействует, а активно живет, анализирует мысли посещающих район священной горы людей и строго, очень строго оценивает их духовность. Ведь им, кажушимся мертвыми, лемурийцам, доверено охранять главные знания, когда-либо рожденные на нашей планете. Царство Мертвых охраняет Главные Знания Планеты.

Кладезь знаний

— А вот атланты, вернее кто-то один из атлантов, когда-то получил доступ к главным золотым пластинам лемурийцев, после чего... после чего начался расцвет атлантической

цивилизации, — заметил Селиверстов.

— И среди нас, арийцев, наверное, когда-нибудь, в далеком будущем, когда заглохнут ужасающей силы зависть и жадность, конечно же, появится человек, который получит доступ к главным золотым пластинам лемурийцев — кладези земных знаний, — тихо проговорил я. — Но когда это будет? Эх!

Наступило молчание. Мы все смотрели в сторону статуи Читающего Человека, за которую безнадежно зацепилось облако. Но постамент-пирамида был виден довольно хорошо.

— Смотрите-ка, «наш» як тоже в сторону Читающего Человека смотрит, — прервал молчание Равиль.

Уходя вниз, я обернулся, чтобы еще раз посмотреть в сторону легендарной статуи Читающего Человека. Из-за яка послышался голос Селиверстова:

— Главный кладезь знаний там, господа!

— А в основе этих главных знаний лежат заклинания, — бросил я, не оборачиваясь.

Я понимал, что пытаться достичь второго входа и войти в него мы не будем, — не наступило еще время.

А приключения? Их будет еще много впереди.

Глава 3. Колокол

Вместе с нашим яком мы спускались к тропе, ведущей в низину. — Давай, давай, милый! — приговаривал шедший рядом с яком Сергей Анатольевич.

Когда мы вышли в низину, мне вдруг показалось, что справа мелькнуло что-то очень знакомое.

— Почудилось, что ли? — подумал я, будучи не в состоянии осознать то, что я видел и остановился, чтобы взглядеться туда.

Як тоже остановился, как вкопанный. Я, как повелось, отступил на несколько шагов назад, и стал смотреть в промежуток между яком и Селиверстовым.

— Подвинься, Сергей Анатольевич! Не стеклянный! — прорычал я.

Я смотрел и смотрел туда. Но там, в этом месте, были просто облака.

Усилим воли я мобилизовал свое подсознание, понимая, что оно среагировало быстрее, чем сознание. Я, по-моему, даже надулся, как индюк. Постепенно где-то внутри появились какие-то образы, потом они стали конкретизироваться и, наконец, в моем воображении возник средневековый замок, причем натуральный замок, — с крепостными стенами и колоколами. Чем-то православным веяло от этого замка.

— Мужики! Вы не видели вон там средневекового замка? — спросил я, показав рукой.

— Шеф, ты что?!

Я стоял и продолжал вглядываться в промежуток между тибетскими холмами. Через несколько минут я услышал голос Селиверстова:

— Шеф! Пойдем, может, а...? Як, вон, дергается, травы здесь нет. Песок и камни.

— Сейчас, сейчас...

Я тянул время, словно ожидая непонятно чего.

— Смотри-ка, моя вера в силу подсознания не угасла. Оно, подсознание, здесь, мне кажется, наоборот, обострилось, — отметил я про себя.

Каменный колокол

В этот момент облака в промежутке между холмами слегка раздвинулись и, как из сказки, выплыл невообразимых размеров натуральный колокол. Было такое ощущение, что этот «колокол» был выточен с помощью токарного станка: цилиндрический, с округлой вершиной. Макушка его имела две ступени, после чего шло конусовидное расширение с плавным переходом в цилиндр.

— Каменный колокол! — закричал я. — Вон он!!!

Все кинулись фотографировать. Равиль взялся за видеокамеру и, взглянув в окуляр, тоже закричал:

— Их два, колокола-то!

Мы все пригляделись и уже невооруженным глазом увидели чуть поодаль от первого «колокола» вершину такого же второго «колокола».

Рисую, я вглядывался в каждую деталь. Постепенно глаз стал различать слева от «колоколов» какую-то конструкцию, примыкающую к ним.

— Не могу понять, две странные пирамиды, переходящие в дугообразную конструкцию, что ли...? — прошептал я, шевеля замерзшими губами. — Эх, зрение бы иметь как у орла, черт

побери! Дымка мешает.

Несмотря на то, что хорошо разглядеть эту конструкцию, примыкающую к четко видимым «колоколам», мне не удалось, я все же зарисовал ее. У меня получилось, что огромная каменная дуга по концам примыкает к двум ступенчатым пирамидам.

— Какая сложная конструкция! — воскликнул я, рассматривая свой рисунок. — Каково же, интересно, ее предназначение?

— Вне всякого сомнения — искривлять пространство, — отозвался Рафаэль Юсупов.

— Кстати, — заметил я, — эта конструкция, наверное, влияет на время — дугообразная часть ее очень напоминает зеркало времени Козырева.

— А я хочу знать вот что, — Селиверстов вскинул голову, — с какой целью нужно было здесь искривлять пространство и изменять ход времени? Зачем это было нужно древним?

Все оставили вопрос Селиверстова без ответа.

Звучание колоколов

В этот момент я думал о том, что древние ученые, по-видимому, имели знания о пространстве как о физической реальности. Они к тому же, видимо, умели объективно изучать пространство, фиксируя все его изгибы и зная, к чему приводит тот или иной характер его искривления. Они, древние ученые, имели, наверное, и аппаратуру для изучения времени и могли влиять на его ход, строя гигантские каменные сооружения, искривляющие пространство.

В этот момент я уже вполне сносно осознавал, что вещество есть изогнутое пространство, в котором остановлено время, а энергия есть тоже изогнутое пространство, но в котором время течет. Я понимал, что здесь, в Городе Богов, древние ученые при помощи удивительных каменных конструкций создавали какие-то вещества и какие-то виды энергии. Но какие? С какой целью?

Не давала покоя мысль, что здесь было сотворено что-то грандиозное и величественное. Но что? Или... кто?

Я сел на тибетский песок и почувствовал себя маленьким-маленьким.

— Ну что означают, например, эти «колокола»? — задался я вопросом. — Не для красоты же их строили?!

Можно предположить, что «колокол» изгибает пространство в форме... колокола, но... для чего это нужно — для создания «колоколоподобного вещества» или «колоколоподобной энергии», что ли? А почему «колокол» такой громадный? Ведь размер атомов...

В конце концов я окончательно запутался в своих размышлениях. Загадкой, невообразимой по значимости загадкой древности было окутано это священное место, где мы волей судьбы имели счастье находиться. Я нутром чувствовал, что мне — простому «трехмерному» россиянину с неказистой татарской фамилией Мулдашев — не понять замысла древних, не осознать глубины их знаний и не охватить умом применявшиеся ими технологические принципы. Мне было позволено лишь взглянуть на легендарный Город Богов и... строить гипотезы по поводу его предназначения.

Тогда, сидя на тибетском песке, я не знал, что вскоре, через какой-то промежуток времени, мы — российские ученые — вдруг чуть-чуть пойдем замысел древних, и даже от этого понимания нам станет страшно.

— Шеф, послушай-ка, — послышался голос Равиля Мирхайдарова.

Я обернулся и взглянул на Равиля, смотревшего на «колокола». — Мне кажется, что

бытующие во всех религиях колокола изошли отсюда, из Города Богов, а именно были созданы как копии вот этих тибетских «колоколов», — Равиль показал рукой. — Колокол, на мой взгляд, есть не просто звуковоспроизводящий инструмент, каковых в мире множество, а есть, прежде всего, фигура, соответствующим образом изгибающая пространство и за счет этого концентрирующая вокруг себя те тонкие энергии, которые вызывают у людей богопристойные и богоутверждающие эмоции. Со звуком, который издает колокол, эти тонкие энергии распространяются и как бы зовут людей к главному — к Богу.

— Ты, наверное, прав, — сказал я, вставая с песка.

— А если войти в пределы вон той дугообразной конструкции, которая, скорее всего, является зеркалом времени, то человек, на верное, мгновенно проживет свою жизнь и испепелится, — заметил Селиверстов.

— Город Богов создан только для посвященных, — вздохнул Равиль.

— Пошли, — скомандовал я.

Глава 4. Каков он — Кайлас?

Через некоторое время, когда мы спустились с холма, перед нами открылся священный Кайлас.

— Вот он! — сказал Рафаэль Юсупов.

— С погодой везет! Голубое небо появилось, — отметил Селиверстов. — Переменная облачность, в общем.

— Сережа! Сережа! — окликнул Селиверстова Рафаэль Юсупов. — Сфотографируй меня на фоне священной горы!

— Давай. Только отойди немного назад, а то як загораживает.

— Ладно.

Я смотрел на вершину священного Кайласа, возвышающегося над склоном. Покрытый снегом, он сверкал на фоне голубого неба. Чем-то магическим веяло от священной горы.

— Центр тантрических сил на Земле, — отметил я про себя.

А потом, сменив характер своего мышления на деловой стиль, я собрал ребят и начал командовать.

— До наступления темноты осталось около трех с половиной часов. Отсюда виден не весь Кайлас, а лишь его вершина.

Я предлагаю разделиться. Сергей Анатольевич с Рафаэлем пойдут к якам, погонщикам и проводнику, чтобы разбить лагерь.

Вон они! — я показал рукой. — А мы с Равилем отойдем в долину, чтобы открылся широкий обзор на Кайлас и далее пойдём на восток, дабы взглянуть на юго-восточную сторону священной горы. Давайте сделаем так — пока погода хорошая! Возвратимся мы, скорее всего, в темноте. Азимут на место нашего лагеря я уже взял. Не забудьте в темноте светить фонариком или из ракетницы. Хорошо? — Ладно.

— Равиль, пошли!

Времени мало. Шоколадку, кстати, дайте, а!

Селиверстов стал рыться в карманах.

— На, возьми!

— Спасибо.

Не сделали мы с Равилем и нескольких шагов, как увидели, что «наш» як развернулся и побрел за нами.

— Елки-палки! — только и смог сказать я. Послушайте! Ты, Сергей Анатольевич, иди впереди так же важно, как и он, — Рафаэль Юсупов показал на меня. — А вы с Равилем пристройтесь к нам сзади, а метров через двести тихонько слиняйте. Як, если даже заметит, что вы слиняли, пойдет рядом с тем, кто идет впереди, то есть примет Селиверстова за Мулдашева-погонщика.

Самая величественная пирамида мира

Эксперимент и в самом деле удался, и мы с Равилем, так сказать, «слинявши», бойко шагали на восток. Пройдя километров шесть, мы остановились в том месте, откуда священный Кайлас смотрелся наиболее величественно. В сравнении с ним тибетские холмы выглядели неказисто и куцо. Кайлас напоминал грандиозную необычную ступенчатую пирамиду. Даже

малейших сомнений не оставалось в том, что эта колоссальная по размерам пирамидальная конструкция высотой 6666 метров есть творение рук человеческих или... Прилегающие к нему горные хребты с банальными вершинками и ущельями как бы подчеркивали искусственное происхождение священного Кайласа.

— Шеф, это не натуральная гора, это пирамида, — тихо сказал Равиль, продолжая смотреть на Кайлас. — Да и люди вряд ли стали бы поклоняться обычной, пусть даже самой красивой горе, овеванной былинами и мифам. Нет! Люди поклоняются самой великой пирамиде мира.

— Хорошо сказал. Молодец! Только...

— Что?

— Только почему-то люди не поклоняются пирамидам Египта и Мексики... А паломникам со всего мира даже увидеть, всего-навсего увидеть священную пирамиду Кайласа здесь, на Тибете, считается не только верхом счастья, но и началом новой духовной жизни. Почему так, а?

— Мне, мне, — стал заикаться я, — мне кажется, что с этой пирамидой связано понятие жизни, жизни... человека.

Мысли вновь закружились в моей голове. Я старался найти какое-либо объяснение связи священного Кайласа и жизни человека на Земле, но... постепенно мои мысли превратились в банальный и нервирующий меня сумбур. Я помотал головой, чтобы избавиться от этого сумбура и вновь стал смотреть на Кайлас.

— Смотри-ка, Равиль, по-моему, ступени на пирамиде Кайласа видны лучше отсюда, с юго-восточной стороны, чем с юго-западной.

— Да вообще-то.

— С чем бы это могло быть связано?

Снежная шапка, покрывающая Кайлас, везде должна быть одинаковой. Отсветы, что ли, влияют?

Сплошная загадка

— Эта гора, — Равиль пожал плечами, — сплошная загадка! Тантрические силы, центром которых является эта загадочная гора, может быть, каким-то непонятным для нас образом искажают зрительное восприятие. Может быть... Кто знает... Кто знает?

Я понимал, что здесь, в этом священном месте, мы не просто встречаем загадку за загадкой, а находимся среди сплошной загадки. Будучи ученым, я привык «разгадывать» научные загадки, и они стали как бы составной частью моего бытия. Но здесь все было иначе. Вернее, здешняя тибетская загадка имела другой характер — она была невероятно величественна и грандиозна и, как бы исподволь, подсказывала, что исходит от самого Бога.

Рассматривая священный Кайлас, я вспомнил слова из книги Ангарики Говинды о том, что ось, соединяющая многочисленные миры, проходит через эту гору (или... пирамиду?). Я вспомнил также слова Бонпо-ламы, что комплекс Кайласа был построен с помощью силы пяти элементов. Я тут же представил, что эта ось, соединяющая параллельные миры, и есть легендарная энергия пяти элементов или единая энергия параллельных миров, называемая в религиях жизненной силой. А эта энергия управляется всего лишь чувствами, такими же чувствами, которые нас обуревают ежеминутно и ежесекундно, но которые, в отличие от наших чувств, кристально чисты и озарены истиной Любовью к Богу.

Я вполне реально осознавал, что пятый элемент нашего трехмерного мира — Человек (то есть мы с Вами) — недееспособен из-за низкого потенциала чистых чувств, чтобы соучаствовать

в созидании энергии пяти элементов. Но я все же понимал, что, наверное, параллельные миры помогают друг другу, и какой-нибудь четырехмерный человек, пришедший когда-то давным-давно в наш трехмерный мир из Шамбалы или из параллельного мира, восполнил, наверное, собой недостающий пятый элемент — Человека, после чего чудодейственная сила пяти элементов заработала здесь, в районе «Вечного Материка», обтачивая горы и превращая их в удивительные по сложности пирамиды и зеркала времени. Что-то очень и очень важное созидалось здесь! Но что? Этого я не знал.

— Шеф, пора идти, — услышал я голос Равиля.

— Идем, идем, — я помотал головой, как бы освобождаясь от нахлынувших мыслей.

Точный Кайлас

Пройдя обратно на запад, мы остановились почти напротив священной горы. Кайлас с этой позиции смотрелся величественно, как что-то неестественное, возвышаясь над тибетскими горами. Так же хорошо была видна его ступенчатая конструкция и для чего-то сделанная центральная борозда.

— Для чего нужна эта борозда? — безнадежно думал я, конечно же не находя ответа.

Далее мы стали отходить на юг, поднимаясь по склону и удаляясь от священной горы, понимая, что при этом откроется ее основание, вблизи прикрытое горами. Удалившись на километр от места нашей предыдущей позиции, мы заметили, что после ступеней внизу появился обрыв, тоже имеющий характерную для юго-восточной части Кайласа полукруглую форму.

Удалившись еще на километр на юг, мы увидели, что обрыв стал еще глубже и стало видно его дно. Равиль поставил видеокамеру на штатив, и мы при большом увеличении объектива начали рассматривать этот обрыв и дно ущелья.

— Ровный какой обрыв, а! Как будто бы эта часть горы срезана ножом, — прокомментировал Равиль.

— Да уж, — согласился я, взглянув в окуляр. — Только центральная борозда разрезает обрыв. Кстати...

— Что?

— Проводник англичанина Тима по имени Гелу...

— Это тот, у кого было много вшей, переползавших на красную ленту с волос? — перебил меня Равиль.

— Да, он. Так вот, этот самый Гелу говорил, что ступени Кайласа сбрасывают человека в пропасть, а пропасть такая глубокая, что лететь очень далеко. Эту, наверное, пропасть он имел в виду, — сказал я, впившись глазом в окуляр.

— Лететь там... — Равиль примерился взглядом, — метров семьсот, а то и километр.

— А я вот смотрю на вершину Кайласа, — продолжал я, не отрываясь от окуляра, — и не могу понять, есть на ней площадка или нет. Проводник Гелу говорил, что на вершине священной горы есть ровная площадка, но на ней люди сидеть не могут, там могут сидеть только Боги. Даже богоподобные йоги Миларепа и Бонпо были сброшены оттуда горой.

— Верить вшивому малограмотному человеку... — засомневался Равиль.

— Не в насекомых дело, — парировал я. — Этот человек говорит то, что с малолетства слышал в тибетских легендах. А легенды несут в себе знания древности, они редко врут, Равиль!

— А...

— Давай будем обращать внимание на вершину Кайласа при осмотре с разных позиций — с юга, запада, севера и востока. Я не исключаю того, что нам удастся произвести математическую реконструкцию вершины горы и выяснить — есть там площадка или нет.

— А для чего это нужно? — озадачился Равиль.

— Не знаю, — угрюмо ответил я.

В этот момент я не знал, что нам и в самом деле удастся произвести эту математическую реконструкцию и выявить на вершине Кайласа ровную квадратную площадку, размышления над которой приблизят нас к пониманию тайны корабля древних.

А тогда я продолжал смотреть в окуляр видеокамеры.

— Странные песок и щебень видны под обрывом юго-восточной части Кайласа.

— Шеф, дай посмотрю в окуляр.

— На.

И в самом деле, песок и щебень видны под обрывом, как будто опилки после резки дерева, — удивился Равиль.

Во! — воскликнул я. — В этом-то и дело! Это каменная пыль, оставшаяся после обтачивания горы, чтобы придать ей пирамидальную форму.

— Интересно, Кайлас вытачивали с помощью того странного аппарата, который мы видели в храме Сваямбанат? — встрепенулся Равиль.

— Возможно, возможно, — лишь проговорил я.

Я еще не знал, что здесь, в Городе Богов, мы вскоре увидим еще один аппарат древних, несравненно более мощный, с помощью которого, видимо, и обтачивались горы.

Разделительная борозда

А сейчас, согнувшись в три погибели над окуляром, я смотрел на эту каменную пыль. Потом мое внимание переключилось опять на центральную вертикальную борозду Кайласа.

— Для чего, интересно, она была сделана? — думал я раз за разом, не сводя глаз с этой борозды.

Потом я развернулся, взял карту и сориентировал проекцию вертикальной борозды Кайласа на юг. У меня получилось, что проекция этой борозды проходит точно по узкому перешейку между озерами Манасаровар и Ракшас, то есть, как бы разделяет эти два озера. Сразу вспомнился рассказ монаха Тленнур-пу из монастыря Чу-Гомпа о том, что когда-то Кайласом управлял Бог Демонов, создавший озеро демонов Ракшас. А 2300 лет тому назад Добрый Бог по имени Тиу-ку Точе создал святое озеро Манасаровар.

Разделительной полосой между Добром и Злом, что ли, является эта борозда? — подумал я, слегка поморщившись от нахлынувшей эзотеричности своего мышления.

Далее мой взгляд, направленный по азимуту от проекции вертикальной борозды Кайласа на юг, проскользнул между озерами Манасаровар и Ракшас и устремился вдаль, дойдя до массива горы Гурла-Манда-та, которая по тибетским преданиям тоже считается священной. Но этот азимут вывел отнюдь не на вершину горы Гурла-Мандата высотой 7728 метров, а на перевальную точку между этой горой и расположенным восточнее другим горным массивом.

Я изо всех сил вгляделся в эту заснеженную перевальную точку и... уже без особого удивления обнаружил на ней конструкцию, очень похожую на небольшую, абсолютно правильной формы, двухступенчатую пирамидку. Эта пирамидка имела возвышение на вершине, с запада была занесена снегом и стояла на каком-то чисто белом квадрате, ограниченном

черной зигзагообразной полосой. Я долго присматривался к этому белому квадрату, но так и не понял его происхождения; вроде как снег, а внутри квадрата он белее. Почему? Непонятно.

— Очень далеко пирамида. Несколько десятков километров отсюда. Деталей не видно. Белый квадрат очень интересен, — пробубнил я себе под нос.

— Не такая уж маленькая пирамида эта. Почти как пирамида Хеопса; очень ведь издали смотрим на нее, — уставившись в окуляр, сказал Равиль. — Но среди тибетских пирамидальных гигантов... она и в самом деле небольшой смотрится.

— Да уж.

— Послушай, шеф! Интересно, а почему здесь надо было возводить столь гигантские пирамиды? Какой смысл? Обернись, посмотри на Кайлас — это же просто пирамидальный колосс, это... это же сверхпирамида, или... суперпирамида! Зачем нужен такой размер?

— Не знаю, Равиль. Но... но я чувствую, что создание древними Города Богов имело общеземной смысл.

Этот странный Город возводили с какой-то очень важной и величественной целью.

Некоторое время мы простояли молча, а после я сказал: — Давай еще отойдем на юг вверх по склону километра на два — мне хочется получше рассмотреть самое дно обрыва Кайласа... может быть, там... пирамиды есть. Правда, скоро вечереть будет, да и дымка какая-то появилась. Пошли быстрее, торопиться надо.

Что находится на дне обрыва Кайласа?

Отойдя на эти два километра, мы опять поставили на штатив видеокамеру и стали смотреть в окуляр. Кайлас был уже далеко, но дно обрыва священной горы, хотя и в дымке, было видно достаточно хорошо. На дне обрыва, как я и предполагал, мы увидели три пирамиды. Кроме того, обращали на себя внимание два отрога от горы Кайлас: западный отрог заканчивался чем-то наподобие огромного каменного столба, на вершине которого была видна маленькая пирамидка, восточный же отрог был очень длинным — не менее 2—3 километров по протяженности.

Найдя плоский камень и расположившись на нем, я принялся зарисовывать весь этот вид. Конечно же, я рисовал довольно схематично, как бы мысленно дорисовывая те участки, которые были покрыты снегом, разрушены или плохо просматривались через дымку. Естественно, схематизируя процесс рисования, я мог где — то ошибиться и даже принять какой-нибудь горный выступ правильной формы за пирамиду, но я могу точно сказать, что я нигде и никогда не фантазировал. Да и не было никакого смысла фантазировать — этот странный Город Богов был и так полон чудес.

В процессе рисования трех расположенных под обрывом Кайласа пирамид я обратил внимание на то, что там находится что-то наподобие террасы, на которой стояли две ступенчатые пирамиды. Одна из них, меньшая, которую я обозначил номером «100»,*, имела срезанную вершину и две вертикально срезанные грани. Другая, большая (номер «99»), была остроконечной и четырехгранной.

Чуть юго-восточнее, вроде как на другой, более низко расположенной террасе стояла еще одна пирамида (номер «101»), имевшая на вершине толстый цилиндрический выступ.

Потом я стал внимательно осматривать западный и восточный отроги Кайласа.

— Равиль! По-моему, проводник Тату говорил нам, что есть два Кайласа — Большой и Малый. Верно? — спросил я.

— Я прошу извинить меня, дорогой читатель, за непоследовательность нумерации

увиденных в Городе Богов пирамидальных конструкций. Это вызвано тем, что я часто сомневался и многие рисунки доводил при просмотрах фотографий и видеозахватов. Зато эта «непоследовательность» отображает реальную последовательность всей моей работы.

— Точно помню, он говорил это. Я уже давно ищу глазами Малый Кайлас, — Равиль сосредоточенно нахмурил брови.

— Я помню также, — продолжал я, — что Малый Кайлас, как рассказывал Тату, находится на высоком каменном выступе с западной стороны Большого Кайласа и представляет собой маленькую четко заметную пирамиду. Тату также говорил, что роль Малого Кайласа не меньше, чем Большого.

— Да, да. Меня даже удивило это утверждение, что роль Малого Кайласа столь велика, — откликнулся Равиль.

— Так вот, смотри — вон тот западный отрог горы Кайлас с цилиндрическим выступом, заканчивающимся маленькой пирамидой, и есть, по-моему, Малый Кайлас. Далеко, правда, но давай-ка подойдем поближе и убедимся — так ли это.

Я схематично зарисовал предполагаемый Малый Кайлас (номер «4,») и, конечно же, Большой Кайлас (номер «98«).

Восточный отрог Большого Кайласа (номер «103,») имел изогнутую форму и находился на том же уровне, что и предполагаемый Малый Кайлас. Любопытным было то, что на этом отроге также была вертикальная борозда («102»), идентичная центральной борозде Большого Кайласа.

— Опять борозда! К чему бы это? Что она разделяет здесь? — воскликнул я про себя.

На этом восточном отроге я обратил внимание также на самый периферический выступ («104») и долго разглядывал его в окуляр видеокамеры и в бинокль. Что-то зловещее таилось в этом выступе.

— Может быть, это и есть тот самый «топор Кармы», о котором писал Ангарика Говинда? — подумал я, не находя ответа.

Еще несколько минут я смотрел на восточный отрог Большого Кайласа. У меня почему-то возникло чувство внутренней тревоги, постепенно перерастающей в страх. Превозмогая эти невесть откуда нагрянувшие чувства, я стал зарисовывать восточный отрог Большого Кайласа. Я еще не знал, что рисую обратную сторону Зеркала Царя Смерти Ямы.

Когда я закончил рисовать, мы быстрым ходом отправились на северо — запад, не сводя взгляда с Кайласа. Священный Кайлас то скрывался за буграми, то появлялся вновь, раз за разом поражая своим величием.

Сколько же здесь пирамид

Вскоре перед нами открылся вид на целую группу пирамидоподобных конструкций, расположенных южнее Кайласа.

— Сколько же здесь пирамид! — воскликнул Равиль.

— Такое ощущение, что пирамиды аж накладываются друг на друга. Пирамидальный конгломерат какой-то! — добавил я.

— Кстати, эта группа пирамидоподобных конструкций расположена дальше от самого Кайласа, чем та группа, которую мы только что рисовали.

— Очень древние пирамиды, во многих местах разрушились, — вздохнул Равиль. — Но какое многообразие форм! Ни одного...

— Давай рисовать и фотографировать! Скоро вечереть будет, — перебил я. — Ты давай

фотографируй и снимай на видео камеру. А я буду бегать по буграм, чтобы отразить на рисунках объемное изображение. На фотографии это получить невозможно. Только рисунки позволяют.

— Да... Бегать на высоте почти 5000 метров ...

«Пробежав» несколько бугров, я сделал первый рисунок.

— Ух! — выдохнул я.

Было видно, что появившиеся кучевые облака стали бросать черные тени на те пирамидоподобные конструкции, которые я зарисовывал. Поэтому трудно было ожидать, что фотографии и видеозахваты будут иметь высокое качество. Фотои видеотехника вряд ли сможет «пробиться» через черную высокогорную тень, а человеческий глаз способен делать это, улавливая упорядоченные детали необычных гор, скрытые черной тенью.

Из всего того, что я нарисовал, наиболее любопытной мне показалась необычная конструкция, которую я обозначил в дневнике номером «92». Она представляла собой конструкцию, широкими ступенями восходящую вверх и заканчивающуюся треугольной «крышей».

— Интересно, что же могло означать изогнутое таким образом пространство? Какое же вещество создавали древние, изогнув пространство в такую форму и остановив в нем время? Если древние создавали таким путем какую-то молекулу, то почему в первоначальном варианте она имела столь гигантский размер?

Неужели молекулы в своей первооснове имеют пирамидоподобные формы и отличаются друг от друга характером изогнутого пространства? — думал я, почесывая затылок.

Слева, на западе от конструкции «92», были видны две пирамидальные конструкции («89» и «90»), между которыми располагался обычный тибетский холм с неестественно остроконечной вершиной. Пирамидальная конструкция «89» была довольно сильно разрушена, но в ней достаточно четко прослеживались черты ступенчатой пирамиды, имеющей на верхней площадке какие-то строения, которые с той или иной степенью домысла можно было интерпретировать как передатчики каких-то энергий. Конструкция «90» имела, по-видимому, форму ступенчатой двусторонней пирамиды с четким центральным проемом в верхней ступени.

Штырь

Но меня больше всего заинтересовал обычный тибетский холм с неестественно остроконечной вершиной. Чтобы лучше разглядеть этот холм, я поднялся на взгорок и оттуда четко увидел, что на вершине холмы стоит цилиндрический «штырь».

— Равиль! Иди сюда! Неси видеокамеру и бинокль! — закричал я.

Когда подошел Равиль, я его спросил, показав на «штырь»:

— Что это, по-твоему?

— На гурий похоже, — промолвил он. — Иногда местные жители или туристы отмечают тропы, складывая из камней гурии.

— Если это гурий, — усмехнулся я, — то какого же он размера?! По моим прикидкам, размер «штыря» не менее, чем высота трех-четырёхэтажного дома. Сложить из камней такого размера гурий... да он рассыплется.

— Да, вообще-то, — согласился Равиль. — Такое ощущение, что этот «штырь» в виде ровного цилиндра вырезан из цельного камня, занесен на вершину холма и установлен там, так же... как были принесены и установлены каменные истуканы на острове Пасхи или как... принесены издалека каменные блоки для строительства египетских пирамид.

— На цилиндр похоже. Как будто маяк...

— Но без окон и дверей.

— Да уж. Каково, интересно, его предназначение? — озадачился я. — Я, например, не знаю. А ты?

— Я тоже, — Равиль опустил голову.

Мы оба замолчали. Я все больше и больше верил, что все эти так называемые конструкции, которые мы видим, фотографируем и рисуем, не являются результатом причудливой работы ветра и воды. Они были давным-давно кем-то созданы здесь — слишком контрастно они выделяются на фоне естественных тибетских холмов. Да и... последовательность какая-то есть! Да и... план какой-то прослеживается, но непонятный для нас, совершенно непонятный... Ясно лишь одно, что эти конструкции древние, очень древние, и только развалины их напоминают о божественной красоте Города Богов.

Я стал думать о методах возведения этих странных гигантских сооружений. Было похоже, что применялся метод обтачивания естественных гор, а также методы укладки огромных каменных блоков или формирования какой-либо каменной конструкции в отдалении с последующим переносом на нужное место. Но как это делалось? И с какой целью? Я этого не знал.

Я опять стал смотреть на «штырь» в бинокль.

— Равиль! Посмотри, на «штыре» какой-то клювик есть. Куда, интересно, он направлен? Давай определим по компасу и карте!

Минут пять провозившись с компасом, я воскликнул:

— Клюв «штыря» направлен на Малый Кайлас! Скажу тебе, что в этом Малом Кайласе что-то есть, не зря проводник Тату говорил, что он по значимости не уступает Большому Кайласу.

Это древние пирамиды, а не результат работы воды и ветра!

Я знал, что вскоре мы пойдем к Малому Кайласу и сможем хорошо его рассмотреть. А пока мы должны были зарисовать и сфотографировать пирамидоподобные конструкции, вид на которые открылся с восточной стороны от упомянутой конструкции номер «92».

— Вот я рисую очередную пирамидоподобную конструкцию и обозначаю ее номером «93», — бурчал я себе под нос, — и не уверен я в том, что она есть искусственное сооружение, а не результат работы ветра и воды. Я наношу на рисунок одну часть конструкции за другой, и у меня получается что-то очень похожее на пирамиду, но с какими-то разнообразными пирамидоподобными сооружениями на «крыше». Что означают эти сооружения на «крыше»? Для чего они? Почему пирамиды Египта просты, лаконичны и во многом похожи друг на друга, а здесь, на Тибете, все пирамидальные конструкции до невероятности разнообразны и это разнообразие выражается не только в вариациях самой пирамидальной формы, но и в многочисленных деталях, дополняющих саму «древнюю пирамиду»? Я не вижу повторений форм! Почему в Египте в комплексе Гизы пирамиды Хеопса, Хефрена и Миккерина похожи друг на друга и отличаются лишь размерами? А здесь нет повторений, никаких повторений! Уж не зарисовываю ли я вычурную работу ветра, а, Равиль?!

— В комплексе ступы Сваямбанат, в Катманду, среди малых ступ тоже нет повторений форм, они все разнообразны, — Равиль упрямо взглянул мне в глаза. — А ты, шеф, сам говорил, вернее предполагал, что комплекс ступы Сваямбанат символизирует пирамидальный комплекс Кайласа. Здесь мы, считай, рисуем то, что символизируют малые ступы Сваямбаната. Если верить

этому предположению, то здесь, в Городе Богов, тоже не должно быть повторений форм пирамид. Это, наоборот, подтверждает...

— Да уж, — буркнул я.

— Давай посмотрим еще раз на пирамиду номер «93», — с жаром продолжал Равиль, — какие сомнения могут быть? Четко все видно — самая натуральная пирамида! Даже, вон, ступени хорошо сохранились и видны в виде полос. Что, ветер, что ли, сделал эти ступени?!

— Да уж, — еще раз пробормотал я.

— А рядом видна еще одна пирамида — тоже ступенчатая. И на «крыше» тоже сооружения есть, но немного другие. Ну сравни ее с обычными...

— Я эту пирамидальную конструкцию под номером «94» обозначил, — перебил я.

— Так если сравнить пирамидальную конструкцию номер «94» с обычными тибетскими холмами, то ясно видно, что она совсем другая, совсем другая, она... искусственная. Я думаю, оттуда будет хорошо видно, — Равиль показал рукой в направлении холма.

Отойдя метров на двести, он позвал меня. Я, взяв под мышку полевую тетрадь, подошел к нему.

— Вон, вершина пирамиды «94» выглядывает между двумя тибетскими холмами. Тибетские холмы есть результат работы ветра, а пирамидальная конструкция — кого-то! Еще раз повторяю — результат работы кого-то! Но кого? Не знаю... — сказал Равиль.

— Да уж, — в очередной раз проговорил я.

Я завершил рисунок. В голове промелькнула мысль:

— Вещество пирамидально. А разнообразие веществ определяется разнообразием форм пирамидальных конструкций... создававших вещества.

Справа от пирамидальной конструкции номер «94» была видна еще одна конструкция. Я, уже не особенно удивляясь ее странной форме, представляющей собой комбинацию трапециевидных и треугольных сооружений, быстренько зарисовал ее (номер «95»).

Надо было торопиться. Вечерело. А до нашего лагеря было еще далеко. Быстрым шагом мы пошли на запад. Километра через два Равиль воскликнул:

— Шеф! Вон еще целый комплекс открылся! На древние сооружения похоже. Очень разрушенные, но... различимые.

Пока Равиль фотографировал и снимал на видео, я «помотался» по ближайшим буграм с целью получить более полное представление и сделал рисунок. Было видно, что высоченный холм перед Кайласом имеет следы как бы сделанной давным-давно механической обработки. Следы этой, так сказать, обработки при внимательном осмотре очерчивали структуры, очень похожие на две огромные ступенчатые пирамиды. На вершине одной из них (номер «14,») довольно хорошо просматривалось что-то наподобие наложенных друг на Друга трех круглых плит, а на вершине второй (номер «17“) были видны то ли многочисленные, стоящие плотно друг к другу останцы, то ли кем-то сделанные древние фигурки.

— Древнее, все очень древнее, — проговорил я для самого себя, — трудно ответить — искусственного происхождения все это или просто естественные вариации гор.

Башенка

Но среди всего этого явно выделялась «башенка» (номер «16»), имеющая цилиндрическую форму. Сам цилиндр был белого цвета, четко контрастируя на фоне серо-коричневых скальных пород. На вершину цилиндра были уложены четыре круглые темно-коричневые плиты,

уменьшающиеся по размерам к вершине. По ориентировочным прикидкам, высота «башенки» была не менее трехэтажного дома.

При рассмотрении «башенки» у меня все более и более складывалось впечатление, что она сделана не из камня, а из какого-то другого материала, возможно металла. Сомнений в том, что «башенка» имеет искусственное происхождение, не оставалось.

Стояла «башенка» на высоком каменном сооружении, похожем на ступенчатую пирамиду, располагаясь чуть ниже по уровню от хорошо заметного отсюда предполагаемого Малого Кайласа, имеющего форму типичной пирамиды.

— До места, где стоит «башенка», человеку, даже опытному альпинисту, очень трудно добраться. Поэтому вряд ли эту «башенку» построили люди, — пробурчал я себе под нос.

Чего? — не расслышал Равиль.

— Посмотри на «башенку» через окуляр видеокамеры! У меня такое ощущение, что она сделана не из камня, а из какого-то другого материала. Как инородное тело торчит среди каменных сооружений. Вряд ли ее построили местные тибетцы — неприступное место даже для альпиниста.

Равиль оторвался от окуляра видеокамеры и, выпучив глаза, сказал:

— Такого я еще не видел. На прибор какой-то похоже.

— А помнишь «штырь», который мы недавно видели? — отозвался я. — Он ведь тоже цилиндрический и имеет подобные размеры, хотя вершина его другая — в виде клюва. Может быть «штырь» тоже сделан не из камня? Тогда на него падала тень от облака и трудно было разглядеть цвет. Скажи, Равиль, для чего, по-твоему, нужны «башенка» и «штырь»?

— Как будто перископы подводной лодки торчат... — смешался Равиль.

— Во, во, — усмехнулся я. — Если принять во внимание легенды Востока о существовании подземного мира, именно здесь, в этом районе Тибета, то можно думать, что подземные люди наблюдают за поверхностью Земли с помощью каких-то приборов.

— Подойти и посмотреть бы, — мечтательно произнес Равиль.

— Этого нельзя делать. Наше любопытство многого не стоит, — обрезал я. — Пошли! Уже темнеть начинает.

Подкова

Мы шли, не сводя глаз с Кайласа. Вдруг на фоне белого снега Кайласа я увидел странное образование, похожее на подкову и имеющее размеры с четырехэтажный дом.

— Что это? — сказал я и остановился. — Странная «подкова» какая-то стоит, как будто она кем-то установлена на вершине горы. Сомнительно, что это горный останец. Более того, по центру «подковы» в бинокль хорошо видно отверстие, по бокам которого имеются выпячивания, похожие на глаза, а сверху от отверстия прослеживается еще одно каплевидное выпячивание по типу... м... м... третьего глаза. Снимай, Равиль, на видео — темнеет уже!

Равиль принялся снимать, а потом, оторвавшись от видеокамеры, прокричал:

— Черт побери! Вечером блики какие-то появились, боюсь, что не получится.

Я судорожно принялся рисовать. В ходе рисования я сделал наброски не только «подковы» (номер «25»), но и предполагаемого Малого Кайласа («7»), а также странной монументальной конструкции («15»), какого-то необычного конгломерата горных структур («19», «20», «24», «27» и «28») и двух ярусов то ли стоящих в РЯД останцев, то ли сделанных кем-то в древности фигур («29» и «26»). На какое-то мгновение в нижнем ярусе я увидел полуразрушенное лицо

человека, но на него, как назло, упала черная высокогорная тень.

Закончив рисование, я еще раз пригляделся к «подкове». Она и в самом деле притягивала взгляд.

— Какова роль «подковы», по-твоему, Равиль? — спросил я.

— Скорее всего, это какая-то антенна, — ответил он.

— Каменная антенна древних, — декларативно произнес я.

До лагеря оставалось километра три. Смеркалось. Но сам Кайлас был хорошо освещен вечерним солнцем. Мы с Равилем петляли по холмам, чтобы найти позицию, с которой четко будет виден предполагаемый Малый Кайлас.

Глава 5. Малый Кайлас — хранилище камня Шантамани

Интуитивно я уже почти верил, что эта красивая заснеженная пирамидка на западном отроге Большого Кайласа и есть тот самый загадочный Малый Кайлас. В глубине подсознания я ощущал, что в этом Малом Кайласе сокрыта какая-то очень важная тайна древности. Не зря проводник Тату говорил, что по значимости Малый Кайлас не уступает Большому Кайласу. Небольшая классическая пирамидка Малого Кайласа, покрытая шапкой снега, манила к себе, как бы утверждая — «Я есть чудо!».

Пирамида на трех столбах

Наконец мы нашли позицию, откуда Малый Кайлас был виден очень хорошо. Размером пирамидка Малого Кайласа была с 15-17-этажный дом. Располагалась она на основании, состоящем как бы из трех слитых воедино каменных столбов. С этого места была видна лишь часть основания, но я помнил, что при осмотре дна обрыва Кайласа высота этих столбов показалась нам с Равилем не менее 600— 800 метров .

К белой, сверкающей снегом пирамидке Малого Кайласа можно было добраться только по воздуху или... спустившись по очень крутому склону с вершины Большого Кайласа. Но я знал, что восхождение на Большой Кайлас считается высшим святотатством и что человек, попытавшийся совершить такое восхождение, не только обречен на гибель, но и будет иметь жесточайшее наказание на Том Свете. В голове промелькнули слова тибетца Гелу: «На вершине Кайласа могут сидеть только Боги».

У меня не было никаких сомнений в строгой пирамидальности Малого Кайласа, несмотря на то, что он был прикрыт снегом. Было ясно, что Малый Кайлас не может быть естественным каменным останцем, а представляет собой искусственное пирамидальное сооружение.

Однако в том случае, если мы принимали во внимание факт, что Малый Кайлас является искусственной пирамидой, возникал вопрос — а как эта пирамида могла быть построена на столь недоступном месте? Все досужие объяснения возможности строительства пирамид рабами, не знавшими колеса, бытующие среди египтологов, в данном случае тут же рассыпались хотя бы на том основании, что ни один раб не смог бы взобраться на площадку, где стоит пирамидка Малого Кайласа, не говоря уж о поднятии туда каменных блоков: ведь высота каменных столбов (600— 800 метров) сопоставима с высотой трех поставленных друг на друга самых высоких небоскребов.

— Что-то очень важное затаено в этом Малом Кайласе. Не зря он построен на таком недоступном месте, — подумал я.

— И, скорее всего, это место было специально построено, чтобы сделать пирамидку Малого Кайласа совершенно недоступной.

Обуреваемый такими мыслями, я перешел на другой бугор, чтобы оттуда еще раз посмотреть на Малый Кайлас, и, совершенно неожиданно для самого себя, снова увидел «башенку».

— Равиль! Иди сюда! — закричал я. — Возьми видеокамеру со штативом.

С этой позиции мы отсняли «башенку» на фоне Малого Кайласа, хотя уже смеркалось и

трудно было ожидать хорошего качества снимков. Но мне почему-то очень хотелось заполучить пусть даже очень плохой снимок «башенки» вместе с Малым Кайласом.

— Такое ощущение, что из «башенки» наблюдают за Малым Кайласом из... подземного мира... Скорее всего потому, что роль Малого Кайласа очень и очень велика, — пронзила меня мысль.

Я присел на тибетский песок и с головой окунулся в мысли эзотерического порядка, вспоминая рассказы непальских лам и прочитанную литературу. Я уже знал, что эзотерические науки и восточные религии в один голос говорят о существовании подземного мира, где живут сверхсовершенные люди, которые наблюдают за нами — обычными людьми, но оказывают на нас влияние только в особых ситуациях, воздействуя, прежде всего, на характер и ход наших мыслей. Они как бы курируют нас, но не управляют нами, свято придерживаясь божественного постулата, что человек есть самопрогрессирующее начало. Но как они наблюдают за нами из глубин подземелий? И как они влияют на ход и характер наших мыслей в переломные периоды истории? С помощью каких механизмов они это делают?

Вначале мое мышление стало анализировать современные достижения науки и техники, такие как спутники и компьютеры... но потом, убедившись в бесплодности такого подхода, переметнулось к анализу эзотерических знаний, стараясь найти хоть какое-либо, даже самое фантастическое и невероятное объяснение.

— Лучше фантазировать, чем уподобляться тем египтологам, которые все чудеса Египта объясняют с помощью «бронзовых долот в руках неграмотных рабов», — шепотом сказал я сам себе.

Я вполне четко осознавал, что в этом поднебесном Городе, состоящем из пирамид и других странных конструкций, надо думать не так, как обычно. Здесь перед нами воочию предстала сказка, сказка, которую мы не слышали от бабушек в детстве, но сказка, которую из уст в уста, как самую Великую Тайну передавали ламы и гуру, сами не зная ее глубинной сути и только иногда, хотя бы раз в жизни, приходя сюда, чтобы увидеть, просто увидеть сказочный Город Богов.

— Какие мифы, какие былины, какие легенды я слышал? — торопливо стал вспоминать я, надеясь найти какую-нибудь аналогию существованию красивой пирамиды Малого Кайласа на совершенно недоступном месте.

— Шеф, пойдём. Уже почти стемнело, — послышался голос Равиля.

— Сейчас, сейчас... Собирай вещи.

Хранилище камня Шантамани?

Мысли мои завертелись в бешеном хороводе. И, наконец, где-то в глубине ёкнуло.

— Малый Кайлас и есть легендарный камень Шантамани, — утвердительно, без слов «возможно» или «вероятно» сказал я. — Или... хранилище для священного камня Шантамани?!

Шагая в лагерь, я думал, что древние вряд ли установили бы на столь недоступном месте (специально сделанном недоступном месте!) что-то менее ценное и важное. Я помнил, что ламы рассказывали Николаю Рериху, что камень Шантамани был доставлен на Землю крылатым конем Лунг-Та и установлен на Башне Шамбалы и что он иногда, в какие-то периоды времени, светится, да светится так, что это свечение видно за сотни километров отсюда. У меня не было никаких оснований отрицать то, что величественный Кайлас и есть Башня Шамбалы, — все изученные легенды говорили за это.

А ведь совсем недавно немецкие паломники видели свечение. Неужели Малый Кайлас светился? — подумал я. — К чему бы это? Неужели наша экспедиция совпала с каким-то особым периодом времени, обозначенным свечением камня Шантамани?

Далее возникла мысль о том, что в случае свечения камня Шантамани на Малом Кайласе мог растопиться снег, но я тут же отогнал ее, понимая, что свечение могло и не иметь теплового эффекта, а испускание совершенно неизвестных для нас видов энергии могло тоже сопровождаться эффектом свечения. Только зачем было нужно это свечение? Я этого не знал, и... вряд ли буду знать.

— Какой он — камень Шантамани? — про себя восклицал я, бодро шагая в темноте. — Неужели камень Шантамани имеет пирамидальную форму и размеры его соответствуют размерам Малого Кайласа? А что было бы, если бы удалось раскопать снег, покрывающий пирамиду Малого Кайласа, — неужели под снегом мы бы увидели сам легендарный камень? Какого, интересно, он цвета? Из какого материала он сделан? Какая сила заключена в нем? Как реализуется эта сила и на что она влияет? Неужели и в самом деле из «башенки» постоянно наблюдают за состоянием камня Шантамани? Зачем этот камень был принесен на Землю?

Я даже приостановился, помотав головой, чтобы избавиться от этой череды вопросов, носящих не просто эзотерический, но и сказочный характер. Но при всем этом я понимал, что в реальном мире существует то, что неподвластно нашему пониманию и осознанию, например... Город Богов, в пределах которого мы находились. Каким-то шестым чувством я ощущал, а вернее с высокой степенью вероятности предполагал, что камень Шантамани мог быть тем механизмом (или... какой-либо силикатной формой жизни?!), через который многоликие люди подземной Шамбалы могли читать мысли людей, живущих на поверхности Земли, то есть нас с вами, а также могли воздействовать на характер и ход этих мыслей в какой-то важный исторический период времени.

— Равиль! А ведь сейчас конец 1999 года! Скоро наступит второе тысячелетие. Переломный период, короче! И свечение Кайласа было только что... — сказал я, обернувшись и задыхаясь от быстрой ходьбы на высоте около 5000 метров.

— Неспроста все это...

— Да уж...

Совсем стемнело. Я периодически зажигал фонарик, чтобы смотреть на компас. Азимут нас должен был уже вывести к лагерю, но его все еще не было.

— Селиверстов ведь обещал светить фонариком! Что ж он, а?! — нервно произнес я.

— Слышь, шеф, впереди и слева что-то хрюкнуло. Не як ли это?

Ну почему Сергей Анатольевич не светит, а?! Неужели уже с вечера выучить принялся? — послышался недовольный голос Равиля сзади.

— Где слева?

— Вон там, — Равиль показал рукой.

Я сделал поправку к азимуту, и мы снова пошли. Вдруг впереди явственно раздались топот и хрюканье.

— Як это, — с облегчением выдохнул я. — Но как далеко он ушел от лагеря? Давай кричать.

— А-а-а-а... — разнеслось по тибетским ущельям, нарушая покой Города Богов.

— Оу! Оу! Оу! — послышался ответный крик, в нотках которого я узнал грудной голос Селиверстова.

Когда мы подошли к лагерю, я раздраженно спросил:

— Чё не светили-то, ё-к-л-м-н?!

— Да мы все время светили! Что мы, не соображаем, что ли! — ответил Селиверстов.

— Не видно было!

— Ну, как не видно, как не видно... — смущенно пробормотал Селиверстов, выглядывая из-за яка.

— А вы наш фонарик видели?

— Нет.

— Ну, как так?! Мы ведь все время светили? — изумился я.

— Да не было никакого света, я все это время мерз на улице, — тоже изумился Селиверстов.

— Странно, очень странно... Хорошо, что хоть диких собак не было! — сказал я.

В палатке горела газовая горелка. Сергей Анатольевич с Рафаэлем Юсуповым налили нам с Равилем немного спирта и приготовили горячий суп из китайских пакетиков.

— Вкусно? — спросил Рафаэль Гаязович.

— Не очень... — пробурчал Равиль.

— Много интересного видели? — подал голос Селиверстов.

— Очень! — коротко бросил я.

На спальнике рядом с газовой горелкой лежал наш проводник и дремал. Подсев поближе, я осторожно, чтобы не облить китайским супом, толкнул Тату в плечо и сказал:

— Тату! Извини, пожалуйста! Та маленькая пирамидка на трех столбах западного отрога Кайласа и есть Малый Кайлас?

— Какая-какая?! — встрепенулся Тату.

— Равиль! Покажи-ка ее на видеокамере!

Несколько минут Равиль и Тату просматривали отснятые видеоматериалы на откидном дисплее камеры.

— Да! Это Малый Кайлас! — твердо произнес Тату.

— Скажи, а он всегда покрыт снегом? — спросил я. — Удивительно, что по уровню Малый Кайлас находится там, где снег лежит пятнами, а он покрыт плотным слоем, как на значительно больших высотах.

— Малый Кайлас всегда покрыт снегом, — с достоинством подтвердил Тату. — Даже в те годы, когда бывает очень жаркое лето и даже на Большом Кайласе остается мало снега, снег на Малом Кайласе сохраняется таким же, как и всегда. Вокруг черные камни, а на Малом Кайласе белая шапка снега.

— А почему так? Самоохлаждается, что ли, Малый Кайлас?

— Не знаю.

— Тату, а ты про камень Шантамани слышал? — я взглянул ему в глаза.

— Да, а что? — Тату насупился.

— Не является ли Малый Кайлас легендарным камнем Шантамани? Или... может, этот камень внутри пирамиды Малого Кайласа спрятан?

— Я маленький человек. Мне не дано этого знать, — опустил глаза, ответил Тату. — Но я знаю точно, что по значимости Малый Кайлас не уступает Большому Кайласу.

— С Шамбалой это, наверное, связано, — проговорил я себе под нос.

В тот момент я еще не знал, что вскоре наши рассуждения приведут к пониманию того, что внутри Малого Кайласа и вправду сокрыта главная каменная программа Жизни на Земле, реализованная... в Городе Богов.

Утром нас встретила ясная морозная погода. Мы сфотографировались на фоне Кайласа с российским флагом.

После окончания сборов я собрал группу и сказал:

— Вчера я вроде бы видел на одной из скал изображение лица человека. Присматривайтесь

внимательнее, ладно?

Глава 6. Кто строил Город Богов?

Караван яков и погонщики ушли вперед. Мы шли по дну красивого каньона. Отсутствие «родного» яка, вечно закрывавшего обзор, казалось, радовало всех. И только Сергей Анатольевич выглядел слегка озабоченным.

Медленно шагая, я вглядывался в окружающие скалы. Но изображения лица все не было. Я вчера приметил место, где его видел, но точно не помнил.

— Вон там, вроде как, должно быть... Нет, вон там... — приговаривал я. — А может, мне померещилось? Темновато ведь было.

Наконец я издал победный крик:

— Вон оно, лицо!

— Где? — спросил Селиверстов.

— Да вон же! Видишь гряду, то ли останцев, то ли давным — давно сделанных фигур, которые сейчас разрушились. На верхней части невысокого каменного столба видно полуразрушенное лицо человека. Видишь, Сергей Анатольевич?

— Нет. Где оно, лицо-то?

— Да вон оно! Вон! — я показал указательным пальцем.

Каменный портрет

— Одна половина лица разрушена, но другая половина вполне сносно сохранилась. Видны рот, нос, подбородок и один глаз. Даже одно ухо видно.

— А-а-а-а! — вскричал Селиверстов. — Вон оно, оказывается, где! А я-то в другое место смотрел. Впечатление производит это лицо! Это лицо мужественного человека, атланта настоящего! Это не какой-нибудь современный мальчик, живущий в «голубых тонах»!

Естественные вариации расщелин в камнях могут иногда образовывать причудливые сочетания, имитирующие очертания различных известных нам предметов, — скептически заметил Рафаэль Юсупов.

Лицо — это не предмет, — возразил Селиверстов.

Какая разница — предмет или лицо, — Рафаэль Юсупов насупился, — важен тот факт, что расщелины в камнях могут случайно принять очертания того или иного...

— Предмета — может быть. Но лица — нет, — парировал Селиверстов.

— Почему ты, Сергей Анатольевич, так уверен?

— Потому, что лицо это... посмотри, посмотри, — Селиверстов указал пальцем, — выражение имеет, выражение мужественности и силы. А ты видел предмет с выражением мужественности и силы? Нет, не видел. А лицо такое выражение может иметь, потому что оно одухотворено работой скульптора. Поэтому скульптурное изображение человека или... лица несет элемент духовности, который человек, смотрящий на него...

— На что смотрящий, на лицо?

— Да, на него! — сказал Селиверстов, разглядывая лицо Рафаэля Юсупова. — Ну... если человек смотрит на лицо... то есть на его каменное изображение, то он в обязательном порядке ощущает элемент духовности, который постарался ввести в него скульптор. Мы не только видим, мы еще и ощущаем скульптуру. Я, когда бываю в Питере, я не просто смотрю на скульптуры, я стараюсь еще их и прочувствовать.

— А при чем тут сравнение изображения этого лица с современными мальчиками в «голубых тонах»? — Рафаэль Юсупов искоса посмотрел на Селиверстова.

— Да ни при чем. Просто этим сравнением я постарался подчеркнуть мужественность выражения этого каменного лица.

— Пол-лица, — уточнил Рафаэль Юсупов.

— Ну, какая разница?! — взъерошился Сергей Анатольевич. — Если одна половина лица разрушилась, то вторая-то сохраняет его общее... лицевое выражение.

— Да, конечно. Даже половина лица может передать его «голубые тона», — съязвил Рафаэль.

— Да при чем тут «голубые тона»? — не сдавался Селиверстов. — Я хочу сказать, что сделанное на камне изображение лица...

— Половины лица, — еще раз подчеркнул Рафаэль Юсупов.

— Да, да... изображенная на камне половина лица одухотворена... Да не перебивай меня! — рассердился Селиверстов.

— Ладно, ладно.

— Я хочу вот что сказать, — снова собрался с мыслями Селиверстов, — мужественность выражения этого лица не присуща выражению лица современного человека.

— Живущего в «голубых тонах», — не удержался и еще раз съязвил Рафаэль Юсупов.

— Я хочу сказать, — Селиверстов строго посмотрел на Юсупова, — что выражение лица, высеченного здесь, в Городе Богов, совершенно другое, чем выражение лица современного человека. А отсюда какой можно сделать вывод? А?

— Какой?

А такой, что на камне высечено лицо человека предыдущей цивилизации, — наконец высказал главную свою мысль Селиверстов.

Зарисовывая изображение лица и слушая этот разговор, я думал о том, что переменчивость горных расщелин может и в самом деле имитировать лицо человека. Но может быть и так, что когда-то, в очень далекой древности, на этих скалах были вырезаны изображения лиц, фигур и многого-многого другого, а от всего этого сейчас, по прошествии тысячелетий, осталось только изображение одного лица, вернее... половины лица. Ветер и вода сделали свое дело.

Я понимал, что полностью отвергнуть факт наличия «искусственного изображения» человеческого лица здесь, в легендарном Городе Богов, состоящем из сочетания удивительных пирамид, монументов и каменных зеркал, невозможно. Мне представилось, что давным-давно все эти пирамидальные конструкции были испещрены разноцветными орнаментами и фресками, в сравнении с которыми ничто по красоте не могло соперничать в мире... Имело полный смысл проанализировать изображенное на скалах лицо.

— Какой из пяти существовавших на Земле Коренных Человеческих Рас принадлежало это лицо? — задал я сам себе вопрос.

По результатам гималайской экспедиции 1996 года, когда мы целенаправленно занимались реконструкцией внешности людей предыдущих цивилизаций, я мог сказать, что изображенное на скалах лицо принадлежит или человеку нашей арийской Расы, или человеку предыдущей нам атлантической Расы. Я знал отличительные черты внешности атлантов, но разрушения не позволяли конкретизировать ответ на поставленный вопрос, а постулат Селиверстова об обязательной мужественности выражения лица атлантов, на мой взгляд, не выдерживал критики.

— Жаль, очень жаль, — внутренне негодовал я, понимая, что изображенное лицо человека, скорее всего, принадлежит строителю Города Богов, а ответив на вопрос — атлант или ариец изображен здесь, — можно было бы построить немало гипотез о давности строительства, о

применявшихся строительных технологиях и, самое главное, о предназначении Города Богов.

Я еще раз пробежал глазами по тибетским скалам, засунул полевую тетрадь в экспедиционную сумку и скомандовал:

— Пошли!

Монумент Гомпо-Панг

Настроение было хорошее, я как бы чувствовал, что вскоре мы с той или иной степенью вероятности сможем ответить на данный вопрос. Размеренным шагом мы шли по Городу Богов. Из-за поворота плавно, как в кино, выплыла какая-то огромная, высотой около 800 метров, экзотическая конструкция, разительно отличающаяся не только от обычных тибетских гор, но и от всего того, что мы уже видели здесь — в сердце Тибета.

— Что это?! — уже привычно воскликнул я.

— На какую-то латиноамериканскую пирамиду похоже, — сказал Селиверстов.

Мне это сравнение почему-то понравилось, хотя никаких аналогий с мексиканскими пирамидами, которые я видел, не прослеживалось, но экзотичность формы этого монумента требовала обозначения его каким-нибудь не менее экзотичным условным названием, ведь для россиянина, живущего в укрытых снегами городах, даже словосочетание «Латинская Америка» кажется верхом экзотики. Я еще не знал, что мы видим легендарный монумент Гомпо-Панг, которому поклоняются паломники, во время молитв приговаривая — «О Великий Бог Времени, отпусти мои грехи!». Я также еще не знал, что последующий подробный анализ формы этого монумента приведет нас к выводу о существовании «тела времени» у человека.

Неужели здесь изображены люди?

А тогда я остановил группу и начал привычно носиться по буграм, чтобы сделать максимально «объемный вариант рисунка». Но, когда я рисовал, я заметил на «латино — американском» монументе вроде как изображения фигур людей.

— Бинокль тащите сюда! — закричал я.

Я лег, положил бинокль на камень и стал внимательно разглядывать то, что было изображено на этом монументе.

— Да вроде как четыре человека изображено. У одного из них, самого большого, на плече виден маленький человечек — почкованием, что ли, размножается? А вон те двое похожи на людей, сидящих в позе Будды, что характерно для феномена Сомати. А это что — летающая тарелка, что ли? Что за четыре кружка нарисованы рядом с «летающей тарелкой»? А что за «петля» изображена в верхней части монумента? Что-то вроде лестницы спускается с западной стороны монумента, что ли? Ступенчатая пирамидка, вроде бы, пристроена снизу, — приговаривал я, делая зарисовку.

Я представил, что, возможно, когда-то этот монумент был необыкновенно красив и сверкал разноцветьем красок, как на панно показывая узловые элементы формирования жизни на Земле.

Мне было вполне ясно, что и «свободная работа ветра» могла сделать ту «художественную работу», которую я только что зарисовал. Но я все же не имел права сладко уйти в скепсис. Я, как ученый, должен был проанализировать, пусть даже с налетом фантазии проанализировать

то, что видел; тем более что такой грандиозный монумент, по логике, не мог не иметь на себе фресок и подобных художественных произведений древних.

— Начнем с того, что проанализируем смысл изображения четырех человеческих фигур, — сказал я сам себе. — Что бы это могло означать? Что бы? Что бы?

Я даже присел, заставляя работать свои извилины.

Город Богов строили люди Четырех Рас

Богов — Так это же... так это же... означает то, что люди четырех Коренных Человеческих Рас принимали участие в строительстве Города Богов! — воскликнул я про себя. — То есть, Город Богов строили совместно ангелоподобные люди, призракоподобные люди, лемурийцы и атланты. Лучшие из Лучших каждой Коренной Человеческой Расы, видимо, сохранились в Шамбале и создали там высокоиндустриальное многоликое общество, способное построить самое грандиозное и самое загадочное творение на Земле — Город Богов. Вот только... с какой целью они его строили?

Было также вполне очевидно, что в когорте предполагаемых строителей Города Богов нет пятой Коренной Человеческой Расы — арийцев, то есть нас с Вами. Я окинул взглядом гигантский «латиноамериканский» монумент и понял, что никакими нашими, даже самыми современными «арийскими» методами такой монумент не построить, в связи с чем отсутствие арийцев в когорте предполагаемых строителей могло быть оправданным. Как говорится — куда уж нам! Да и давно вынашиваемая нами гипотеза о том, что арийская Раса была заново клонирована здесь из «семян ранних арийцев», погибших во время Всемирного Потопа, говорила в пользу того, что Город Богов построило содружество предыдущих Человеческих Рас, сохранившихся в таинственной Шамбале.

— А ведь мы находимся в объятиях Шамбалы. Она, наверное, здесь... под нами, — ненароком подумал я.

Что касается срока строительства Города Богов, из всего сказанного логически вытекало, что он был построен, скорее всего, в период атлантической цивилизации, то есть в период жизни четвертой Коренной Человеческой Расы. А атланты, как пишет Елена Блаватская, в своей основной массе погибли 850 000 лет тому назад, когда случился Большой Всемирный Потоп, вызванный, как мы предполагаем, смещением земной оси на 6666 километров.

Отсюда следовало, что Город Богов был построен очень и очень давно: или до Всемирного Потопа, когда процветала цивилизация атлантов, или вскоре после него, когда лучшие из атлантов спаслись, поменяв место жительства на прекрасную Шамбалу. Я, конечно же, осознавал, что привязка к дате «850 000 лет тому назад» малоубедительна, но я не мог оторвать срок строительства Города Богов от этой даты; меня точила мысль, что Город Богов должен был быть построен в связи с каким-то чрезвычайно важным событием — а какое событие может иметь большее значение для земной жизни, чем смещение оси планеты с последующим апокалипсисом?

— Если верить, что срок строительства Города Богов уходит в столь далекую древность, сопоставимую с датой 850 000 лет тому назад, то можно просто ахнуть от качества строительства древних — ведь монументы и пирамиды сохранились до сих пор, — про себя заметил я.

По книгам Елены Блаватской я знал, что был еще и Малый Потоп, происшедший примерно 13 000 лет тому назад и вызванный ударом об землю кометы Тифона. Но я интуитивно

чувствовал, что более вероятной датой является срок «850 000 лет тому назад», хотя никаких доказательств тому у меня не было.

Эх, если бы я знал предназначение Города Богов, то я бы смог ответить на вопрос о его возрасте, — в сердцах подумал я.

Но предназначения Города Богов я тогда не знал. Пройдет еще немало времени, пока мы, группа уфимских ученых, сможем ответить на этот вопрос, но об этом, дорогой читатель, мы поговорим в следующем томе этой книги.

Единый Ребенок Шамбалы

Далее, я обратил внимание на фигуру первого справа из четырех изображенных на «латиноамериканском» монументе людей — от его плеча как бы отпочковывался маленький ребенок. Это «как бы отпочковывался», конечно же, не устраивало меня и снова вовлекало в систему сладкого скепсиса, но можно было, отстраняясь от требований к качеству изображения, предположить, что здесь показан процесс размножения ангелоподобных людей почкованием, о чем в своей «Тайной Доктрине» писала Елена Блаватская. Однако и призракоподобные люди по Блаватской размножались почкованием и делением, но вторая справа в ряду фигура (предположительно призракоподобный человек) не имела на наскальной фреске никаких признаков почкования или деления. К третьему и четвертому справа фигурам в ряду (предположительно лемурийцу и атланту) никаких «претензий» в отношении почкования не было, так как по Блаватской у них уже развился половой способ размножения.

— Ну почему же, почему же вторая справа фигура (то есть призракоподобный человек) не «помечена почкованием», в то время как первая фигура (то есть ангелоподобный человек) «помечена»? — придирался я к ситуации. — Почему? Почему?

Я даже на какое-то мгновение почувствовал усталость от бесконечной долбежки этого «почему?», тем более что никаких оснований к столь пристальному рассмотрению этого вопроса не было, да и качество изображения фигур людей на монументе вызывало внутреннюю смуту с уклоном в сторону облегчающего ситуацию скепсиса. Но из глубины души что-то нудно подталкивало к этому «почему?», как будто бы в нем заложена разгадка предназначения Города Богов.

Я еще раз взглянул на ряд из четырех фигур, и мне представилось, что все они причастны к проявлению одного, единого... для всех... ребенка — маленького ангелочка, отпочковывающегося от ангелоподобного человека Шамбалы.

— Единый ребенок Шамбалы?! Вновь зароденный здесь, в Городе Богов, ангелочек?! Что это — новая голографическая (или ангелоподобная) форма жизни, сотворенная здесь?! — шепотом проговорил я.

Мне вспомнилось упоминание то ли Астаманом Биндачарая, то ли «старшим человеком» неких «новых ангелов», которые каким-то образом связаны со священным Кайласом. Я максимально напряг свой разум, но никаких вразумительных аналогий найти не смог.

— «Нового ангела», что ли, создала здесь Шамбала? — всего лишь подумал я ненароком.

В тот момент я не понимал, что эта мысль окажется очень важной и через долгое время появится вновь, но уже на другом качественном уровне.

Проанализировав изображения фигур людей в ряд, я стал размышлять о двух силуэтах, похожих на людей, сидящих в позе Будды, тоже изображенных на «латиноамериканском» монументе. Было вполне очевидно, что здесь было изображено Сомати — самоконсервация человеческого тела, поскольку именно в этой позе люди входят в состояние Сомати и сохраняют свои тела тысячи и миллионы лет, создавая тем самым Генофонд Человечества. Я вспомнил рассказы лам о Царстве Мертвых и представил, что где-то под нами существует Город Мертвых — столица подземного Царства Мертвых, где тела лучших сынов и дочерей людей различных земных цивилизаций находятся в покое и внешне напоминают мертвые тела, но жизнь в этом удивительном Царстве кипит и кипит очень бурно — духовная жизнь, жизнь, не обремененная телом.

Я вполне хорошо осознавал роль Генофонда Человечества (или Царства Мертвых) и понимал, что в случае глобальной катастрофы и гибели человечества «мертвые тела» оживут, то есть выйдут из состояния Сомати и смогут возродить телесную жизнь на нашей планете. Тем не менее, где-то в глубине души клокотала мысль о том, что Царство Мертвых выполняет не только роль «запасной кладовой человеческих тел», а является особой формой жизни земного человека, столь же необходимой для создания баланса жизни на планете Земля, как и сакральное содружество Земного Человека с подземной Шамбалой.

Наверное, люди Царства Мертвых тоже принимали участие в строительстве Города Богов, — просквозила мысль, — не зря люди в Сомати тоже изображены на этом монументе, где, как на «Доске Почета», запечатлены... строители Города Богов.

Подул холодный ветер. Я поежился, накинул капюшон и присел на камень, через спортивные брюки ощущая его холод.

— Холодное — не есть еще мертвое, — отметил я, продолжая думать о Царстве Мертвых. — Странно звучит ведь, а? — Мертвые строили Город Богов! А как это они это делали? — оживив свои тела или пользуясь только энергией Духа?

Тогда я и представления не имел о том, что древние вавилоняне представляли мир в виде сочетания трех составляющих его частей: жизни на поверхности Земли, жизни в подземной Шамбале и жизни в Царстве Мертвых.

А сейчас этот неведомый откуда всплывший вопрос «Как Мертвые строили Город Богов?» стал мучить меня. Из книг Блаватской я знал, что при феномене Сомати освобожденный Дух человека живет на Том Свете, но связан с кажущимся мертвым телом так называемой «серебряной нитью», в связи с чем Дух никогда не теряет свое тело. Во фрактальном мире Того Света Дух этот может путешествовать по разным пространственным измерениям, тем не менее оставаясь «подвязанным» к своему законсервированному трехмерному телу.

— Путешествовать по параллельным мирам... путешествовать по параллельным мирам, — повторял я раз за разом, пока меня не осенило. — Да елки-палки, да ведь все так просто! Наверное, все просто — освобожденный от тела Дух способен войти в другое пространственное измерение и там, в неведомом и прозрачном для нас параллельном мире, мобилизовать пятый элемент — чужого для нас «параллельного» человека, осознавшего «энергетическую» мудрость Любви к Богу во имя помощи нашему трехмерному миру, где находится его законсервированное трехмерное тело, чтобы привести в действие чудодейственную энергию пяти элементов. Не зря Бонпо — лама говорил, что Город Богов был построен с помощью энергии пяти элементов. Люди из Царства Мертвых помогли мобилизовать эту энергию, поскольку только Мертвые знают, где и в каком из параллельных миров существуют кристально чистые люди, способные

через искреннюю Любовь к Богу мобилизовать энергию пяти элементов, чтобы помочь нам — обремененным злостью, завистью и жадностью — через... создание Города Богов.

Мое заднее место совсем застыло на холодном камне, на котором я, обычный трехмерный человек, продолжал сидеть. Я встал и вновь уставился на монумент, который сам же нелепо назвал «латино — американским». Мой пристальный взгляд показался мне глуповатым. Я помотал головой, как бы желая поумнеть, но мне этого не удалось — я имел лишь кое-какую возможность констатировать величие мироздания, но не имел никакой возможности влиять на него. — А ведь Мертвые могли и могут влиять на мироздание, — подумалось мне.

Пятый Элемент параллельного мира

Резким порывом ветра у меня из рук вырвало полевую тетрадь. Я погнался за ней и, снова взяв ее в руки, ощутил радость — простую элементарную трехмерную радость, схожую с радостью котенка, поймавшего мышь.

— Давай-ка еще проанализирую, — почти вслух важно сказал я сам себе. — Что там в виде летающей тарелки видится? Да еще и четыре кружка рядом.

Я думал и думал на эту тему, при этом прекрасно понимая, что мои размышления носят характер «фантазий на свободную тему» и в любом случае останутся бездоказательными, тем более что я не мог быть убежден, что изображения на этом монументе не являются «работой ветра». Но кто может запретить человеку, пусть даже сравнительно примитивному трехмерному человеку, думать! Ведь Бог открывает какие-то истины только тем людям, которые думают, всей своей душой взывая к овладению знаниями.

Факт изображения «летающей тарелки» мне явно не нравился. Вызывало сомнение, что мудрые древние люди наряду с изображениями такого толка, как четыре Коренные Человеческие Расы и Царство Мертвых, изобразили еще и свой летательный аппарат, — ведь даже мы, символизируя какие-то исторические вехи, почти никогда не включаем туда изображения самолетов.

— Этими четырьмя кружками и овалом, внутрь которого тоже включено два кружка, наверняка изображено что-то очень значимое и величественное, — думалось мне. — Но что?

И тут легко, безо всякого напряжения выплыло предположение, что таким образом, символически, была показана энергия пяти элементов, с помощью которой, как написано в тибетских текстах, был построен Город Богов. Можно было представить, что четыре кружка являются четырьмя элементами (огонь, вода, земля и ветер), а пятый элемент (человек) был принесен в наш трехмерный мир из другого пространственного измерения с помощью изогнутого (в виде овала) пространства, чтобы мобилизовать единую энергию пяти элементов с созидательной целью здесь — в нашем трехмерном мире. То есть сюда, в наш мир, был внесен человек из параллельного мира, способный выполнить, в отличие от нас, роль пятого элемента. Но почему внутри овала нарисован не один кружок (символ пятого элемента), а два? Я стал размышлять об этом и не нашел никакого другого объяснения, как то, что вторым кружком внутри овала мог быть символично изображен человек из Царства Мертвых, без вмешательства которого не удалось бы мобилизовать пятый элемент из параллельного мира для нужд нашего трехмерного мира.

Я стоял, обдуваемый холодным ветром, и внутри себя ощущал глухой ропот негодования из-за того, что так мало знаю и вынужден рассуждать предельно умозрительно.

— Почему я все время и по каждому поводу рассуждаю и стараюсь без всякой практической

надобности провести аналогии и сделать выводы? — самокритично задал я себе вопрос и не нашел на него ответа. В то время я еще плохо понимал, что рожденные интуитивно или сделанные логически выводы и умозаключения имеют способность накапливаться, так же как и реальные факты. Они, как и факты, могут постепенно выстраиваться в стройные линии, просеиваясь через сито научного анализа, и неожиданно приводить к какому-то практически важному заключению, которое ты, как ученый, не боясь оскорбляющего презрения маститых академиков, кидаешься проверять в эксперименте и, получив положительный результат, вдруг осознаешь, что существует Мир Мыслей и что ты, как исследователь, не имеешь права бездумно отбросить ни одну мысль, пусть даже самую фантастическую, потому что клокотание мыслей в твоей голове связано не просто с желанием в чем-то выделиться и за счет этого занять более уважаемое положение в человеческом обществе, а связано с тем, что через близкий и в то же время таинственный Мир Мыслей мы соединены с другими вариациями разумной жизни, будь то с Шамбалой, будь то с Царством Мертвых, будь то с параллельными мирами, о мыслительных способностях которых знает только Тот, мысль которого невообразимо мощна, а именно Тот, кто создал нас и их... вместе.

Я снова присел на холодный камень, поежился и представил, что чудесная энергия пяти элементов, с помощью которой было создано все, что окружало нас в Городе Богов, наверное, когда-то прозрачным лучом была из глаз пятого элемента — человека из параллельного мира, пришедшего к нам на помощь, чтобы создать то, что очень грандиозно, но роль чего неведома нам.

На монументе выше кружков и овала была хорошо видна какая-то огромная петля. Я попытался проанализировать это то ли изображение, то ли естественное слияние расщелин на камне, но у меня ничего не получилось. Я махнул рукой, понимая, что у меня не хватит ни знаний, ни мыслительных способностей.

Лестница в небо

Далее я обратил внимание ребят на какое-то подобие лестницы, спускающейся с западной стороны «латиноамериканского» монумента.

— Интересно, что бы это могло означать? — спросил я.

— Это лестница в небо! — без тени сомнения ответил Селиверстов.

— Куда, куда лестница? — решил уточнить Рафаэль Юсупов.

— В небо, — Селиверстов вскинул подбородок.

— А что там...?

— Небо, а что же еще.

Наступила минутная пауза.

Во многих легендах и мифах упоминается лестница в небо, — стал пояснять Селиверстов. — Описывается, что человек по этой лестнице может взойти на небо и увидеть небесную жизнь.

Никто из современных людей не ходил в небо, никто даже не видел ее...

Ты хочешь сказать, — Рафаэль Юсупов насупился, — что мы видим настоящую лестницу в небо? А как, по-твоему, можно по ней восходить — она же почти вертикальная, да и почти полукилометровый отвес отделяет лестницу от земли?

— Вот в этом-то и дело, — Селиверстов поднял указательный палец, — только те люди, которые способны к левитации, то есть к подъему своего тела над поверхностью земли, могут

добраться до лестницы в небо. Вы вот, Рафаэль Гаязович, не сможете добраться до лестницы в небо, потому что левитация для Вас недоступна. Вы, Рафаэль Гаязович, человек приземленный.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, — не дал договорить Юсупову Селиверстов, — что Вы никогда не сможете оторваться от поверхности земли, Вы — поверхностный человек.

— Чего, чего? — Рафаэль Юсупов кинул недовольный взгляд на Селиверстова. — Это я-то приземленный и поверхностный?

— Вне всякого сомнения, — дерзко ответил Селиверстов. — Вы ведь, Рафаэль Гаязович, не можете воспарить?! Куда воспарить?

— Не куда воспарить, а над землей воспарить. Приземленные люди, извините, парить не могут и, тем более, «до парить» до лестницы в небо.

— А ты сам-то, Сергей Анатольевич, парить можешь и, тем более, «допарить» до...?

— Я могу, — Селиверстов горделиво посмотрел на Юсупова.

— Как это?

— Мой Дух может воспарить над землей и... м... м... м... долететь до лестницы в небо, в то время как мое брэнное тело останется на земле и будет ждать, пока мой Дух не возвратится в него обратно. Я мысленно могу воспарить, а приземленные люди не могут, потому что парением считают только телесное парение.

— И как часто ты паришь?! — ухмыльнувшись, спросил Рафаэль Юсупов.

— Как? Телесно или духовно? — Селиверстов взглянул на него.

— И так и так.

— Духовно я парю тогда, когда меня посещают возвышенные мысли, а вот телесно не могу.

— Понятно, — рассмеялся Рафаэль Юсупов, — чтобы такое большое тело могло парить... Тело, которое сто пельменей может съесть!

— Не в пельменях дело, а в силе духа. Дух, если он сильный, любое тело может поднять, чтобы парить.

— Но не твое.

— Мое тоже может.

— Сергей Анатольевич! Рафаэль Гаязович!

Вот если бы вы оба воспарили и допарили до лестницы в небо и поднялись по ней, то куда бы вы тогда попали? — ехидно спросил Равиль.

Вне всякого сомнения, мы бы попали в параллельный мир, — ответил Селиверстов.

Местом входа в параллельные миры, я думаю, является лестница в небо. Только люди, умеющие парить, могут входить в параллельные миры, как духовно, так и телесно.

Я собрал карандаши, компас и бинокль в сумку и сказал, что пора идти. Выстроившись гуськом, мы пошли по маршруту. Сзади послышалось:

— Не парим ведь, а ногами идем.

Шагая и думая об увиденном, я вдруг понял, что замеченное нами наскальное изображение лица человека, скорее всего, принадлежит атланту, поскольку на «латиноамериканском» монументе мы скорее всего видели изображения фигур четырех Коренных Человеческих Рас, а атланты, как известно, являлись четвертой Расой.

Тропа вела нас к маленькому монастырю, расположенному на крутом каменистом склоне. Я крутил головой во все стороны, стараясь не пропустить чего-либо интересного. Неожиданно я споткнулся и с грохотом упал, ударившись носом о камень. Ребята помогли мне подняться, стали щупать быстро распухающий нос и приговаривать, что с таким солидным носом я смотрюсь сурово и экзотично.

— Каково, интересно, лицо Читающего Человека? — подумалось мне.

Глава 7. Библиотека среди скал

Мы шли к маленькому монастырю, расположенному на западном склоне каньона высоко среди скал. Дойдя до монастыря, который был похож на келью отшельника, мы крикнули: — Эй, кто там есть?

Навстречу вышел человек в цветастом свитере и представился, сказав, что он монах.

Через проводника Тату мы попросили разрешения поговорить с ним и побывать внутри монастыря.

— Хорошо. Только внутри монастыря можно быть всего несколько минут. А поговорим мы в другом месте, — ответил монах-отшельник.

— Почему так?

— А потому, что здесь находится хранилище древних книг.

Мы недоуменно переглянулись.

— Древние книги не любят чужих людей, — пояснил монах.

— Как это?

— А так, что древние книги чувствуют человеческие мысли.

Здесь нельзя думать!

— Книги чувствуют? — мы еще раз недоуменно переглянулись.

— Да, — кивнул монах, — древние книги чувствуют мысли. Мысли чужих людей опасны для древних книг, потому что они могут изменить записи в книгах.

— А вдруг здесь тоже находятся золотые пластины лемурийцев, в которых записано истинное знание? Из рассказа «старшего человека» я понял, что на золотых пластинах самопроизвольно записывалась мысль, и она же считывалась с помощью рук, — прошептал мне в ухо Равиль.

— А эти книги толстые или в виде пластин? — спросил я.

— Толстые, очень толстые, — ответил монах. — Толще книг не бывает.

Эти книги буквами написаны или без букв? — Решил уточнить Равиль.

— Буквами на санскрите.

— Вы считаете, — обратился я к монаху, — что мысли чужих людей могут изменить буквы и слова в книге, что ли? Этого не может быть.

— Нет, — спокойно возразил монах, — слова и буквы останутся теми же, но человек, который будет читать книгу, будет неправильно понимать текст.

Я вспомнил исследования профессора Степанова о том, что любая фотография несет на себе тонкоэнергетический отпечаток самого человека, и представил, что, видимо, и любая запись может нести в себе отпечаток мыслей человека, который ее делал.

— Так что же, нам внутри хранилища древних книг совсем не думать, что ли? — иронично спросил Рафаэль Юсупов, прищулив глаза.

— Да, там думать нельзя, — невозмутимо ответил монах.

— Совсем?

— Совсем.

Мы вошли внутрь хранилища древних книг, стараясь... м... м... не думать. Хранилище представляло собой довольно большую комнату, вдоль двух стен которой были сделаны высокие

полки для книг, а у третьей стены было расположено что-то вроде алтаря со статуями богов. В каждой ячейке полки помещалось по четыре толстенные книги. Каждая книга имела толщину около 20 сантиметров и была аккуратно обернута ажурной желтой, красной или сиреневой материей. Чувствовалось, что до книг давно никто не дотрагивался.

Равиль, обнаглев, достал фотоаппарат и быстро щелкнул, хотя знал, что в храмах и монастырях фотографирование обычно запрещено.

— Нельзя, нельзя этого делать! — вскричал монах.

Равиль виновато склонил голову, пряча довольную улыбку.

Когда мы вышли из хранилища древних книг, Рафаэль Юсупов спросил Селиверстова:

— Вы, Сергей Анатольевич, по-моему, о чем-то думали!

— Но только не о Вас, Рафаэль Гаязович!

Монах предложил пройти к роднику у склона каньона, чтобы поговорить с нами. Около полукилометра мы пропетляли по склону среди огромных валунов, пока не дошли до родника и не уселись на плоский камень рядом с ним.

— А зачем так далеко надо было уходить, чтобы поговорить? — удивился Селиверстов.

— Чтобы наши мысли не нарушали покой древних книг, — пояснил монах.

Эти книги читают раз в год

Ледяной ветер и холодный камень явно не располагали к долгой душевной беседе. Тем не менее, я достал полевой дневник и спросил монаха:

— Вы сами-то читали эти древние книги?

— Да, я их читаю каждый год.

— Как понять?

— А так, что я каждый год читаю их один день.

— А почему так редко? Я бы зачитался этими книгами...

— Я бы тоже так хотел... — монах замешкался, — но мне разрешено читать их только один день в году.

— А кто так повелел? — удивился я.

— Прежний хранитель книг сказал, что только один день в году я имею право открывать эти книги и читать. Я знаю, в какой день мне разрешено читать, и свято это соблюдаю. Под глубоким секретом держу я эту дату. Хранитель говорил, что в этот день мои мысли не повлияют на книги и... не испортят их.

— А Вы санскрит знаете?

— Да, конечно. Но забывается этот язык, ведь приходится читать всего один день в год.

— И много книг Вы так прочитали?

— Нет. Книги ведь толстые, а я еще молодой. Надо длинную жизнь прожить, чтобы все их прочитать.

— О чем написано в книгах, которые Вы успели прочитать? — продолжал помогать я.

— О священном Кайласе все книги пишут.

— А что именно? Постарайтесь систематизировать.

Монах задумался минут на десять. Я с завистью смотрел на ребят, которые встали с камня и переминались с ноги на ногу, а я был вынужден из деликатности сидеть на камне и морозить заднее место. Наконец монах поднял голову и сказал:

— В древних книгах описывается принцип строительства комплекса Кайласа, описывается

Шамбала и Царство Мертвых.

— И что там написано? — насторожился я. — Расскажите подробнее, пожалуйста.

— Ну, я же... ну я же, — растерялся монах, — читаю всего лишь один раз в год, поэтому плохо знаю.

— А все-таки, что там написано?

— Написано там, — монах насупил брови, — что весь комплекс Кайласа был построен древними по принципу мандалы, которая называется Калачакра. Говорится, что Калачакра является главной мандалой чудодейственных сил, называемых Тантра, а также указывается, что главной составной частью сил Тантры является Время.

— Чего? Время?! Расскажите об этом подробнее, — попросил я.

— Ну... — смущенно улыбнулся монах, — я знаю только то, что Калачакра управляет Временем. А больше... я не успел прочитать.

О, как важны для меня были эти слова! О, как многого я тогда не знал! Я тогда и представления не имел, что главным телом человека является «тело времени», которое создавалось здесь... для новых людей...

Фигуры Просвещения

камня, на котором я сидел, вывел меня из оцепенения. Хриплым голосом я попросил монаха продолжить свой рассказ.

— Написано в книгах, — врасстяжку сказал монах, — что в древности весь этот Город...

— Город Богов? — не удержался и встрял я с вопросом.

— Мы его немного по-другому называем... в книгах написано, что в этом прекрасном когда-то Городе, кроме больших архитектурных монументов, было построено около 1000 Фигур Просвещения, части которых можно и сейчас увидеть в виде каменных столбов и других фигур. Чаще всего они стоят группами или в ряд, образуют квадрат или круг. На некоторых из них даже сохранились изображения...

Да уж, — удовлетворенно крикнул я, вспомнив, что одним из наших объяснений существования групп необычных останцев было предположение о том, что когда-то они были искусственно сделанными фигурами.

— Написано, что Фигуры Просвещения были такими красивыми, что их красоте удивлялись даже Боги.

— А что написано про Шамбалу... то есть про страну Олмолонгрен?

— Много написано, но я не успел прочитать, — я ведь молодой еще.

— А что написано про Царство Мертвых?

— Тоже много написано, но я тоже не успел прочитать. Но... я знаю здесь недалеко пещеру, которую предыдущий хранитель считал одним из входов в Царство Мертвых.

— И мы можем пойти туда? — я недоверчиво вскинул брови.

— Да. Это рядом...

Еще одна Сомати — пещера

Через несколько сотен метров карабканий по крупнокаменистой осыпи монах привел нас к

небольшой пещере.

— Здесь надо посидеть, отдышаться и начать думать только о хорошем; лучше всего — о вечном. С плохими мыслями в пещеру входить нельзя, пещере это не понравится, — сказал монах и присел на камень.

Мы тоже уселись на камни и стали молчать.

— Ты, Сергей Анатольевич, о хорошем думаешь? — через пару минут прервал молчание Рафаэль Юсупов.

— Да, о хорошем. А Вы, Рафаэль Гаязович?

— Тоже вроде бы о хорошем...

Через несколько минут монах поднялся и завел нас в пещеру. К нашему удивлению, пещера оказалась всего лишь небольшим гротом.

— Сомневаюсь, чтобы этот грот являлся местом входа в Царство Мертвых, — недовольно высказался я.

Но это так! — улыбнулся монах. — Вход вон там, где при свете фонарика видна узкая щель.

Обуреваемый исследовательским инстинктом, я полез в эту щель, с трудом протискивая свое тело. Щель оказалась зигзагообразно изогнутой и очень неудобной для продвижения, а камни, окружающие меня, были мокрыми и скользкими. Вскоре щель совсем сузилась. Впереди, почти на уровне пола, я увидел отверстие. Я согнулся и приблизился к нему.

— Шеф, может, не стоит совсем близко приближаться к отверстию? Мне так почему-то кажется, — послышался голос Равиля, который пробирался за мной с видеокамерой.

— Да ладно! — нервозно ответил я, раздосадованный тем, что одним из предполагаемых входов в Царство Мертвых является не огромная красивая пещера с типичным психоэнергетическим барьером, а какой-то сырой темный грот.

Отверстие было размером с голову человека. Я смело сунул туда руку с фонариком и, совсем склонившись, постарался увидеть то, что было за отверстием. Голова уперлась в какой-то уступ, в спину впился острый камень, не давая приблизить лицо к отверстию.

Вдруг я почувствовал, что по моей руке, засунутой в отверстие, пробежали мурашки, и она начала неметь. Я чуть не выронил фонарик. Я выдернул руку, после чего чувство онемения постепенно прошло. Тогда я с экспериментальной целью засунул в отверстие другую руку, но уже без фонарика, — онемение наступило почти сразу.

— Равиль, рука в отверстии немеет... — пробурчал я. — Хорошо еще, что не смог засунуть туда голову, а то бы мозги еще онемели!

Нервозность постепенно проходила, но на смену ей пришел какой-то непонятный страх. Я с трудом развернулся в щели и выбрался обратно. Дневной свет показался мне сущим благом.

— А почему рука, засунутая в отверстие, немеет? — спросил я монаха.

— А потому, что Вы, дорогой ученый, не думали только о хорошем и вечном. Пещере это не понравилось, — ответил он.

— Чувство онемения вызывают тантрические силы Кайласа?

— Да. Они защищают пещеру. Но управляют тантрическими силами Мертвые.

— Их там много, Мертвых-то? — я ткнул рукой в землю.

— Много, очень много. Там целое Царство Мертвых, — как само собой разумеющееся, сказал монах.

— Скажите, дорогой монах, а вход в пещеру был заделан искусственно? — задал я вопрос.

— Много лет назад в пещере произошел обвал, который перекрыл часть входа. Тогда монахи решили заделать весь вход, чтобы люди, входящие в пещеру, не гибли. Только маленькое отверстие оставили, — пояснил монах.

— А от чего люди гибли? Тело их полностью немело, что ли?!

— Да, люди переставали чувствовать свое тело, а потом тело переставало слушаться человека.

Мне сразу на ум пришли Сомати-пещеры, которые нам встречались в экспедициях. Во всех них действовали какие-то странные силы, то есть работал так называемый психоэнергетический барьер, препятствующий доступу человека в эти засекреченные пещеры. Любопытным было то, что во всех Сомати-пещерах эти силы, которые на Востоке называют тантрическими, оказывали разное влияние на входящего человека: в первой пещере ощущалась череда чувств, состоящая из страха, негодования, головной боли и слабости, во второй — пещера выступала как энергетический вампир, как бы «обесточивая» человека, в третьей (пещера Харати) — тантрические силы делали человека слепым и, наконец, в четвертой пещере, то есть здесь, на Тибете, тантрические силы вызывали чувство онемения.

Я также вспомнил, что одна из Сомати-пещер в Гималаях — та самая, которая энергетически «обесточивала» человека, — была также заделана камнями недалеко от входа и там также было оставлено небольшое отверстие. Тогда, в Гималаях, я уже понимал, что люди в состоянии самоконсервации (Сомати) могут ожить и будут искать выход на поверхность. Помню, я недоумевал по поводу возведения каменной преграды, но вразумительного ответа от монахов не получил, кроме слов «камень для них не преграда». Поэтому и тибетского монаха я спросил о том же.

Настоящие Мертвые

Тибетский монах надолго задумался и тихо сказал:

— Мне рассказывали, что много-много лет назад в этом монастыре жил монах, который умел разговаривать с Мертвыми...

— С Мертвыми из Царства Мертвых?

— Да.

— И о чем они говорили?

— Они говорили о том, — монах насупил брови, вспоминая кем-то, видимо, рассказанную историю, — что люди, погибающие при входе в эту пещеру, то есть умирающие здесь... то есть становящиеся мертвыми... не являются настоящими Мертвыми. Настоящие Мертвые там — в глубине. Настоящие Мертвые не хотят, чтобы люди, из-за страстного желания приобщаться к Царству Мертвых, превращались не в настоящих мертвых.

— Поэтому настоящие Мертвые дали команду построить эту преграду?

— Да, тот самый монах, который жил много-много лет назад и умел разговаривать с Мертвыми, созвал монахов и попросил построить преграду в этой пещере. Да и мы периодически обновляем эту преграду.

— Не говорил ли тот самый древний монах в отношении Мертвых фразу «камень для них не преграда»? — задал я вопрос, припоминая, что в предыдущих экспедициях эта фраза не раз мелькала касательно Сомати-пещер.

— Не знаю, может, говорил, а может быть, и нет, — ответил монах. — Но я знаю, что Мертвые могут приказать разобрать нам эту преграду, да и сами Мертвые могут ее снести.

— Вы что-нибудь знаете о Сомати, то есть о самоконсервации тела?

— Я слышал об этом, но знаю плохо.

— Царство Мертвых — это Царство людей в состоянии Сомати?

— Я не могу сказать, но я уверен, что Царство Мертвых живое, — твердо произнес

монах. — Я еще знаю, что Царство Мертвых сильнее нас.

— Мне кажется, что Царство Мертвых возглавляет человек, «мертвое» тело которого огромно, — я хитро посмотрел на монаха, предполагая возможность существования и здесь древнего человека по типу легендарного Харати.

— Почему Вы так думаете? — переспросил монах.

— Мне так кажется.

— Там, в Царстве Мертвых, есть царь, но его имени я не имею права назвать.

— Его тело большое?

— Не знаю.

Мы замолчали. Я привстал с камня, приговаривая — «очень интересно, очень интересно...».

— Здесь есть еще один родник. Говорят, вода, вытекающая из него, течет из Царства Мертвых, — неожиданно произнес монах.

— Где?!

— Да вот здесь, за скалой!

Вода Долгой Жизни

Мы подошли к роднику. На вид это был обычный горный родник, которые можно во множестве встретить на Тибете.

— Вода этого родника называется Водой Долгой Жизни, — монах поднял указательный палец.

— И что, если будешь пить воду из этого родника, то будешь долго жить? — задал я естественный вопрос.

— Ну... — смутился монах.

— Скажите, — вставился в разговор Рафаэль Юсупов, — монахи, которые служили в этом монастыре, жили дольше других людей?

— Нет, не дольше, даже иногда меньше.

— Тогда чем обосновано название «Вода Долгой Жизни»? — не унимался Юсупов.

— Я же говорил, что этот родник вытекает из того места подземелья, где находится Царство Мертвых, — совсем смутился монах.

— Ну и что?

— А то, что человек, который пьет эту воду, может приобщиться к Царству Мертвых. А Мертвые «живут» очень и очень долго.

— И миллионы лет?! — воскликнул я, по рассказам лам зная, что люди, вошедшие в состояние Сомати, способны «прожить» тысячи и миллионы лет, сохраняя свое тело в законсервированном состоянии.

— Я не знаю, сколько лет могут «прожить» Мертвые, но я знаю, что очень долго, — ответил монах. — Я и сам пью Воду Долгой Жизни и тоже хочу приобщиться к Царству Мертвых.

— А как Вы представляете процедуру того, как стать настоящим Мертвым? — Рафаэль Юсупов испытующе посмотрел на монаха. — Ну, как Вы станете Мертвым?

— Об этом написано в древних книгах. Придет время, когда я это прочитаю, — проговорил монах.

В этот момент мне припомнились наши поиски «мертвой» и «живой» воды в третьей

гималайской экспедиции, когда из весьма серьезных религиозных источников удалось выяснить, что йоги, стремящиеся войти в состояние Сомати, обязательно пьют воду особых источников («мертвую» воду?), а для того, чтобы йог вышел из Сомати, его окропляют и поят другой особой водой («живой» водой?). Нам даже удалось найти эти источники и доставить воду из них для лабораторных исследований, после проведения которых мы удивлялись тому, что действие этих двух видов воды на культуры клеток оказалось диаметрально противоположным.

— Наверное, «мертвая» вода течет здесь, то есть вода, способствующая вхождению человеческого тела в состояние Сомати, когда тело выглядит как мертвое, — подумал я и представил, что в Царстве Мертвых, наверное, тоже течет такая же вода — та вода, которая является «родной» для странного подземного Царства, где в неподвижном состоянии сидят тысячи и тысячи человеческих тел разных рас и цивилизаций, а Духи их ведут длинную-длинную и прекрасную летучую жизнь, полную впечатлений и событий, жизнь, значимость которой определяется хотя бы тем, что к когорте Мертвых имели возможность приобщиться только лучшие сыновья и дочери земных Человеческих Рас, умевших и на поверхности земли жить с Чистой Душой.

Мертвые оберегают древние Знания

Мы взяли пробу Воды Долгой Жизни и вместе с монахом пошли обратно к монастырю. Вспомнив, что разговор около монастыря может «нарушить покой» древних книг, я остановил монаха метров за 250-300 до монастыря, чтобы еще порасспросить.

— Сколько лет древним книгам? — спросил я его.

— Две тысячи лет.

Написаны они на папирусе, а не на бумаге.

Прежний хранитель книг говорил, что 2000 лет тому назад их переписали с еще более древних книг.

— Скажите, дорогой монах, — я сделал многозначительную паузу, — не переписаны ли эти книги с древних золотых пластин, где хранятся главные знания древних?

— С золотых пластин? — монах поднял на меня глаза и тоже сделал паузу. — Я не знаю этого.

— Вы когда-нибудь видели статую Читающего Человека? — я неморгающим взглядом уставился на него.

— Я... я много раз пытался увидеть ее, ходил на то место, откуда она видна, но ни разу не видел эту легендарную статую — она всегда была закрыта облаками.

— А Вы знаете, что под статуей Читающего Человека хранятся главные золотые пластины? — с видом всезнайки задал я провокационный вопрос, сам, конечно же, не будучи в этом уверенным.

Монах пристально посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Никто не может добраться до этих золотых пластин, — сказал он.

— Почему?

— Царство Мертвых оберегает их.

— Как оно это делает?

Монах оставил мой вопрос без ответа.

Я вполне осознавал, что главные знания древних цивилизаций, включая чудотворные заклинания, вряд ли могли быть когда-то и кем-то переписаны в книги, чтобы до поры до

времени не раскрывать их еще коварным и страждущим власти людям, но мне почему-то казалось, что источником знаний, описанных в этих древних книгах, являются золотые пластины Шамбалы.

Монументы дарят книгам долгую жизнь

— А почему монастырь построен на таком неудобном месте — на склоне горы, среди камней? — послышался вопрос Селиверстова.

— Это место выбрано не зря, — монах с любовью посмотрел на свой монастырь. — Древние книги должны храниться рядом со входом в Царство Мертвых... рядом с Водой Долгой Жизни... и...

— Что? Что и...?

Ну... древние книги должны храниться в том месте, откуда одновременно видны два самых священных монумента мандалы Калачакры — Гомпо-Панг и Дом счастливого камня, — эти монументы даруют книгам долгую жизнь.

При этих словах монаха у меня мелькнула мысль о том, что (кто знает?) эти монументы могут влиять на изменение характеристик времени и что мандала Калачакры есть мандала Времени. И совершенно нельзя исключить того, что Время есть невообразимо сложная, а возможно и самая сложная энергетическая субстанция, способная избирательно устанавливать индивидуальные характеристики течения жизни для отдельного человека, отдельной клеточки и даже отдельного предмета, имеются достоверные доказательства. Это не укладывается в обычную человеческую логику. Но есть и многое другое, что тоже не укладывается в голове человека. Да и кто скажет, что выражение «монументы дарят книгам долгую жизнь» является полной чушью?

— Покажите нам, где эти два монумента! — попросил Селиверстов.

— Да вот они, высятся перед нами. Вот этот, — монах показал на не очень хорошо узнаваемый отсюда «латиноамериканский» монумент, — называется Гомпо-Панг, а вон тот, выглядывающий из-за этого монумента и похожий на отполированную прямоугольную скалу, называется Дом Счастливого Камня.

Я еще раз всмотрелся на хорошо уже знакомый монумент Гомпо-Панг, который мы называли «латиноамериканским», и удивился тому, что с этого ракурса он выглядит по иному; изображения скрыты за уступом, а форма приобрела другие очертания.

— Ох и сложную же конструкцию имеет этот монумент! — воскликнул я про себя.

Равиль начал снимать на видеокамеру эти два монумента и, когда направил окуляр в сторону Дома Счастливого Камня, неожиданно отдернулся и схватился за глаза.

— Что с тобой? — испугался я.

— Какая-то резкая боль возникла в глазах, когда я посмотрел через окуляр на этот «дом», — сказал он. — Сейчас боль вроде бы утихает. Странная боль какая-то, как будто ножом резануло.

На Дом Счастливого Камня смотрите с любовью

Я посмотрел глаза Равиля и ничего не нашел, кроме легкого покраснения конъюнктивы.

— Станный он, этот Дом Счастливого Камня, — тихо заговорил монах, — иногда он даже

не позволяет на себя смотреть. Но запомните — подходить к Дому Счастливого Камня нельзя — там действуют особые силы.

— Которые превращают людей в стариков? — вставил я вопрос, вспомнив рассказы лам об этом «доме» и предполагая, что такой эффект может вызвать сжатое время.

— Кого-то «Дом» превращает в старика, а кого-то и нет, — ухмыльнулся монах, — все зависит от самого человека. Кто-то в этом Каменном Доме находит Великое Счастье, а кто-то находит просто смерть... Через мучения умирающего старика.

Я вдруг ясно и четко, как наяву, почувствовал значимость мыслей человека и стал даже бояться того, что какая-то поганенькая мысль посетит мое сознание; в этом странном Городе Богов, где я находился, было все обострено — и чувства, и мысли, и многое другое. Мне даже стало казаться, что мысль человека здесь находится как бы на острие ножа и способна легко склониться в ту или иную сторону, где находятся или Великое Счастье, или Фатальный Конец.

— Счастье состоит, наверное, в том, что через «Дом» можно попасть в прекрасный подземный мир Шамбалы, — высказал я предположение, посмотрев на монаха.

Я не знаю этого, не читал еще... — простодушно сказал монах.

— Но я знаю, что на одной из стен Дома Счастливого Камня есть большое квадратное отверстие, с внутренней стороны прикрытое каменной плитой. Есть еще несколько маленьких отверстий, которые тоже можно увидеть. Но подходить ни к одному из этих отверстий нельзя — человек, сделавший это, обязательно понесет тяжелую Божью кару.

— Врата в Шамбалу... — мечтательно произнес я. — Если бы знать заклинание, то врата могли бы и открыться.

— Мне говорили про это заклинание. Но никто не сможет прочитать его, никто, пока на то не будет Божьей воли. Только очень и очень редким людям Бог дает возможность узнать это заклинание, чтобы войти внутрь Дома Счастливого Камня и обрести Великое и Вечное Счастье.

Через минуту молчания я спросил:

— А в Долине Смерти Вы не были?

— Нет, не был.

— Про два камня там, в Долине Смерти, слышали? Ну, про те камни, рядом с которыми идет суд Совести Бога Смерти Ямы?

— Что-то слышал, но знаю плохо.

Монах на некоторое время замолчал, потом, подняв руку, показал на монументы Гомпо-Панг и Дом Счастливого Камня и мягко, на полутонах сказал:

— Каждый паломник поклоняется этим монументам.

Монах опять замолчал. Через минуту он, не поднимая головы, тихо проговорил:

— Есть еще третий монумент, которому обязательно поклоняются паломники. Он в 15 километрах отсюда, на севере. Его мы зовем пики Тшела Намсум.

— Пики?

— Да, пики, то есть горные вершины. Там два плоских и абсолютно одинаковых пика торчат, соединенные между собой. Это священный монумент — монумент, олицетворяющий силу.

— Силу?

— Да, силу.

Монах достал из кармана мякиш хлеба и стал его разминать между пальцев. Мякиш хлеба постепенно в его руках превратился в пирамидку, а потом в конус.

— Скажите, что это? — обратился к нему Равиль.

— Священная форма, — ответил монах.

Мы попрощались. Монах бросил нам вслед:

— На Дом Счастливого Камня смотрите с любовью.

Глава 8. Дом Счастливого Камня Главное Зеркало Времени

Мы размеренно шагали по тропе, приближаясь к Дому Счастливого Камня. Из головы не выходила мысль, высказанная еще в Непале монахом Ангом о том, что загадочный Харати может нас направить туда, где люди превращаются в стариков. Вспомнилась также фраза «старшего человека», что в районе «Дома», имеющего красный цвет, действуют тантрические силы, превращающие людей в стариков. А превращаться в старика, извините, не хотелось.

Внутри что-то затрепетало, из-за чего я даже замедлил ход. В голове возник сумбур.

— Как бы загадочный и невидимый Харати, пользуясь нашим научным любопытством, не завел нас туда, где предопределено немедленно состариться и испепелиться, — ненароком подумал я.

А ноги медленно несли нас к красному «Дому», где м-м-м... действуют тантрические силы, превращающие...

— На «Дом» надо смотреть с Любовью, — пронеслось в голове.

Я понимал, что Восток, тем более Тибет, и тем более Город Богов, полны загадок и тайн, неведомых нам — европейцам, и что наша европейская привычка чувствовать себя всезнайками и высокомерно относиться к таким понятиям, как «смотреть с Любовью», не может быть оправдана здесь, тем более здесь — в Городе Богов. Слово «грех», только начинающее входить в мое сознание после долгих лет атеистического воспитания в коммунистической стране, конкурировало с любознательностью и желанием познать неведомое через сугубо материалистический эксперимент, пусть даже этот эксперимент имел бы горделиво-фатальный конец, когда ученый своей смертью доказывает правомерность той или иной гипотезы. Но в мыслях совершенно ясно вырисовывалось, что смерть ради любознательности и ради удовлетворения любопытства ведущих светские беседы чопорных людей со стаканами виски в руках является сама по себе грехом, поскольку идет вразрез с жизнеутверждающей и жизнеоберегающей человеческой интуицией, которую мы, европейские люди, не привыкли слушать, да и... Бог создал человека не для того, чтобы его, человека, упомянули в разговоре, где рассказом о его «научной смерти» украсили бы наскучившую беседу о вкусе французских вин. Все же человек есть подсознательно прогрессирующее начало, то есть начало, ведомое, прежде всего, интуитивной подсказкой Бога, создавшего его и заставляющего его глубинно верить в Чудо Творения, где далеко не все подвластно человеческому осознанию и выглядит порой просто как невозможное и фантастическое, потому что человек есть дитя Творения, а не Творец. Поэтому детская вера в чудеса, потешающая нас, взрослых, есть не только отражение того, что нас, людей, создали, но и есть затаенное противодействие всевластию всезнающих седовласых академиков, ради «высокого» мнения которых ученые-исследователи порой идут даже на смерть, никому не нужную смерть, которая все равно не всколыхнет существующий пласт Вечного Чуда.

Вот это монумент!

Медленно шагая, мы завернули за угол и увидели красно-желтый Дом Счастливого Камня. Заколотилось сердце. Взяв себя в руки, я прикинул высоту «Дома» — она была не менее 800

метров, что примерно составляло высоту трех Эйфелевых башен (320 м), поставленных друг на друга. Видная отсюда, с юга, сторона «Дома» была совершенно гладкой; абсолютно вертикальная стена где-то на уровне половины высоты «Дома» приобретала более пологий характер, а ближе к вершине вновь становилась вертикальной с ровным закруглением кверху. На самой вершине по центру торчала какая-то округлая «шишка» с пупкообразным вдавлением сверху. Складывалось впечатление, что «Дом» когда-то был покрыт слоем раствора, остатки которого сохранились до сих пор. Кроме того, казалось, что верхняя часть «Дома» была изготовлена отдельно и посажена сверху с воздуха — четкая ровная линия, разделяющая верхнюю вертикальную и пологую части, говорила за это.

— Вот это монумент! — выдохнул Селиверстов.

— В этом случае я могу констатировать, что «Дом» никак не является естественным образованием, вне всякого сомнения — это колоссальный монумент древности, — проговорил Рафаэль Юсупов.

— И этот монумент называется Домом Счастливого Камня, — добавил Равиль.

Я принялся делать зарисовки, бегая то вверх, то вниз по склону. Но мне очень хотелось взглянуть на боковую северо-западную сторону «Дома» — там, мне казалось, должна находиться легендарная дверь, ведущая в Шамбалу. Я приостановил процесс рисования и, позвав ребят, пошел вперед, все более и более приближаясь к Дому Счастливого Камня. Я смотрел только вперед и не вертел, как обычно, головой, — а зря — справа во всем величии, оказывается, красовалось Главное Зеркало Времени.

Те самые Врата?

Мой взгляд, прикованный к постепенно открывающейся по ходу движения северо-западной стороне «Дома», стал вскоре различать, что она имеет вогнутую поверхность. Я шел, внимательно вглядываясь, и наконец увидел то, чего ждал... У меня заколотилось сердце — в нижней части этой стороны «Дома» вырисовывалось как бы вырубленное квадратное отверстие, прикрытое изнутри каменной плитой.

— Неужели это и есть легендарные врата в Шамбалу? — хриплым голосом проговорил я, остановившись.

— Фасетка какая-то, которую кто-то вырубил в стене «Дома», — послышался голос Рафаэля Юсупова.

— А все-таки это не фасетка. Какой смысл высекать фасетку?

Если подойти и сказать: «сим-сим, откройся», то дно фасетки отойдет назад, и мы увидим лестницу, ведущую в Шамбалу, — утвердительно произнес Селиверстов.

Равиль стал снимать панораму, а я принялся рисовать. Было холодно. Замерзшие руки еле слушались. Время, как часы, тикало в ушах.

— Шеф, а не пора ли нам идти? Мне кажется, что я стареть начал, — услышал я сиплый голос Селиверстова.

Закончив рисование и съемку, мы опять пошли на север, чтобы еще лучше разглядеть северо-западную сторону «Дома». Эта сторона Дома Счастливого Камня выглядела величественно: огромное вогнутое «зеркало» с хорошо видной каймой казалось взмывшим в облака, а у основания четко вырисовывалась квадратная фасетка — та самая легендарная фасетка, которая считалась вратами в Шамбалу.

Я остановился и стал думать.

— Надо в ходе научных размышлений хотя бы предположить роль и предназначение Дома Счастливого Камня, надо хотя бы предположить, хотя бы предположить, хотя бы построить гипотезу... причитал я, шевеля губами.

Но никакие мысли не шли в голову. Я даже начал злиться, ощущая звенящую пустоту в своих мозгах.

— Ну, для чего, ну для чего сделана вот эта громадная 800 — метровая вогнутая поверхность? — натужно ставил я сам себе вопрос, пытаюсь мобилизовать весь свой мозговой потенциал и... конечно же, ожидая интуитивной подсказки.

Но мой разум угрюмо молчал, как бы скованный мыслительным параличом, а интуитивной подсказки все не было.

— Вогнутое зеркало, вогнутое зеркало времени... ведь именно вогнутые поверхности использовал Николай Козырев, чтобы добиться сжатия энергии времени и зафиксировать эффект ускоренного течения времени, — стал наконец более или менее путево рассуждать я. — Отсюда следует, что вогнутая поверхность северо-западной стороны Дома Счастливого Камня предназначена для сжатия времени, чтобы время текло быстрее. А как умно сконструировано! Ведь легендарные «врата в Шамбалу» находятся на том участке северо-западной стены «Дома», где вогнутая, то есть сжимающая время поверхность переходит в плоскость, которая, по логике, не должна изменять течение времени.

Я вдруг всем своим телом ощутил тибетский холод и представил, что там, внутри Дома Счастливого Камня, наверное, тепло и уютно, что стоит только подойти к квадратной двери, сказать заветное «сим-сим», и ты окажешься на лестнице, которая ведет вниз, в прекрасный мир Шамбалы, где тебя встретят добрые и отзывчивые многоликие люди, обогреют, накормят и будут спрашивать о нашей жизни на поверхности Земли, особо упирая на вопрос: «А Добро еще не полностью победило Зло?».

— Странно, а почему монахи и ламы говорят, что к «вратам в Шамбалу» нельзя подойти, что люди там превращаются в стариков? Ведь вогнутое зеркало, сжимающее время, расположено значительно выше «врат», а фокус вогнутой поверхности, где эффект сжатия времени должен быть наиболее велик, находится где-то в небе, — промелькнула мысль. — Странно... Очень странно...

Но если бы тогда я просто повернул голову направо, то я бы увидел Главное Зеркало Времени, в зоне действия которого находились «врата в Шамбалу». Но я (удивительно!) в тот момент, не поворачивая голову направо, пристально смотрел на северо-западную сторону «Дома», поражаясь величии конструкции.

Я достал полевую тетрадь и сделал рисунок Дома Счастливого Камня и с этой позиции, но... при этом опять-таки не повернул голову направо.

Изогнутый каменный лист

Закончив рисовать, я повернул голову налево и постарался заглянуть за Дом Счастливого Камня с северной стороны. Какой-то странный каменный выступ показался мне интересным. Я пошел на север, не сводя взгляда с этого каменного выступа. Вскоре передо мной открылась любопытная картина: прямо за «Домом» стояла каменная конструкция метров этак 350-400 высотой, напоминавшая круто изогнутый и поставленный на попа лист бумаги. Но этот «лист» был сделан из камня, из тонкой изогнутой каменной плиты. Края его были изъедены временем, но характер конструкции прослеживался достаточно четко.

— Еще одно, дополнительное зеркало времени, — констатировал я факт, — но в этом случае степень вогнутости поверхности значительно больше. Кто знает, может быть, чем больше изогнута поверхность, тем больше сжимается время и тем ближе находится фокус сжатого времени. Интересно, что будет с человеком, если он войдет внутрь этого «изогнутого каменного листа»? Как подействует на него сжатое время? Не зря, наверное, ламы и монахи утверждают, что именно здесь существуют места, где люди превращаются в стариков!

Пока я рисовал, ко мне подошли остальные ребята. Равиль достал видеокамеру и стал просматривать отснятый материал.

— Шеф, отвлекись, посмотри-ка сюда! — сказал он.

— Сейчас, сейчас, дорисую.

Гигантское Зеркало

Через пару минут я заглянул в дисплей видеокамеры и обомлел — передо мной красовалось огромное вогнутое зеркало. Было видно, что оно начинается от монумента Гомпо-Панг и соединяется с Домом Счастливого Камня.

— Как же я его не видел?! — прохрипел я. — Ведь оно, пока мы шли, все время находилось по правую сторону от меня, а я... не повернул голову! Я же всегда, когда хожу, верчу головой! Получается, что и тогда, когда я рисовал Дом Счастливого Камня с двух позиций, я тоже не повернул голову направо, чтобы увидеть это громадное зеркало. Повернуть-то голову надо было чуть-чуть, а я... не повернул почему-то. Странно! Очень странно!

— Шеф, — обратился ко мне Селиверстов. — Помнишь, монах говорил, что на «Дом» надо смотреть с любовью? Ты, я сам видел, смотрел на «Дом» с любовью и восхищением.

— Ну и что?!

— А то, что это громадное зеркало тоже хотело, чтобы на него смотрели с любовью, а вся твоя любовь была направлена только на «Дом». Вот и то громадное зеркало... — Селиверстов засмутился...

— Что?!

— Громадное зеркало... отворачивало твою голову от себя... влюбленную в «Дом» голову... ревновало, может... В общем, ничего ты, шеф, в любви не понимаешь!

— М... да... А вы сами-то это громадное зеркало видели?

— Я не видел, — ответил Селиверстов.

— Я тоже нет, — сознался Рафаэль Юсупов.

— А я, как ни странно, увидел это громадное зеркало только на отснятой видеопленке! — вытаращил глаза Равиль. — Я ведь снимал не вслепую, не призрак же я снял!

— Любопытно... — почесал я затылок. — Так вот... отсюда это громадное зеркало не видно, оно за поворотом, должно быть, осталось! Пойдемте обратно, посмотрим на него глазами... наяву.

Мы бойко зашагали по тропинке.

— Настройтесь, чтобы смотреть на зеркало с любовью, — послышался голос Селиверстова. — А то зеркало рассердится и превратит нас в стариков. Время — оно, мне кажется, может сердиться, особенно — сжатое время!

Когда мы повернули за поворот, перед нами во всей красе предстало невообразимое по размерам вогнутое каменное «зеркало».

— Главное Зеркало Времени... — тихо проговорил я.

Мы все остановились. Душу бередила какая-то непонятная смесь восторга и страха. Я тут же принялся рисовать.

— Интересно, а это Зеркало... м-м-м... не повлияет на нас? — поежился Селиверстов. — Ведь Николай Козырев доказал, что вогнутые поверхности способны сжимать время, а эта поверхность такая большая, такая громадная, что степень сжатия времени, на верное, такая...

— Повлияет, — с сарказмом кивнул Рафаэль Юсупов.

А потом, прищурившись, он добавил:

— Посмотри, Сергей Анатольевич, фокус вогнутого Зеркала находится в небе, мы же находимся в безопасной зоне.

— А вдруг сжатое время отразится от облаков и повлияет на нас... — насупился Селиверстов.

— Не исключено, — хладнокровно заметил Рафаэль Юсупов.

— М... да...

Было хорошо видно, что Главное Зеркало Времени (так мы его и стали называть) начинается от монумента Гомпо-Панг, образуя с ним прямой угол, и простирается до Дома Счастливого Камня, составляя с ним опять же прямой угол. Высота Главного Зеркала Времени была около 500— 600 метров, ширина — около 1500 метров, общая площадь — почти 1 квадратный километр. Поверхность Зеркала была вогнутой, совершенно гладкой и выглядела абсолютно вертикальной.

Я с фотоаппаратом и полевой тетрадь в руках стал носиться по буграм и холмам, задыхаясь на высоте 5000 метров. Мне хотелось снять и зарисовать детали Главного Зеркала Времени.

Выяснилось, что «Зеркало» со стороны монумента Гомпо-Панг начинается с клювовидного отростка этого монумента, а с Домом Счастливого Камня соединяется на уровне перехода его нижней вертикальной стены в пологую стену. Около места соединения «Зеркала» с «Домом», прямо за ним, была видна еще и прямоугольная конструкция, состоящая из двух вертикальных каменных плит, установленных под прямым углом друг к другу.

— Для чего все это было создано? С какой целью произведен этот колоссальный объем монументальных работ? Как все это делали древние? — раз за разом задавался я вопросами и не находил на них ответов.

Полный мыслительный сумбур в голове, сопровождавший мои бесплодные попытки хоть что-то понять, начал нервировать меня. К тому же я заметил, что в процессе бесплодного мышления у меня, оказывается, нелепо шевелятся губы.

— Хорошо еще, что слюна не течет! — самобичующе подумал я.

Я со скрежетом почесал затылок, хотя насекомые вроде бы еще не завелись, и важно сказал:

— Пойдемте, подойдем ближе к «Зеркалу».

— А в зону сжатого времени не попадем?

— Постараемся.

Мы полезли по склону, приближаясь к Главному Зеркалу Времени.

— Мулдашев, перестань нервничать! Здесь нужен холодный ум, — успокаивал я сам себя.

Дойдя до какой-то мало-мальски ровной площадки, мы остановились. Громадное «Зеркало» как бы висело над нами. Я заметил, как Равиль с видеокамерой в руках, задрал голову, смотрел на Главное Зеркало Времени. Весь его облик говорил о преклонении перед мыслительной мощью древних.

Я еще раз окинул взглядом всю эту древнюю конструкцию. В глаза еще раз бросилось, что монументы Гомпо-Панг и Дом Счастливого Камня были когда-то покрыты чем-то наподобие штукатурки, следы которой в виде сохранившихся пластов резко бросались в глаза. Вызывало

восхищение качество этой «штукатурки», способной сохраняться тысячелетия... а если учесть, что весь Город Богов, по одному из предположений, был построен примерно 850000 лет тому назад, то...

Было видно, что на северо-западной вогнутой стороне Дома Счастливого Камня «штукатурка» полностью сохранилась, придавая ей красно-рыжий цвет, на юго-западной стороне «Дома» остались лишь отдельные слои «штукатурки». Главное Зеркало Времени было абсолютно «голым» (вполне возможно, что оно и не покрывалось «штукатуркой»), а поверхность монумента Гомпо-Панг выглядела как бы облупившейся из-за сохранившихся участков «штукатурки».

Весьма примечательно выглядел центральный конусовидный выступ на монументе Гомпо-Панг — в бинокль можно было четко разглядеть, что конусовидный выступ сделан из цельного камня, но был когда-то «залит раствором», остатки которого сохранились до сих пор у основания конуса.

— Интересно, как же древние «штукатурили» монументы? Ведь на такую высоту леса не построишь, а сделать это, свешиваясь на веревке из окна, невозможно, потому что здесь... нет окон! Что они, древние-то, летали, что ли? — подумал я.

Клювовидный отросток монумента Гомпо-Панг, с которого начиналось Главное Зеркало Времени, на первый взгляд, не был покрыт никакой «штукатуркой», но при детальном рассмотрении в бинокль следы «штукатурки» были все же видны.

— Да что я все о «штукатурке» думаю, — вдруг рассердился я на самого себя. — Ничего особенного в том нет, что древние колоссальные монументы покрывались слоем «штукатурки». Вот если бы ответить на такие вопросы, как, например, — »Зачем нужен этот клювовидный отросток?», «Какова роль центрального конусовидного выступа?», «Какова роль монумента Гомпо-Панг?», «Какова роль Главного Зеркала Времени?»... «Какова роль Города Богов?», то можно было бы... можно было бы...

Я опустил голову, понимая, что мой слабый трехмерный разум не сможет ответить на эти вопросы. И мне почему-то от этой, далеко не самоутверждающей, мысли стало легко и просто, напоминая давно уже забытую простую детскую любознательность, когда ты, вытирая сопливый нос, заглядываешь в мотор папиной автомашины и ничего не понимаешь в нем, но с легкостью в душе чувствуешь, что когда-нибудь ты станешь взрослым и красивые слова «карбюратор» или «крышка трамблера» обретут смысл и для тебя.

Я еще раз взглянул на Главное Зеркало Времени и, неожиданно для самого себя, запел про себя припев известной песенки ансамбля «Любэ»:

Ах, время, время, времечко,
Жизнь не пролетела зря.
Трамвай «пятерочка»,
Вези в Черемушки меня.

Мне страстно захотелось еще раз спеть этот припев, да еще и вслух, да еще и в Городе Богов. Да еще и здесь — перед Главным Зеркалом Времени! Я повернул замерзшее лицо к ребятам, некрасиво открыл рот и, еле шевеля побелевшими от холода губами, запел:

Ах, время, время, времечко,
Жизнь не пролетела зря.
Трамвай «пятерочка»,

— Ты, шеф, прямо как Николай Расторгуев смотришься на фоне Главного Зеркала Времени, — подметил хорошо понимающий в современной российской эстраде Селиверстов.

С легкой душой я сел на холодный камень, достал полевую тетрадь и, надев полотняные перчатки, сосредоточился, чтобы записать хоть какие-то, пусть даже самые шальные мысли, записать здесь — перед Главным Зеркалом Времени. Я ждал появления мыслей.

Под прессом сжатого Времени

Постепенно мои мысли сосредоточились на том, что эффект сжатия времени, показанный в экспериментах Николая Козырева, есть не просто эффект ускоренного течения времени; сжатый характер времени, видимо, проявляется каким-то особым его состоянием, когда появляются совершенно иные эффекты. Но какие? По работам Николая Александровича Козырева я знал, что время он представлял как особый вид энергии, пронизывающей все и вся во Вселенной. Из работ его последователей, Влаила Петровича Казначеева и Александра Васильевича Трофимова, мне было известно, что сжатие энергии времени за счет вогнутых поверхностей вызывало у испытуемых людей весьма однотипные галлюцинации: люди видели летательные аппараты типа НЛО и элементы жизни какого-то чужого мира. Что же за миры видели испытуемые в условиях сжатого времени? Ответ на этот вопрос напрашивался сам собой — испытуемые люди в условиях сжатого времени видели, скорее всего, элементы жизни параллельных миров.

Я тут же вспомнил, что Бонпо-лама говорил мне, что в районе священного Кайласа есть особые места, где человек, как в зеркале, видит параллельные миры и даже может увидеть жизнь страны Омолонгрен (Шамбалы). Но он также отмечал, что обычный человек не может достигнуть этого места, потому что тело его испепелится, и только «большие люди» могли это делать, а сейчас только очень редкие особые люди могут без вреда для своего здоровья войти в эту зону и любоваться жизнью прекрасной страны Омолонгрен или параллельных миров.

Я поднял голову, еще раз посмотрел на гигантскую конструкцию, образованную Домом Счастливого Камня, Главным Зеркалом Времени и монументом Гомпо-Панг, и вдруг четко осознал, что древние сделали здесь место не просто для созерцания, но и для перехода в параллельные миры. Колоссальное Главное Зеркало, видимо, настолько сильно сжимает энергию времени, что это суперсжатое время приобретает новое качество — оно каким-то образом влияет на пространство и переводит человека в другое пространственное измерение, не просто выталкивая его из родного трехмерного пространства, но и изменяя все вещество его тела и придавая ему свойства вещества, адекватного для параллельного мира. Суперсжатое время ведет себя не как обычное время, отсчитывающее секунды, минуты, часы и годы, суперсжатое время ведет себя как творец в состоянии творческого порыва, мобилизуя все свойства и все возможности думающей и созидательной субстанции, называемой Время. Не зря в восточных религиях написано, что Бог манипулирует прежде всего, двумя созидательными субстанциями — Пространством и Временем. И не зря современные физики считают, что вещество есть искривленное пространство, в котором остановлено время, а энергия есть тоже искривленное пространство, но в котором течет время. Пространство и Время, по-видимому, и в самом деле являются основой мироздания, и поэтому они, и Пространство и Время, невероятно сложны как каждое по отдельности, так и в Богом определенном единстве, и эта сложность, составленная из

гениально простых кирпичиков, восходит к самому Творцу.

— Суперсжатое время — особое время, особый стержень Времени, пронизывающий и соединяющий воедино все Времена всех параллельных миров, — прошептал я, шевеля замерзшими губами. — Неспроста написано у Ангарики Говинды, что через священный Кайлас проходит ось, соединяющая параллельные миры, — возможно, ось сжатого Времени. Древние, гениальные древние знали все это и построили Главное Зеркало Времени, спроектировав его так, чтобы сжатие времени достигло соответствия Единому Осевому Времени, пользуясь которым человек может путешествовать по мирам — сжатое Время, как на крыльях, будет носить его.

Окончательно замерзнув, я спрятал полевую тетрадь, в которой делал заметки, встал и стал пристально смотреть на Главное Зеркало Времени. Я четко представил, что, создав эту конструкцию, древние добились возможности вхождения человека в Единое Осевое Время и через это — возможности путешествия по параллельным мирам.

Однако меня беспокоило одно противоречие. Почему в месте перехода в параллельные миры, созданном древними в виде Главного Зеркала Времени, по утверждению лам, тело может стремительно состариться?

— Как же так? Как же так? — думал я.

И вдруг я легко понял простую вещь — сжатое время, тем более имеющее «плотность» Единого Осевого Времени, выталкивает из человека негативную энергию или Зло; если человек кристально чист и не обременен Злом, сжатое время не подействует на него губительно и понесет его по мирам, но если человек переполнен Злом, то оно, Зло, под прессом сжатого времени начнет выходить из человека, своей страшной энергией сморщивая живые ткани и даже испепеляя их. Кто знает, а может быть искусные шаманы и целители умеют сжимать своей психической энергией время и с помощью него изгонять из человека болезнетворное злое начало, выход которого, как известно, сопровождается страданиями. Да и лам всем хорошо знакомо, что люди, впусившие в душу дьяволоподобного «Зеленого Змия», при освобождении от него стареют — изгоняемое «бутылочное зло» успевает подействовать на человека, добавляя количество морщин и делая лицо бледным и блеклым. Человек, он ведь — божье создание, а злое начало, входящее в него, является чужим и служит своему хозяину — Демону, а не Богу, находящемуся с Демоном в вечной борьбе.

— Только для людей с Чистой Душой создана эта конструкция, сжимающая время, — подумал я — Только они могут пользоваться ею, а... не мы.

В голове всплыл разговор с Бонпо-ламой, когда я рассуждал о загадочном механизме перехода трехмерного человеческого тела в четырехмерное и никак не мог найти хоть маломальски удобоваримого объяснения этому. Я вспомнил, что Бонпо-лама ответил мне, сказав, что человек никогда не сможет полностью понять замыслов Творца. Но один замысел я, вроде бы, понял — сжатое время может пощадить только человека с Чистой Душой и в параллельный мир может войти тоже только человек с Чистой Душой.

Я опять достал из рюкзака полевую тетрадь, чтобы сделать пометки. Перелистав ее, я увидел множество пирамидальных конструкций, зарисованных в ней.

— А ведь пирамиды считаются коллекторами, то есть «собираателями» тонких энергий. Вся зона Города Богов есть зона сконцентрированных неведомых нам энергий, в том числе энергии Времени, — отметил я для себя.

Я потер замерзшие в перчатках руки и представил Время, как живое существо, — оно показалось мне родным, милым и пушистым. В голове опять стали проноситься слова из известной песенки:

Ах, время, время, времечко,
Жизнь не пролетела зря.
Трамвай «пятерочка»,
Неси в Черемушки меня.

А потом я, не обращая внимания на холод, стал размышлять о том, что в человеческом теле время течет, видимо, по-разному: каждая клетка, каждый орган имеет свое время, рассчитанное и установленное Создателем. Я даже пришел к выводу, что человек имеет фантом времени — невидимое тело, состоящее из энергии времени.

В тот момент, когда горный холод окончательно доконал меня, я не знал, что дальнейший анализ данных, полученных здесь — в Городе Богов, приведет нас к убеждению в том, что фантом времени существует в реалиях и его даже можно косвенно изучать, а ядром фантома времени является человеческий глаз. Но об этом мы, дорогой читатель, подробно поговорим в следующем томе этой книги.

— Мужики! — обратился я к ребятам, показав рукой на Главное Зеркало Времени. — Если мы пойдем туда, то мы мгновенно состаримся, а человек с Чистой Душой просто станет невидимым, перейдя в параллельный мир.

Подумав еще минуту, я добавил:

— Наверное, отсюда вылетают и сюда влетают «летающие тарелки», используя сжатое время Главного Зеркала для выхода и входа в параллельные миры.

В тот момент я еще не представлял, что гений Бога состоит в том, что он всегда все и вся создает с двойной целью и что пилоты параллельного мира используют для перехода в другой мир не что иное, как громадный Глаз Ангела. Но об этом, как я уже обещал Вам, дорогой читатель, мы поговорим в следующем томе книги.

— Посмотрите на меня! — послышался голос Селиверстова.

Мы уставились на него.

— Я не постарел? — обеспокоено спросил он.

— Да нет вроде... — неуверенно ответили мы.

Я попросил Селиверстова и Рафаэля Юсупова спуститься к тропинке, догнать наших яков и помочь разбить лагерь. Сергей Анатольевич зашагал вниз к тропе, не оглядываясь на отстающего Рафаэля Гаязовича. А мы с Равилем решили пройти на север, поднимаясь выше по склону, чтобы поближе разглядеть «врата в Шамбалу».

Я посмотрел на Дом Счастливого Камня, взглядом нашел на его поверхности «врата» и постарался сопоставить их положение с Главным Зеркалом Времени — было четко видно, что «врата» попадают под действие Зеркала.

— Тот, кто подойдет к «вратам в Шамбалу», тот попадет под действие сжатого времени. Только через испытание Временем можно войти в Шамбалу! — подумал я.

Снизу раздавался какой-то голос. Я обернулся. Селиверстов, спускаясь по каменистой осыпи, напевал:

Ах, время, время, времечко,
Жизнь не пролетела зря.
Трамвай «пятерочка»,
Неси в Черемушки меня.

Глава 9. Врата в Шамбалу

Карабкаясь по склону, мы с Равилем шли к «вратам в Шамбалу». Я постоянно смотрел на нижний уровень Главного Зеркала Времени, стараясь не попасть под его действие — я прекрасно понимал, что в нашем брэнном мире мы с Равилем не могли остаться кристально чистыми, и от этого было грустно. Но как хотелось пройти хотя бы по кромке сжатого времени, хотя бы вытянутой рукой ощутить его! Но инстинкт самосохранения не давал сделать этого и как бы подсказывал, нашептывая, что ты — урожденный быть всего-навсего трехмерным человеком — эволюционно еще не созрел до вхождения в чудодейственное Единое Осевое Время и что ты лично, собственно говоря, и не виноват — просто огромное количество злых мыслей, витающих в нашем земном трехмерном пространстве, все равно пропитывают твою Душу негативной или злой энергией, превращая тебя в заложника общечеловеческой злости, хотя ты и сопротивляешься, не желая стать таким же как все — жадным, завистливым и практичным, чтобы на смертном одре не думать о сейфе с не нужными уже деньгами как о главном достижении своей жизни.

От тяжелого хода по камням, да и от постоянного напряжения — чтобы не вступить мне, грешному, в зону сжатого времени — я начал уставать. Я вспомнил слова Селиверстова о том, что можно парить, но... парить я не умел.

— Вот отсюда «врата в Шамбалу» хорошо видны. Ближе подходить нельзя нам — грешным... — прохрипел я, переводя дыхание.

— Снимать? — тоже хрипло спросил Равиль.

«Дверь» в Шамбалу?!!!

— Да, но главное... думать. Мне в голову пришла мысль, зародившаяся еще до экспедиции — там, в далекой России, — о том, что мы, романтичные уфимские ученые, может быть и вправду найдем дверь, ведущую в подземелья Вары, где после Всемирного Потопа многоликие люди Шамбалы клонировали нового человека, способного выжить в изменившихся условиях жизни на Земле, — то есть клонировали нас с Вами.

И вот эта «дверь» была перед нами! Она, эта «дверь», была огромна — минимум 250х200 метров и отсюда, несколько сбоку, казалась ромбовидной. Было хорошо видно, что в стене Дома Счастливого Камня вырублена фасетка глубиной около... тридцати метров, дно которой представляло собой достаточно ровную каменную плиту. Характер поверхности этой плиты отличался от стены «Дома»: если стена «Дома» была покрыта «штукатуркой» (это было видно очень хорошо), то поверхность плиты, казалось, несла на себе следы обработки цельного камня. А над «дверью», уходя в небо, горделиво возвышался Дом Счастливого Камня.

Я обратил внимание на «песок», как бы насыпанный вдоль всего основания «Дома»; он был похож на осадочные породы и был не характерен для здешних гор (горы «Вечного Материка» никогда не были под водой!). Я попытался разгадать причину появления этого «песка», похожего на осадочные породы, но не смог. Я еще не знал, что завтра нам Бог пошлет разгадку появления здесь этих «псевдоосадочных пород».

Мокрая спина начала мерзнуть. Я изогнулся назад, чтобы «отклеить» мокрое холодное белье от тела. В мыслях возник образ ступы, называемой «вратами в Шамбалу», которую мы совсем недавно видели при подъезде к священному Кайласу. Я вспомнил слова проводника Тату

о том, что эта ступа символизирует огромные каменные врата, которые открываются тем, кто знает заклинание и кого подпустит «счастливый камень».

— А нас ведь не подпустит «счастливый» камень; в лучшем случае интуитивно подскажет — «Не ходи!», а в худшем случае испепелит сжатым временем, или хотя бы, выгоняя «родимое» злое начало, так протрясет и промнет каждую нашу клеточку, что обречет на безвременную старость с муками приближающейся кончины в сетке морщин. Мы ведь урожденные грешники... пока, — подумал я.

Чистая Душа

А из этой четко прозвучавшей мысли вытекла еще одна мысль, странная мысль о том, что среди нас, трехмерных современных людей, нет или почти нет людей с Чистой Душой — Душой той степени Чистоты, которая позволяет человеку подняться на иной качественный уровень, когда твоя психическая энергия становится действенным орудием в руках не обремененного злыми мыслями разума и дает возможность превратить в реалии те чудеса, о которых мы с детства слышали в сказках и легендах. Люди с истинно Чистой Душой приходят в наш бранный мир, скорее всего, из прекрасной и чистой Шамбалы, где исторически и эволюционно собирались Лучшие из Лучших людей всех земных Коренных Человеческих Рас. А Лучшие из Лучших, или Добрейшие из Добрых, выбираемые для жизни в Шамбале, проходят в этом удивительном и неведомом мире еще и дополнительное очищение, становясь членами общества, где совсем нет Зла. Начав жить в Шамбале, они чувствуют, что каждая их клеточка, каждая молекула освобождается от налета негативной энергии и становится чистой, после чего бывший (Лучший!) земной человек ощущает, что он стал совсем другим — он стал божественным человеком или человеком от Бога, поскольку из его души и тела полностью вышла конкурирующая дьявольская энергия, присутствие которой доселе было определено эволюционным созиданием человека как самопрогрессирующего начала, когда борьба Добра и Зла была заложена как стимул к бесконечному и Богом заложенному прогрессу. Этот человек (Лучший!) начинает понимать, что в Шамбале этот закон, определяемый как единство и борьба Добра и Зла, отменяется и на смену ему приходит другой закон, закон Чистой Души, когда стимулирующая борьба Добра со Злом уже не нужна, потому что в душе человека навсегда утверждается другой критерий — критерий божественного понимания жизни. Когда человек осознает себя как частицу постоянно прогрессирующего и усложняющегося мира, в котором предопределен светлый путь восхождения к самому Творцу, он не может и не имеет права не прогрессировать. Ведь и сам Создатель постоянно идет по пути прогресса, создавая различные миры и осваивая через нашу с Вами жизнь еще плохо освоенное и пока еще дремучее трехмерное пространство, чтобы и сравнительно примитивных трехмерных людей вывести на новый уровень — уровень Чистой Души с вытекающим отсюда приобщением к уровню светлых и чистых миров.

Я опустил свою трехмерную голову и слегка затосковал, но не очень сильно, не болезненно, — я понимал, что мне — трехмерному человеку — оставлена мечта, та самая прекрасная розовая мечта, которая сквозит в наших сердцах в период безоблачного детства, но для достижения которой потребуются многие и многие жизни с бесчисленной чередой периодов становления в молодости, горделивой зрелости и грустного увядания. Я понимал, что только через этап борьбы со Злом, растягивающимся на многие жизни, человек способен укрепить свою душу, чтобы больше никогда не впустить в нее праздность, жадность и гордыню и... чтобы

достигнуть своей глубинной мечты — стать человеком с Чистой Душой.

А ведь эти «врата» и это «зеркало» созданы только для людей с Чистой Душой, — заметил я про себя.

Мертвые

Я еще раз посмотрел на «врата в Шамбалу» и вдруг ощутил, что через эту дверь можно попасть не только в Шамбалу, но и в Царство Мертвых — царство самозаконсервировавшихся людей в состоянии Сомати.

Я вспомнил нашу гималайскую экспедицию 1998 года, когда мы изучали йогов и когда, к величайшему нашему удивлению, выяснилось, что йоги не есть какая-то отдельная каста людей, а они, йоги, появляются на Земле спонтанно; какой-нибудь самый обычный человек вдруг начинает слышать в душе зов, заставляющий его уйти от насиженных мест в далекую пещеру, и, подчиняясь этому зову, он действительно уходит туда, чтобы посвятить себя тому, что диктует ему его невидимый Повелитель. А Повелитель этот, которого йоги называют Сверхчеловеком, телепатически диктует ему — избранному в йоги — упражнения для достижения того уровня медитативного просветления, которое способно очистить его душу. И так, очищая свою душу, йог проводит в пещере много-много лет. И лишь очень редким йогам невидимый Повелитель приказывает собрать котомку, взять посох и идти к священному Кайласу, рядом с которым он должен найти священное место, где находится священная дверь в Царство Мертвых. Йог, преодолевая тяготы высокогорного путешествия, если останется жив, доходит до священной двери. В этот момент Повелитель сообщает йогу два секретных заклинания: первое — чтобы силы Кайласа допустили его до священной двери, второе — чтобы дверь открылась. Произнеся эти заклинания и понимая, что Повелитель раздвинул смертоносные силы защиты подземелий, йог видит неведомым образом открывающуюся дверь и с трепетом в душе входит в подземный мир. По лестнице он все глубже и глубже опускается внутрь Земли, удивляясь тому, что здесь, оказывается, светло, тепло и уютно. Невероятно возвышенные чувства охватывают его, среди которых четко выделяется чувство, идущее от его Повелителя, — это чувство, кажущееся ему родным и отеческим, ведет йога все дальше и дальше. Позади остаются прекрасные сады и города Шамбалы, а йог все идет и идет вперед, пока не достигает того священного места, где он видит множество Мертвых, сидящих в позе Будды.

Йог петляет среди мертвых сидящих тел и ощущает, что он не боится их. Наконец, он находит своего Повелителя и начинает трепетать при виде его огромного мертвого тела, в сравнении с которым он кажется новорожденным ребенком. Повелитель, не сделав ни одного движения своим мертвым телом, мысленно указывает йогу на то место, куда он должен пойти. Йог покорно выполняет команду, а потом садится в позу Будды и начинает медитировать со столь большой страстью, которой у него не было за все годы приобщения к избранным в йоги. Вдруг он ощущает, что его члены начинают деревенеть, а дыхание становится все реже и реже. Наконец дыхание прекращается, и тело становится похожим на холодный камень; отчаянная душевная боль пронизывает его нутро, черный мрак затмевает все вокруг... и вдруг из какой-то трубы ударяет поток голубого света. Йог, сам того не понимая, каким-то образом взлетает навстречу этому свету и начинает сладостно парить в нем, наблюдая, по желанию, за будущим или за прошлым и видя вокруг себя огромное количество многоликих людей, лица которых светятся радостью. А потом, вдоволь полетав и познакомившись с необычными людьми, он замечает, что за ним неотступно тянется серебряная, переливающаяся цветами радуги нить. У

него возникает интерес, и он летит вдоль этой серебряной нити и вдруг, на конце ее, он видит свое мертвое тело, неподвижно сидящее в том месте, на которое указал Повелитель. И только сейчас бывший йог понимает, что его приобщили к Царству Мертвых и что он, йог, стал Мертвым.

И от этого он, йог, испытывает огромную радость, потому что именно ему Мертвые подарили долгую жизнь. Йог мотает своей уже призрачной головой и видит дверь, через которую он вошел сюда, в подземный мир, и видит тот мир, откуда он пришел. Глубинная скорбь врывается в его душу, но... тут его Повелитель говорит, что мир, откуда он пришел, называется миром испытаний, и что он, этот мир, тоже нужен, чтобы испытывать старых и... новых... (!) людей, и что этот бывший его мир когда-нибудь станет лучше, а чтобы он стал лучше, его, бывшего йога, Главный Повелитель Царства Мертвых может снова послать туда, но уже в качестве пророка, заставив снова войти в свое мертвое тело и повелев снова открыться священной двери...

Наверное, отсюда выходят Пророки

Я оторвал взгляд от «двери» на стене Дома Счастливого Камня, повернулся к Равилю и сказал:

— Сюда входят и отсюда выходят, наверное, пророки. Кто знает, может быть, это и так?! Не нам судить об этом.

Равиль промолчал.

Я повернул голову, посмотрел на Главное Зеркало Времени и еще раз представил, что Шамбала создала здесь конструкцию перехода в параллельные миры для людей с Чистой Душой. Я подумал, что вполне возможно, что таинственные люди параллельных миров тоже появляются в нашем трехмерном мире и ведут диалог с людьми лучшего общества на Земле — Шамбалы. Вот только о чем они говорят, нам... одиноким людям мира испытаний, это неизвестно.

Одинокий

Слово «одинокий» больно кольнуло мое самолюбие. В моих мыслях, взбудораженных созерцанием легендарного Города Богов, возникли фантастические образы людей из параллельного мира, которые, уже давным-давно переборов Зло в своем мире, вырвались из клещей «испытания одиночеством» и через торжество Чистой Души приобрели способность входить в Единое Осевое Время и через это получили возможность путешествовать по параллельным мирам и ощутить свою принадлежность ко всему Сущему, созданному Творцом. Тогда они ощутили совсем другое счастье — Счастье сопричастности к бесконечному прогрессу Вселенной, которое пришло на смену Счастью побеждать Зло, и только где-то в генетических закоулках сознания слабо копошилось уже забытое счастье — разбогатеть, отомстить и возвеличиться.

Обернувшись, я посмотрел на Равиля. Этот чистый и романтический человек стоял и одиноко смотрел куда-то вдаль. Он не был виноват в том, что чувствовал себя одиноким.

Мои мысли опять возвратились к анализу возможностей перехода в параллельные миры. Я

всеми силами постарался мысленно хоть чуть-чуть понять это, но не смог. Я еще не знал, что через несколько лет состоится наша экспедиция в Египет, которая даст очень много для понимания параллельных миров и что через долгие муки научного анализа полученных фактов выгравировается гипотеза о том, что существуют два пути входа в параллельный четырехмерный мир — через сжатое время и через искривленное пространство четырехугольных пирамид. А об этом, дорогой читатель, мы поговорим тогда, когда я начну писать новую книгу.

Шеф, я совсем задубел, — послышался голос Равиля. — Здешний холод до костей пробирает.

Я тоже... — лязгая зубами, проговорил я. — Еще немножко подумаю.

Когда «дверь» откроется

Я стал всматриваться в детали «двери в Шамбалу». Было видно, что внутренняя плита (если в это верить) плотно изнутри закрывает вход, сделанный в виде ромбовидной фасетки в стене Дома Счастливого Камня, а какой-то внутренний механизм, наверное, плавно уводит эту плиту вовнутрь, открывая вход. А механизм этот, как бы странно это ни звучало для современного человека, реагирует на произнесение заклинания — того заклинания, которое знают люди Шамбалы и Царства Мертвых и которое телепатически передается человеку, который будет допущен в подземный мир через эту «дверь». Я представил восторг человека, измученного долгим путешествием по высокогорному Тибету и нашедшего заветную «дверь», когда он, несколько раз растянута сказав «сим-сим, откройся», вдруг увидит, что внутренняя плита «двери» дрогнет, а потом со скрежетом, осыпая накопившуюся за сотни лет пыль, начнет отходить назад, открывая путь в загадочный и в тоже время тянущий к себе подземный мир.

— А зачем нужно, чтобы «дверь» была столь громадной? Неужели через нее влетают еще и летательные аппараты людей Шамбалы? Кто знает, а может быть это и так, ведь многие предполагают, что хорошо известные «летающие тарелки» есть летательные аппараты Шамбалы. Да и комбинация Дома Счастливого Камня, имеющего «врата в Шамбалу» с Главным Зеркалом Времени, как бы намекает на то, что летательные аппараты неведомых нам людей здесь могут как переходить в параллельные миры (под влиянием Главного Зеркала), так и влетать в подземный мир (через «врата»), — думал я, слегка фантазируя и стуча зубами от холода.

Голос Равиля, отошедшего на некоторое расстояние, прервал мои раздумья:

— Шеф, иди сюда! Я вроде как еще две «двери в Шамбалу» вижу.

Со скрипом разогнув задеревеневшие ноги, я пошел к Равилю. Дойдя до него, я выдавил из себя:

— Ох и холодно, а! Зуб на зуб не попадает. Где эти двери-то?

— Вон они, на юго-западной стене «Дома» видны. Только они маленькие, но как копия похожи на «главную дверь», — тоже есть ромбовидная фасетка, тоже плита изнутри закрывает. Одна «малая дверь» видна отсюда почти полностью, другая только выглядывает из-за камня.

Я всмотрелся в «малые двери». Они и в самом деле выглядели так, как описал их Равиль. Они тоже находились под влиянием Главного Зеркала Времени и доступ к ним могли иметь, видимо, только люди... с Чистой Душой. Размером они были примерно 60х50 метров. Вызывало большое сомнение, что эти «малые двери» могли иметь естественное происхождение, более того, что они находились на стене явно искусственного монумента — Дома Счастливого Камня.

Я вспомнил наш разговор со «старшим человеком» — хранителем пещеры Харати. Он

говорил, что знает про три входа в подземелья Кайласа, но видел только один вход — тот самый, который находится на стене «Дома» и выглядит как ромбовидное отверстие, закрытое изнутри каменной плитой.

— Раз, два, три, — посчитал я количество «дверей» на Доме Счастливого Камня и подумал о том, что, возможно, три входа в подземелья, на которые указывал «старший человек», и есть вот эти три «двери».

Но потом я вспомнил, что в ходе дискуссии со «старшим человеком» выяснилось, что второй вход в подземелья Кайласа находится под статуей Читающего Человека и что вот уже 2000 лет никто не ходил через этот вход, а третий вход, предположительно, расположен на вершине священного Кайласа.

Я еще раз посмотрел на три «двери», ведущие в Дом Счастливого Камня, и понял, что входов в подземный мир, возможно, и много. Мне в голову пришли слова Астамана Биндачарайя, представителя особого рода Хранителей пещеры Харати, о том, что сам Харати пришел сюда, в священную непальскую пещеру, из подземелий Кайласа и что пещера Харати тянется от предгорий Гималаев далеко-далеко в сторону Тибета к священному Кайласу. Да и про те гималайские Сомати-пещеры, которые нам довелось встретить в экспедициях, говорили, что они являются входами в подземный мир. Да и тибетская пещера рядом с хранилищем древних книг, по утверждению местного монаха, служит входом в Царство Мертвых...

Моему воображению представилось, что громадный подземный мир, хотя и связан с поверхностью Земли, но от людей, живущих на поверхности, он надежно защищен, чтобы мы, неразумные дикари, не нарушали покоя Живых и Мертвых обитателей подземелий.

— Почему же люди подземелий так тщательно защищаются от нас? Почему эта защита настолько многообразна и мощна? Неужели мы так страшны? — задавался я вопросами, дико мерзнув невядалеке от одного из входов в подземелье.

Пять уровней защиты подземного мира

Думая на эту тему, я стал перебирать в голове сведения, полученные от лам и монахов, пытаюсь систематизировать их. У меня получилось, что может существовать 5 уровней защиты подземного мира.

Первый уровень можно назвать защитой временем. Не зря входы в подземелье в Городе Богов расположены рядом с зеркалами времени и попадают под действие сжатого времени со всеми вытекающими отсюда последствиями для подошедшего ко входу человека.

Второй уровень защиты можно определить как защиту с помощью заклинаний; только знание заклинаний позволяет получить доступ в подземелье. Но секрет этих заклинаний не просто глубоко сокрыт, мысли человека, узнавшего заклинание, подпадают под невидимый контроль Хозяина Подземелий, когда расплатой за малейшее неверное манипулирование священным заклинанием является смерть. Не зря Астаман Биндачарайя рассказывал, что раскрывший секрет священного заклинания немедленно умирает, а тот, кому раскрыли этот секрет, или всю жизнь пребывает в паническом страхе перед Хозяином Подземелий (в данном случае перед Харати), или тоже умирает.

Третий уровень можно назвать барьером, образуемым бестелесными или ангелоподобными существами, самых известных из которых на Востоке называют асури. Влияние их на человека разнообразно: в одном случае они вызывают эффект энергетического вампиризма, в другом — эффект онемения, в третьем — чувство негодования с переходом в телесную слабость, в

четвертом — слепоту и так далее. Астаман Биндачарайя рассказывал, что бестелесные существа даже участвуют в церемонии входа в подземелье, а в районе Кайласа, где мало людей, церемония осуществляется только ангелами с участием еще и загадочных... новых ангелов.

Четвертый уровень — защита, осуществляемая людьми из Царства Мертвых, среди которых, по-видимому, и находится гипотетический Хозяин Подземелий. Из рассказов лам и монахов складывается впечатление, что Хозяин Подземелий, скорее всего, имеет сверхмощный Дух, способный прочесть мысли пришельца в подземелье, проанализировать их и, при необходимости, принять защитные меры, останавливающие пришельца, вплоть до мгновенной смерти. Не зря Астаман и «старший человек» постоянно повторяли — «Если Харати позволит!».

Пятый уровень защиты — это тантрические силы, витающие внутри подземелий, которые, как утверждает Астаман Биндача-райя, наведены священным Кайласом — центром тантрических сил на Земле. Эти силы, как рассказывал «старший человек», приятны для допущенного человека, но для незваного пришельца превращаются в дикий кошмар.

У меня возникло желание отнестись ко всем этим гипотетическим мыслям со скепсисом, но я быстро откинул скепсис, вспомнив, что уже три раза ощущал на себе действие этих защитных сил подземелий. Я понимал, что подземный мир должен быть защищен, но не понимал, почему он защищен столь сильно.

— Почему? Почему нужна столь сильная защита? — думал я. — Неужели мы, простые люди, так страшны?

И тут, когда я перед «вратами в Шамбалу» до такой степени замерз, что захотел спать, меня осенило.

— Эх! — воскликнул я, даже слегка согревшись. — Ведь мы, обычные люди, можем «заразить» чистый подземный мир негативной или злой энергией, которая пропитала все наше бренное нутро. Они, люди подземелий, относятся к нам как к «инфекционному началу». Впустить в подземелье обычного человека означает, образно, то же самое, что и впустить в дом больного чумой.

Наш «мир испытаний»

Я задрожал всем своим телом, и в этой холодной дрожи я почувствовал нервно-душевный компонент. Генетическая обида больно кольнула сердце. Я ощущал, что негативная или злая составляющая наших душ определена тем, что мы вынуждены жить в «мире испытаний», в котором Богом заложенный принцип — быть самопрогрессирующим началом — осуществляется за счет борьбы Добра со Злом, а наши души проходят тяжелое и унижительное испытание Злом, чтобы когда-нибудь... когда-нибудь начать жить так же, как и чистые люди подземелий... чтобы эта генетическая обида навсегда запомнилась нам и при малейшем проявлении Зла в будущих жизнях неприятно всплывала в душе, защищая ее изначальную чистоту.

— Насколько же гениален Создатель — сотворить «мир испытаний Злом», чтобы другим мирам жилось спокойно, чтобы другие миры наяву видели, чего стоит испытание Злом! — подумал я.

Генетическая обида, тем не менее, не проходила, особо акцентируясь на том, что тебя — Человека — Другие Люди воспринимают как какое-то «инфекционное начало», способное «заразить» своей грязной душой их чистое подземное общество. Но я уже понимал положительную роль этой генетической обиды и осознавал, что чем больше эта обида будет

свербить мою душу, тем лучше будет для меня, чтобы когда-нибудь — через много-много жизней — она неприятно и тяжело всплыла в душе, защищая ее от того, с чем ты давным-давно, много жизней назад, исступленно боролся, стараясь хоть чуть-чуть, хоть в чем-то установить торжество Добра.

— Глубинная память о Зле защищает Чистый Мир! — прошептал я, шевеля одеревеневшими губами. — Чистые и величественные люди подземелий, будь то Живые или Мертвые, когда-то, на заре становления своих душ, тоже проходили испытание Злом, что бы навсегда это запомнить и не допустить повторного вхождения в душу злого начала.

Я вполне хорошо понимал, что это «злое начало» проявляется в нас через злые мысли — те самые мысли, к которым мы, в нашем грешном мире, привыкли и к которым мы относимся как к естественным и само собой разумеющимся мыслям. Нам, представителям грешного «мира испытаний Злом», даже трудно представить, чтобы все люди вокруг нас думали только добро; неприятные для нас (но ужасные для людей подземелий!) завистливые, или жадные, или властолюбивые мысли являются, тем не менее, банальной составляющей нашего бытия, и без них, скажу Вам, положа руку к сердцу, скучновато жить, потому что мы посланы в наш «мир испытаний» с целью бороться и бороться со Злом.

Наш мир, вполне возможно, является адом для душ людей высоких и чистых миров и, кто знает, может, и мы пришли в этот мир оттуда, чтобы вспомнить, что же такое Зло и не допустить его более в следующей жизни.

Бог, наверное, специально допустил в наших душах существование злого начала, чтобы мы ради прогресса боролись, боролись и боролись... исступленно боролись со Злом. И поэтому, наверное, в нашем мире, несмотря на материальный прогресс, злое начало в виде глухой зависти или грязных денег все существует, существует и существует, потому что нашему миру предопределено быть «миром испытаний Злом».

Но, дорогой читатель, мы ведь с Вами прекрасно понимаем, что жизнь после смерти не прекращается и что впереди нас ждут многие и многие жизни. А вот то, как мы будем жить в следующей жизни и в каком мире будет проходить эта следующая жизнь, будет зависеть от того, как мы боролись со Злом в «мире испытаний», в котором мы имеем «честь» жить. Если мы со всей Богом данной силой старались перебороть Зло и установить принципы Добра, то, я уверен, следующая жизнь будет прекрасна, но если мы впустили в душу зависть, жадность или стервозность, то мы, скорее всего, окажемся опять в нашем «мире испытаний», но уже в качестве, например, индийского бедняка, которому все общество будет внушать, что быть нищим — это хорошо, поскольку в следующей жизни ты будешь богачом.

— Шеф, я уже совсем продрог! У меня от холода, по-моему, уже кости трясутся... — послышался голос Равиля.

— Я тоже одеревенел совсем, но... это хорошо в нашем «мире испытаний», — проговорил я.

Мы стали спускаться со склона, еле передвигая задеревеневшие конечности. Я оглянулся и еще раз посмотрел на Дом Счастливого Камня.

— Равиль! А он, наверное, пустой изнутри, «Дом»-то! — вы давил я из себя.

Я остановился. «Дом» на фоне священного Кайласа в вечерних лучах солнца смотрелся грандиозно. Я представил, что этот монумент и самом деле сделан так, что внутри него находится громадная полость, куда ведут отмеченные выше «двери», а в этой полости, разбитой на этажи и освещенной внутренним светом, находятся летательные аппараты Шамбалы, с помощью которых ученые Шамбалы вылетают через «двери» и летают в нашем мире, изучая нас — грешных, чтобы не быть... такими.

Захотелось удостовериться в этом, но я понимал, что сделать это мне — обычному и... даже

очень обычному человеку — невозможно. А холод, ужасный холод нашего грешного мира совсем сковал мое грешное тело, напоминая, что я живу в жестоком «мире испытаний».

Я молча двинулся вперед. Равиль последовал за мной. Усталость и холод давали о себе знать. Согреться никак не удавалось.

— Вот еще один монумент появился перед нами, — почти равнодушно заметил я. — А ведь его зарисовать и сфотографировать надо.

— Да уж, — сказал Равиль.

Я, что есть силы, помахал руками, чтобы мышечное тепло хоть чуть-чуть разошлось по моему телу, достал полевую тетрадь и сел на омерзительно холодный камень, чтобы рисовать. Руки в перчатках плохо слушались меня. Я сделал рисунок — плохонький рисунок, а потом сказал:

— Плохо рисовал, невнимательно. Завтра вернусь сюда, чтобы зарисовать заново.

Монумент напротив «Дома»

отметить, что на следующий день я и в самом деле вернулся на это место и сделал новый рисунок; в ходе рисования я заметил, что вчера из-за усталости я упустил множество деталей этого необычного монумента, отчего мне стало не по себе, поскольку я понял, что качество рисунков зависит от моего состояния в этом высокогорном мире, где так не хватает кислорода. Я хорошо разглядел, что эта монументальная конструкция состоит из пяти пирамид, как бы соединенных вместе с помощью стены, которая показалась мне тонкой и плоской. А также я хорошо осознал, что я ничего не понимаю в этих монументах, а самое главное не могу ответить на вопрос — какой целью они были созданы?».

А тогда (вчера!), когда я упрямо рисовал, отмораживая заднее место на омерзительно холодном камне, я обратил внимание на то, что на пирамидальной конструкции, обозначенной цифрой «42», есть то ли П-образный рисунок, то ли... еще одна «дверь» в подземелье — уж очень было похоже на каменную крышку, которую можно отогнуть.

— Равиль! А камень может гнуться? — спросил я, заранее зная, что получу отрицательный ответ.

— Я знаю, что он может колоться, — ответил он.

— А вон тот рисунок в виде буквы «П» на покатой стене монумента видишь?

— Да, вижу.

— Что это?

— Не знаю.

— Не еще одна «дверь» в подземелье?

— Кто его знает? — Равиль устало опустил голову. — На крышку очень похоже, но... крышку ведь не откинуть, камень ведь не гнется. Но кто знает, может быть, люди подземелий научились гнуть камень?! Ты ведь, шеф, сам рассказывал по результатам первой экспедиции, что камень для них — не преграда.

Я поднялся с камня и засунул полевую тетрадь в сумку. Мы Угрюмо побрели в лагерь. Смеркалось.

А по пути я думал о Шамбале. Мне казалось, что там, в этом подземном мире, нет ужасно холодного ветра, и что там люди могут парить, а не тяжело передвигать непослушные ноги. Мне почему-то подумалось, что особенностью Шамбалы является то, что она способна жить одновременно в нескольких параллельных мирах, а дети людей Шамбалы могут сказать: «Папа!

Я перемещусь часика на два в четырехмерный мир, поиграю там, а потом вернусь обратно в свой трехмерный дом. Я не перемещусь в другие миры, обещаю. Я буду играть только в четырехмерном мире, здесь, рядом, за преградой. Ты, папа, всегда можешь войти в четырехмерный мир и увидеть меня!».

А мы с Равилем шагали по каменной осыпи нашего трехмерного мира.

Из палатки выглянул Селиверстов и удивился:

— Вы что как призраки выглядите? Не сжатое ли время на вас подействовало?

— Серега! Замерзли как собаки! Горячего чайку налейте!

— Сейчас, сейчас...

Чаяк с сухариками

В палатке горели две свечи. Мы стянули с себя походную одежду. Переодевшись в сухие теплые спортивные костюмы, мы с удовольствием натянули шерстяные носки и погрузили ноги в высокие остроносые татарские калоши — самую удобную сменную обувь в походах. А потом мы подсели к разложенной на земле клеенке и принялись пить из кружек горячий чай.

— Ну как чай-то? Не остыл? — спросил Селиверстов.

— Да вроде горячий.

— Сахарок-то чо не берете?

— Да без сахара вроде...

— Может, спирта в чай добавить?

— Да не надо...

— Чай со спиртом согревает, говорят.

— А-а...

— Ну, хоть сухарик в чае размочите.

— Да не хочется.

— Моченый сухарик, говорят, полезен.

— А-а...

— Еще чайку подлить?

— Можно.

— До краев лить?

— Не совсем.

— Мы вон с Гаязычем и с Тату до того задубели, что целый чайник выдули. Гаязыч, тот все окрестности лагеря обмочил.

— А-а...

— Сахарок-то возьмите. Полезен, говорят, в высокогорье.

— Не хочется.

— А сухарик?

Я почувствовал, что в тело начало вливаться долгожданное тепло. У меня возникло такое ощущение, что мои мозги тоже замерзли и сейчас постепенно оттаивают. Обычное земное счастье — быть обогретым и накормленным — стало проступать в оживающих глазах. А чуть позже это ощущение счастья стало звучать все громче и громче, оно — это обычное земное счастье, — как бы заполнив собой всю палатку, стало рваться наружу, чтобы заполнить собой все окрестности и... даже сравниться со счастьем тех, кто...

— Я обычно вприкуску пью, — перебил мои мысли голос Селиверстова.

— А я размешиваю, — поделился с ним Рафаэль Юсупов.

Мысленно отстранившись от разговоров, сопровождавших чаепитие, я снова стал думать о банальном человеческом счастье и пришел к выводу, что счастье, оно относительно. Я вспомнил художественные фильмы с недовольными лицами великосветских дам, которым все в этой жизни так надоело, так надоело... и тут же представил счастливую физиономию заключенного, который со вкусом потягивает чифирок после целого дня работы на лесоповале в сорокаградусный мороз в зоне. Я подумал о том, что степень счастья определяется силой воздействия испытаний: чем сильнее было испытание, тем более сильным ощущается счастье после победы. И не важно, каким было испытание: будь то борьба за кусок хлеба, будь то борьба за справедливость, будь то борьба за любимую или будь то борьба за идею, — счастье, оно всегда одинаково и отличается лишь силой своей выраженности.

— Без борьбы, наверное, и нет счастья, — сделал я глобальный вывод своими еще не согревшимися мозгами.

Но при этом я понимал, что в наш «мир испытаний» Бог заложил только один вариант счастья — счастье, обретенное в результате борьбы; все другие варианты благоденствия, такие как покой, смакование вкуса или удовольствие сидеть на унитазе с газетой, не являются по-настоящему счастьем, они всего лишь являются подобием счастья. На то и наш мир является «миром испытаний», чтобы испытания — большие и маленькие — преследовали тебя на каждом шагу, и чтобы ты после очередного испытания получил маленький подарок — счастье, дабы войти в следующее испытание ради получения очередного счастья победы. Но как часто вместо счастья победы мы ощущаем горечь поражения, осознавая, что счастье и горе являются двумя равноценными противоположностями. Элемент борьбы вселен кем-то в самое нутро нас самих, где равноценно (в нас самих) живет и Добро и Зло, ненавидя (в нас самих) друг друга и периодически, то одно, то другое, проявляют себя, тем самым внося привычно-зловещее разнообразие в нашу жизнь — жизнь «мира испытаний». И поэтому мы, божьи творения, волей судьбы или кармы оказавшиеся в «мире испытаний», где в наши души в порядке испытаний вселяется злое начало, так чтим и боготворим тех редких людей, от которых исходит душевная чистота; мы тянемся к этим людям и не забываем их никогда, потому что эти люди осмелились на более трудную борьбу — борьбу внутри своей души. А люди иных миров, которые называются чистыми...

— Шеф, о чем думаешь? — послышался голос Селиверстова. — Чаю налить?

— Да не надо...

— Ну, о чем думаешь-то?

— О счастье.

— О счастье?

— Да.

— А что такое счастье, по-твоему, шеф?

— Ну... — замешкался я, — счастье это то, например, что мы после испытания высокогорным холодом сидим в теплой палатке и пьем горячий чай с сухариками... В нашем мире мы тоже в чем-то счастливы.

— А ты, Рафаэль Гаязович, как понимаешь счастье? — не выпускал из рук инициативу Селиверстов. — Может быть, для тебя, неженатого, счастье в том, чтобы жениться?

— Жениться? — Рафаэль Юсупов насупился. — А ты сам-то как понимаешь счастье — научиться парить, что ли?

— Я понимаю счастье, — Селиверстов задумался, — понимаю так, что это то состояние, когда на душе хорошо и легко, несмотря на то, что у тебя, положим, нет денег, нет... еще чего-нибудь. Люди, обремененные деньгами, имеют власть, но не имеют счастья. Но самые

несчастливые люди — это завистники; у них на душе всегда кошки скребут из-за осознания своей никчемности перед другим человеком. А я, понимаешь, Рафаэль Гаязыч, я... не жаден и не завистлив, я... понимаешь, рубаха-парень. Меня ширь душевная прельщает. Я могу, понимаешь, Гаязыч, свою рубаху разорвать готов и другому отдать...

— А кому нужна рваная рубаха!? Ты бы целую...

— А я и целую отдам, рубаху-то. С себя сниму и отдам, потом моим пропитанную...

— Постирал бы...

— Я и постиранную отдам или даже новые нетронутые легко отдам.

— Только рубаху сможешь отдать, а больше ничего? — сел на своего конька Рафаэль

Юсупов. — Рубаха-то недорого стоит.

— Зато рубаха — вещь сугубо личная, потом твоим... м... м... пропитанная.

— Да кому нужен твой пот?!!

— Ну... — осекся Селиверстов. — Рубаха рубахой, которую ты, Рафаэль Гаязович, в потное белье превратил... Я ведь, понимаешь, о принципе говорю. А если уж говорить о поте...

— О чем?

— О поте, — Селиверстов крикнул. — Ну... если говорить о поте, то пот-то, он трудовой. Я о нем говорю, о трудовом, а не о каком-нибудь там...

— От этого пот лучше не станет...

Я подумал о том, что сколько «пота надо было пролить», чтобы нам, простым уфимским мужикам, добраться до Города Богов, где мы ощутили истинное счастье не только от того, что видели умопомрачительные монументы древности, но и от того, что смогли преодолеть неверие, ухмылки и рациональные советы очень и очень разумных и приземленных людей. Я понимал, что это и есть то самое истинное счастье, которое Бог определил как «лучик света» в темном «мире испытаний», жизнь в котором мы должны, борясь (прежде всего с самим собой), гордо прожить, чтобы в следующей жизни попасть в другой мир — мир Чистых Душ, где уровень счастья будет такой... такой... что для описания просто не хватит слов, поскольку здесь в права вступает другая категория, называемая мечтой.

Все мы залезли в спальники. Я долго не мог уснуть. Хор из храпа в исполнении Селиверстова и Рафаэля Юсупова начал даже смешить меня: грандиозно-рычащие звуки, издаваемые Юсуповым, сопровождались завывающими аккордами Селиверстова с периодическими остановками дыхания, когда казалось, что он, Селиверстов, умер, чтобы через несколько секунд воскреснуть и взять такой аккорд, от которого бы задрожала не только вся палатка, но и весь Тибет.

Я посмотрел на счастливые храпящие лица ребят, повернулся на живот и уснул, тоже, возможно, добавив в ночной хор свой голос.

Глава 10. Каменный лазер

Утром я проснулся от крика Селиверстова:

— Шеф, вставай! Монумент... как его... ну, тот, о котором монах говорил... открылся. На лазер похож, монумент-то!

Монумент Тшела Намсум Пике

— Это монумент Тшела Намсум Пике, — послышался голос Рафаэля Юсупова.

— А... а... — ответил Селиверстов. Я вылез из палатки, протер заспанные глаза и спросил:

— Где?

— Да вот же, перед нами, — указал пальцем Селиверстов. — Видишь, две громадные остроконечные пластины торчат, а между ними сделано что-то наподобие перемычки, соединяющей их. Видишь?

— Вижу, — ответил я, просыпаясь.

— Красивый монумент ведь, а?!

— Вот это да! — воскликнул я, окончательно проснувшись.

— А я вчера еще этот монумент заметил издалека, — раздался голос тоже проснувшегося Равиля. — Пока ты, шеф, сидел и Думал около Дома Счастливого Камня, я сфотографировался на фоне этого монумента. Селиверстов фотографировал на цифровую камеру. Хочешь, покажу на экране?

— Давай... — нехотя ответил я, не сводя глаз с самого монумента.

На экране цифровой камеры я увидел занимательную полснимка спину Равиля, в то время как сам монумент всего лишь выглядывал из-за горы. Тем не менее, было заметно, что видимая часть монумента явно выделялась на фоне пологих тибетских холмов.

Эх, Селиверстов ! — пробурчал я, не будучи удовлетворен снимком. — Хорошая спина на снимке получилась! Оторвавшись от экрана цифровой камеры, я поднял глаза на сам монумент, хорошо видный из нашего лагеря, и стал внимательно его разглядывать. Ближняя к нам «пластина» выглядела как несколько изогнутый полуовальный лист с конусовидным выпячиванием на вершине. Этот конус продолжался книзу и по срединной линии «пластины» перетекал в конусовидную выпуклость, плавно переходящую в вогнутость. Форма ближней «пластины» была элегантна и необычна. Хорошо просматривалась четкая граница между «пластиной» и основанием монумента; казалось, что «пластина» не является продолжением каменного основания, а выступает откуда-то изнутри его. Складывалось впечатление, что «пластина» внутри каменного основания переходит в шаровидную конструкцию, которая дает возможность «пластине» двигаться, как в суставе.

Задняя «пластина» имела листовидную форму с зубчатыми краями. Она тоже была как бы погружена в основание монумента. Но, в отличие от передней «пластины», было похоже, что задняя «пластина» закреплена намертво и не имеет подвижности.

Расстояние между обеими «пластинами» составляло около 500 метров . Обе «пластины» были соединены между собой острогранной перемычкой, которая в двух местах подразушилась. Но если участок разрушения рядом с задней «пластиной» носил явно естественный характер, то клиновидная впадина, проходящая через перемычку рядом с передней «пластиной», могла быть не участком разрушения, а конструктивной особенностью этого монумента.

— Странный монумент какой — а!? — проговорил я. — Каково, интересно, его предназначение?

— Не знаю, — тихо ответил Равиль.

— Это огромный лазер, — уверенно сказал Селиверстов. — Ты понимаешь, шеф, я все-таки бывший военный летчик и в технике кое-что соображаю.

— Добавка «бывший» не усиливает авторитетности Вашего заявления! — заметил Рафаэль Юсупов.

— Скажу Вам, скажу Вам... Рафаэль Гаязович, — взъерошился Селиверстов, сердито глядя на Юсупова, — я не виноват в том, что Советская Армия начала разваливаться и к профессии «военный летчик» пришлось сделать добавку «бывший». Но от этого-то знаний у меня не ubyло; лазеры мы в летной школе тщательно изучали.

— А может, ты, Сергей Анатольевич, на тройки учился! — опять вставил шпильку Рафаэль Юсупов.

— Я? Да я сплошной четверочник был.

— На пятерки не тянул, значит.

— Да, не тянул. Но на четверку всегда знал, на твердую четверку.

— Ну ладно тогда, — усмехнулся Юсупов. — Мы послушаем Ваш «четверочный вариант знаний» о лазерах и сопоставим его с этим монументом. «Пятерочный вариант» был бы, конечно, предпочтительнее.

Шеф! — взмолился Селиверстов, — да что это такое, а!? Только хочешь развернуть мысль во всю ширь, так сразу перебивают и переводят разговор на тему всякой чепухи по типу «пятерки» или «тройки». Запрети Рафаэлю Гаязовичу перебивать меня!

— Запрещаю! — засмеявшись, сказал я. — Рассуждай, Сережа!

— Так, так... так, так... — стал собираться с мыслями Селиверстов. — Так, так...

— Что, так и будем «так — такать»? — опять не удержался Рафаэль Юсупов.

Селиверстов негодуяюще взглянул на него и начал говорить:

— Лазер это вещь серьезная. Очень серьезная...

— У нас в глазной хирургии лазер тоже применяется, и мы тоже кое-что соображаем в лазерах и знаем, что лазер — это вещь серьезная, — снова вставился в разговор Юсупов.

— Рафаэль! Дай Сергею Анатольевичу сказать! — одернул я Юсупова. — Продолжай, Сережа.

Древний лазер?

— Если говорить о лазере... м... м... серьезно, — Селиверстов искоса посмотрел на Юсупова, — то можно сказать, что он, то есть лазер, состоит из Двух зеркал, пространство между которыми называется резонатором. Внутри резонатора накачивается энергия, которая принимает характер когерентного излучения, то есть излучения со строгим сохранением фазы колебания. Одно зеркало в резонаторе всегда закреплено намертво и обладает свойствами стопроцентного отражения, второе зеркало является подвижным (для настройки на частоту волны) и делается из «полупрозрачного» материала, то есть материала, способного не только отражать излучения, но и, при достижении определенной мощности, пропускать его через себя в виде луча. Все лазеры, будь то медицинские, будь то военные, будь то технические, построены по этому принципу. Наука о лазерах, кстати, очень серьезная наука...

— К чему ты все это рассказываешь? — не удержался и перебил его Рафаэль Юсупов.

— А к тому, — Селиверстов невозмутимо и многозначительно поднял указательный палец, — что вот этот монумент построен по всем принципам конструкции лазера. Огромный лазер древности это — вот что я хочу сказать Вам, Рафаэль Гаязович!

— Да ну?!

— Не «да ну», а «да».

Я практически ничего не понимал в лазерах. Несмотря на это, рассуждения Селиверстова не показались мне малодоказательными и умозрительными. И в самом деле, на монументе Тшела Намсум Пике хорошо были видны два зеркала (или «пластины»), пространство между которыми можно было считать резонатором.

Причем чувствовалось, что заднее зеркало было закреплено намертво (как и должно быть в лазере), а переднее зеркало, вполне возможно, было сконструировано так, чтобы иметь подвижность для настройки лазера под когерентное излучение. Я еще раз внимательно пригляделся к переднему зеркалу, обращая внимание на его форму, и еще раз мне показалось, что оно продолжается внутрь каменного основания монумента в виде шаровидного сустава, обеспечивающего подвижность переднего зеркала. Кроме того, было хорошо видно, что заднее и переднее зеркала сделаны из разных видов камня: на заднем зеркале камень смотрелся как черный гранит, а на переднем зеркале имел характер менее плотного темно-коричневого камня.

— Сергей Анатольевич, тебе не кажется, что переднее и заднее зеркала сделаны из разных видов камня? — спросил я.

— Вне всякого сомнения, — ответил он. — Заднее зеркало должно быть сделано из таких пород камня, которые бы обеспечивали стопроцентное отражение когерентного излучения, а переднее зеркало должно иметь такой характер материала, который бы становился проницаемым или хотя бы полупроницаемым для когерентного излучения при достижении определенной степени энергетической накачки резонатора.

То есть лазерный луч должен выходить прямо из камня, из которого сделано переднее зеркало, так что ли? — удивился я.

— Да, это так.

— А перемычка между зеркалами?... Как ее можно объяснить?

— Это среда для когерентного излучения.

— Как это понять?

— Понимаешь, разные виды излучения по — разному распространяются в разных средах.

Коэффициент преломления воздуха или вакуума примерно один, в то время как коэффициент преломления камня совсем другой. Поэтому длина волны внутри среды, состоящей из камня, будет значительно меньше, чем длина волны в воздухе, — пояснил Селиверстов.

— А не следует ли отсюда, что, подбирая виды среды (например, разные виды камня) для построения перемычки между зеркалами, можно добиться «укладки» длины волны точно в промежуток между зеркалами, за счет чего добиться совершенно когерентного излучения? — высказал я пришедшую в голову мысль.

— Так и делается при конструировании лазеров: одновременно вводятся в расчет расстояние между зеркалами и коэффициент преломления среды.

— А что бы могло означать вон то клиновидное вдавление в перемычке? — я показал пальцем в сторону монумента.

— М... м... — задумался Селиверстов, — это, возможно, место для накачки резонатора энергией. Но... ты не можешь представить, шеф...

— Что?

— То, что... — глаза Селиверстова расширились, — чтобы накачать энергией лазер такого

размера, то...

— Что — то?

— Никакого вида современной энергии не хватит для того, чтобы накачать резонатор такого размера для получения когерентного излучения. Неужели древние могли производить накачку резонатора такого размера?

Я еще раз на глаз прикинул расстояние между зеркалами монумента — оно было не менее 500 метров . Я вспомнил, что где-то видел работу резонатора обычного лазера, когда голубоватая струя когерентного излучения, стрекоча и переливаясь, как бы замирала в промежутке между зеркалами, разведенными друг от друга примерно... на 1 см . А здесь — 500 метров .

Селиверстов, как бы перехватив ход моих мыслей, проговорил:

— Длина резонаторов тех лазеров, которые работают в спектре светового излучения, составляют, по-моему, один сантиметр. Максимальная длина резонатора, если я не ошибаюсь, может быть около 2 метров . А здесь — 500 метров !

— Сергей Анатольевич! А может, этот древний монумент не есть древний лазер? Может быть, это что-то другое? — засомневался я. Селиверстов надолго задумался, а потом уверенным голосом сказал:

— А ведь все монументы здесь, в Городе Богов, кем-то и каким-то образом сделаны — в этом, я думаю, ни у кого из нас уже нет сомнений, даже... — Селиверстов искоса бросил взгляд на Юсупова, — даже... у Рафаэля Гаязовича. Кроме того, у нас нет сомнений в том, что с помощью даже самой совершенной современной техники такие монументы, как Дом Счастливого Камня или... сам священный Кайлас, не воздвигнуть. Отсюда следует, что древние люди использовали для строительства монументов аппараты, принцип действия которых, может быть, для нас и понятен, но... только в далеком будущем мы сможем построить и использовать подобные аппараты, тогда, когда человечество овладеет новыми видами энергий, способных произвести, например, накачку резонатора такого громадного лазера. — Энергия пяти элементов, — тихо произнес я. — Известно также, — продолжал Селиверстов, — что чем длиннее резонатор лазера, тем более тонким и мощным является луч, выходящий из полупрозрачного переднего зеркала. При длине резонатора в 500 метров луч этот должен быть тончайшим и обладать такой силой, перед которой не устоит ни одна гора. Короче говоря, с помощью луча, исходящего из такого громадного лазера, можно, например, легко срезать гору.

— Наверное, с помощью этого каменного лазера древние моделировали горы, чтобы... — вмешался в разговор Равиль.

— Не перебивай! — цыкнул на него Селиверстов. — Я не могу ничего доказать, я не могу утверждать... но мне кажется, что этот лазер работал в инфразвуковом диапазоне...

— Чего? — переспросил я.

Лазерная защита

— Этот каменный лазер, вполне возможно, работал в инфразвуковом диапазоне, том самом диапазоне колебаний, который моряки называют «голосом моря» и очень его боятся, поскольку эти колебания могут вызвать депрессию, припадки и даже остановку сердца.

Я залез в палатку, достал компас и принялся определять направление предполагаемого луча, который мог исходить из переднего зеркала этого каменного лазера.

— Вот это да! — воскликнул я. — Луч от лазера направлен точно на «врата в Шамбалу». Ну-ка, ну-ка, еще...

— Куда он еще направлен?

— Он еще направлен на Малый Кайлас, то есть... на предполагаемый камень Шантамани.

— Ничего себе! Инфразвуковое лазерное облучение защищает вход в Шамбалу и легендарный камень Шантамани! — вытаращил глаза Равиль. — Шестой уровень защиты! Никто не сможет подойти туда. Самые важные элементы Города Богов защищены еще и смертельным инфразвуком.

— Я не могу утверждать, что этот каменный лазер работал и... работает именно в инфразвуковом диапазоне. Я всего лишь предполагаю, — смутился Селиверстов.

— Но логика, Сергей Анатольевич, логика говорит о том, что Ваше предположение скорее всего верно — не зря на пути предполагаемого луча лазера находятся самые оберегаемые части Города Богов, — с горящими глазами заявил Равиль.

— Да уж, — только и проговорил Селиверстов.

Лазерное обтачивание гор

Я и сам находился в весьма возбужденном состоянии. Мысли ходуном ходили в моей голове, а чувство радости, вызванное удачной догадкой по поводу одного из феноменов Города Богов, приятно щекотало нервы. Тем не менее, я сделал усилие над собой и перевел работу моего мыслительного аппарата на спокойный рассудительный лад. Я стал думать о том, что этот гигантский каменный лазер древних, очевидно, выполнял две функции — функцию защиты наиболее важных частей Города Богов и функцию механического обтачивания гор с целью создания монументов.

Лазерное обтачивание гор применялось, очевидно, в период строительства Города Богов, чтобы из естественных гор выточить монументы. Скорее всего, сверхмощный лазер выполнял наиболее грубую работу, такую как срезание вершины горы, отделение монумента от горного хребта и тому подобное. Если задуматься, например, над строительством Дома Счастливого Камня, имеющего форму поставленной вертикально 800-метровой книги, то можно представить, сколько горного грунта надо было удалить, чтобы отделить «Дом» от естественного хребта; для этого, вполне возможно, использовался испаряющий эффект лазера — в противном случае груды отработанного грунта заполняли бы все пространство между монументами.

Вполне резонно было задаться вопросом — сколько же каменных лазеров работало в период строительства Города Богов? Забегая вперед, скажу, что мы в Городе Богов не встретили больше ни одной конструкции, похожей на каменный лазер. Из этого можно было сделать вывод, что каменный лазер здесь был только один.

Но как же луч лазера мог достигнуть тех монументов, которые закрыты горами? Вполне вероятно, что на вершине самого высокого монумента — священной горы Кайлас — было установлено зеркало, на которое направлялся луч этого сверхмощного лазера, а вращение зеркала и его наклоны позволяли путем отражения сверхмощного лазерного луча добиться обтачивания окружающих Кайлас гор и испарения ненужного грунта. От места расположения гигантского каменного лазера вершина Кайласа просматривалась очень хорошо, и если там было когда-то установлено отражающее зеркало, то луч лазера безо всяких препятствий мог напрямую дойти до него. Но для этого надо было наклонить переднее зеркало каменного лазера несколько назад, чтобы луч, выходящий из него, отклонился вверх, в сторону вершины Кайласа.

Я всмотрелся в конструкцию переднего зеркала каменного лазера и еще раз представил, что нижняя часть его, погруженная в основание, скорее всего, имеет форму шаровидного сустава, в

связи с чем переднее зеркало может изменить свое положение и направить луч лазера точно на зеркало, установленное на вершине Кайласа.

Итак, можно было думать, что за счет одного сверхмощного лазера, работающего через отражающее зеркало на вершине значительно превосходящего по высоте все остальные горы Кайласа, можно было обточить горы в округе с целью создания комплекса монументов Города Богов. Также вполне возможно, что для обтачивания обратной от Кайласа стороны монументов применялись дополнительные отражающие зеркала, устанавливаемые за создаваемыми монументами.

Раздумывая над технологией строительства монументов Города Богов, я вспомнил «машину древних», которую видел стоящую на постаменте в храме Сваямбанат в Катманду и про которую говорили, что она была вынесена из загадочной пещеры Харати. Эта «машина», по словам служителя храма — Кирама, была предназначена для того, чтобы «делать горы». Более того, консультация у академика А.В. Акимова по телефону подтвердила тогда, в Катманду, гипотетическую возможность приведения в действие такой «машины» с помощью ментальной (психической) энергии человека, что совпадало с описаниями в тибетских текстах о том, что эта «машина» подчинялась мысли человека и летала, вращаясь с бешеной скоростью и обтачивая горы.

В связи с этим, вполне логично было предположить, что для создания монументов Города Богов использовался не только сверхмощный лазер, но и применялись «машины древних» такого рода. По-видимому, с помощью лазера производилась грубая работа (вычленение каменных блоков из горных хребтов, испарение грунта и т.п.), а с помощью «машин древних» выполнялась доводка строящихся монументов.

Нельзя было исключить и того, что «машины древних» применялись и для формирования пустых пространств внутри монументов, наличие которых можно предполагать, особенно внутри Дома Счастливого Камня.

Забегая вперед, скажу Вам, дорогой читатель, что Валентина Яковлева нашла в одной из интерпретаций Тибетской Книги Мертвых (F. Fremantle. Luminous Emptiness, Boston&London 2001, p.79), что священная Ваджра (уменьшенная копия увиденной нами «машины древних») является оружием, обладающим непреодолимой силой и мощью, а название ее дословно переводится с санскрита, как «молния и алмаз».

Я посмотрел в сторону «врат в Шамбалу» и вновь обратил внимание на неестественный для тибетских гор щебень и песок, лежащие под «Домом».

— Наверное, эти щебень и песок образовались после работы по доводке монументов «машиной древности», — подумал я.

Я также понимал, что работы по «оштукатуриванию» монументов, конечно же, не производились вручную, а для этой цели существовали специальные машины и приспособления. Я вспомнил слова Астамана Биндачарайя о том, что в пещере Харати сокрыто много видов машин древности, и представил, какое же наследие технических достижений древних хранится в подземельях Кайласа. Если бы это было доступно нам!

Сверхмощная защита

Однако гигантский каменный лазер использовался, по-видимому, не только в период строительства Города Богов. Вполне возможно, что этот сверхлазер работает и по сей час, но работает в инфразвуковом режиме, защищая этим смертельным излучением два главных

достояния Города Богов — врата в Шамбалу и Малый Кайлас (камень Шантамани?).

Я еще раз перебрал в голове средства защиты «врат в Шамбалу» и камня Шантамани (Малого Кайласа); они и без инфразвукового излучения были достаточно мощными. «Врата в Шамбалу» защищались энергией сжатого времени, открыть их можно было только при знании специального заклинания, нужно было войти в телепатический контакт с Царством Мертвых и так далее. Пирамида Малого Кайласа (внутри которой, как мы думаем, сокрыт легендарный камень Шантамани) расположена на трех соединенных вместе каменных столбах высотой 600—800 метров и совершенно недоступна, а рядом с ней имеются два торчащих из скал образования («башенка» и «штырь»), похожие на приборы для наблюдения из подземелья за Малым Кайласом...

Тем не менее, гипотеза о дополнительной инфразвуковой защите могла иметь право на существование, так как каменный лазер был направлен точно на «врата в Шамбалу» и Малый Кайлас.

Я еще раз посмотрел на сверкающую снегом пирамидку Малого Кайласа и еще раз вспомнил свое же умозаключение о том, что камень Шантамани, возможно, является чудесным прибором, с помощью которого люди Шамбалы контролируют наши мысли и способны воздействовать на них. Поэтому эшелонированная сверхмощная защита имела полный смысл — в руках полудикого, в сравнении с Шамбалой, современного человека камень Шантамани превратился бы в невообразимое по мощи оружие, когда становится возможным управлять мыслями людей и обратить их, например, во славу себя, любимого.

При всем этом, меня не покидала мысль, что сверхмощная защита этих объектов Города Богов создана не только против нас, неразумных, а еще и против других, более разумных форм жизни, о существовании которых мы только начинаем догадываться или вообще пока еще не догадываемся. Только Шамбала знает, какой он — мир ангелов, или какие силы бушуют там, за невидимой стеной параллельного мира.

— Шеф, погонщики уже всех яков согнали вместе, выючить пора, а мы еще палатки не сняли! — прервал тишину грудной голос Селиверстова.

— Все, все... — проговорил я и напоследок взглянул на каменный лазер.

Созидательная энергия древних

У меня практически не было сомнения в том, что для энергетической накачки гигантского резонатора лазера использовалась ментальная (или психическая) энергия древних людей. Я уже знал, что психическая энергия, силу которой мы еще плохо осознаем, мобилизуется с помощью заклинаний — тех самых заунывно произносимых звуков или слов, секрет которых никому не выдают йоги и самые главные из которых хранятся как величайшее сокровище в самой Шамбале. Технологией заклинаний можно было назвать технологию древних людей, плоды которой мы воочию видели здесь — в Городе Богов.

— Наверное, очень странной была жизнь древних людей! — думал я. — Стоило произнести заветное слово, как откуда ни возьмись появлялась колоссальная по мощности сила, которой ты, обычный (древний!) человек, мог управлять, как хочешь... Только бы не возникало желания направить эту силу в угоду зависти или мести... без святого контроля Совесть.

Я представил, что на том же месте, где сейчас стою я, когда-то стоял древний человек, возвышаясь более чем на 10 метров от земли, и тоже смотрел на каменный лазер. Мне почему-то казалось, что взгляд его был обращен именно на конусовидное возвышение на переднем зеркале

каменного лазера, чтобы через него ввести свою психическую энергию в резонатор лазера. Обратив свой взор туда, древний человек стал концентрировать свое внимание на своих же чувствах, добиваясь того, чтобы они стали легкими, светлыми и летучими, а самое главное — преисполненными Любовью к Богу. Постепенно древний человек стал ощущать, что весь мир переполнен чувствами, и что его личные чувства входят в этот мир чувств. С помощью своих чувств древний человек начал анализировать мир чувств и, наконец, заметил в нем то, чего ждал, — в нем жили и процветали чувства Воды, чувства Земли, чувства Огня и чувства Ветра. Эти чувства совсем не походили на его человеческие чувства, но они явно существовали — эти странные чувства четырех, кроме него, элементов. Древний человек попытался понять чувства Воды, потом — Земли, потом — Огня, потом — Ветра, но они были слишком непохожими на человеческие чувства, хотя они были такими же сильными и животрепещущими и... чем-то очень родными. Древний человек тут же приступил к концентрации своего внимания на том чувстве, что чужие для него чувства Воды, Земли, Огня и Ветра являются одновременно и родными, понимая, что все эти чувства роднит Любовь к Богу, создавшему мир, в основе которого лежат эти пять элементов.

Ему, древнему человеку, было совсем не трудно сконцентрироваться на Любви к Богу, потому что она не просто пропитала все его существо, она являлась основой общества, в котором он жил, где Любовь к Богу воспринимается и как духовный и как энергетический закон мироздания одновременно. Он, древний человек, совсем не мог представить того, что когда-то в далеком будущем люди будут добывать энергию из нефти и газа, в то время как главная энергия находится в душе человека и ее надо всего лишь мобилизовать через Любовь к Богу; для него было так просто по-настоящему любить Бога.

Сконцентрировавшись на своей любви к Богу, древний человек стал ждать того, что может ждать только очень сильно любящий Бога человек, — он стал ждать ответных чувств других четырех элементов, которые могут так же сильно любить Бога, как и он. Он ждал, ждал, усиливая свою концентрацию на любви к Богу, и, наконец, почувствовал, что странное любовное чувство Воды вдруг соединилось с его любовным чувством; он осознал, что сила Воды поддержала его, вернее... его любовь к Богу. Древний человек еле выдержал ту силу, когда к его и без того сильным чувствам присоединились не менее сильные чувства Воды, но он упорно стоял на месте, желая достигнуть уровня силы пяти элементов. Но другие элементы как бы проверяли его, наблюдая, как он перенесет соединение с Водой. А древний человек стоял и все более и более концентрировался на Любви к Богу, ожидая, что на его чувственный порыв ответят еще и Земля, Огонь и Ветер.

Энергия чувств Земли, соединяясь с его совместными с Водой чувствами, вызвала даже облегчение, как бы напоминая о единстве человека с Землей, и его тело начало слегка дрожать от избытка чувственной энергии. Воссоединение с энергией чувств Огня было похоже на вспышку света, такую яркую, что древний человек на мгновение выпустил из виду каменный лазер. Последними присоединились чувства Ветра, отчего возникло страстное желание лететь, да лететь так, чтобы параллельные миры, созданные тем, кого мы любим, пронеслись мимо как красивые пейзажи.

Но древний человек, ощущая содрогающее его единство со всем мирозданием, поймал глазами конусовидное выпячивание каменного лазера и произнес то заклинание, которое нельзя произносить без единения с чувствами Воды, Земли, Огня и Ветра.

— — сосредоточенно произнес он, слегка открыв рот и не сводя взгляда с конусовидного выпячивания.

Мощный, сверкающий цветами радуги поток энергии изошел из его глаз и мгновенно достиг конусовидного выпячивания на переднем зеркале каменного лазера, после чего

перекинулся в резонатор лазера. Вскоре древний человек увидел, что энергия, идущая из него, полностью насытила резонатор и как сверкающий луч повисла в промежутке между зеркалами лазера.

После этого он, древний человек, успокоился — он знал, что смог обеспечить энергетическое снабжение каменного лазера, после чего его друзья — тоже строители Города Богов — повернут переднее зеркало лазера так, чтобы луч «его энергии» попал точно на отражающее зеркало, расположенное на вершине Кайласа, которым будут управлять конструкторы монументов, обтачивая «его энергией» горы. Он, древний человек, был горд тем, что смог сделать это — создать энергию пяти элементов.

А энергия пяти элементов все текла и текла через него, не вызывая уже внутреннего напряжения; только разноцветные видения сопровождали эту энергию, видения, приходящие из разных параллельных миров. Древний человек понимал, что так и должно быть, поскольку энергия пяти элементов есть единая энергия параллельных миров, в которых Бог выделил пять элементов единения — Огонь, Воду, Землю, Ветер и Человека. Он, древний человек, всей своей душой ощущал, что он есть сын Бога, так как через него текла истинно божественная энергия, та энергия, которая существовала еще до создания миров и которая имела первозданную чистоту.

Я опустил голову и увидел на своих ногах грязные остроконечные татарские калоши.

— Эх! Как важно стремиться к душевной чистоте! — про себя воскликнул я.

Переодевшись в ходовую одежду, почистив зубы и слегка ополоснув лицо холодной водой, я стал собирать рюкзак.

— Интересно, а за счет какой энергии работает каменный лазер в постоянном инфразвуковом режиме? — задал я сам себе естественный вопрос.

Я оторвался от укладки рюкзака, поднял голову и увидел громадную пирамиду Кайласа. Я повертел головой и увидел сразу несколько пирамидоподобных монументов.

— Наверное, пирамиды концентрируют энергии космоса, а здесь, в Городе Богов, все, видимо, рассчитано так, чтобы с помощью какой-то из пирамидоподобных конструкций собирался тот диапазон энергий, который был бы адекватным для постоянной накачки резонатора каменного лазера для его перманентной работы в инфразвуковом режиме с защитной целью. Наверное, также существуют передаточные устройства, фокусирующие эту энергию на резонаторе каменного лазера, — подумал я.

Я еще не знал, что вскоре здесь увижу множество конструкций, похожих на каменные антенны или зеркала, которые могут, очевидно, передавать энергию пирамид на каменный лазер.

Когда я уложил рюкзак, в душе вдруг всколыхнулись сомнения, связанные с тем, что наши знания о лазерах далеки от профессионализма. Но, забегаю вперед, дорогой читатель, скажу, что после окончания экспедиции я провел тщательные консультации по «каменному лазеру» у знаменитых физиков — А. В. Акимова, Г. Г. Тертышного и С. Н. Кружкова. Было много споров и плодотворных дискуссий. Высказывалось много идей. Но в общей канве все были согласны с тем, что эта конструкция похожа на громадный лазер, который (гипотетически!) мог работать от ментальной энергии. А Сергея Николаевича Кружкова — талантливого инженера — особенно поразила конструкция переднего зеркала каменного лазера, по поводу чего он выразил немало восторгов.

Опять в голову пришла мысль о том, что этот каменный лазер работал на божественной энергии пяти элементов, которая была достижима для древних, всего-то навсего, за счет Чистоты Души.

Не понимая зачем, я подошел к ручью, разделся до пояса и хорошенько помылся ледяной водой. А потом, одевшись и сказав от холода «б-р-р», я посмотрел на священный Кайлас.

Глава 11. Космическое зеркало Кайласа

Кайлас и с этой стороны смотрелся величественно. Я знал, что Кайлас считается центром тантрических сил планеты, и поэтому представлял, что рядом с Кайласом мы находимся во власти этих сил. Вспомнились слова «старшего человека» о том, что тантрические силы, действующие в пещере Харати, для него приятны и что ему не хочется оттуда уходить. Я вспомнил также предэкспедиционные размышления на тему «Гора думает!», свидетельствующие о том, что к Горе надо подходить с чистой душой, и, окликнув ребят, спросил у них:

— Скажите честно, вам приятно находиться здесь, рядом со священным Кайласом?

Все замолчали, видимо анализируя свое душевное состояние. Первым отозвался наиболее открытый Селиверстов:

— Я вот себя, шеф, привольно и весело чувствую здесь. Рубаху последнюю хочется снять и... — Селиверстов искоса посмотрел на Рафаэля Юсупова. — На душе хорошо здесь. Вот только... одно гложет: ну, тогда, когда вы с Равилем ночью к лагерю подходили и не видели света фонарика, я ведь точно светил, а не сидел в палатке...

— Да ладно вспоминать-то.

— Не зря паломники рвутся сюда, хорошо здесь на душе, — добавил Равиль.

Волей-неволей у меня начало складываться впечатление, что «Гора пустила нас к себе» и что мы, подобно «старшему человеку», имеющему доступ, ощущаем тантрические силы как нечто приятное для нас. Опять в голове всплыли слова «старшего человека», когда он утверждал, что Кайлас живой и что тантрические силы, витающие здесь, есть мыслительная энергия Кайласа, которая видит и анализирует душу каждого живого существа, появившегося перед ним.

— Как хорошо, что я отправил из Непала в Москву кинооператора Квитковского, а не взял его сюда. А то... было бы стыдно... перед Горой... за его прагматичную душу, — подумал я.

Опережая яков, мы двинулись вперед. Я не сводил глаз с западной стороны Кайласа, выискивая место, откуда обзор будет наилучшим. Селиверстов, периодически оглядываясь на тяжело навьюченных яков, напевал старую коммунистическую песенку: Мы рождены Чтоб сказку сделать былью Преодолеть пространство и простор... Вздымая ввысь свой аппарат послушный... Западная сторона Кайласа сверкала в лучах солнца. Все фотографировали и снимали на видеокамеру. А я носился по близлежащим буграм, делая наброски, чтобы потом все свести в один объемный рисунок. Было достаточно тепло, сильного ветра не было.

— Смотри-ка, на первый взгляд кажется, что западная сторона Кайласа представляет собой всего лишь вогнутое зеркало, а на самом деле здесь присутствует очень сложная геометрия, — прошептал я для самого себя, делая окончательный рисунок.

Верхняя часть западной стороны Кайласа была выполнена в виде гигантской ступенчатой вогнутой поверхности, имеющей угол наклона около 45° по отношению к горизонтали. Глыбы снега были видны сверху и с южной стороны, но четкий характер ступеней прослеживался очень хорошо. Эта громадная ступенчатая чаша имела размеры как минимум 700x700 метров.

Ко мне подошел Равиль и, показав пальцем в рисуемую «чашу», произнес:

— Как космическое зеркало выглядит...

Я хотел задать вопрос о предназначении этой «чаши», но осекся, осознавая, что ни Равиль, ни я не сможем даже в малейшем гипотетическом приближении ответить на этот вопрос.

В нижней части эта «чаша» (или «космическое зеркало») четко ограничивалось узорчатым и тоже вогнутым выступом, который книзу переходил в вогнутый обрыв высотой ориентировочно до 600 метров. А с южной стороны этого обрыва, чуть ниже по уровню, был

виден Малый Кайлас в виде ровной остроконечной пирамидки, установленной на трех каменных столбах, высотой как минимум 600— 800 метров .

— Смотри-ка, камень Шантамани (Малый Кайлас) располагается рядом с «космическим зеркалом», — отметил я про себя.

Ниже указанного обрыва была видна тоже вогнутая ступенчатая поверхность, но не такая правильная, как на «космическом зеркале». Эта вогнутость имела по центру плавное возвышение, а в трех местах небольшие зеркальные конструкции, как бы вмонтированные туда. Вначале мне все это показалось хаосом горного обрыва, но при осмотре с нескольких позиций я понял, что, скорее всего, здесь была сделана какая-то конструкция, замысел которой был совершенно для меня непонятен.

— Наверное, для управления тонкими энергиями создано все это, — подумал я.

Мне вспомнилось, что в 1998 году в городе Ришикеш (Индия) в одном из храмов я держал в руках книгу, озаглавленную «Энергия сознания». Я стал листать ее, с каждой страницей удивляясь все больше: оказывается кто-то и когда-то разделил энергию сознания человека на более чем 200 видов энергий, каждая из которых имела свое название и была описана так подробно и с таким количеством схем и поясняющих рисунков, что трудно было представить, чтобы весь этот колоссальный труд был плодом буйной фантазии. Настоятель храма пояснил мне, что эта книга, переведенная на английский язык с санскрита, была написана в глубокой древности учеными великой цивилизации, жившей до нас на Земле.

— Древние создали науку о тонких энергиях и поняли, что за счет конструкций различных форм можно управлять этими энергиями, вплоть до того, чтобы влиять на сознание человека, — тихо проговорил я.

Еще ниже по склону западной стороны Кайласа с разных позиций можно было разглядеть еще один дугообразный вогнутый обрыв, имеющий столь совершенные формы, что не приходилось сомневаться в его искусственном происхождении. Верхняя часть этого обрыва была узорчатой и при рассмотрении в бинокль выглядела как один или два ряда то ли ровных каменных останцев, то ли древних статуй, измененных временем.

— Какую роль выполняет эта дугообразная конструкция? — задал я сам себе вопрос и горько усмехнулся, конечно же, не найдя ответа.

Равиль, стоявший рядом со мной, хмыкнул.

— Что, Равиль? — спросил я.

— Вот что я думаю, — начал говорить он, — это зеркало ловит энергию Космоса и... распределяет ее по пирамидам Города Богов, чтобы те что-то сделали с этой энергией. Но что?

— Кто знает, кто знает... — только и проговорил я.

— А почему не считать это «космическое зеркало Кайласа» локатором, через который Шамбала, расположенная под Кайласом, общается с другими мирами? — вдохновенно продолжал Равиль.

— Технический уровень Шамбалы позволяет сделать это!

А может быть, может быть... с помощью этого зеркала можно вместе с потоком космической энергии унести в космос, чтобы воочию соприкоснуться с инопланетным разумом?!

— Кто знает... — почти угрюмо произнес я.

Мы оба замолчали, понимая, что кроме фантазии у нас нет никакого оружия, чтобы хоть чуть-чуть понять то, что сотворили древние. Должно было пройти почти три года, чтобы мы с Равилем, анализируя карту-схему Города Богов, пришли к заключению, что его западная часть, включая упомянутое «космическое зеркало», была создана с целью управления Временем, чтобы... создать нового человека. Но об этом, дорогой читатель, мы поговорим в следующем

томе этой книги, и поверьте, что путешествие в «тело времени» будет увлекательным.

М... м... — промычал я, прерывая молчание. — Я вот что хочу сказать.

— Что? — Помнишь, Равиль, «старший человек», тот, который ходит в пещеру Харати, говорил, что Харати может читать мысли людей и через это видеть все сразу?

— Помню.

— Харати скорее всего является человеком из Царства Мертвых. Значит, Царство Мертвых читает наши мысли. Так ведь?

— Так.

— Кроме того, — продолжал я развивать мысль, — «старший человек» говорил что-то наподобие того, что сам Кайлас способен читать мысли людей, проходящих сюда. Так?

— Так.

— И, наконец, мы пришли к выводу, что камень Шантамани, заключенный в пирамиде Малого Кайласа, тоже предназначен для чтения и анализа мыслей людей.

— Да.

— Отсюда следует, что мы с тобой, Равильчик, прозрачны как стекло. Все, о чем мы думаем, становится тут же известным там...

Только... неужели мы с тобой так страшны, чтобы тратить время на анализ наших мыслей?

— ?

— Да нет, — стал я отвечать на свой же вопрос, — мы с тобой не столь страшны. Но кроме нас незримо существуют еще и ангелы, призраки, люди параллельных миров, инопланетные люди...

— Они ведь тоже мыслят. — Я закурил.

— Мысли наши, — вновь заговорил я, — здесь читают люди Шамбалы (через камень Шантамани), люди Царства Мертвых и сам... космический... Кайлас. Самое главное, на что все они, наверное, обращают внимание — на наличие в наших душах злых или негативных мыслей, которые не должны быть допущены в эту святыню, где, может быть, созидался... новый человек. Ведь злые мысли — фактор разрушения или «инфекционная бомба» для «обитатели созидания».

Мы вновь пошли вперед. Светило солнце. Мысли был радужными и светлыми. Все в этом мире казалось прекрасным.

— Шеф, дворец какой-то я вижу. Но без окон и дверей! — послышался сзади голос Равиля.

Глава 12. Дворцы без окон и дверей

— Где?

— Да вот же, перед нами! Самый натуральный дворец стоит... без окон и дверей. Основание только немного разрушилось.

— Ого! — воскликнул я.

В голове пронеслись слова Ангарики Говинды, прочитанные в храме ламы Кетсуна Зангпо о том, что комплекс Кайласа похож на гигантскую мандалу, составленную из комбинации мистических фигур. Вспомнилось также, что он говорил следующее: «... стены каньона напоминают архитектурные сооружения. Паломник будто бы окружен гигантскими храмами...».

Сооружение, которое мы видели, имело высоту около 250 метров и состояло из комбинаций башен и отвесных стен. Все это очень напоминало католический храм. Окон и дверей и в самом деле не было.

— Странно, — проговорил я и начал рисовать. — Что бы это могло означать? Ну... по крайней мере, это не естественная гора, а искусственный монумент.

Но только мы отошли на сотню метров от этого места, как увидели еще одну конструкцию, расположенную несколько выше по склону. Эта конструкция имела форму вогнутой мелкоступенчатой поверхности с выступающими на ней многочисленными бугорками, похожими на пирамидки. Южная, хорошо видная сторона сооружения сверху и снизу была коронована двумя красивыми выступами по 70—80 метров. Нижний выступ имел прямоугольную форму, а верхний был похож на цилиндрический каменный набалдашник, установленный на узком основании. Складывалось впечатление, что этот «набалдашник», весящий, видимо, сотни или тысячи тонн, был высечен, поднят и установлен отдельно.

— Антигравитационными силами, наверное, владели древние строители, — подумал я.

А чуть дальше, по ходу, мы увидели грандиозный и величественный «дворец» совершенно фантастической формы, от которого веяло чем-то наподобие «царства Кащея Бессмертного». Эта аналогия усиливалась еще и тем, что на него падала тень, в связи с чем он казался зловеще-черным на фоне сверкающего Кайласа.

Этот «дворец» состоял из двух передних и двух задних наложенных друг на друга каменных пластин (или «зеркал»), между которыми располагалась массивная трапециевидная конструкция, заканчивающаяся сзади и сверху конусовидным выступом. Высота «дворца» была как минимум 500 метров.

Фотографируя, я понимал, что тень ухудшит качество снимка. Зато простым глазом через тень можно было разглядеть детали и нанести их на рисунок.

Позади «дворца», ближе к Кайласу, просматривалось какое-то овальное образование, которое я вначале принял за простую гору. Но потом, оглядевшись и сравнив это овальное образование с естественными тибетскими холмами, я понял, что это тоже древняя конструкция в виде трехступенчатого овального возвышения высотой около 350 метров.

— Ну для чего, для чего строили древние такие невероятно монументальные конструкции? безнадежно спросил я самого себя, заранее зная, что не смогу найти никакого ответа. А потом, в течение трех дней, мы встретили еще несколько «дворцов без окон и дверей», которые я, дорогой читатель, позволю себе показать Вам и кратко описать. Сознаюсь также, что в процессе фотографирования и зарисовки этих конструкций в виде «дворцов» я все время испытывал чувство внутреннего негодования, связанного с тем, что я ничего не понимаю в том, что фотографирую и рисую; я просто слепо выполнял экспедиционную работу, поражаясь величием древнего разума. И только слабая надежда, что когда-нибудь в будущем мы хоть что-нибудь

поймем в этом, грела меня. Один из этих «дворцов», воздвигнутый на вершине тибетского хребта, представлял собой сложную комбинацию плавно изогнутых поверхностей, на верхней части которых были установлены пирамидка и полушар. Высота этого монумента составляла около 150—200 метров.

— Что это? — глупо спросил я самого себя.

Конечно же, я не мог ответить на этот вопрос, точно так же, как и большинство людей не могут пока ответить на вопрос о предназначении монументов древности.

Другой «дворец» был похож на комплекс куполов с двумя огромными (ориентировочно 100x100 метров) вертикальными плитами, установленными точно под 90° друг к другу.

— Какова роль этих каменных куполов? Собирают определенные виды тонкой энергии, что ли? Какую роль выполняют эти плиты, похожие на зеркальные отражатели? Какую энергию они отражают и куда? — сыпались на меня вопросы, на которые у меня, УВЫ, не было ответа.

Следующий монумент, расположенный на вершине высокого тибетского хребта, напоминал старинный испанский замок. Чем-то он был похож на пирамиду, но уж больно странные очертания имела эта пирамида: отвесные боковые поверхности, рельефные вдавления и т. д. С боковой стороны к «замку» примыкали две каменные плиты; на вершине одной из них можно было различить четыре полуразрушенных купола.

Еще один монумент, увиденный в Городе Богов, был похож на спираль, сужающуюся кверху. И, конечно же, этот монумент, как и большинство других, имел сочетание с плоскими конструкциями, которые мы стали образно называть зеркальными отражателями.

Зарисовывая этот монумент, я понимал, что многие его участки, закрытые снегом или разрушенные временем, я логически домысливаю. Тем не менее, было вполне ясно, что древние люди с какой-то непонятной целью, когда-то давным-давно, построили здесь гигантскую каменную спираль.

— Может быть, это прототип ДНК? — тихо проговорил тогда Равиль, зная, что ДНК имеет спиралевидную структуру.

И, наконец, к монументам этого типа можно было отнести ряд конструкций, расположенных рядом с монументом Гомпо-Панг. Позади него хорошо просматривалось что-то наподобие узкого желоба с приподнятыми стенками, который спускался вниз с полукруглого отрога монумента Гомпо-Панг. Сразу за ним на востоке была видна остроконечная структура, на южной поверхности которой виднелись два полукруглых вдавления в виде «сот». За этой структурой можно было видеть подобие двух арочных «лестниц» с фигурными перилами, которые грандиозно спускались с вершины округлого каменного образования. А за ними, чуть поодаль на востоке, просматривался двойной ряд то ли фигур, то ли останцев, за которыми начиналось уже упомянутое западное зеркало самого Кайласа.

При виде этих «желобов», «сот», «лестниц» и всего остального в моей голове начали копошиться слабые мысли об их предназначении. Откуда ни возьмись, всплыла попытка провести аналогию со строением человеческого организма, но она тут же угасла, потому что я плохо знал пространственную структуру молекул человека. Тем не менее, эта попытка показалась мне в глубине души любопытной и стала вертеться в голове, хотя никаких оснований утверждать, что путем строительства разнообразных и необычных монументов древние создавали здесь человека, у меня не было. Я просто ощущал вопиющее несовершенство своего разума перед могуществом древних. Припомнилась фраза Сергея Анатольевича Селиверстова:

— Все слышали в сказках о дворцах без окон и дверей, а мы их видим воочию...

Я тогда подумал: — Сказка не есть фантазия. Сказка есть история, повествующая о забытом величии человека.

Глава 13. Каменные зеркала Города Богов

Чем дальше мы пребывали в Городе Богов, тем больше у меня складывалось впечатление, что Город Богов есть какой-то непонятный и невероятно грандиозный механизм, внутри которого в строгом порядке мечутся неведомые нам энергии. Об этом, в частности, говорили каменные конструкции, похожие на отражатели, которыми были снабжены многие монументальные сооружения Города Богов. Некоторые из них Вы, дорогой читатель, уже видели на предыдущих фотографиях и рисунках, но позвольте мне показать еще несколько каменных зеркал, чтобы хоть чуть-чуть представить, что Город Богов был создан для регуляции и соединения воедино каких-то энергий с целью... созидания чего-то очень важного.

О, как мучили меня тогда мысли об энергетической сущности человека! О, как многого не понимал я тогда! Я тогда и представления не имел о том, что тело человека имеет два фантома — фантом времени и фантом эфира. Но об этом, дорогой читатель, мы поговорим в следующем томе этой книги.

Один из таких каменных отражателей представлял собой комплекс из пяти вогнутых зеркал (№46), соединенных вместе и установленных на мощном, похожем на сундук, постаменте. Высота каждого из зеркал составляла ориентировочно высоту четырехэтажного дома. Этот комплекс зеркал находился на вершине то ли тибетского холма, то ли полуразрушенной пирамиды. Зеркала были направлены точно на северо-запад.

Этот зеркальный монумент мы увидели тогда, когда уже смеркалось. Равиль начал судорожно фотографировать, а я — судорожно рисовать. Мне показалось, что последнее из пяти зеркал имеет у основания какую-то выемку. Она заинтересовала меня. Мы почти бегом (на высоте пяти километров!) пустились вокруг холма, на котором стоял этот монумент, чтобы взглянуть на последнее каменное зеркало спереди, а не сбоку. Наконец, мне удалось разглядеть последнее зеркало: у его основания, несмотря на полутьму, довольно четко просматривалось подобие уже виденной нами на Доме Счастливого Камня «двери в Шамбалу», «закрытой изнутри каменной плитой». Высота этой «двери» была около трех метров. И опять же, она располагалась там, где время, предположительно, должно быть сжато.

Наши попытки сфотографировать зеркальный монумент с этой позиции не увенчались успехом, — было слишком темно. Я нанес увиденную «дверь» на рисунок; глаз был сильнее фотоаппарата.

Другой монумент этой серии представлял собой огромную, с трехэтажный дом, прямоугольную каменную плиту, установленную на вершине каменистого холма. Широкая ее поверхность была строго ориентирована по линии «север-юг».

Следующий монумент из серии «зеркальные отражатели» был также похож на огромную каменную плиту размером с пятиэтажный дом, установленную на вершине пологого холма. Эта плита имела форму не совсем правильного параллелепипеда с отверстием в центре. Плоской поверхностью плита была ориентирована по линии «запад-восток».

А однажды мы встретили каменное зеркало, похожее на лист дерева. При размерах ориентировочно 100x100 метров этот «лист» был столь тонким, что приходилось только удивляться тому, как он не разрушился за многие и многие тысячелетия.

Иногда эти «отражатели» были выстроены в линию, как, например, в группе монументов на западной стороне Города Богов. Три каменных зеркала, высотой по 70—80 метров, один за другим спускаясь с высокого склона, были скомбинированы в пределах одной линии с пирамидальными конструкциями и конусом. Все каменные зеркала были направлены строго на запад.

Встречались также, особенно на западной стороне Города Богов, ровные, как будто отполированные склоны долины реки, вдоль которой мы шли. Вначале мне казалось, что ветер отполировал эти каменные склоны, но потом я понял, что отполированные участки склонов являются, скорее всего, своеобразными зеркальными отражателями. Но когда я это понял, было уже в той или иной степени поздно — многие зеркальные отражатели такого рода я не зарисовал и не сфотографировал. Упустил, как говорится.

Но иногда каменные зеркала западной стороны Города Богов были приподняты высоко над уровнем реки и представляли собой что-то наподобие плоских ограничителей, то ли отрогов хребта, то ли разрушенных сложных пирамидальных конструкций.

Если Вы, дорогой читатель, физик или мыслитель физического плана, и если Вас заинтересовали каменные зеркала Города Богов, то полистайте, пожалуйста, еще раз эту книгу и обратите внимание на то, что многие монументы в этом поднебесном «городе» снабжены плоскими или вогнутыми конструкциями, которые, наверное, отражают и регулируют здесь какие-то виды энергий. Может быть, тогда у Вас, дорогой читатель, появится какая-то изящная и оригинальная идея, которая полностью захватит Вас, призовет бороться с бесчисленной толпой консерваторов и завистников и когда-нибудь, через... много-много поколений... станет основой энергетики будущих людей, утверждая принцип, что человек есть «микрокосм макрокосма». Подумайте, пожалуйста, дорогой читатель! Что-то в этом есть...

А тогда, в поднебесном Городе Богов, я стоял на одном из склонов и думал о неведомых нам энергиях, которые в строгом порядке и по какому-то гениальному плану, наверное, стремительно перемещаются в пределах этого Города, что-то создавая или... что-то Уже создав. Я понимал, что человечество, удерживаемое тормозами консерватизма и пропахшее бензином, еще очень мало знает об этих энергиях, но вполне четко представлял, что будущее — за освоением этих новых видов энергий. Ведь древние знали эти энергии! А человечество развивается по спирали.

Но одна мысль не давала мне покоя — мысль об энергии времени. Я уже вполне отошел от банального представления о времени как о тиканье часов, и уже представлял, что Время есть самая мощная энергия и... самая думающая энергия. И не зря, забегая вперед, скажу Вам, дорогой читатель, что нашими с Вами телами управляет и даже главенствует в процессе управления фантом времени — зависшая в пространстве энергия времени.

— Сжатое время, наверное, носится в пределах Города Богов, регулируемое каменными зеркалами. И поэтому, наверное, ни один из священных монументов Города Богов не доступен для обычного человека — энергия времени сожжет его из-за... присутствия в душе злых мыслей, — подумал я.

Я был еще полон сил и здоровья. А впереди ждала «черная» сторона Кайласа.

Глава 14. Черная сторона Кайласа

— Вы какой цвет больше всего любите? — спросил Рафаэля Юсупова Сергей Анатольевич Селиверстов, когда мы вечером уютно расположились на редкой травке рядом с палаткой, поставленной под северной стороной Кайласа, которую ламы называют «черной» (духовно!) стороной.

— Ты что, на черный цвет намекаешь? — недоуменно вскинул брови Юсупов.

— Да нет. Просто я заметил, что Вы в Уфе очень часто носите черную рубашку с черными брюками. Человек в черном, как говорится, — хихикнул Селиверстов.

— Понимаешь, черную рубашку стирать не надо каждый день.

Я ведь холост.

— А я стираю! — Селиверстов горделиво вскинул подбородок.

— Черные рубашки тоже стираешь?

— Я не ношу черных рубашек. Тем более таких как у Вас — с какими-то дурацкими дамскими вышивками на воротнике и лацканах.

— Зато я не ношу голубых рубашек, — парировал Рафаэль Юсупов. — А ты, Сергей Анатольевич, как я заметил, носишь.

— Цвет рубашки не является критерием сексуальной ориентации человека, — многозначительно произнес Селиверстов. — Вон, Боря Моисеев, ведь не в голубом костюме поет, а в розовом или...

— Под розового канает, что ли?

— Не надо оскорблять талантливого актера. Он одевает одежду того цвета, который его возбуждает, чтобы...

— Значит, ты надеваешь голубую рубашку, чтобы... — ехидно вставил Рафаэль Юсупов.

— Не надо дешевых намеков! Человек в творческом порыве обязательно входит в состояние возбуждения. А оно, возбуждение — то, взламывает все препятствия и условности, чтобы вскрыть те пласты духовной энергии, которые называются талантом. Талант, Рафаэль Гаязович, надо вскрывать...

— Как чирей, что ли?

— Не как чирей, а как пласт духовной энергии, — невозмутимо ответил Селиверстов. — А для вскрытия пласта...

— Чего?

— Пласта.

— А-а-а...

— Так вот, — продолжал Селиверстов, — для вскрытия пласта талантливой энергии...

— Какой энергии? — сел на своего конька Рафаэль Юсупов.

— Талантливой.

— А-а-а...

— Я хочу сказать, — Селиверстов насупился, — что для вскрытия пласта таланта... м... м... пласта талантливой энергии... м... пласта духовной энергии, таящей в себе талант...

— Не понял, какого все же пласта?

— Короче, без возбуждения нет таланта, — обрезал Селиверстов.

— А какое возбуждение лучше вскрывает, по-твоему, талант? — спросил Рафаэль Юсупов.

— Любое! — ответил Селиверстов. — Любое возбуждение способно вскрыть талант. Талант есть у всех, но не все люди умеют возбуждаться.

— Значит, бестолковые и блеклые — это люди, которые не умеют возбуждаться. Так, что

ли?

— Так.

— Значит, и в сексе...?

— Да.

— А как возбуждаться можно?

— Да хотя бы за счет цвета, — ухмыльнулся Селиверстов.

— Цвета, например, постели, что ли? — тоже ухмыльнулся Рафаэль Юсупов.

— Да хотя бы цвета постели. Или цвета стен, или...

— Рубашки?

— Рубашки тоже или... белья.

— И какой цвет предпочтительнее для возбуждения?

— Объясняю, — лицо Селиверстова стало серьезным. — Черный цвет — это никакой цвет, то есть цвет, которого нет. Поэтому если ты одет во все черное, то ты никого не возбуждаешь.

— Неужели?

— Да. Ты как черная дыра смотришься.

— А...а... А если во все белое одет?

— Вот на Вас, Рафаэль Гаязович, я вижу, белая маска надета.

Кстати, зачем Вы ее надели? Пылевых бурь ведь здесь, в горах, нет.

— Да так уж, по привычке надел.

— Вы в ней, в белой маске-то, как смерть смотрите.

— Как что?

— Как смерть. Да еще и в черных очках.

— Ну ты уж слишком.

— Белый цвет, — Селиверстов поднял указательный палец, — есть объединенный цвет всех цветов радуги. То есть, это как бы деиндивидуализированный цвет. Странно, что коммунисты выбрали в качестве символа красный, а не белый цвет — у них ведь все общаковое. Хорошо, что Троцкого ледорубом зарубили, а то, если бы он пришел к власти, и жены бы стали общаковыми. Поэтому Вы, Рафаэль Гаязович, в белой маске смотрите не как индивидуальность, а как общественное... создание. Возбуждаться при виде такого общественного... человека, извините, довольно трудно. Это то же самое, что возбуждаться на толпу людей; среди нас, к сожалению, в отличие от йогов, нет людей, способных любить человечество вообще, люди любят индивидуальности...

— А при чем тут цвета?

— Да при том, что каждый человек любит какой-то свой цвет и возбуждается при виде этого цвета. Вот шеф, например, — Селиверстов показал пальцем на меня, — возбуждается от оранжевого цвета, а я возбуждаюсь...

— При виде голубого, что ли?

— Да нет, я люблю... розовый.

— Ха...

— Попрошу без намеков, пожалуйста! Розовый цвет — это цвет нежности, цвет ласки, цвет утреннего рассвета.... Каждый человек настроен на свою индивидуальную волну, и эта волна определяется любимым им цветом, который придает человеку индивидуальные качества, именно те качества, которые у него просыпаются при виде любимого цвета.

— Тогда получается, что ты, Сергей Анатольевич, нежный и ласковый человек, — Рафаэль Юсупов усмехнулся.

— Да. А что?

— Да ничего. Просто иногда...

— Иногда — это не всегда, — гордо произнес Селиверстов.

— Ну ладно тогда.

— Физики утверждают, — Селиверстов, вспоминая, прищурил глаза, — что существует фантом организма, состоящий из подвешенной в пространстве тонкой энергии...

— Не подвешенной, а структуризированной в пространстве, — перебил его Рафаэль Юсупов.

— Пусть будет так. Какая разница? Так вот, эта... структуризированная или... подвешенная в пространстве энергия фантома имеет склонность разлагаться на цвета...

— Разлагаются только трупы, — опять перебил его Рафаэль Юсупов, — в данном случае происходит процесс дифракции.

— Не перебивайте меня! И так, фантом может разложиться...

— Селиверстов опасно взглянул на Юсупова, — на цвета радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый, которые отличаются по длине волны. Красный цвет имеет самую длинную волну, фиолетовый — самую короткую. Но самое главное состоит в том...

— В чем?

— В том, что этот фантом, разложенный на цвета, может в определенных условиях начать созидать материю по принципу перехода живой энергии в живую материю.

— А кто это доказал? — скептически спросил Юсупов.

— Не помню кто. Но об этом я читал где-то. Какой-то знаменитый физик писал. Выяснилось, что та часть фантома, которая характеризуется красным спектром, способна созидать наиболее грубые живые ткани, а фиолетовая часть — наиболее нежные.

— Как ты? — нелепо пошутил Рафаэль Юсупов.

— Поэтому, — невозмутимо продолжал Селиверстов, — цвета носят созидательный характер. И там, где есть цвета — там есть жизнь, а там, где нет цветов — там нет жизни или... есть Ничто. А Ничто не есть просто смерть, Ничто — это духовная смерть. Отсюда какой можно сделать вывод?

— Какой?

— А то, что северная сторона Кайласа не зря названа Черной Стороной. Это сторона, которая олицетворяет Ничто или страшную духовную смерть. Йоги, которые обладают тонко-энергетическим зрением, знают это.

— Ну... — скепсис просквозил в голосе Юсупова.

— Что ну? Что ну?

Вы бы, Рафаэль Гаязович, пореже черную рубашку с дамскими вышивками носили, — резко бросил Селиверстов.

— А ты бы голубую, — в ответ бросил Юсупов.

Друзья, отвернувшись друг от друга и пошевеливая туристическими ботинками, стали смотреть по сторонам.

Я понимал, что ламы и йоги не зря назвали эту сторону Кайласа Черной Стороной. Что-то загадочное и черное таилось здесь.

Я вспомнил, что лама Кетсун Зангпо рассказывал легенду о греховной борьбе двух божественных людей — Миларепа-йога и Бонпо-йога — на вершине священного Кайласа, когда Минарепа-йога смог сбросить с вершины Бонпо-йога на северную сторону священной горы, чем навлек туда божью кару — демонические силы, после чего северная сторона Кайласа «почернела».

Я поднял голову и посмотрел на северную сторону Кайласа. Она сверкала белизной снега и была отнюдь не черной. Я попросил Сергея Анатольевича Селиверстова попозировать и

сфотографировал вместе с ним «черную» сторону Кайласа, после чего принялся зарисовывать ее.

Было видно, что северная сторона представляла собой практически полный обрыв или, может быть, очень крутой склон градусов этак в 80-85°. Этот обрыв, испещренный какими-то слегка выступающими треугольниками, имел форму пологой чаши. Мне Даже удалось замерить по компасу кривизну данной «чаши»: она составляла ориентировочно 30°.

Я, что было сил, присмотрелся к вершине Кайласа и заметил, то на ней лежит шапка снега, под которой угадывалась ровная плоская площадка. Сильные и в то же время смутные мысли забродили в моей голове, как бы подчеркивая значимость этой плоской площадки на вершине Кайласа.

— Значит, на этой площадке боролись Миларепа-йог и Бонпо-йог, — подумал я и тут же ощутил нелепую несерьезность такой мысли.

В то время я еще не знал, что наши тщательные и многотрудные послеэкспедиционные расчеты приведут нас к выводу о существовании на вершине Кайласа плоской квадратной площадки, анализ которой с точки зрения различных и разрозненных древних мифологий, позволит восстановить сказочную, но... вполне возможную (кто знает?!) историю выживания человечества во время всемирных катаклизмов.

А еще в то время я и представления не имел о том, что сверкающий передо мной Кайлас был построен в системе легендарных пяти элементов как пятый элемент, как... Человек. Но об этом... Я прошу прощения у Вас, дорогой читатель, что мне придется опять и уже в который раз написать фразу «но об этом Вы прочитаете в следующем томе этой книги». Но мне, как говорится, деваться некуда, кроме как попросить Вас, дорогой читатель, подождать выхода следующего тома, который, как я надеюсь, все же напишу, чтобы подытожить данные по Городу Богов.

Вечерняя прохлада начала сменяться леденящим тибетским ночным холодом. Я поежился. О, как мало я знал тогда! Тогда я всего-навсего рассуждал о том, что демонические или черные силы северной стороны Кайласа присутствуют здесь не зря, поскольку в нашем трехмерном мире понятие «Прогресс» заложено как борьба добрых созидательных сил с темными негативными силами, где негативные силы выступают в качестве своеобразного стимулятора. Я перебрал в голове вехи моей научной карьеры и вдруг понял, что без научных оппонентов, завистников и злопыхателей я бы, возможно, успокоился или, что еще хуже, стал бы считать себя гениальным или великим.

— Спасибо вам, завистники и злопыхатели! — прошептал я. — Как хорошо, что вы есть! Вы ведь несете на себе тяжесть внутренних негодований из-за своей научной неполноценности, вы тяжело страдаете при виде успехов ненавистного вам прогрессивного ученого, не спите ночами, придумывая смертные кары ему... и все это ради общечеловеческого прогресса, чтобы выполнить свою предопределенную кармой функцию — быть «стимулятором» кого-то, того, кому Бог дал способность творить. Вы, дорогой завистник, являетесь эталоном того, каким не надо быть... для него. Но такая уж у Вас карма: где-то в той жизни Вы так нагадили, что Бог уготовил при следующей жизни Вам суровое наказание — мучиться всю жизнь от накатывающих волн и глухого ропота своей никчемности при виде человека, наделенного Богом светлыми и яркими способностями. Подсознание шепчет Вам, что Вы живете не под «божественной звездой», а Вас, дорогой завистник, умным и хитрым путем тоже используют ради прогресса, но... как «обреченный стимулятор» или как «черный эталон». Спасибо Вам, дорогой завистник! У Вас нелегкая доля в нашем брэнном трехмерном мире.

Я еще раз посмотрел на Кайлас. Смеркалось. В последних лучах солнца Кайлас казался живым. Я явственно почувствовал, что мой разум ничтожно слаб перед Его Разумом. Но я не

завидовал Ему. Я восторгался Им, и... восторгался искренне.

— Эх! — воскликнул я про себя, почувствовав, что мои брови по-детски собрались на переносице. — Эх, увидеть бы четырехмерный или пятимерный Кайлас! Как, интересно, он будет выглядеть тогда?! А какой, интересно, он — четырехмерный мир, или... пятимерный мир?

Я романтично захлопал глазами, ощущая сладость детского восторга. Я даже приподнял козырек своей фуражки, чтобы, как подросток, почувствовать дееспособность взрослого человека с сохранением детской восторженности миром, когда и ты, прыщавый юнец, что-то уже можешь... в этом новом для тебя мире.

— А может быть, может быть... — в глубине души стал бормотать я, — в том четырехмерном мире нет зависти, нет злопыхательства?! Может быть, необходимость постоянного и натужного прогресса внедрена в сознание загадочных четырехмерных людей как естественное состояние, подобное тому, как в нас внедрена необходимость дышать, кушать или ходить?! Может быть, там нет несчастных и обделенных завистников, существующих только ради стимуляции... тебя?! Жалко ведь их, завистников-то!

А утром я проснулся с тревогой в душе. Я потерял свои опухшие веки и пошел умываться. Холодная вода взбодрила меня. В голове всплыли слова ламы Кетгуна Зангпо о том, что черный и голубой цвета — это цвета, направленные на воду. Вытерев лицо похолодевшим уже наполовину тряпкой полотенцем, я посмотрел на воду ручья, в котором я умывался, протекавшего рядом с «черной» стороной Кайласа. Вода этого ручья не показалась мне плохой; ручеек весело бежал, расплескивая волны на крупных камнях. Журчание было ласковым и уютным. А на душе было грустно.

Я провел рукой по осунувшемуся лицу. Лицо было теплым. В области виска я ощутил пульсацию артерии: она, эта артерия, ритмично стучала, напоминая о том, что кровь еще течет в моих жилах.

Я отложил в сторону задрюканый полиэтиленовый мешок с умывальным набором и раскисшим мылом, засунул руки в карманы анорака и уставился куда-то в точку, отвернувшись от Кайласа. — Шеф, стой так! Я тебя сфотографирую на фоне Кайласа! — закричал Равиль.

Я постарался сделать веселое и залихватское лицо, но у меня это не получилось. Что-то изнутри давило и вводило в состояние грусти. Усилием воли я постарался понять причину грусти, но не смог. А грусть все свербила и свербила мою душу.

Я еще раз провел рукой по щеке, ощутил тепло своего тела и вдруг просто и ясно понял, что сегодня я пойду в Долину Смерти.

Глава 15. В Долине Смерти

Подойдя к палатке, я стал угрюмо собирать свой рюкзак. Мой взгляд упал на спальник.

— Хороший спальник, пуховый, теплый... был, — подумал я.

Далее мой взгляд переметнулся на мои обшарпанные туристические ботинки.

— Износились совсем. Последний путь уж, наверное, идут, — промелькнула мысль.

Непонятно почему, я поднял перед собой ладони и стал рассматривать их. Мои руки, отнюдь не отличающиеся элегантностью форм рук пианиста или голубого, показались мне толстыми лопатоподобными орудиями, предназначенными для выполнения грубой, топорной работы. Я пошевелил короткими пальцами с грязными ногтями и поразился тому, что мне по жизни удавалось ловко владеть ими при выполнении тончайших глазных операций и даже удивлять американцев «фокусами русской хирургии».

— А ведь хорошо послужили, руки-то, — опять в прошедшем времени подумал я.

В ожидании Суда Совесть

Я поднял глаза, замутненным взглядом провел по окружающим тибетским горам и сильно потряс головой, как бы стараясь избавиться от нахлынувших «мыслей в прошедшем времени». Я понимал, что сегодня вся моя жизнь будет оцениваться неведомым разумом что я, обычный земной человек, волей судьбы... а может быть и по собственной воле буду страстно... а может быть и болезненно желать, чтобы меня оценили, поставив на грань между жизнью и смертью. Я хотел этого, чтобы через свое прошлое войти... или не войти в будущее.

Я засунул в экспедиционный рюкзачок полевые тетради, карандаши, резинку, бинокль, компас и многое другое, что было необходимо здесь, в поднебесном Городе Богов. Равиль подошел и протянул мне высокогорный паек, завернутый в целлофан.

— Что здесь, в пайке-то? — спросил я.

— Шоколад, изюм, курага, печенье, колбаса и сало — то самое хохляцкое сало, которое сам Петрович солил, — ответил он.

Я взял целлофановый мешок с едой, помял его в своей огрубевшей руке и нехотя засунул в рюкзак.

— М-м-м... да, — промычал я.

Мысли снова начали витать вокруг легенды о Долине Смерти. Мне, по причине все-таки сидящей во мне приземленности, было непонятно, почему йоги приходят сюда, чтобы взглянуть в глаза Царя Смерти, которого они называют звучным именем — Яма. Мне, периферийному городскому жителю с банальным деревенским происхождением, было трудно поверить в то, что у некоторых людей нашей планеты в душе иногда возникает позыв оценить себя смертью, без страха и содрогания представ перед неведомым разумом, в существование которого они свято верят. Они, эти странные люди, не боятся земной смерти, они боятся лишь того, что когда-то по жизни они чем-то запятнали свою совесть. Они, эти люди, которые в высокогорье способны обходиться без жирных пайков с шоколадом, курагой и салом, без грусти и тревоги в душе могут смотреть в лицо Смерти, даже радуясь тому, что их тело начинает испепеляться только из-за того, что мерило Добра и Зла в душе — Совесть — оценила какой-то поступок в жизни отрицательно и решила, что во всеобщем и вечном мире, где главенствует Время, этот поступок нарушил жизнеутверждающую гармонию Сущего.

— Шеф, туалетную бумагу-то возьми. Здесь, в высокогорье, «пук» не отличить от «ср...»! — послышался грудной голос Селиверстова.

— М-м-м... да... — я протянул руку.

Потуже затянув рюкзачок, я вскинул его на плечи и искусственно-бодрым голосом сказал:

— Ну что? Пошли, что ли?!

— Шеф, давай шоколадку сожрем перед выходом, — предложил Селиверстов. — Сегодня ведь на высоте 6000 метров будем. А он, шоколад-то, энергию дает...

Мы медленным, размеренным шагом шли вверх по склону.

— Смотри-ка, как чувствуется разница между 5000 и 5500 метров, а?! — сделав натужный вдох, проговорил Рафаэль Юсупов во время одной из пятиминутных остановок.

Мы шли и шли вперед. А я взглядом искал зеркало Царя Смерти Ямы. Я знал, что оно должно работать как зеркало, сжимающее время, и ждал, что оно будет выглядеть как огромная каменная вогнутая поверхность. Но меня удивляло то, что великий русский ученый Николай Козырев, изучавший эффект сжатия энергии времени с помощью вогнутых конструкций, называл их зеркалами, так же как и в тибетской мифологии словом «зеркало» была названа конструкция, помогающая Царю Смерти Яме вести фатальный Суд Совести.

— Неужели Николай Козырев знал про Владыку Царства Мертвых Яму, неужели ему было известно, что в далеком Тибете, в загадочном Городе Богов существует конструкция, называемая зеркалом, с помощью которого Царь Яма вершит Суд Совести, используя сжатое время?! — думал я.

В последнее время я все больше и больше верил в силу подсознания и, несмотря на то, что не был философом или каким-либо отрешенным мыслителем, уже вполне хорошо представлял, что подсознание есть вторая «затаенная сущность» человека, что подсознательный мир живет своей жизнью, вовлекая в водоворот интуитивных страстей тебя самого и лишь иногда позволяя себе шепнуть тебе — неразумному — кое-что, передавая, например, шальную мысль, которая будет наполнена непонятной внутренней энергией и которая перевернет всю твою сознательную жизнь с надоевшими заботами о приготовлении пищи и зарабатывании денег.

Я уже понимал, что Создатель с какой-то целью сотворил для человека два мира: один — сознательный, со знакомым до боли ходом мыслей страждущих власти и денег людей, второй — подсознательный, с начинающим раздражать клеймом таинственности. Бог, наверное, определил путь прогресса в постепенном процессе слияния этих двух миров одного человека, чтобы он, человек, когда-нибудь, через много-много эволюционных этапов, почувствовал, что он един в самом себе, что означает... единство с Богом. А пока подсознание только шепчет, не более того, только шепчет, поскольку оно является божественно-чистой единицей Разума и свидетельствует о божественном происхождении человека, и пока не имеет права слиться с сознанием, «заблудшим в душевной грязи». Хотя... когда-нибудь наступят такие времена, обязательно наступят, когда... люди станут чище.

— Из подсознания, наверное, пришла Николаю Козыреву мысль назвать свои вогнутые конструкции зеркалами, — подумал я. — Оно, таинственное подсознание, вероятно, знало и знает про Царя Смерти Яму, и знало и знает про его инструмент — Зеркало Смерти. Ведь подсознание охватывает одновременно и Жизнь и Смерть, считая последнюю переходом на новый этап Вечности.

Я помнил, что после долгого периода внутренних сомнений и мучительных рассуждений я все же согласился с невесть откуда появившейся шальной мыслью о том, что Время есть думающая энергетическая субстанция, способная оценивать мысли, душу и карму человека. Меня, возможно, как и другого человека, все время подмывало желание упростить все в этой жизни и уйти в блаженные дали примитивизма и, конечно же, отнести ко Времени как к

убаюкивающему тиканию часов. Но больные, тысячи безнадежных больных, постоянно подстегивали меня, взывая к действительному состраданию. А от этого мысли начинали плясать в голове, потом сами по себе находили какой-то уровень систематизации и начинали глухо клокотать на этом уровне, как бы взывая к чьей-то помощи, чтобы разрядить это мучительное клокотание. Помощь чаще всего не приходила, но иногда, особенно тогда, когда клокотание достигало своего апогея, появлялась заветная шальная мысль, которая, как правило, отличалась своей беспредельной необычностью, но вызывала чувство облегчения.

— Спасибо тебе, подсознание! — говорил я в эти моменты про себя.

И скажу Вам, дорогой читатель, что при научном анализе болезней человека эти шальные мысли, выходящие из подсознания, были связаны чаще всего со временем. Подсознание как бы нашептывало, что время является главной причиной появления болезней.

Постепенно, подгоняемый шальными мыслями о времени, я стал осознавать, что в организме человека существует загадочный фантом времени, который не только регулирует временные параметры всех процессов, происходящих в организме, но и способен думать и творить, через ход времени иногда приводя в действие такие чудесные явления, как, например, самоизлечение от рака, когда в опухолевых клетках сжимается время и они как бы быстро отживают свое, старея и погибая.

Тогда я еще не знал, что вскоре после экспедиции, взбудораженный подобными шальными мыслями, я сделаю попытку целиком собрать из Аллопланта и донорских тканей «новый» глаз в глазнице киевлянки Тамары Горбачевой, и на пятый день после операции, когда появится красное свечение «нового» глаза, я буду сидеть с трясущимися руками и глупо причитать: «Время сжалось, время сжалось, что ли? Сосуды проросли в „новый“ глаз в 150 раз быстрее ведь, а?! время решило так помочь...!»

Зеркало Царя Смерти Ямы

А сейчас я шел вверх по крутому склону, тяжело переводя дыхание. Я уже почти верил, что время способно думать и что легенда о Зеркале Царя Смерти Ямы не сказка, а пусть невероятная, пусть непонятная, но явь. Я с трепетом ждал того мига, когда воочию увижу Зеркало Царя Смерти Ямы. Я очень сильно волновался, отчего перехватывало и без того затрудненное дыхание.

Зеркало Царя Смерти Ямы выглянуло из-за очередного бугра даже как-то обыденно. Непонятно почему, но я представлял его именно таким. Мне показалось логичным, что оно начиналось от самого священного Кайласа и в виде огромной трехкилометровой чаши продолжалось на восток. Я остановился. Все ребята, шедшие за мной, тоже остановились. Я внимательно окинул взглядом эту громадную, покрытую снегом чашу. Шальные и не шальные мысли бродили в моей голове. Но одна шальная мысль, самая яркая и самая сочная, подсказывала мне, что я смотрю на Зеркало Царя Смерти Ямы.

— Сэр, здесь останавливаться нельзя, — послышался сзади голос проводника Тату.

— Почему? — спросил я.

— Так велят наши предания, — ответил он.

— Почему? — с оттенком нервозности переспросил я, думая о сжатом времени.

— Так велят... — смутился Тату, не понимая моего нервозного напора.

— Почему? — тихо проговорил я и сделал шаг вперед.

— Пошли, пошли, — стал торопить Тату.

— Давайте фотографировать, кстати... в сжатом времени, — прорычал я и достал фотоаппарат.

— Сэр, надо идти! — с надрывом в голосе сказал Тату.

— Почему?

— Наши предания говорят, что этот участок, — Тату показал рукой на Зеркало Царя Смерти Ямы, — надо проходить очень быстро, очень...

Я взглянул в темно-коричневые глаза Тату и увидел в них добрую тревогу человека, живущего в «стране чудес» и понимающего, что чудеса и в самом деле бывают на свете.

— Тату, я останусь здесь. Я должен зарисовать это, — я махнул рукой в сторону Зеркала Царя Смерти Ямы.

— Фотографии мы и так найдем!

— Я хочу, Тату.

— Почему? — опять с надрывом спросил он.

— Я ученый... — нелепо попытался оправдаться я, чувствуя излишний пафос в этой фразе. — Вы все идите и подождите там, наверху. Ладно?! Равиль, останься со мной, ты... молодой.

Все развернулись и быстрым шагом пошли вверх по склону. Равиль стал распаковывать видеокамеру.

А я надеялся. Я надеялся, что Время есть и в самом деле думающая субстанция и что оно, Время... поймет меня... и Равиля.

Рисунок я сделал и в самом деле быстро. Получился он плохим, но зато я тщательно измерил все углы и градусы. Было хорошо видно, что северная (черная) сторона Кайласа резкой гранью под прямым углом переходит в восточную сторону, от которой начинается Зеркало Царя Смерти Ямы, продолжающееся в виде дуги на восток. Дно этой трехкилометровой чащи занимал ледник, из которого вытекал ручеек. Сама вогнутая поверхность Зеркала была местами покрыта снегом, но чувствовалось, что она очень ровная и даже как бы отполирована. По центру вогнутой поверхности проходила горизонтальная полоса в виде ступеньки, разделяющая Зеркало на две равные части. По верхней линии Зеркала были видны дополнительные сооружения в виде пологой пирамидки и трапециевидных конструкций. Замеры показали, что Зеркало изогнуто под 90° и направлено прямо на север.

Рисую Зеркало Царя Смерти Ямы, я ощутил, что здесь каким-то особым образом обострены чувства, что они конкретны и ясны как никогда и, что эти чувства обладают способностью вытаскивать из глубин памяти такие нюансы и детали когда-либо прочитанного или услышанного, которые бы никогда и не вспомнились.

Стражи Долины Смерти

В голове ясно всплыли строки из книги Ангарики Говинды: «Паломник подходит к месту (на севере Кайласа), откуда видно Зеркало Царя Смерти Ямы. Он ложится между валунами и оказывается перед судом Ямы — судом собственной Совести. Он вспоминает свое прошлое».

— Неужели сжатое за счет Зеркала время извлекает из человека главное — Совесть — и оценивает ее, решая, убить или не убить этого человека? — начал было я философствовать, но вовремя осекся — это было не место для отвлеченной философии.

Я решил, прежде всего, сделать расчеты, чтобы постараться найти те два валуна, о которых писал Ангарика Говинда. Я предполагал, что именно там находится Долина Смерти, о которой я

так много слышал от йогов и лам.

Кроме того, в моей памяти всплыли некоторые подробности, на которых я не заострил внимание при чтении книги Ангарики Говинды. Я вдруг вспомнил, что этот автор писал о двух четырехглазых псах с широкими ноздрями, мимо которых надо пройти путнику, чтобы «достигнуть отцов, веселящихся на общем пиру с Ямой». Вспомнилось также, что эти псы пятнистые, рыжевато-розового цвета, и именно они являются похитителями... жизни.

— Так, так, — вспыхнуло в голове, — значит... значит, те два валуна, лежащие между которыми, паломник подвергается суду Совести, должны быть похожи на псов — четырехглазых пятнистых.

Дематериализация или перенос в другое измерение?

Еще раз посмотрев на громадную каменную плиту и вполне осознанно понимая, что для ее создания и перемещения Миларепа использовал Силу Мысли (или Силу Свободного Времени), я задумался над вопросом — какой же метод «работы» с использованием Силы Мысли применял Миларепа — дематериализацию с последующей материализацией или перенос каменной плиты в другое пространственное измерение?

Я опять грубо почесал свою злополучную лысину. Мне даже показалось, что там что-то завелось. Я продолжал думать, думать и вдруг понял, что на поставленный вопрос я не смогу ответить. Я способен только строить догадки. А догадки эти сводились к тому, что все же, наверное, Миларепа использовал Силу Мысли, переводя трехмерное вещество камня в четырехмерный мир, а не вызывал дематериализацию камня в пределах трехмерного мира (то есть, не трансформировал камень в энергию). Если бы Миларепа использовал эффект дематериализации, то этот процесс привел бы к выделению большого количества энергии, по типу взрыва, что, наверняка, нашло бы свое отражение в легендах.

Стараясь представить то, как «работал» Миларепа, я, в конце концов, пришел к следующему выводу, что он, йог Миларепа, «нарисовав» в гранитной скале объемный мыслеобраз «вырезаемой» плиты, всего-навсего переводил прилежащие к мыслеобразу слои камня в четвертое измерение; в результате чего трехмерное вещество скалы вокруг мыслеобраза плиты исчезало в безбрежных далях четвертого измерения, а каменная плита, так сказать, «вываливалась» из скалы в «готовеньком виде». При этом, Миларепа, видимо, водил руками, произнося заклинания, что нашло отражение в сказаниях о том, что он «вытачивал плиту руками».

Антигравитация

А как же Миларепа переносил эту плиту в нужное место «глазами»? Если это было так, то, видимо, имел место антигравитационный эффект Силы Мысли, исходящий в этом случае из глаз Миларепа. Что же такое гравитация и антигравитация? Как можно достигнуть антигравитации с помощью Силы Мысли?

Отвлекаясь, скажу Вам, дорогой читатель, что несколько выше, когда в этой главе я начал рассуждать о Силе Мысли как об Энергии Свободного Времени, я отмечал, что, по моему мнению, вещество есть искривленное пространство, внутри которого «заперта» энергия

Времени. Под словом «заперта», если Вы помните, дорогой читатель, я понимаю остановку хода Времени в веществе. Однако, в скобочках я вписывал фразу «или почти остановлено Время». И вот это «почти», которое довольно долго фигурировало в моих рассуждениях, при анализе эффекта антигравитации стало играть главенствующую роль. Дело в том, что это «почти» и есть, на мой взгляд, гравитация.

Я опять-таки не могу ничего утверждать, но мне кажется, что вещество, то есть искривленное пространство, в котором полностью (еще раз повторяю — полностью!) остановлено Время, не имеет... веса. А это означает, что любая тысячетонная скала может стать легче, чем пух... если в ее веществе полностью остановить Время... без этого «почти».

Но в реалиях все же существует это «почти». Что такое «почти»? «Почти» — это есть небольшой, очень медленный ход Времени в веществе. А ход Времени, как мы уже говорили, есть энергия, такая, как, например, электричество или... гравитация.

Гравитация, мне кажется, есть энергия, определяемая медленным ходом Времени в веществе. Она — энергия гравитации — конечно же слабее, чем, например, энергичных псов! Именно там, между двумя валунами, похожими на псов, паломник кладет на алтарь свою жизнь, отдавая ее на суд Владыке Смерти Яме. Отсюда следует...

Я на мгновение смутился из-за излишне мистического хода мыслей, но потом опять настроился на эту волну и стал рассуждать дальше. На удивление свежие и сильные чувства помогли мне, то исходящим из глубины валом негодования подсказывая, что твоя мысль неверна, то залихватским восторгом подтверждая правильность твоих умозаключений.

— Отсюда следует, — повторил я, — что... что... что вход в Долину Смерти обозначен двумя пятнисто-рыжими валунами, похожими на четырехглазых собак. А их ведь можно найти! Но как?

Мысли опять заклокотали в моей голове. Я с удивлением отметил, что мысли «пляшут» в голове с какой-то особой легкостью, напоминая натренированных улыбающихся танцоров и резко отличаясь от обычного натужного мыслительного процесса, похожего на приплясывание с подпрыгиванием заживевшего певца.

— Фокус! Надо найти фокус Зеркала Царя Смерти Ямы! — неожиданно про себя воскликнул я. — Это Зеркало имеет вогнутую поверхность, и, наверное, по компасу нетрудно определить его фокус. Именно там, в фокусе, должны находиться те два валуна, похожие на четырехглазых собак.

Вал разноплановых сомнений поднялся в моей душе, как бы тыкая меня лицом в факт полной умозрительности моих рассуждений. Тем не менее, я еще раз поднял уже выдавший виды компас и, призвав на помощь весь мой многолетний туристический опыт ориентирования на местности, стал определять фокус Зеркала Царя Смерти Ямы.

— Вот, вот... 45 градусов...

Вот еще 45 градусов... пересечение их вон там... Точнее!

Точно там... А еще точнее! Там оно... Давай-ка возьму азимут на место, где «там оно»... Взят! Сколько градусов? Ага... Еще раз возьму-ка, пришептывал я, некрасиво шевеля губами.

Я взглянул на Равиля Мирхайдарова. Он молча смотрел на меня. Равиль понимал, что я собираюсь идти в Долину Смерти.

— Пошли обратно, вниз. Хватит под Зеркалом Смерти стоять-то! — скомандовал я.

Мы бодро зашагали вниз по склону. Я ощущал необычную легкость в теле, хотелось прыгать или, как в детстве, издавая звук «т-р-р-р», весело носиться, изображая из себя мотоцикл.

— Что я так развеселился-то?! — ненароком подумал я, — место, вообще-то, отнюдь не для веселья!

По пути вниз, я периодически взбегал то на один, то на другой бугор, чтобы делать поправки к азимуту, который вскоре должен привести нас в точку фокуса Зеркала Царя Смерти Ямы. Вскоре мы достигли того участка, когда Зеркало полностью скрылось за склоном, и по характеру местности я понял, что большую часть пути к точке фокуса я буду идти, не видя Зеркала Царя Смерти, и только на конечном участке вынырну из-за бугра и предстану перед ним там, где должна начинаться Долина Смерти. Я и вправду собирался туда, и почему-то от этого мне было весело.

Мы остановились. Я набрал полные легкие разряженного горного воздуха, шумно выдохнул его и вкусно закурил.

— Перед смертью не надышишься, — заметил я про себя. Легкая грусть просквозила в душе, не омрачив необычайно приподнятого настроения. Но эта легкая грусть вытянула из памяти и принесла слова, сказанные некогда «старшим человеком» в наш адрес:

— Если эти русские будут проявлять слишком большой интерес, они умрут.

Я сел на камень и еще раз с наслаждением затянулся. А потом я поднял глаза на стоящего рядом Равиля и сказал:

— Я пойду один, Равиль. Так надо.

— Шеф, я пойду с тобой.

— Равиль, не спорь. Я должен идти один не только из-за того, что не хочу рисковать еще и твоей жизнью, но и потому, что туда, в Долину Смерти, ходят по — одному.

— А все-таки... в горах... дружба...

Я встал, положил руку на плечо Равиля, посмотрел в его добрые мужественные карие глаза и тихо, с напором в голосе, произнес:

— Я должен идти один, Равиль. — А потом я задумался на секунду, улыбнулся и обратился к Равилю:

— Давай-ка я тебя сфотографирую здесь!

— Зачем?

— Памятное это место... тайной покрытое. Вон там, — я махнул рукой, — начинается легендарная Долина Смерти.

Я вынул фотоаппарат. Равиль отошел на несколько шагов, снял фуражку и, пригладив рукой волосы, с деланной улыбкой уставился в объектив камеры. Наблюдая за тем, как Равиль готовится к фотографированию, я вспомнил свою деревню и деревенских мужиков, которые при виде объектива фотоаппарата автоматически снимали головной убор, проводили рукой по волосам и принимали патетическую позу, а при окрике «Улыбочку!» растягивали губы при полном сохранении испуганного выражения лица. Я ухмыльнулся.

— Что, шеф, не так стою, что ли? — недоуменно спросил Равиль.

— Да нет, — расхохотался я, — просто у тебя есть деревенская привычка — при виде фотоаппарата снимать фуражку, поправлять прическу и патетически улыбаться. У меня, кстати, тоже такая привычка была, но меня раскритиковали. Да и лысина помогла... Я все-таки комплекую из-за лысины-то, поэтому легко воспринял тот факт, что не надо снимать головной убор. Ведь не обязательно полностью выявляться на фото, можно и загадочку оставить, и так узнают.

Я спрятал фотокамеру. Достал компас.

Ну я пошел... А ты, Равиль, не сиди здесь, а поднимись вон на тот бугорок — там ты не

попадешь под действие Зеркала, а на обратном пути мне тебя будет легче найти. Ладно?! Контрольное время — два часа. А если...

.Что если?

— А если я не вернусь...

— Что тогда? — Равиль поднял на меня тяжелый взгляд.

— Тогда, — я горько усмехнулся, — тогда уходи отсюда и догоняй ребят. Ко мне туда не ходи.

— Но...

— Ты все прекрасно понимаешь, Равиль.

— Да уж...

Туда, откуда не возвращаются...

Залихватское и накрученно-веселое настроение исчезло. Гулко колотилось сердце. Как волна, в голове пронеслась облегчающая мысль о том, что, возможно, Зеркало Царя Смерти Ямы не есть устройство для сжатия времени, а есть всего-навсего правильной формы горный цирк, красивый и безопасный. Но я тут же перебрал в голове увиденные здесь, в Городе Богов, величественные пирамидоподобные монументы и на каком-то почти подсознательном уровне понял, что они, эти разнообразные пирамиды, созданы здесь для концентрации неведомых нам тонких энергий, среди которых есть и энергия времени. Я поморщился от осознания того, что если в обычном месте какая-либо вогнутая поверхность, пусть даже и громадная, не принесет серьезного вреда человеку, то здесь, в Городе Богов, где все энергии сконцентрированы в ограниченном пространстве, вогнутое Зеркало Царя Смерти может нести в себе колоссальный заряд энергии времени — сжатого думающего времени, способного с бешеной скоростью просчитать и проанализировать всю твою прожитую жизнь, беспутно (или целенаправленно) растянутую на весь отпущенный тебе Богом срок. Более того, Зеркало Царя Смерти Ямы начиналось от самой грандиозной пирамиды Города Богов — священного Кайласа, который, бесспорно, способен накачать колоссальной энергией это Зеркало.

Как бы я ни старался найти веские доказательства того, что Зеркало Царя Смерти Ямы есть всего лишь банальный горный цирк, а Долина Смерти — лишь красивая легенда, у меня ничего не получалось. Все складывалось так, что в легендах написана правда и... что мою жизнь вскоре будет оценивать думающая сжатая субстанция времени.

— А стоит ли доказывать своей смертью, что все это правда? — просквозила тревожная мысль.

Но что-то тянуло меня туда. Тянуло сильно.

Я поднял руку с компасом, взял азимут на точку фокуса Зеркала Царя Смерти Ямы и, помахав Равилю, пошел вперед. Шаги мои гулко отдавались в тишине, дыхание казалось грохочущим. Каждые 50— 60 метров пути я корректировал направление хода по компасу, приговаривая «Вот так, вот так». Я уходил в Долину Смерти, туда, откуда не возвращаются.

Вдруг под ногами я увидел кость — настоящую большеберцовую кость человека.

— М-да... — проговорил я.

Вскоре встретилась еще одна кость человека — на этот раз лопатка.

— М-да... — еще раз проговорил я.

Я вспомнил выразительное лицо Рафаэля Юсупова во время одного из наших разговоров о Долине Смерти — оно выражало все, что может чувствовать человек во время душещипательной

беседы о таинстве смерти и смысле жизни.

А я шел и шел по азимуту. Глаза мои рыскали по сторонам, стараясь найти те два валуна, которые должны были быть похожи на четырехглазых пятнистых псов рыжего цвета. Я с удовольствием отметил, что окружающие камни имеют белесый, серый и изредка черный цвета, поэтому надежда найти те два пятнисто-рыжих валуна была вполне реальной.

С каждым шагом вперед я все больше чувствовал, что сам с собой затеял отчаянную интригу. Разумом я хорошо понимал, что сюда, в Долину Смерти, приходят йоги и паломники, чтобы умереть или, может быть, если так решит Царь Смерти Яма, приобрести здесь, перед лицом Смерти, новые качества, позволяющие, например, присоединиться к Великому Царству Мертвых. По рассказам йогов я знал, что загадочный Сверхчеловек дарит им, йогам, особые способности и ведет их по жизненной линии, называемой «чистая душа», отводя им особую роль в очищении Мира Мыслей земных людей. Но даже йоги приходят сюда, чтобы предстать перед Судом Совести Великого Царя Смерти. Куда уж мне, банальному человеку с нашлепками неурядиц в душе!

Вопрос о роли интриг смачно закрутился в моей голове. Я поймал себя на мысли, что по жизни я вечно кручу интриги и даже, вроде бы, считаю, что без интриг жить скучно. Почти все мои интриги вертятся вокруг любовных отношений между людьми и выражаются в том, что я вечно свожу кого ни попадя с кем-либо.

Страсть моя к сводничеству хорошо известна в нашем центре глазной хирургии, где я работаю генеральным директором, что, кстати говоря, не прибавляет мне авторитета как руководителю. Зато это создает особую атмосферу, когда люди, будь-то седовласые профессора с отпечатком монографической серьезности в глазах или молодые медсестры с привычкой романтически опускать веки, начинают улыбаться и исподволь поглядывать друг на друга, оценивая своего сослуживца уже не по иерархической градации подчиненности по работе, а по принципу — «Смотри-ка, а ведь он, оказывается, классный мужик, а?!» или — «Никогда не замечал, что она такая красивая!».

А если сводничество проводить интенсивно, да еще и в широком масштабе, то во всем коллективе пробуждается инстинкт не смотреть на другого человека с точки зрения штатного расписания, а исподволь поедать друг друга глазами, кидая при встрече, где-то в больничном коридоре, смачную фразу — «Ах, это Вы?!» — с оттенком таинства любви. Знаменитая журналистка Елена Масюк после двух дней пребывания в нашем Центре, понаблюдав за нами, сказала как-то, что мы счастливые люди, поскольку живем в атмосфере любви. И в этом, я уверен, сыграли большую роль уже традиционные для нас любовные интриги и моя тяга к сводничеству.

Чаще всего я стараюсь сводить людей разных возрастов, к примеру, когда мужчина на 15 лет старше... м-м-м... матери девушки. И в этом есть большой смысл. Молодые люди, особенно девушки, как правило имеют комплекс неполноценности, вызванный, например, долго не проходящим прыщом на щеке, из-за пристального разглядывания которого в зеркале по утрам жизнь кажется тусклой и никчемной, в связи с чем роль прыща начинает приобретать вселенские масштабы, хотя дело не в прыще, а в том, что из-за зацикленное™ на нем, прыще, девушка теряет призывный блеск в глазах. Я целую девушек прямо в прыщ и тут же начинаю говорить, что тот-то, седовласый и знаменитый, смотрел однажды на нее с таким вожделением, с таким вожделением... Надоевшие мысли о прыще тут же проходят, появляется романтический призывный блеск в глазах, которым она награждает того седовласого и знаменитого при встрече, уже забыв или почти не вспоминая о прыще. А седовласый и знаменитый, конечно же, ловит этот взгляд и под этим долгожданным взглядом, который говорит о том, что его время еще не прошло, естественно не замечает злополучный прыщ. Он, седовласый и знаменитый, тут же

бросает ответный призывный взгляд на девушку, восклицая «о-о-о...»; настроение его становится хорошим, творческая активность повышается, и он начинает творить и изобретать такое, что не могло бы оставить равнодушным никого, даже ту девушку с призывным взглядом, весьма далекую от науки. А девушка, слушая исповедь о научном открытии, попивая чаек и отмечая искусственность созданной ситуации для встречи, деланно восхищается, ахая и покрываясь румянцем гордости от того, что такой человек... такой человек сам делится с ней... с ней своим великим изобретением. Она, эта девушка, в эти моменты совсем забывает про свой прыщ и даже слегка поковыривает его. А потом они начинают смущаться, боясь того, что у них возникнет любовь... неестественная любовь. Но глаза их продолжают блестеть, да и жизнь течет в розовых тонах. В конце концов прыщ полностью заживает.

Сводничество помогает также улаживать различные конфликты на работе. Например, однажды два врача и одна медсестра решили хорошо выпить. Выпили они и в самом деле хорошо, что медсестру потянуло на откровенность, да такую, чтобы в порыве чувств рассказать всё-всё о себе. ...После этого рассказа она вообще забилась в истерике. Эти два дипломированных врача, конечно же, тоже хорошо выпившие, перепутали душевную истерику с припадком какой-то болезни и не придумали ничего умнее, как вызвать скорую помощь. На скорой помощи, конечно же, приехал фельдшер и забрал медсестру в больницу, из которой она, когда кончилась истерика, к утру сбежала. Заведующий отделением, кстати, неженатый доцент, которому подчинялись выпивавшие два докто-1а медсестра, узнав об этом, решил уволить медсестру. Когда вся история дошла до меня, директора, я решил спасти медсестру, сказав заведующему отделением, что она билась в истерике и нелепо была увезена фельдшером только из-за того, что она, медсестра, безответно любит его, заведующего. Заведующий очень удивился и перестал настаивать на увольнении. Тогда я сказал медсестре, что он, заведующий, безответно любит ее и поэтому, не видя ответных чувств, увольняет ее. Вроде бы все нормализовалось. Но для закрепления успеха я предложил медсестре поехать к нему, заведующему, домой, и выразить тем свою любовную привязанность. Медсестра, конечно же, согласилась. Я, конечно же, позвонил заведующему домой и сказал, что медсестра, испепеляемая чувствами, хочет приехать и поговорить с ним наедине. Он, заведующий, конечно же, с радостью согласился. Она, медсестра, и в самом деле поехала к нему и ночевала у него вроде как две ночи. Любви особой там не получилось, но инцидент был исчерпан. Да и сейчас они поглядывают друг на друга вожделенными глазами, а может быть, втихаря от меня, и встречаются.

Самым апогеем моего своднического порыва является то, что я иногда, конечно же, в порядке полшутки, запираю сводимых в одной комнате, приговаривая: «пока не сведетесь, не открою».. Обычно они, сводимые, оказавшись в таком неестественном положении, и в самом деле говорят о любви между собой и даже делают попытки... выполнить указание директора, что я порой вижу через замочную скважину. Но главное состоит в том, что после этой, на первый взгляд идиотской, процедуры запираения люди хоть краешком души начинают понимать, что их ведь заставляют любить и что лучше делать так, чтобы не заставлять, а самому, бросая томные взгляды на сослуживцев, среди которых и проходит их основная жизнь, искать свою любовь или хотя бы, хоть чуть-чуть, быть причастным к тому загадочному и влекущему Чувству, которое называется любовь. А это очень важно, поскольку ученный с томными и зовущими глазами есть бурно творящий ученый, а атмосфера любви, которую он сам же создает за счет своего томного взгляда, не позволяет ему, ученому, скатиться в скепсис и брюзжать всю оставшуюся жизнь.

Процедура запираения, как ни странно, нравится им — запираемым. Хотя иногда и бывают проколы. Однажды я запер двух сводимых представителей противоположных полов в лаборатории электронной микроскопии и ушел часа на три поработать. Но вскоре ко мне

прибежала лаборантка, оставленная мною у замочной скважины, и сказала, что запертый представитель мужского пола громко стучит в железную дверь и даже кричит. Я немедленно прибежал и, открыв дверь, увидел, что он, «запертый», пулей выскочил из лаборатории электронной микроскопии и скрылся в коридоре, а она, «запертая», довольно хихикала. В конце концов выяснилось, что «запертый» все это время сильно хотел в туалет, но воспользоваться раковиной на виду у сводимой (и тоже запертой) не посмел, да и нельзя было исключить того, что требовался натуральный унитаз.

Тем не менее, несмотря на отдельные проколы, интриги по сводничеству вызывают всеобщее веселье, что, в принципе, является положительным моментом. Если весело, то не скучно. А само слово «весело» вбирает в себя целую гамму положительных эмоций и чувств, являясь основой столь важного для нас хорошего настроения.

Однако если у людей попросить объяснить значение слова «весело», то подавляющее большинство из них затруднится сделать это и будет уподобляться неграмотному крестьянину из книги И. С. Тургенева «Записки охотника», который страстно любит рыбалку. .. Тургенев описывает, как крестьянин на плоскодонной лодке плывет ночью по реке, горит смолье, и при его мерцающем свете крестьянин видит все таинство подводного мира с кольшущимися растениями и замершими на месте рыбами. Рыбалка эта, когда рыбу колют острогой, не является особо добычливой. Тем не менее, крестьянин очень любит эту рыбалку, поскольку таинство подводного мира влечет его, неграмотного крестьянина, и вызывает у него кучу необъяснимых эмоций. Но если спросить его, крестьянина, почему он так любит рыбалку острогой, он, ввиду неразвитости своей речи и будучи неспособным словами выразить свои чувства при виде подводного мира, отвечает просто — «весело это!».

Интриги, сопряженные с понятием «весело», являются, на мой взгляд, необходимой атрибутикой человеческого поведения, поскольку если не будет веселых интриг, то на их место придут склоки. О, сколько склочных коллективов я видел на своем веку! Люди в таких коллективах ходят с мертвенно-серьезными лицами и день за днем жуют негатив. Куда уж им иметь призывный блеск в глазах! Лучше бы весело поинтриговали, чем от всей души склочничать! Позапирать бы их, парами, что ли...

Люди — странные существа. Им надо обязательно посудачить и посплетничать. Без этого им, людям, скучно.

А скука — вещь опасная, — это недостаток веселья. Тем более, что скука, особенно зеленая скука с видимостью деловитости, озлобляет человека и подталкивает его к любым развлечениям, пусть даже склочным и поганым, но развлечениям, чтобы было хоть какое-то веселье, пусть даже поганое... Не зря ведь существует поговорка — «Хлеба и зрелищ!». Мы ведь наблюдаем жизнь как в кино, а оно, кино, должно захватывать. Поэтому мне бы хотелось сказать: «Интригуйте, пожалуйста! Но по-доброму!» Но самая душещипательная интрига, с которой сталкивается почти каждый человек, это начало любви. И эта интрига связана с вопросом — кто будет звонить первым?! Почему-то, когда возникает любовь, этот вопрос в обязательном порядке зависает над каждым «начинающим любить». Каждый, наверное, может вспомнить, что до боли знакомый телефонный аппарат все молчит и молчит, а поднять трубку и набрать самому вожделенный номер нету сил. Зато, когда этот пресловутый телефонный аппарат, подпрыгивая, начинает звонить, «начинающий» (в любви!) буквально подпрыгивает к нему и, схватив трубку, слышит голос... старого знакомого, который хочет поговорить. Хмыкая и телепатируя старому знакомому, что весь этот разговор с припадками воспоминаний явно не к месту, «начинающий» (в любви!), ожидающий звонка от «начинающей» (в любви!), начинает испускать столь тоскливые нотки в голосе, что старый знакомый, наконец, говорит, что у тебя сегодня что-то нет настроения, и поэтому он перезвонит завтра. С удовлетворением положив

трубку, «начинающий» (в любви!) начинает опять со страждущими чувствами в душе ждать звонка от «начинающей» (в любви!) и, в процессе ожидания, начинает рисовать в воображении страшные сцены ее полового экстаза вон с тем, пузатым, даже утвердительно кивая по поводу ее воображаемой похотливой сущности и убеждая себя в том, что вот сейчас, когда наконец-то зазвонит телефон, он не возьмет трубку, предвкушая, что и она будет рисовать страшные ответные картины его половой связи с ее ближайшей подругой.

Но когда этот проклятый телефон опять зазвонит, он, «начинающий в любви», мухой подлетает к нему и, стараясь скрыть нотки радости в голосе, важно говорит «да», в трубке опять раздается голос... уже ненавистного старого знакомого, который забыл спросить, что...

Он, «начинающий в любви», конечно же, не понимает того, что она, «начинающая в любви», точно так же смотрит на свой телефонный аппарат, тоже говорит со своей ненавистной старой знакомой и тоже рисует унижающие ее сцены его животного полового экстаза.

Какая-то странная, сидящая в сущности людей, интрига видна в этих «телефонных играх». Но самое странное состоит в том, что самое святое — Любовь — окутано гениальной интригой, чтобы даже в ней — Святой Любви — не было покоя, и чтобы терзающие душу мучения под сенью «телефона ожидания» будоражили, будоражили и еще раз будоражили кровь. Любопытно, но Создатель сделал так, чтобы наша жизнь при взгляде со стороны казалась веселой и напоминала кино, чтобы хотя бы через него, кино, будоражить кровь. О, как важна буря в душе! О, как важно, чтобы в душе все бродило и клокотало! Ведь это брожение и клокотание и называется жизнью, а покой — лишь существование. Да и выражение неграмотного крестьянина — «весело это!» — имеет смысл.

Однако следует заметить, что «телефонная интрига для начинающих в любви» имеет еще и другой аспект. А аспект этот связан с тем, что именно в этот период, когда идут «телефонные игры», закладывается «карманная сущность» кого-то из двух «начинающих в любви»; говоря иными словами, определяется тот, кто будет «сидеть в кармане» (у любимой или у любимого). А «сидеть в кармане», как известно, никому не хочется. Вот и брыкаются «начинающие в любви», поглядывая на ненавистный телефонный аппарат. Но каждый хочет «посадить другого в свой карман». Чувство властолюбия, к сожалению, пропитало сущность современного человека и даже здесь, в самом святом — Любви — оно берет верх и выражается в косом ожидающем взгляде на этот «проклятый» телефон. Гордыня проявляется при виде этого злополучного изобретения человечества. Но не во всем виноват этот самый телефонный аппарат; ожидающий звонка «начинающий» (любить!) ведь не уверен, что его первый шаг в виде набора номера дрожащей рукой будет интерпретирован не как искренность и смелость, а будет определен как его первый шаг в злополучный «карман». Он, этот проклятый «карман», постоянно тормозит его любовный порыв, поскольку «сидеть в кармане», извините, неудобно и не престижно. Вот и идет интрига с тесной связью «телефонных» и «карманных» игр. И в этой интриге, дорогой читатель, есть большой смысл, потому что пока идет интрига, существует любовь, а как только кто-то «сядет в карман», любовь проходит, а сам процесс затухания любви, из-за снижения интереса к «карманному мужчине» (или женщине), сопровождается дикими ссорами и оскорблениями, поскольку любить, «сидя в кармане», невозможно, да и любить «покорно севшего в карман» трудно.

И только иногда, только иногда мысли о «кармане» уходят на второй план, и мужчина и женщина находят ту грань отношений, когда каждый из них «сажает в карман» другого только периодически, например, когда женщина считает мужчину «карманным» на кухне, а мужчина женщину «карманной» в таких «крупных» делах, как вбить гвоздь или заработать деньги.

Наш мир еще пока слишком бранный, чтобы обойтись полностью «без карманов». Современное счастье состоит не в том, чтобы вообще не «сидеть в кармане», а в том, чтобы

«сидеть там недолго» или, еще лучше, сидеть периодически. А вообще-то, там, «в кармане», возможно, и уютно, тепло, по крайней мере. Но, возможно, там, в других мирах, куда мы, может быть, и попадем, заслужив это своей смелой искренностью в этом мире, люди носят одежду вообще без карманов.

«Боязнь карманов» чаще всего, по моему мнению, приводит к одиночеству человека, хотя надо сказать, что «карман» — не тюрьма и сидеть там не так уж и страшно. Но так уж получается, что некоторые люди совсем не переносят «карманов» и ни за какие коврижки не хотят там сидеть, даже недолго. Они, эти люди, слишком свободны. Чувство свободы окрыляет их, а ограничение свободы, тем более в «кармане», ужасно гнетет. Они, эти свободные люди, конечно же, пробуют хоть раз или полраза «залезть в карман», но тут же обнаруживают в нем что-либо нелицеприятное, например, стираный... три года назад... носовой платок. Высунув голову наружу и жадно глотнув свежего воздуха, они начинают сравнивать благоухающую свободу с будущей «карманной жизнью» рядом с... этим омерзительным носовым платком. Они, эти сверхсвободные люди, иногда и связывают свою жизнь с кем-либо, но только тогда, когда представитель противоположного пола с удовольствием «залазит в карман» и даже считает «пребывание в кармане» верхом своего счастья. Такие сверхсвободные люди, конечно же, не любят своего «карманного милого», но тешат свое самолюбие тем, что лучше все-таки жить с «полным карманом». Однако, чаще всего, добровольцев «лезть в карман» не находится, а свои попытки «засунуть голову в карман», как правило, сопровождаются встречей с этим самым никогда не стираным носовым платком, который прямо-таки выталкивает тебя из «кармана». После всех этих попыток остается лишь глухое неприятие «жизни рядом с носовым платком», а благоухание свободы кажется еще более сладким и вожделенным, и наконец-то возникает осознание очень простой и только индивидуально понятной вещи, что ты создан Богом... м-м-м... не для «кармана», и что тебе дано особо ощущать и даже смаковать странное и загадочное понятие, называемое Свободой. А в этом понятии — Свобода — есть что-то мистическое, связанное с тем, что в ней, Свободе, заключен элемент очень высокого ранга Любви — любви к людям вообще. Ведь не зря гималайские йоги говорят, что любовь матери к ребенку есть одна степень любви, любовь мужчины к женщине (или наоборот) — другая, более высокая степень любви, но самой высокой градацией любви является Любовь к людям вообще, а... новый Чистый Мир может быть построен только тогда, когда люди научатся любить этой пока странной для нас Любовью — Любовью к людям вообще. Но она, эта Великая Любовь к людям вообще, уже живет среди нас и никак не укладывается в банальную «карманную психологию» людей. Эта Великая Любовь кажется нелепой и наигранной, но она есть, уже есть, и крест этой Любви Будущего несут на себе неказистые и грустно склоняющие голову одинокие люди. Они гордо несут свой крест — крест будущего.

И поэтому вряд ли стоит низкопробно хихикать, обсуждая внутри «семейного кармана» за тарелкой борща, вприкуску с зеленым луком, одинокую подругу жены. Она, эта одинокая подруга, может быть и посчастливее других, потому что ей подвластно то, что неподвластно многим и многим, а именно то, что можно назвать Сладостью Будущего.

Люди почему-то стараются осудить одиночество, а уж безнадежную любовь одинокого человека к недоступному, пусть даже рисованному идеалу обсуждают особенно рьяно, аж причмокивая губами. Они, причмокивающие люди, не понимают, что любовь одинокого человека к рисованному идеалу есть мечта, которую тоже можно любить, но любить в будущем времени; а оно, это будущее время, обязательно наступит, потому что человек не живет одной жизнью, а чередой жизней.

Любить мечту — это странно. Но кто знает, а может быть, в следующей жизни этот неказистый одинокий человек, с грустно опущенными глазами, найдет свою мечту — мечту

прошлой жизни, и у них возникнет прекрасная любовь, которой будут завидовать все «сидевшие в кармане», и будут восторгаться те люди, для вторых слово «мечта» никогда не было пустым звуком. А прежде всего, будут восторгаться дети, дети будущей жизни.

Дети всегда любят одиноких людей. Дети чувствуют, что этот одинокий человек, у которого загораются глаза при виде детей, живет в мире грез и хочет, очень хочет видеть только хорошее, а самое хорошее, что можно придумать, — это мечта. И, наверное, поэтому все больше и больше становится вокруг нас матерей-одиночек, которые рожают ребенка даже не обязательно по любви и даже не обязательно от воображаемого принца, а просто так, для себя, чтобы дружить с ним — мечтательным маленьким существом и чтобы вложить в него всю свою любовь, которая имеет великую градацию — Любовь к людям вообще. И не надо это осуждать, ведь абсолютное счастье имеют только тупые люди, но не все люди имеют «счастье» родится тупыми, да и не хотят приспособливаться под туповатые и заскорузлые установки далеко еще не совершенного современного общества, находя свое счастье в... Мечте. Ведь одиночество — это искренность перед своими чувствами, и кто виноват, что эти чувства уводят в будущее.

Бог создал великую интригу — интригу жизни, в которой все и вся неоднозначно, и трудно понять, что такое счастье, а что такое — нет. Почему-то Создатель решил сделать именно так, а не по-другому. Но главной особенностью Богом закрученной интриги, мне кажется, является то, что он апеллирует не к одной жизни человека, а как минимум к череде жизней. Бог как бы намекает, что твои неудачи или одиночество в этой жизни не есть еще фатальное горе, что мечтать очень даже благородно и что мечты имеют склонность претворяться в будущей жизни. Поэтому вряд ли стоит особенно расстраиваться, если в чем-то не повезло, — в следующей жизни будет лучше, но будет немного одиноко без тех людей, которые были благородны и чисты в прошлой жизни. Но эти люди обязательно встретятся, и Вы их обязательно почувствуете и обязательно узнаете по какой-то родной энергии, исходящей от них, хотя перед Вами будет стоять человек уже совсем другого облика.

Эти мысли проносились в моей голове с какой-то бешеной скоростью, а невероятная четкость мыслей поражала меня. А я все шел и шел вперед — в Долину Смерти. На одном из участков я споткнулся о камень и даже выронил компас, но поднял его и опять пошел вперед. До искомой точки фокуса Зеркала Царя Смерти Ямы, по моим расчетам, оставалось метров 100-150...

Я почему-то не думал о смерти, я не шел умирать. Я просто знал, что в моей жизни закрутилась новая интрига — интрига со смертью.

Интрига со Смертью

Под ногами я увидел очередную кость человека. Я чуть замедлил шаг, но... вновь пошел вперед. Я надеялся, что думающая субстанция времени... может быть...

В этот момент из-за бугра появилось Зеркало Царя Смерти Ямы. Я даже остановился от неожиданности. В этом ракурсе оно, освещенное лучами солнца, было особенно красивым.

Я дошел до вершины бугорка и стал озираясь, стараясь увидеть те самые два валуна пятнисто-рыжего цвета, похожие на четырехглазых собак. Я снял очки и, с усилием вытащив из-за пазухи поддетую под анорак футболку, протер их. Я заметил, что мои руки мелко дрожат.

Унылый пейзаж из серых и черных камней расстилался передо мной. Смертью веяло от этих камней. А Зеркало Царя Смерти Ямы сверкало и переливалось цветами радуги, привлекая к себе все сто процентов внимания. Я поймал себя на мысли, что не могу оторвать взгляда от него:

оно влекло и манило к себе.

— Неужели смерть столь красива?! — вдруг подумал я, сам испугавшись такой постановки вопроса.

Усилим воли опустив глаза и опять увидев унылые черные камни, я тихо прошептал:

— Нет, столь красива Совесть!

Мысли вновь закружились в голове, и я понял, что Суд Совести не зря проходит где-то здесь, среди унылых камней, а не там — вблизи сверкающего Зеркала Царя... Смерти. Слово «смерть» не вязалось с этим великолепным Зеркалом, оно даже оскорбляло его величие. Это было не Зеркало Царя Смерти Ямы, это было Зеркало Царя Совести Ямы. Ведь Совесть обязательно должна быть красивой, только красивой, очень красивой...

— Смерть вынесена за пределы «Зеркала... Совести» и находится далеко от него, в фокусе Зеркала. Совесть не должна чувствовать близости конвульсий Смерти, Совесть должна оставаться красивой, — подумал я.

Мне вспомнился рассказ тибетца Туктена о том, что на севере Кайласа за Долиной Смерти расположена скрытая «райская» пещера, внутри которой материализуются все мысли человека: хочешь, чтобы появилась пища, — пожалуйста, она возникает мгновенно, стоит только подумать; хочешь еще чего-то — надо только подумать... Я понимал, что верить в это, конечно же, трудно, но мне очень хотелось верить. Мне так хотелось снова окунуться в детство и жить в этом мечтательном детстве долго-долго и сильно-сильно верить в то, что ты когда-нибудь окажешься в «стране чудес». А она, эта страна чудес, была здесь, в Городе Богов.

Я еще раз взглянул на Зеркало Царя Смерти Ямы и натянул козырек фуражки на лоб так, чтобы Зеркала не было видно. Я снова стал озираясь, прощупывая глазами каждый бугорок. И тут, прямо по курсу, впереди себя, я увидел рыжее пятно. Деланно ленивым и важным движением я снял рюкзачок, достал из него бинокль и посмотрел в него на это пятно — из рыжего пятна на меня смотрели четыре глаза. Я оторвал глаза от бинокля. Бешено колотилось сердце. Во рту пересохло.

Отмечая про себя, что мои движения стали от волнения неестественно-вальяжными, я поднял компас и взял азимут на рыжее пятно; этот азимут совпал с тем азимутом, по которому я шел сюда.

— Смотри-ка, расчеты в ориентировании не подвели, — прохрипел я вслух и... немного пожалел об этом.

Приглядевшись, чуть в стороне я увидел второе рыжее пятно. Я опять поднял бинокль и... опять увидел четыре глаза, смотрящих на меня.

— Это они — те два валуна в виде пятнисто-рыжих четырехглазых собак, — опять вслух прохрипел я.

Я опустил голову. Казалось, что стук моего сердца слышу не только я, но слышат и горы вокруг. А потом я задрал голову, взглянул наверх из-под низко опущенного козырька и с благоговением посмотрел на Зеркало Царя Смерти Ямы. Долгую минуту я смотрел на него и думал о нем как о Зеркале... Совести...

Я снова нашел глазами два рыжих пятна и, не сводя с них глаз, пошел к ним. Сердце продолжало бешено колотиться, дыхание было учащенным. Как молния, пронесли слова Анчарики Говинды:

— Многие здесь погибают.

Мои шаги гулко раздавались в тишине гор. В этот момент я не чувствовал ничего плохого — ни угрызений совести, ни внутреннего самобичевания, ни страха. Передо мной была лишь одна цель — достигнуть этих двух пятнисто-рыжих валунов и встать между ними, чтобы энергия сжатого времени оценила меня.

С каждым шагом смертельная интрига приближалась к своей развязке. Четко, вплоть до интонаций, из памяти всплыли некогда мною же произнесенные слова:

— Самое страшное — энергия Совести, загнанная в угол. Выход ее подобен взрыву и способен испепелить тело.

До заветных валунов осталось всего несколько метров. Я замедлил шаг. Стало четко видно, что оба этих валуна и в самом деле похожи на четырехглазых собак. «Морды» этих каменных псов были направлены в мою сторону, и мне казалось, что эти «морды» не огрызаются, а ухмыляются. Каждый валун был высотой около одного метра и явно выделялся на фоне черносерой каменистой осыпи своей пятнисто-рыжей окраской. Расстояние между валунами составляло около полутора метров.

Я совсем замедлил шаг и вгляделся в одну из «собачьих морд». Нет, я бы не сказал, чтобы эта «морда» была омерзительной. Но она усмехалась, безжалостно усмехалась. Эта морда как бы говорила, что здесь, в этом святом месте, не может быть жалости, совсем не может быть жалости, вообще не может быть жалости и никогда не может быть жалости, потому что жалость — это удел слабых людей, а слабые люди не должны приходить в Долину Смерти.

Я еще пристальнее вгляделся в одну из «собачьих морд». Хорошо видные четыре каменных глаза сверлили меня. Я понимал, что трехмерные каменные тела этих собак не есть главное, что они дополняются более значимыми фантомами, живыми фантомами их тел. И кто знает, может быть, йоги, которые приходят сюда и которые обладают тонко-энергетическим зрением, и в самом деле воочию видят этих пятнисто-рыжих четырехглазых «энергетических» псов и «вживую» ощущают ухмылку во взгляде каждого из четырех глаз.

Оба пятнисто-рыжих валуна и вправду напоминали сидячих псов. Любопытным было то, что нигде поблизости валунов такого Цвета не было видно.

Приблизившись на расстояние одного метра к этим валунам, я остановился. Мне вспомнились одичавшие собаки, которые нападали на меня еще в то время, когда я увидел первые пирамиды Города Богов.

— Это не собаки, это смерть хотела меня растерзать, — пронеслась мистическая мысль.

Я стал тянуть руку к одному из валунов, но отдернул ее. Как будто ток прошел по руке.

Я стоял прямо перед валунами. Я еще раз посмотрел на валуны, еще раз представил, что эти валуны в тонко-энергетическом мире есть пятнисто-рыжие собаки, и, как бы обращаясь к ним, тихо и ласково сказал:

— Да будет Вам, похитители жизней!

Я еще раз поднял голову, еще раз взглянул на сверкающее Зеркало Царя Смерти Ямы и... шагнул в пространство между пятнисто-рыжими валунами.

— Ух! — тихо проговорил я.

Мне показалось, что этот выдох «ух» разнесся по всем ущельям Древнего Тибета, все отражаясь, отражаясь и отражаясь этим коротким звуком — «ух, ух, ух, ух, ух, ух, ух»...

— Жил ли я чистой жизнью? — захотелось крикнуть мне.

Внезапно я ощутил, что моя жизнь начала мелькать передо мной как быстро пробегающие разноцветные картинки, напоминая старое алюминиевое листовое табло с расписанием поездов на железнодорожном вокзале. В то же время я почувствовал, что мои чувства не пропускают ни одну картинку и реагируют на каждую из них, то сладостным ощущением сопровождая одну картинку, то глухим ропотом недовольства потряхивая видение другой картинки. Но я боялся появления чувства негодования и возмущения самим собой... смертельно-сильного чувства негодования.

Я понял, что Царь Смерти Ямы начал свой знаменитый Суд Совести... надо мной.

А картинкой моей жизни все бежали и бежали передо мной. Картинки детства мелькали,

почему-то, особенно подробно, вплоть до каких-то, на первый взгляд, малозначащих эпизодов, например то, как я плакал, спрятавшись в крапиве позади нашего сарая... Ярko всплыла картинка, когда моя голубоглазая мама во время гуляний на берегу реки Белой во время национального праздника «Сабантуй» на глазах у толпы спасла меня, тонущего, когда я, маленький, хотел показать всем свою прыть в плавании.

Чувства, которые сопровождали картинки моего детского периода жизни, были практически всегда сладостными и чистыми.

Картинки моей молодости мелькали уже менее подробно, показывая только некоторые события этого периода жизни. Удивительным было то, что здесь не было таких узловых моментов, как окончание института или защита кандидатской диссертации. Зато часто выскакивали картинки, показывающие, как я мучился, прислушиваясь к своей интуиции. Некоторые из таких картинок сопровождались легким сладостным чувством, но некоторые — глухим ропотом недовольства с переходом иногда, к счастью очень редко, в свербящее чувство негодования с явным ощущением угрызений совести.

— Смотри-ка, оказывается, можно потерять совесть и перед своей интуицией, — подумал я. — О, как важно, оказывается, прислушиваться к интуиции, чтобы не запятнать свою совесть!

Картинки зрелого периода жизни также чаще всего были связаны с моментами, когда я интуитивно, мучаясь, создавал новые методы лечения больных. Чувство глухого ропота в душе при этом я ощущал редко, все казалось достаточно радужным. Я даже сделал вывод, что в зрелом периоде я больше прислушивался к своей интуиции, чем в молодости. Но наиболее сладостные чувства вызывали, как ни странно, картинки моментов «научного избиения» и картинки тяжелого возрождения после того, как маститые московские ученые разрушили всю нашу «интуитивную работу» до основания. Четко запечатлелся момент подписания Минздравом России приказа о создании нашего Всероссийского центра глазной и пластической хирургии, и это в чувствах было воспринято... как торжество интуиции, вернее, торжество науки, созданной на интуитивной основе.

Иногда картинки зрелого периода жизни касались личных отношений с разными людьми. Я как бы ждал, что глухой ропот в душе будет возникать тогда, когда появится картинка о том, как я, сорвавшись, орал на кого-либо. Нет, эти картинки сопровождались вполне благопристойными чувствами. Глухой ропот в душе возникал тогда, когда появлялась картинка о том, как я, корча из себя профессора, равнодушно относился к кому-нибудь из безнадежных пациентов, забыв сказать хотя бы несколько теплых слов и не дав надежду на будущее. Но при виде картинки с безнадежными больными чаще всего возникало, все же, сладостное чувство, и я видел вслед за этим себя, мучающегося в процессе научного поиска и прислушивающегося к интуиции.

Любопытным показалось то, что сладостное чувство сопровождало картинки тех моментов жизни, когда тебя предавали, или, воспользовавшись твоей наивностью, пользовались тобой, за спиной приговаривая — «Ну и лох!». Я очень сильно удивился этому, а потом понял, что я никогда не опускался до того, чтобы мстить. — Смотри-ка, как важно не мстить, — прозвучала мысль.

Но наиболее сладостные чувства появились тогда, когда замелькали картинки о моих трех гималайских экспедициях. Все эти сценки с йогами, сомати-пещерами, «живой и мертвой» водой и многие другие, показали мне беспредельно светлыми и чистыми, что меня начинало аж трясти от радости. Промелькнула мысль, что в этот период жизни я, наконец-то, осознал простое на первый взгляд понятие — Чистая Душа.

А потом я снова начал видеть себя в «научных муках». Но эта наука была уже другой, она была какой-то... ну, может быть... чистой и светлой, потому что я, включая в анализ сугубо научные данные, перестал бояться использовать эзотерические сведения и весьма экзотические

результаты гималайских экспедиций. Но самое главное состояло в том, что я каким-то неведомым образом понял, что мои чувства начали инспектировать мои мысли без стыдливой боязни применять в этом процессе расплывчатое понятие — Чистая Душа.

Именно тогда у меня появилось какое-то глубинное осознание того, что детство есть период попытки жить на Земле по принципам Того Света, молодость есть период ошибок и адаптации к земным условиям жизни, а зрелый возраст — реализация самого себя при жизни на Земле.

Чувства, прыгающие от сладостных ощущений до глухого ропота в душе, тем не менее, как бы подсказывали мне, что угрызения Совести, оставшиеся в прошлом, могут возвращаться, или усиливаясь глухим ропотом негодования, или напрочь стираясь сладостным чувством.

— Это и есть покаяние, — подумал я, — когда добрым деянием или доброй мыслью можно смыть старое клеймо на совести.

Картинки, связанные с гималайскими экспедициями, мелькали особенно часто, порой подробно показывая, на первый взгляд, малозначащие моменты. Например, то, как я, растянувшись, упал на землю, ударившись о камень. Но что-то подсказывало мне, что именно в этот момент мой мозг «разродился» новым для меня осознанием действительности, после чего я видел картинки, посвященные этому повороту мыслей, когда я то стоял, взирая вокруг, то сидел, уставившись в пол, то что-то быстро записывал в полевую тетрадь. Но при этом я совершенно четко помнил (а вернее, осознавал) ход мыслей, который был в моей голове в то время. С точки зрения уже новых достигнутых позиций осознания действительности, эти ; прошлые мысли казались мне порой смешными и глупыми, но какое-то внутреннее сильное чувство говорило мне, что этот «глупый вариант» мыслей не являлся ошибкой, а был всего-навсего переходным этапом, чтобы на фоне своей глупости, стимулируясь признанием ее, понять то, что сквозь гордыню осознать трудно. Тобой признанная твоя же глупость помогала преодолеть твою же гордыню.

Вскоре до меня дошло, что Царь Смерти Яма не «смотрит видеофильм» прожитой мной жизни, а он пролистывает какую-то удивительную книгу твоих мыслей, которые, к тому же, имеют еще и параллельное «видеоизображение» в виде взгляда на тебя со стороны в этот момент.

— Это хроники Акаши, это удивительный небесный компьютер, в котором записываются все твои мысли по ходу твоей жизни! — про себя воскликнул я. — Яма, сжав время, ускоренно «пролистывает файл» твоей жизни в хрониках Акаши!

Мне стало даже не по себе, когда я нутром понял, что ни одну свою мысль нельзя спрятать и что ты вместе со своими мыслями представляешь собой «открытую книгу». Но мой восторг перед мощью «небесного компьютера» Акаши усилился еще и тем, что кто-то (может ангелы, а может кто-то еще) не только наблюдает за каждым твоим шагом и «снимает каждый твой шаг на видео», но и сопоставляет твои личные «видеоизображения» с ходом твоих мыслей в тот момент.

— Какая же мощь заложена в этом небесном компьютере! Чтобы записать все твои мысли и «снять на видео» всю твою жизнь, да еще и сопоставить все это... Да еще и всех людей на Земле... Да еще и всех животных и растений... Да еще и воды... Да еще и... Вот это компьютер!!! А насколько грандиозен разум Царя Ямы, чтобы он мог «работать» с этим «компьютером»! А насколько сверхграндиозен разум Бога, который видит и анализирует все живое во всей Вселенной!!! — восхищался я про себя, поражаясь малозначимости своей персоны.

Теперь я стал хорошо понимать, что главное в человеке — не его дела, а его мысли.

А картинки моей жизни все мелькали, мелькали и мелькали, вскоре появилась наша

тибетская экспедиция. Появились до боли знакомые лица Равиля, Селиверстова и Рафаэля Юсупова и даже появилось мое лицо, наблюдавшее спор Селиверстова и Юсупова, — связанный с тем, что Селиверстов хотел бы научиться парить и допарить» до «лестницы в небо». Сладостные чувства ощущал я в то мгновение, а слово «дружба» приобретало какую-то особо высокую значимость.

Я увидел Главное Зеркало Времени и себя, дрожащего от холода. Мне даже показалось, что я дрожал не от холода, а от счастья. И эти наполненные счастьем чувства вдруг как бы плавно сконцентрировались и элегантно вылились в мысль о том, что Время — живая и думающая субстанция и что Время решает очень многое в мироздании, обладая колоссальной интеллектуальной мощью и имея возможность через механизм старения уничтожить то, что захочет уничтожить оно, Время... или через пожизненную молодость дарить возможность кому-то творить, творить и творить во имя Вечного и Сущего. А еще у меня исподволь, и тоже как-то счастливо, выкатилась мысль, что сжатое время не есть просто фатальное ускорение, а есть, прежде всего, возможность ускоренно думать и ускоренно вершить судьбы людей Ему — Великому Разуму под названием Время. Поэтому находиться в зоне сжатого времени не так уж страшно, поскольку Время еще и очень доброе, но в то же время и очень справедливое; вечный интеллект Времени не берет в расчет, как большую ценность, одну из жизней одного из людей. Время думает вселенскими масштабами и в то же время замечает каждую деталь и каждый нюанс, включая механизм ускоренного или мгновенного старения только в крайнем случае, основываясь на показаниях прежде всего энергии Совесть. А Царь Смерти Яма есть тоже Время, вернее... Человек Времени.

Наша тибетская экспедиция пролистывалась очень подробно. Мелькали пирамиды и монументы, мелькали наши лица, а мысли, которые появлялись тогда, как бы возвращались заново. Особенно долго держалась картинка с «читающим человеком». И опять же светлые чувства, сопровождавшие эти тибетские видения, начали закручиваться и приобретать характер неких чувственных мыслей, которые вскоре стали очень ясными и совершенно четко дали мне понять, что прошлое, настоящее и будущее взаимосвязаны и что Время, по своему усмотрению, может даже повернуться вспять, и тогда после нас — арийцев — на Земле опять появятся атланты, за ними лемурийцы и так далее.

Но Время редко делает так; оно чаще всего возвращает прошлое по спирали в будущее, когда в недрах существующей на Земле человеческой расы появляются странные люди, количество которых все увеличивается и увеличивается, а их необычный облик, непонятно почему, кажется нам до боли знакомым. Подсознательная память шепчет нам, что когда-то давным-давно, много-много жизней назад, мы были сами почти такими же, и сейчас узнаем в этих странных людях самих себя в прошлом, но в несколько новом обликах. Этих странных людей все время тянет на их Главную Родину — Тибет, — туда, где находится легендарный «Вечный Материк», где в древнем Городе Богов сокрыто хранилище Прошлого, отмеченное статуей «читающего человека» и охраняемое Великой Шамбалой. Рано или поздно кто-то из этих странных людей получает доступ в хранилище Прошлого и при виде древних аппаратов и записей на «золотых пластинах» чувствует, что они кажутся ему знакомыми и родными, как будто бы когда-то, очень много жизней назад, он сам пользовался такими аппаратами и наносил записи на «золотые пластины». Странный человек начинает понимать, что никогда не бывает абсолютного Прошлого, что Прошлое относительно, и что оно возвращается в Будущем, а хранилище Прошлого есть одновременно и хранилище Будущего. И там, внутри хранилища Прошлого, странный человек осознает, что именно он жил в том, беспробудно далеком Прошлом и что серенада его жизней была, есть и будет бесконечной, хотя уровень его сознания будет в разных жизнях разным, будучи подвластным какому-то грандиозному по силе

регуляторному механизму. Станный человек поймет, что только его подсознание хранит реальную память обо всех его прошлых жизнях, уводящих во времена ангелов, и начнет с большим доверием относиться к интуитивному шепоту подсознания, слегка негодуя по поводу того, что подсознанию разрешено почему-то только шептать, а не говорить прямым и твердым голосом. А также странный человек подумает о том, что в далеком Будущем, когда еще раз повернется спираль Времени, наступят времена, такие же времена, какие были у лемурийцев, когда подсознание сменит свой привычный шепот на прямой диалог с сознанием. И только тогда человек начнет видеть Прощлое и будет иметь прямой контакт с самим Создателем.

Я почувствовал, что среди этих неведомым образом навеянных мыслей мелькнула мысль о «новом человеке», и он, этот «новый человек», показался мне летающим. Чувство сладостного счастья сменилось на легкую разовую грусть. О, как много я тогда не знал! Я не знал, что новый человек существует уже в реалиях.

А потом среди мелькающих картинок тибетской экспедиции появились мои глаза, глаза Равиля, Селиверстова и Рафаэля Юсупова... Странно было смотреть в собственные глаза... уже в прошлом... на фоне далеко не блещущего красотой моего лица. И в этих глазах я вдруг прочитал странную мысль, странную и явно не мою мысль о том, что этим глазам разрешено увидеть... разрешено увидеть... разрешено... Это «разрешено увидеть» повторялось много раз и гулко звучало в голове.

— Что? Что разрешено увидеть?! — даже воскликнул я про себя.

А потом, как-то просто и легко, я понял, что нам было разрешено увидеть... Город Богов.

— Кем разрешено? — про себя спросил я.

— Время подошло... поэтому и разрешено, — прозвучал мысленный ответ.

А потом мои мысли закружились в хороводе, как бы освободившись от мистического налета, и, войдя в иерархию логики, подсказали мне, что вообще-то много, очень много паломников и йогов видели Город Богов, но, почему-то, им не дано было осознать, что они видят Его — легендарный и великий Город Богов.

Вслед за этим я снова увидел свои глаза и глаза Равиля — в них можно было прочитать счастье, и они, эти глаза на обветренных и замерших лицах, выражали нечто, когда... непонятно кому... от всей души говорится «спасибо».

И, наконец, я увидел себя, идущего в Долину Смерти. И мне, стоящему здесь, в Долине Смерти, передался страх, который я, как и любой человек, испытывал перед встречей с Неведомым, тем более с тем таинственным Неведомым, имя которому — Смерть.

А картины мелькали и мелькали, показывая, как я шел к двум заветным валунам, похожим на четырехглазых пятнисто-рыжих собак. И среди этого страха перед встречей с Неведомым, тем более с таким неведомым, как я был почему-то счастлив, неведомо почему — счастлив! Я ощутил, что я не зря по компасу искал эти два валуна и шел сюда. Что-то неудержимо влекло меня сюда. Мысли, прекрасно работающие в сжатом времени, подсказали мне, что я шел сюда, чтобы понять — что же такое жизнь человека? И... вроде бы я кое-что понял... только кое-что. А это «кое-что», как подсказывали мне мысли, состоит в осознании тобой самим твоего предназначения в жизни, которое Кто-то — Бог, наверное, — тебе предначертал. Но как трудно понять это предначертание! Как трудно осознать его! Неужели для этого обязательно нужно ходить в Долину Смерти!?

О, нет! Не обязательно надо добираться до далекого Тибета и не обязательно идти в сокрытую в душевном тумане Долину Смерти! Надо просто прислушиваться к своей интуиции и к её сокровенному шепоту. А этот шёпот, как говорится, много стоит. И, эх, как редко мы прислушиваемся к нему! Мы как бы не хотим слушать шёпот, а слышим только громкие слова. Но шёпот... многого стоит.

И тут до меня дошло, что... Бог меня породил прежде всего для того, чтобы я слушал свою интуицию, а не просто махал руками или двигал ногами. Мне даже как-то обидно стало, что я должен слушать и слушать этот неясный шёпот и... мучиться от того, что я, дав волю своим ногам или рукам или каким-нибудь природным инстинктам, поступаю неправильно, потому что при «звуке» этих естественных устремлений не слышно шёпота. Я осознал, что мне кем-то вроде как предписано использовать движения рук, ног и прежде всего головы в том направлении, которое мне подсказывает этот самый шёпот. Я понял, что я чаще всего слушался этого шёпота, увлекаемый валом чувств, сопровождавших его, но иногда брыкался, да еще и сильно брыкался, очень сильно брыкался, поддаваясь желанию жить «простонародно» или, так сказать, «почеловечески», как обычно рекомендуют на банальных свадьбах с идиотским массовиком-затейником. И... из-за этого желания жить «по-человечески», под сенью крикливых напутствий массовика-затейника, я упустил столько времени, столько времени... О, как много я упустил времени, особенно в молодости!

Мне, стоящему между двух валунов пятнисто-рыжего цвета в Долине Смерти, вдруг стало страшно от того, что я в своей жизни упустил много времени, очень много времени только из-за того, что не послушался шёпота интуиции, а выражение «жить по-человечески» стало казаться мне ненавистным. Угрызения Совести подступили к горлу и... я понял, что здесь, в Долине Смерти, я получу наказание только за то, что я когда-то... упустил время... не послушав интуицию, которая диктовала мне, что тебя, как и других, создал Бог, и он же определил индивидуальное твое предназначение, о чем ты, дорогой, можешь узнать из своих чувств и... этого шёпота, который так не хочется слушать, особенно после увещаний массовика-затейника.

Я только не знал одного — какое наказание я получу... пока... не знал.

А мысли про моё предназначение сами по себе развивались и развивались в моей голове. Стало до боли жалко, что я упустил отпущенное мне время ... особенно в молодости. Какой-то облегчающей волной в меня вошло понимание, что в зрелом возрасте я во многом компенсировал упущенное в молодости время, став по интуиции работать до двух-трех часов ночи. Но я ощутил, что всё равно не успею наверстать это злополучно упущенное время. И от этого мне было горько. Я ждал наказания Царя Смерти Ямы.

В голове промелькнула мысль о паломниках, которые приходят сюда, в Долину Смерти, чтобы именно здесь, перед лицом Смерти, осознать, наконец-то, смысл жизни. Почему же паломники, благочестивее которых вроде бы и не бывает, приходят сюда и почему же многие из них, паломников, умирают здесь, испепеляемые выходящей из них энергией Совести? На повисший вопрос тут же возник ответ — благочестивость не есть ещё искренность перед Богом, а под личиной благочестивости часто скрывается то, что надо замаскировать в себе самом, выучив какие-либо заунывные ритуалы с оттенком пренебрежения ко всему человечеству, живущему, извините, полноценной, вкусной и страстной жизнью.

Такие паломники сами не понимают того, бурча непонятные для них самих молитвы, что они под сенью благочестивости скрывают свою банальную трусость перед людьми и жизнью. И чем больше они, паломники, боятся людей, тем больше они уделяют внимание молитвам и ритуалам. Они уходят от людей подальше, погружаясь в рисованный мир непонятных ритуалов, которые... вряд ли когда-нибудь будут поняты. Рисованный мир есть мир трусливых людей, тех людей, которые боятся жизни. Символ Зайца стоило бы применить к этому миру.

Они, эти «убегающие от жизни зайцы», живут в мире глухого ропота чувств, бунтующих против падения Человека до уровня Зайца, и даже как-то привыкают к этому ропоту, как люди, живущие на железнодорожной станции, привыкают к грохоту поездов. Но что-то точит, точит и точит их изнутри. И, в конце концов, не выдержав вечного и омерзительного скрежета в душе,

паломник, взяв, согласно ритуалам, котомку и посох в руки, отправляется в путь и идет туда, куда велят идти ритуалы. Он идет, идет и идет, почти не кушая и стесняясь оправиться даже перед камнем или деревом, и, наконец, находит, согласно ритуалам, Долину Смерти и... смело... со звуком «м-м-х» входит туда, где вдруг понимает, что вообще-то он зря пришел сюда, поскольку в картинках его жизни, мелькающих перед глазами, отсутствует его благочестивость и ритуальность, а возникают толпы людей, на фоне которых вырастает символический образ Зайца. И тут паломник замечает, что руки его подёргиваются, что морщины на них углубляются, и он с ужасом видит, что тело его, истлев, с грохотом падает на землю, а он взлетает над останками, наконец-то поняв, что если в душе появляется страшный сигнал — глухой ропот, то надо искать причины его в себе самом, а не задалбливать этот глухой ропот завыванием выученных молитв и, что освобождением от этого глухого ропота чувств является действие, пусть ошибочное, но действие во имя не самого себя с признаками заячьей породы, а во имя людей с их непредсказуемыми поворотами и активностью, потому что Бог определил главную ценность человека как любовь (действенную любовь!) к человечеству вообще... а не к Зайцам вообще, хотя... и не все паломники такие.

— Ох и трудную жизнь определил Бог человеку! — подумал я! — и... почему-то он, Бог, во главу угла поставил этот самый тихий шёпот в тебе самом, послушаться которого нельзя. А также он, Бог, определил напряженнейший ритм жизни, когда, извините, нельзя упускать время... Ведь и он сам, Бог, не упускает время, а все творит, творит и творит. А мы... дети его, Бога.

Я помотал головой и воочию увидел себя стоящим между двумя валунами пятнисто-рыжего цвета. Я приподнял козырёк фуражки и увидел зеркало Царя Смерти Ямы. Я посмотрел на свои руки — они были замерзшими и холодными. Я опустил голову и с ужасом заметил, что я стою на человеческих костях. Мелькание прекратилось.

Я развернулся, сделал шаг и пошёл назад. Что-то заунывное засвербило в душе. Мои поношенные ботинки глухо стучали по камням, а стрелка компаса привычно вела меня туда, где остался ждать Равиль.

А то самое, заунывное, все свербило и свербило душу. Я шагал, тяжело шагал. В каком-то месте я остановился и потрогал самого себя.

— Жив... ещё, — сказал я вслух.

Но что-то выло в моей душе. А потом этот вой усилился и неожиданно перерос в резкую боль в области желудка.

— А-а-а, — согнулся я от боли.

Я сел на камни и, стараясь не обращать внимание на боль, стал Разглядывать свои руки. Лицо свое я не мог разглядеть, поскольку, не будучи женщиной, не носил с собой зеркальца. Зато здесь, сзади меня, было другое зеркало — Зеркало Царя Смерти Ямы.

Я вглядывался в каждую морщинку моих рук, боясь увидеть в них признаки увядания. Я ждал появления их и даже, почему-то, ждал вожденно. Я не хотел... но ждал. А боль, эта жуткая боль в области желудка, как бы сигналила мне.

— А может быть, это просто обострение язвы желудка? Да и легенда о Городе Богов и расположенной в нем Долине Смерти есть всего лишь выдумка? Может быть, я все это нарисовал в своём воображении? — думал я.

Но я тут же вспомнил монументы Города Богов, представил их увиденную реальность, осознал, что их на самом деле кто-то построил с помощью даже близко недоступных нам высочайших технологий, и... я понял, что легенда о Долине Смерти — это правда.

— Ведь это же правда! — хотел было в отчаянии вскричать я, но боль в области желудка не дала мне сделать этого.

Перед глазами опять промелькнули образы пирамид и монументов Города Богов, снова

поражая своим величием и опять подсказывая мне, что этот легендарный Город был в реалиях когда-то построен людьми, которые не сомневались в том, что энергия пяти элементов, приводимая в действие Любовью к Богу, может быть обуздана человеком с... Чистой Душой и что Время есть думающая и... очень добрая субстанция.

Те картинки моей жизни, которые мелькали перед глазами в пространстве между двумя пятнисто-рыжими валунами, через чувства, сопровождавшие их, как бы привели меня к выводу, что я, по большому счету, вроде бы мало грешил в своей жизни, кроме того, что в период молодости плохо слушал свою интуицию и упустил много времени, отпущенного мне для творчества. Но мне казалось, что я сполна компенсировал упущенное в молодости время необузданно интенсивной работой в зрелом возрасте. Оказалось, что нет.

Груз упущенного времени тяжело завис в душе и совершенно ясно перешел в жуткую желудочную боль. Я понял, что эта боль и есть то наказание, которое вынес мне Царь Смерти Яма, — наказание за упущенное время.

— Ох и строг же ты, Яма! — проговорил я, задыхаясь от боли.

— Неужели жизнь человека оценивается столь строго?!

Неужели нельзя простить?! Ведь я же упустил время лишь в период неразумной молодости! Почему же нельзя простить... и зачем наказывать столь жуткой болью?! Почему я не был рожден тупым человеком, с которого и спрос-то невелик?! Почему моим предназначением явилось не то, чтобы всласть махать киркой или двигать лопатой, а слушать этот неясный шёпот интуиции?! Почему Бог не дал мне счастья быть тупым?!

А боль все усиливалась, усиливалась и усиливалась. Я не выдержал и, схватившись за живот, упал на камни, корчась от боли.

— О-о-о-ох! — стонал я, лежа на камнях рядом со выходом из Долины Смерти.

Я поднял голову и помутившимся взглядом посмотрел вокруг. Рядом со мной лежала кость, человеческая кость.

Я ещё раз взглянул на свои руки, ожидая, что в них увижу признаки увядания и испепеления. Но их не было... А я хотел смерти, я уже желал её. Я устал от боли.

— О-о-о-ох! — продолжал стонать я. — Молодость подвела!

Я приподнялся на локте и ещё раз посмотрел на свои руки. Все пальцы были в грязи; видимо, я в отчаянии скреб землю-матушку. Но руки были розовыми, даже красными, — в них текла кровь.

И тут я понял, что я не умираю, не испепеляюсь, а наказываюсь болью, всего-навсего болью, хотя и жуткой болью. Царь Смерти Яма вынес мне такой приговор. Он не забирал меня.

Я встал на колени и так, согнувшись и положив голову на землю, простоял довольно долгое время. Слезы бежали из моих глаз, окропляя землю. Я плакал и стонал, плакал и стонал, иногда вытирая слезы прямо о тибетские камни и размазывая грязь по лицу. Подняться у меня не было сил.

Со слезами пришло облегчение. Я стал по-детски всхлипывать, лишь иногда, при приступах боли, тихо завывая и плача, плача и плача.

— А-а-а... — безвольно всхлипывал я. — А-а-а... А-а-а...

Наконец я с трудом поднялся на ноги и, с непонятным недовольством ощущая, что все же стою на них, поднял компас, чтобы взять азимут к тому месту, где должен был ждать меня Равиль. Я еле увидел стрелку — компас весь был в грязи.

— Вот он, вот он... — прошептал я перекошенными от боли губами, определяя азимут.

Я плюнул на палец и слюной стал вытирать грязь на крышке компаса. Слюна была тёплой.

— Жив, что ли? — пролепетал я. — Спасибо тебе, Царь...

Я шагнул вперед. Ноги, хотя и плохо, слушались меня. Я пошел по азимуту, туда, где ждал

меня Равиль. Страшно болел желудок. Но я надеялся, что Царь Смерти Яма оставил меня здесь — на этом Свете. Я, наверное, был ещё нужен здесь.

Метров за двести до бугра, где должен был сидеть Равиль, у меня кончились силы. Я пошел на четвереньках. Так и дошёл до Равиля — почти на четвереньках. Равиль подскочил ко мне. Взял меня под локти и попытался поднять. А я схватил его за ноги, уткнулся лицом в его колени и громко, не стесняясь, застонал.

— Что, шеф?

— услышал я голос Равиля.

— Я живой?

— спросил я.

— Да, — ответил он недоуменно.

— Не постарел?

— Да нет. Розовенький такой.

А потом Равиль дал мне таблетки от желудка и, откуда-то, из-под камней набрав горсть воды, дал мне запить.

Вроде бы стало легче. Я широко раскрыл глаза и посмотрел на окружающий меня мир. Силы стали вливаться в меня. Желудок, конечно, болел, но уже не столь сильно.

Я встал и медленно пошёл вперед. Что-то хрустнуло в колене; этого я испугался, — мне показалось, что мои кости начали рассыпаться, а истлевающие ноги — оседать. Я даже потрогал колени, — они были жесткими и натружено гудели.

Это меня успокоило, я ещё шагнул вперед, ещё, ещё, ещё ... и тихонько побрел вверх по склону.

— Иду ведь, а! Живой, значит... — сказал я сам себе.

Боль

А желудок болел, сильно болел. Но эта боль стала уже привычной; я свыкся с ней и уже воспринимал её как нечто естественное. Мне даже было трудно представить такое состояние, когда нет этой сжимающей боли.

Вместе с этой болью я шёл и шёл вверх, с радостью ощущая, что не умираю. И мне казалось странным, что я не умираю. Меня даже удручало то, что я живу. Я был... готов к смерти, но... я еще жил.

Через некоторое время я стал прислушиваться к своей боли. Она была такая же, как и при обычном обострении язвы моего желудка, но намного сильнее. Однако эта боль имела одну необычную особенность — она как бы исходила не от желудка, а вытекала откуда-то из души, постепенно переливаясь в область желудка. А в душе что-то стонало и плакало, сильно плакало. От этого странного плача души и исходила боль.

Я постарался осознать причину плача своей души. Это у меня долго не получалось. А потом я как-то неожиданно понял, что плач есть выход из души негативной энергии и что после плача должно наступить облегчение. Я понял, что негативная энергия выходила из меня, выходила через эту жуткую желудочную боль.

Осознание этого дало какое-то облегчение. Я стал относиться к боли как к заслуженному наказанию за некогда запятнанную совесть перед... своей интуицией. Это наказание показалось мне слишком жестоким. Но через эту боль до меня ясно дошло, какие страдания испытал бы в Долине Смерти, например, жадный человек — испепеление его тела сопровождалось бы дикой

болью, но несравненно большие страдания испытал бы его дух, выходящий из истлевающего тела. Царь Смерти оказался жестоким, но жестоким оправданно — в противном случае, без жестокого наказания, у людей рождались бы дети с жадным, завистливым или стервозным нравом.

Мне стало жалко таких людей, но я уже знал, что жалость не есть благородное чувство, а есть лишь ложное копирование благородного сострадания, поскольку не может быть сострадания к тому, что должно быть наказано, наказано или здесь, или там, на Том Свете.

Вскоре я снова увидел Зеркало Царя Смерти Ямы. У меня ёкнуло сердце. А на душе стало грустно-грустно, так грустно, как бывает, когда теряешь кого-то очень близкого... Я даже остановился на какое-то время, с непонятным вожделением посмотрев на «Зеркало» и по доброму представив Человека с Большой Буквы по имени... Время.

— Шеф, здесь нельзя останавливаться. Тату говорил... — послышался голос Равиля.

— Да, да, я пошёл, — тихим голосом ответил я.

На полусогнутых от слабости ногах я повторно пересек зону действия Зеркала Царя Смерти Ямы.

Я почувствовал, что мне не хочется уходить отсюда, Царь Смерти был не просто жесток, а как бы... манил к себе и... не хотел отпустить.

— Смерть не хочет отпускать меня, промелькнула мысль, вызвав резкое усиление боли в желудке.

Я остановился, согнулся и застонал. А потом я поднял голову, обернулся и снова посмотрел на Зеркало Царя Смерти Ямы. Мне показалось, что оно смотрит на меня... добрыми глазами Смерти. Оно, это Зеркало, как бы провожало меня. А я уходил, чтобы вновь возвратиться в наш бранный мир, тот мир, где так много душевной грязи. Мне не хотелось возвращаться туда.

Я еще раз прислушался к жуткой и уже привычной боли в области желудка. Теперь я четко осознавал, что через эту боль моя душа очищается, выводя через этот «болевогой канал» негативную энергию, накопившуюся во мне.

— А ведь я хочу, очень хочу ещё и ещё очиститься! — чуть ли не выкрикнул я. — Я хочу, очень хочу обрести то, о чем говорят все религии мира, я хочу обрести... Чистую Душу.

Это понятие, называемое Чистой Душой, представилось мне столь манящим и сладким, что я чуть было не повернул назад, чтобы опять вернуться к тем двум валунам, похожим на четырехглазых пятнисто-рыжих собак, встать между ними и опять предстать перед очищающим Судом Совести Царя Смерти Ямы.

Но слабые ноги несли и несли меня вперед: наверное, надо было, чтобы эти ноги донесли меня до нашего бранныго мира.

Чувство грусти совсем захватило меня. Я понимал, что в том бранным мире, куда несли меня мои слабые ноги, понятие Совесть, как говорится, не в почете. Мне даже захотелось, чтобы Всевышний построил всех людей в ряд и по очереди подверг их Суду Совести Ямы, ставя их между двумя валунами, похожими на пятнисто-рыжих четырехглазых собак, чтобы они, эти люди «родного мне» бранныго мира, прочувствовали наконец-то, что такое Совесть, и через жуткую боль или через жуткое созерцание испепеления своего тела наконец поняли, что Бог конечной целью прогресса человека определил достижение состояния, которое называется Чистой Душой.

Шагая, я вспомнил одного жутко богатого человека, который привез ко мне своих детей — дочь и сына, безнадежно слепнувших от куриной слепоты. Этот человек, упрасывая меня придумать что либо сверхъестественное, вдруг обратил внимание на мой вполне приличный хирургический костюм и поинтересовался его ценой. Я недоуменно посмотрел на него и ответил, что этот костюм стоит 2000 рублей.

Он в ответ помахал лацканом своего пиджака и сказал, что он стоит 2000 долларов (в 30 раз больше), намекнув, что я, если придумаю что-либо сверхъестественное, тоже буду ходить в таком пиджаке, в ответ на что я пожал плечами и внимательно присмотрелся к этому пиджаку. Он не вызвал у меня никаких эмоций — так себе, серая мятая тряпочка в клеточку.

«Этюд с пиджаком», конечно же, не смог простимулировать мой мыслительный процесс, тем более что я по натуре не способен не только отличить дорогую материю от дешёвой, но и даже увидеть дыру на собственной одежде. Я просто поморщился и предложил этому жутко богатому человеку положить своих детей в нашу клинику, чтобы попытаться хирургическим путем вернуть им маломальское зрение.

Маломальское зрение не удовлетворило жутко богатого человека. Он стал намекать, что если зрение будет выше, то он раскошелится мне и на брюки по такой же цене. Я представил, что если на моей и так не очень складной фигуре будут висеть еще и такие же в клеточку брюки, в которых из-за безобразной цены нельзя позволить себе сесть на грязную скамейку с прилепленной к ней жвачкой, то я стану рабом этого сверхдорогого костюма и буду всегда помнить о той цене, за которую он куплен. Да и клеточка вызвала у меня тюремные ассоциации.

В общем, от костюма в клеточку я отказался. Тогда жутко богатый человек предложил мне костюм в полоску. Это ещё более УСИЛИЛО мои тюремные ассоциации, и я с негодованием взглянул на него, пояснив, что операция будет проходить в порядке попытки и что я не могу полностью гарантировать положительный результат операции, даже если к костюму приплюсуются ещё носки и трусы.

А жутко богатый человек все еще не понимал меня. Он, мне кажется, уже думал о новом нательном белье, которое я никогда не ношу из-за несимпатичности слова «кальсоны». Мне показалось, что этот человек вскоре предложит купить мне ещё и дорогие портянки.

В конце концов жутко богатый человек, отойдя от бесплодных попыток вырядить меня на свой бутиковый вкус, не на шутку расфилософствовался на тему об умении зарабатывать деньги и о роли денег для достижения свободы личности, что с дурасти проронил неосторожную фразу о том, что они, богатые люди, хорошего врача всегда купят.

— Подобные фразы мне часто приходится слышать от богатых людей, — завелся я тогда. — Один нефтяной босс, сын которого имел подобное заболевание, говорил мне это же!

Помню, у меня побагровело лицо, а на шее выступила пульсирующая вена. Я бычьим взглядом посмотрел на жутко богатого человека и сказал, что настоящего врача купить нельзя и что настоящий врач отличается от просто хорошего врача тем, что он подходит к каждому больному с душой и состраданием. К сожалению, я так и не смог донести до него, что деньги препятствуют тому, чтобы сам Бог подсказал тебе, как разгадать болезнь и вылечить её.

Жутко богатый человек в ответ вытащил из кармана пачку долларов и сказал что-то наподобие того, что перед такой суммой я не удержусь и придумаю все, что нужно для его детей, которых он очень любит.

Я, еле сдерживая себя, чтобы грубо не выставить его за дверь, порекомендовал ему приехать через полгода — авось что-нибудь удастся придумать. А пачку долларов я демонстративно засунул обратно во внутренний карман его шикарного клетчатого пиджака, слегка коснувшись его потной груди.

Жутко богатый человек приехал через три года, когда его дети уже совсем ослепли. На этот

раз он был одет в пиджак в полоску. Я, конечно же, повозмущался тем, что они приехали столь поздно, но... что же было делать! Жутко богатый человек стал оправдываться, говоря, что его дети привыкли проводить зиму в Южной Африке, а лето — в Южной Англии и что затащить их в холодную Россию было трудно. Он даже сказал, что приезд их в Россию, тем более в провинциальную Уфу, можно интерпретировать почти как героизм и честь для нашего города. Поэтому мне, доктору Мулдашеву, надо особо постараться, чтобы его дети совершили «опасное путешествие» в «родную» Россию не зря и... уехали в Южную Африку совершенно зрячими. А за деньгами дело не станет — пачка долларов будет моя.

Надо признаться, что к тому времени мне и в самом деле удалось разработать новый метод лечения пигментного ретинита (куриной слепоты), и дети этого жутко богатого человека имели шанс прозреть, но только шанс, а не стопроцентную гарантию. Я посмотрел на беспомощно раскрытые слепые глаза детей, и мне стало их жалко — они были не виноваты, что им так и не привили сладость понятия — Родина. Они не понимали того, что Родину человека определяет Бог, посылая с Того Света дух в тело младенца, рождающегося в той или иной части земного шара, и что преступить решение Бога и назвать себя далеко не престижным словом «эмигрант» является грехом, очень большим грехом. И кто знает, может быть этот самый пигментный ретинит, порочный ген которого развивается в болезнь максимум в 50% случаев, и явился тем самым наказанием за грех, когда к святому слову Родина стали относиться как к пустому звуку, уповая на лучшие климатические условия южного берега Англии или Южной Африки.

Один из детей жутко богатого человека, вроде бы мальчик, некрасиво растянув губы, заплакал, начав причитать, что ему здесь надоело сидеть и что ему хочется, чтобы служанка Лурдис напоила его свежим кокосовым молоком. Но кокосового ореха у меня не было, а посылать кого-то в магазин мне не хотелось. Полный коридор пациентов ждал меня. Да и... не кокосовая страна — Россия-то! Картошки жареной лучше бы попросил этот мальчик.

И тут я вспомнил, что три года назад этот самый жутко богатый человек с дурости произнес фразу, что хорошего врача они — богатые люди — всегда купят. Я с неприязнью посмотрел на раздутый нагрудный карман его шикарного полосатого пиджака и с удовольствием сказал, что я берусь оперировать его детей, но буду оперировать... бесплатно. Я вспомнил, что то же самое я уже говорил одному нефтяному боссу.

Как и в случае с нефтяным боссом, это предложение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Жутко богатый человек стал причитать, что любой труд, пусть даже попытка, должен быть оплачен и он готов это сделать. А я уперся рогом и настаивал на том, что буду оперировать его детей бесплатно. Я вспомнил девочку из Вологды с косичками и красным бантом и с таким же заболеванием, вспомнил её слепые глаза, вспомнил её деревенских родителей с мозолистыми руками и их взгляд на меня, полный надежды, вспомнил свои ночные бдения по разработке нового метода лечения пигментного ретинита в окружении далеко не высокооплачиваемых коллег — ученых и понял, что мы придумали этот метод для неё и ради неё — этой простой деревенской девчонки с красным бантом, которая, скорее всего, никогда не пробовала кокосовый орех, а основной её едой была жареная картошка из своего огорода с запахом земли, русской земли.

Я пристукнул кулаком по столу, тяжело посмотрел на жутко богатого человека и тихим голосом повторил, что буду оперировать его детей бесплатно. Жутко богатый человек растерялся и вспотел. Он понял, что не всегда деньги властвуют над миром. Его шикарный пиджак как-то завис на одном плече, носки его подобранных под цвет пиджака туфель задергались и сблизились, выказывая позу человека-слабака, а правая рука достала из кармана вишневым носовой платок долларов этак за двести и промокнула им лоб.

Мне стало жалко жутко богатого человека — человека без Родины. Я даже стал бояться

того, что он увезет своих детей и лишит их надежды попытаться увидеть белый свет. Он, жутко богатый человек, уже лишил их одного счастья — Родины, а теперь уже почти лишил и другого — Божьего света.

Я опять вспомнил девочку с красным бантом из Вологды. Мне страшно захотелось жареной картошки. Я позвал секретаря и при них, при семье людей без Родины, попросил пожарить мне картошки, предложив им, кстати, тоже поесть её.

Глаза жутко богатого человека сузились. В них я увидел ненависть. У него не было выхода — он объездил весь мир со своими слепыми детьми, щедро соря долларами, некогда вывезенными из бывшей Родины — России, и вот... судьба занесла его обратно туда, куда некогда направлял его Бог, обозначив эту страну его Родиной и из которой он, воспользовавшись моментом, вывозил, вывозил и вывозил деньги, отбирая их у простых людей и обрекая их есть только жареную картошку. Но он знал, что в этой стране не только жрут картошку, но и изобретают, изобретают и изобретают, да ещё и изобретают, не думая о деньгах, а руководствуясь тем, что это будет нужно людям вообще, даже тем, которые сейчас млеют под сенью кокосовых пальм, сладостно осознавая, что денег у них хватит аж на сто жизней вперед. А на столе у этих изобретателей, которые всю свою душу вкладывают в науку для людей вообще, вкусно шкворчит жареная картошка.

Жутко богатый человек горделиво подобрал под себя подбородок, выдул из носа воздух и, резко подняв голову, посмотрел мне в глаза. В его глазах я не увидел ничего божественного, в них высвечивался другой Бог — Чужой Бог, непонятный и неприятный мне. Холодок пробежал по моей спине. Но я через очки продолжал спокойно смотреть в эти чужие глаза.

Жутко богатый человек всё же увез своих детей и не позволил мне их оперировать... бесплатно. Он их увез из страны надежд, из его бывшей Родины, для которой розовый крест надежды стал своеобразным символом — символом будущего.

А через несколько лет я узнал, что этот жутко богатый человек умер и его похоронили там, на чужой земле, и, возможно, за его гробом несли единственное, что заработал он в своей жизни, — сейф с деньгами. Про судьбу его детей я не знаю; возможно, их, слепых, надули и они где-то едят всего лишь жареные бананы, а возможно, у них все хорошо, а служанка Лурдис отучила их пить кокосовое молоко и стала подавать на обед жареную картошку.

Размышления о Чужом

— Чужой Бог! Чужой Бог! — стал повторять я в такт своим шагам, поднимаясь вверх по склону на высоте около 5700 метров.

Воспоминания о жутко богатом человеке отнюдь не придавали мне сил. Мне было жалко его детей. Дыхание со свистом вырывалось из моей груди, во рту всё пересохло, ноги подгибались. Но я шёл, тяжело шёл вперед. А желудок все болел, болел и болел. Но мысль о том, что с этой болью из меня выходит негативная энергия, успокаивала меня, я даже как бы радовался этой боли... жуткой боли.

Я остановился, обернулся, посмотрел на Равиля и неожиданно для самого себя сказал:

— Равиль! А ведь есть ещё и другой Бог — Чужой Бог! Но здесь, в Городе Богов, он не обладает силой. Он бессилён здесь. Долина Смерти убивает только тех, у кого в душе есть этот вездесущий Чужой Бог. Великий Яма стоит на страже Города Богов, города Настоящих Богов, не пуская сюда Чужого Бога. Зеркала сжигают Чужого Бога. Сжатое думающее Время не пускает Чужого Бога в подземную Шамбалу, не позволяет ему запоганить великий символ «читающего

человека».

Равиль недоуменно посмотрел на меня. Мы оба улыбнулись и снова пошли вперед. В моей улыбке таилась гримаса боли.

Мысли о Чужом Боге не покидали меня. Я вдруг понял, что Чужой Бог горд и не труслив. Он силен, этот Чужой Бог, и, самое главное, вездесущ — он тут же проникает в душу человека, если человек даже чуть-чуть отойдет от своего Настоящего Бога. А потом он, Чужой Бог, войдя в душу, начинает планомерно и упорно обращать человека в свою веру — веру Чужого Бога. Он борется с Настоящим Богом, упрямо борется, борется не на жизнь, а на смерть. Он очень силен, этот Чужой Бог.

Тут я вдруг осознал, что безбожия не бывает, никогда не бывает. Поэтому атеизм, возвеличивающий человека как вершину развития самозародившихся органических веществ через животный и обезьяний этапы эволюции, является не просто грехом, ставящим человека на место Бога, а является хитрой выдумкой Чужого Бога, той выдумкой, которая освобождает место в душах людей от влияния Истинного Создателя и дает возможность внедриться туда Чужому Богу.

Эта мысль пронзила столь остро, что у меня даже нарушался ритмичный ход; я засеменял, дыхание сбилось и я остановился, со свистом выдувая воздух.

— Как же я этого не понимал?! Как же не понимал?! — стал полушёпотом причитать я, стараясь ладонью вытереть тягучую слюну с губ. — Какой я дурак, а?! Сколько лет живу, сколько лет изучал атеизм, сдавая его на тройки, и не понимал! Эх! Какой дурак, а?! После Долины Смерти только понял, дурак! Только посмотрев смерти в глаза...

Я перевел дыхание и вновь пошёл вперед. С удивлением я заметил, что боль в области желудка уменьшилась и почти перестала мучить меня.

А мысли о Чужом Боге все продолжали и продолжали плясать в голове. Я искренне удивлялся тому, что раньше никак не мог понять того, что безбожия никогда не бывает, не бывает хотя бы на том основании, что Бог, создав дух, душу и тело человека, не только связал их единой веревочкой между собой; но и связал их невидимыми нитями с Богом, определив Единство Творения. Не зря люди говорят, что человек есть частичка Бога. Меня разозлил тупизм атеизма, этот жуткий тупизм философов и ученых, которые утверждали и утверждают, что Бога нет. Если бы эти «атеисты-ученые» хоть на минутку задумались над тем, что, например, известный научный факт клеточной нелокальности, когда каждая из миллиарда клеток человеческого организма мгновенно узнает о судьбе каждой клетки, нельзя объяснить ничем иным, как существованием некой думающей субстанции, которая не просто объединяет все клетки воедино, но и заботится о каждой клетке, как о своем дитяти, то они бы, эти «атеисты-ученые», могли бы по простой логике предположить, что над этой думающей субстанцией заботится другая, более высокоорганизованная думающая субстанция, а над ней ещё одна, ещё одна и ещё одна, вплоть до самого... Бога. Тогда бы товарищи атеисты перестали бы делать стеклянные глаза при малейшем возражении по поводу «доказываемого» ими отсутствия Бога. Тогда бы они престали третировать настоящих ученых-исследователей, которые волей-неволей, в результате своих научных поисков, приходили к выводу о существовании Бога-Создателя и превращались в глубоко верующих людей.

Я вспомнил глаза преподавателя атеизма в нашем медицинском институте, когда он на экзамене с удовольствием поставил мне тройку, хотя я, обладая хорошей памятью, выучил всю эту атеистическую дрянь. Он, видимо, увидел в моих глазах плохо скрываемую ненависть к нему — рабу Чужого Бога.

Шагая вперед и издавая в такт примитивные звуки «ух, ух, ух», я даже стал оправдывать этих «ученых-атеистов», понимая, что их язык не принадлежит им самим и что их языком

говорит лукавый Чужой Бог. Он, этот Чужой Бог, даже, наверное, похохатывает над дураком-атеистом, когда тот, поправив рекомендуемо-серого цвета пиджачок, идет доказывать всем и вся то, чего и в помине не может быть в природе. Этот дурак-атеист, являясь все же хоть и неудачным, но Божьим творением, когда-нибудь влюбляется и, получив «от ворот поворот», мается по ночам, причитая, что душа болит, но тут же, выпятив слюнявую нижнюю губу, начинает переводить ход своих мыслей о своей душе на привычный (но в глубине души омерзительный) мыслительный штамп о роли органических молекул, и даже доходит до такой чуши, что её (отвергшей) органические молекулы несовместимы с его (отвергнутого) органическими молекулами, хотя, на самом деле, несовместимы их Души, отданные разным Богам — Настоящему и Чужому.

— Шеф, давай присядем. Тяжело ты идешь. Ты ведь только что вышел оттуда, из Долины... — послышался голос Равиля.

— Давай, — тяжело вздохнул я. — Боль ослабла, но слабость...

Я присел на камень.

— Чужой Бог очень силен. Он использует любой шанс, чтобы внедриться в душу человека. Он понимает, что создал человека не он, но он стремится захватить его, полностью захватить, — подумал я, сидя на камне.

В моей голове всплыли лица знакомых мне завистливых, жадных и стервозных людей, а также лица знакомых алкоголиков и наркоманов. Я, с натугой перебирая каждого из них в памяти, постарался представить выражение их глаз. Это мне удалось; глаза их были однотипными — стеклянными и чужими.

Какой-то чужой и неприятный штамп высвечивался в этих глазах. Этот штамп имел легкий плаксивый оттенок, выражающий неестественное раболепие перед... захватчиком его души. Эти чужие штампованные глаза как бы извинялись за то, что он отдал свою душу Ему — новому Чужому Властелину — и натужно, со скрежетом просили и просили о жалости к нему, рабу, как бы намекая, что любой может стать, как и он — рабом. Эти штампованные глаза умоляли дать ему через жалость хоть немного чистой энергии, той энергии, которая была для него родной и без которой ему плохо, очень плохо, потому что эта чистая энергия когда-то породила его — пусть непутёвого, но человека. Этот подобострастный штамп в глазах как бы говорил, что у него — бывшего настоящего человека — нет другого выбора, как взывать и взывать к жалости, потому что он — превратившийся в оболочку человека — не может жить без общечеловеческой божественной энергии, без общечеловеческой Любви и вынужден просить и просить дать ему хоть немного этой чистой энергии, просить через жалость к нему, рабу Чужого Бога. Он, этот раб Чужого Бога, не может обходиться без чистой энергии Настоящего Бога, породившего его.

Но иногда в этом штампованном жалостливом взгляде вспыхивают искры. Они, эти искры, мечутся в разные стороны. Они требуют схватки. Они требуют крови. Ненависть выплескивается через эти искры — ненависть Чужого Бога к Настоящему Богу. И тогда раб Чужого Бога начинает мстить, всей силой своего порока мстить, черно мстить тому, кто его... жалеет.

Раб Чужого Бога каким-то шестым чувством осознает, что у него, несчастного раба, не хватит сил отомстить человеку, живущему под Настоящим Богом, поэтому он вынужден выбрать более слабого человека — того, кто через жалость отдал часть своей Ботом данной чистой энергии во власть Чужому Богу. Несчастный раб даже не виноват в том, что он мстит и гадит близкому человеку, жалеющему его; Чужой Бог, сидящий в нем, ведёт непримиримую борьбу с Настоящим Богом, чтобы захватить «душевное пространство» людей. Он, Чужой Бог, есть тоже Бог, его мало интересует судьба отдельно взятого человека, его деяния распространяются на всех людей сразу и он хочет разрушить то, что создано Настоящим Богом, безжалостно кладя на алтарь людей состеклянными глазами и штампованным взглядом. Чужой Бог не любит своих

рабов, он даже презирает их, потому что они, все же, порождение Настоящего Бога, а не его — Чужого.

Главная цель Чужого Бога — захватить «душевное пространство» людей и встать на место Настоящего Бога, заменив Его. Ему, Чужому Богу, не хочется заниматься многотрудной созидательной работой, не хочется создавать, да ещё и воспитывать «своего человека», ему хочется лишь владеть душами уже созданных людей. И это ему иногда удается, хотя... не очень удачно. Например, все мы помним, к чему привели лукавые идеи коммунизма — они привели к репрессиям и самоистязанию людей целой страны с гордым названием Советский Союз, но самое омерзительное состояло в том, что в течении почти 80 лет люди этой страны ходили со стеклянными глазами и глядели на мир штампованным взглядом.

Однако и сейчас, когда коммунизм почти канул в Лету и в его «идеи» мало кто верит, Чужой Бог продолжает действовать, изменив свою личину и став покровителем «долларового типа мышления». Он радуется тому, что «долларовая психология» все больше и больше распространяется по миру, что через голливудские фильмы удастся буквально насаждать «долларовый тип мышления» людям, воспитанным на вере в Бога, что у людей многих стран начинают стекленеть глаза при виде главного символа Чужого Бога — зеленого доллара.

Его, Чужого Бога, просто трясет от того, что в мире появилось реальное противодействие его «долларовой политике» в виде «валюты дружбы», называемой «Евро», поскольку в эту валюту вложена невероятная вещь — победа дружбы, доверия и любви в противовес историческим амбициям великих европейских стран. Поэтому и приятно держать в руках хрустящую банкноту «Евро», что от неё веет исторической победой Любви над Гордыней. Да и — , наступят, наверное, времена, когда и Великая Россия заменит свой горделивый рубль на теплую банкноту «Евро», перекинув красивый и величественный мост на Восток, где в традициях людей превалирует духовное начало, а слово Любовь не кажется пустым звуком. Вот тогда, наверное, и наступят счастливые времена, когда Чужой Бог съжится и почувствует себя мелким гаденьшем, с ужасом замечая, что он уступает место новой когорте людей с Чистой Душой.

Я встал с камня, на котором сидел.

— Ну что, Равиль, пойдём?! Вскоре мы должны наших ребят догнать...

Шагая, я ощутил, что мысли о Чужом Боге и в самом деле поспособствовали тому, что желудочная боль уменьшилась.

— Неужели мыслительное противодействие Чужому Богу помогает выводить его энергию из меня? — подумал я.

И я, как бы уже с лечебной целью, начал опять думать о Чужом Боге.

Я опять вспомнил жутко богатого человека, его стеклянные глаза и, поморщившись, представил, что он ведь лишал своих детей надежды увидеть Божий свет ради него — Чужого Бога, рабом которого являлся и, будучи рабом, не мог пойти против принципа Чужого Бога, что деньги решают все, и, конечно же, возненавидел этого Мулдашева, который осмелился отодвинуть сияющую великолепием пачку долларов и сказать жуткие слова, идущие вразрез с постулатами «родного» «Чужого Бога», — я буду оперировать вас бесплатно. А разве будешь доверять глаза своих детей человеку, которого ненавидишь?!

Мне почему-то показалось, что многие, очень многие люди, которых в народе называют «дёргаными», тоже имеют отношение к Чужому Богу; кто знает, а может быть, в их душах идет бесконечная борьба Чужого Бога с Настоящим Богом, вот они и дергаются. Но уж лучше, наверное, быть «дерганным», чем рабом Чужого Бога. Раб обречен на страдания, которые «устраивает» ему Настоящий Бог, и страдания эти преследуют раба Чужого Бога везде и всюду в этом мире, но особенно непереносимыми они становятся тогда, когда «раб» встречает человека,

живущего под истинно божественной звездой. Несчастный «раб» начинает ощущать глухой страдальческий ропот в душе, непонятно почему направленный против светлого и положительного человека и вдруг ощущает, что он ненавидит этого человека, ненавидит всей своей душой, отданной Чужому Богу. А ненависть приносит страдания ему самому — ненавидящему, приносит по принципу божьей кары за ненависть.

И поскольку в нашем бренном мире правят все же законы Настоящего Бога, он, подергивая ноздрей и дико страдая от своей беспомощности, начинает вспоминать 1937 год, когда эту глубинную ненависть можно было через бумажку, называемую доносом, реализовать в смерть человека, которого он стал вдруг ненавидеть. У него, раба Чужого Бога, даже перекашивается рот, когда он начинает понимать, что на дворе уже не 1937 год и что власть Чужого Бога стала слабее.

Поэтому можно сказать, что если на Вашу душу посягает Чужой Бог, то не отдавайтесь, пожалуйста, ему, памятуя, что он лукав и умеет манить к себе, а лучше дергайтесь, дергайтесь и дергайтесь на здоровье. Лучше все же дергаться, чем страдать.

До меня дошло, что дергаться, противодействуя Чужому Богу, можно бесконечно долго, но если в душу войдет грех, о котором говорят все религии мира как о самом главном грехе, а именно грех почувствовать себя Богом, то это означает, что Чужой Бог уже завладел Вашей душой. А завладел он потому, что человек, как Божье создание, не может в реалиях стать Богом (хоть и очень хочется), а может стать им только в иллюзии, которую в полной мере предоставляет ему Чужой Бог.

Все мы умеем фантазировать, но не умеем жить в фантазии. Чужой Бог толкает нас не просто к фантазии, а к самой её псевдореальной части — иллюзии, чтобы через сладостную иллюзию, причитая «Ты Бог!», ослабить влияние настоящего Бога и войти в наши души. О, как опасно хоть раз сказать — я есть Бог! О, сколько тяжких страданий принесет это!

Чужой Бог — не творец. Он никогда ничего не создавал, он только разрушал и пользовался тем, что создал Настоящий Бог. «Нарисованный мир» характерен для Чужого Бога. Богом иллюзий можно назвать Чужого Бога. И поэтому мы, обычные люди, худо ли, бедно ли, живущие под настоящим Богом, не любим шизофреников и людей со слащавой личиной отрешённости от существующего мира, потому что это люди, живущие в иллюзорном мире — мире Чужого Бога.

Так кто же он — Чужой Бог? Я не знаю, потому что я не Бог. Но, наверное, правы религии, которые говорят, что кроме Настоящего Бога на свете существует ещё и Демон, Дьявол или даже Сатана. Я даже не знаю, кто из них главнее и кто есть кто, но я чувствую, что они есть главные действующие лица параллельного нам мира — мира лукавых иллюзий.

В Городе Богов нет места Чужому Богу

И тут я понял, что я, в принципе, счастливый человек, поскольку все же побывал здесь — в реальном (а не иллюзорном!!!) Городе Богов. А счастлив я оттого, что в этом Городе нет места Чужому Богу и я, наконец, увидел мир, величественный мир Настоящего Бога, состоящий из пирамид и монументов, созданных силой Чистой Мысли и Чистых Чувств. Этот Город очень значим для Земли, потому что он является кристально чистым островком на нашей планете, над которой витает красно-черный призрак Чужого Бога. Этот Город значим ещё и потому, что он, с помощью Великого Ямы, охраняет от коварного и сильного Чужого Бога прекрасные подземные Шамбалу и Царство Мертвых, где собраны и живут Лучшие из Лучших всех Человеческих Рас, когда-либо существовавших на Земле.

Я остановился и оглянулся, чтобы ещё раз взглянуть на Зеркало Царя Смерти Ямы, взглянуть... с любовью. Но оно уже скрылось за склоном, а возвращаться не было сил. У меня опять заболел желудок, заболел резко и сильно. Я скучал... по Зеркалу Смерти... я хотел ещё большей чистоты, ещё большей... ещё и ещё большей...

- Шеф, посмотри, как скала стоит! — как в тумане услышал я голос Равиля.
- Кто стоит? — прохрипел я.
- Селиверстов стоит. Нас поджидает. Беспокоится. На скалу похож. Большой.
- А-а-а...
- Отсюда видно, что живота у него не стало.
- А-а-а...
- Понимает, что в Долине Смерти были.
- Кто... понимает?
- Селиверстов.
- А-а-а...
- Смотри, дергается. Сильно, значит, беспокоится.
- А-а-а...
- Рукой машет.
- Да.
- Нам навстречу пошёл.
- Да.
- Опять дергается.
- Да.
- Ходит что-то, то вправо, то влево.
- Да.
- И что он ходит-то?
- Не знаю.
- Чует что-то?
- Может быть.
- А что чует-то?
- Не знаю.
- Смотри-ка, присел.
- Вижу.
- А чо он, присел-то?
- Не знаю.
- Может быть?
- Может.
- Сидит, ведь, а?!
- Сидит.
- Нашёл время.
- Бывает.
- Вроде бы нет.
- Вроде бы.

- Смотри-ка, прилег.
- Да.
- А что он, прилег-то?
- Не знаю.
- Отдыхает, что ли?
- Может быть.
- Нашел время отдыхать!
- Да уж.
- Думает, что мы призраки, что ли?
- Может быть.
- Крикнуть бы, но сил нет.
- Да уж.
- Призраки ведь не кричат, понять должен!
- Должен.
- Но сил нет.
- Да уж.
- Смотри-ка, встал.
- Да.
- Стоит, как столб.
- Да.
- Волнуется, наверно.
- Да.
- За нас волнуется... не превратились ли мы в призраков.
- Да.
- Опасности от нас, что ли, ждет?
- Может быть.
- Смотри-ка, за ремень взялся.
- Вижу.
- Что он хочет-то?
- Не знаю.
- Нет, отпустил ремень.
- Да.
- В карман полез.
- Да.
- Роется что-то.
- Да.
- И что он роется-то?
- Не знаю.
- Сигарету достал, что ли?
- Вроде.
- Закурил.
- Вижу.
- Волнуется, значит.
- Да.
- За нас волнуется?
- За нас.
- А что волноваться-то?

- Не знаю.
- Мы что, призраки, что ли?
- Нет.
- А он-то уверен, по-моему.
- Может быть.
- Опять задергался.
- Да.
- Сильно дергается-то.
- Да.
- А что он дергается?
- Беспокоится.

Незаметно мы подошли к Сергею Анатольевичу Селиверстову.

- Ох и издергались мы, ожидая вас, — сказал он.
- Да уж, — хором ответили мы с Равилем.
- Что у тебя, шеф, лицо перекошено, как будто челюсть выбили в драке?
- Да болит, Серёжа.
- Что болит, челюсть?
- Да нет, желудок.
- А-а-а... А похоже, что челюсть.

Сергей Анатольевич Селиверстов, бодро шагая впереди, подвел нас к Рафаэлю Гаязовичу Юсупову и проводнику Тату, сидевшим на камнях.

— Ну что, пообщались со смертью? — весело спросил Рафаэль Юсупов. — И какова она, смерть-то?

- Да так...
- Шоколадку лучше сожрите! Жирные кислоты вместе с сахаром нужны в высокогорье.
- Да...
- Кости видели, в Долине-то?
- Да.
- Чьи? Человечьи?
- Да.
- Много?
- Да.
- Умирают, значит, там.
- Да.
- А что ты, шеф, квелый какой-то?
- Да так...

Я устало опустился на землю. Страшно болел желудок. Я терпел.

— Долина Смерти сама выбирает тех людей, кого надо убивать, — всплыла из памяти фраза, некогда произнесенная проводником Гелу.

Рафаэль Юсупов подсел ко мне и, положив руку на плечо, спросил:

- Сколько времени в Долине Смерти-то был?
- Не знаю, не засекал.
- Ну как же так?
- Да так... там время течет по-другому... там сжатое время.

— А помнишь, лама Кетсун Зангпо говорил, что в Долине Смерти можно находиться не более пяти минут? А то Яма начнет свою работу. Сколько времени ты был... там?

- Не знаю, там сжатое время.

— Но все-таки, мог бы...

— Не мог.

— Страшно там?

Я не ответил. Я скучал по Зеркалу Царя Смерти Ямы.

Проводник Тату позвал нас и показал на камень, на котором четко вырисовывалось вдавление на камне, напоминающее крупный след человека.

— Это след Будды! — гордо сказал он и посмотрел в мои страдающие от боли глаза.

— М-м-м... — только и смог произнести я.

А потом мы, размеренно шагая, поднялись на перевал, который паломники называли Вратами Смерти, — помню, как я лег на этом перевале на камни и стал корчиться от боли. Боль в желудке опять стала невыносимой.

— А-а-а... а-а-а... — застонал я.

Ребята стояли и с состраданием смотрели на меня.

— А-а-а... — продолжал стонать я.

— Шеф, шеф, отсюда надо уходить! Здесь повышенная радиация! Дозиметр трещит как... — послышался голос Селиверстова.

— Сейчас, сейчас...

— Ну вставай, вставай, милый, — ласково попросил Селиверстов.

Я с трудом поднялся.

— Серега! Равиль! — сказал я, преодолевая боль. — Нам надо по кромке хребта подняться на высоту 6000 метров. Оттуда, говорят хорошо виден Топор Кармы. Я хочу увидеть его.

— Шеф, ты что?!

— Пошли! Рафаэль, останься здесь! Так надо. Нам идти-то вверх совсем немного. Мы быстро! — скомандовал я, и, собрав последние силы, стал карабкаться вверх по камням. Сергей с Равилем двинулись за мной.

Топор Кармы

Где-то на высоте 6000 метров мы и в самом деле увидели Топор Кармы. Первым его увидел Сергей Анатольевич Селиверстов.

— А вот и он — Топор Кармы! — простодушно и уютно сказал он.

Я посмотрел на «Топор» и вдруг ощутил, что боль уменьшилась. Тяжело переводя дыхание на этой предельной высоте, я стал всматриваться в Топор Кармы. Ослабшая боль уже позволяла мне думать, а не просто натужно выжимать из себя остатки сил, как будто каждое твоё движение является последним в жизни.

Я смотрел и смотрел на Топор Кармы... Смотрел застывшим. Я прекрасно понимал, что этот 100-метровый «Топор», расположенный на высоком каменном останце рядом с цилиндрической конструкцией такого же размера, является каким-то монументом, а не причудливой «работой ветра». Я уже не задавался вопросом, каким же невероятным образом такой монумент мог быть сотворен, да еще и установлен на столь недоступной вершине; я думал о его предназначении.

— Так, так... Так, так, — периодически приговаривал я, размышляя.

Но мысли не шли — я совершенно не понимал предназначения Топора Кармы.

— Паломники не зря назвали этот монумент Топором Кармы, — постарался я начать мыслить логически. — А если так назвали, то, значит, он имеет какое-то отношение к карме

человека. А почему он имеет форму топора? Не рубить же что-либо?!

Мысли никак не шли в мою голову.

— Шеф! — услышал я голос Селиверстова. — Скажи, а для чего карме, то есть линии жизни, предопределенной Богом, нужен топор? Что, здесь карма разрубается, что ли? Или... обрубается?

Получается, что если человек проходит это место, то его карма обрубается. А после обрубления кармы наступает... м... бескармовая жизнь. Вот мы — ты, Равиль и я — становимся отныне бескармовыми людьми и начинаем жить бескармовой жизнью. Какова она будет, интересно, бескармовая жизнь-то?

— Увидим, — глухим голосом ответил Равиль.

— А ведь люди стремятся достичь бескармовой жизни, — продолжал рассуждать Селиверстов, — не зря они идут сюда. Не зря!

Ой, не зря! Она, бескармовая жизнь-то, наверное, чем-то хороша.

Ой, хороша! Она, эта бескармовая жизнь, дает свободу выбора — ты, человек, сам решаешь, как жить, а не Бог делает это за тебя.

Хочу — так живу, хочу — этак. Все, что хочу, то и делаю! Наказания, которые ты заработал за прошлые жизни, и те остаются за бортом, будучи обрубленными топором. Ой, неужели мы так станем жить?

Равиль ухмыльнулся и сказал:

— Не верю я... м... м... в бескармовую жизнь. Ты же, Сергей Анатольевич, не в пещере, которая материализует мысли, находишься, где что подумал, то и свершилось...

Я продолжал пристально смотреть на Топор Кармы. Я понимал, что этот монумент создан для регуляции какого-то из многочисленных пластов тонких энергий. Но и сказания паломников о Топоре Кармы вряд ли бы родились на пустом месте!

— Ох, и тяжело дышится на этой высоте! Воздух такой жидкий-жидкий! — перебил мои мысли возглас Селиверстова.

— Да уж.

Я опустил голову, перевел дыхание и стал думать о карме как таковой. Я вспомнил наши многочисленные разговоры с Амиром Рашитовичем Шариповым, который в нашем центре работает заместителем генерального директора и возглавляет новое направление по психокоррекции зрения, то есть учит прозревающих после операции людей видеть. Будучи чрезвычайно интеллектуальным человеком, Амир Рашитович в своих исследованиях психики людей дошел до того, что начал изучать их карму. Вместе со своей молодой сотрудницей по имени Татьяна он нашел такие вещи, от которых можно было только ахнуть. Например, один из пациентов, потерявший один глаз от удара копыта коровы, рассказал, что в его роду, вот уже много поколений, мужчины страдают от коров. Выяснилось, что вся эта история началась с того, что в двадцатых годах его прадед, известный чекист, отбирал в деревнях коров и в рамках подразверстки отправлял их на бойню, обрекая крестьян на голод. Сын чекиста, скотник, спился и повесился в коровнике. Второй сын погиб, затоптанный стадом коров. Внук чекиста умер, отравившись коровьим лекарством... А правнук, которому тоже не удалось уберечься от кары этого дойного животного, потеряв один глаз, и, боясь за судьбу оставшегося глаза, переехал даже жить в тундру, где нет коров, и живет там по сей день, с удовольствием отмечая полное отсутствие этих мстительных животных.

Я сам оперировал пациентов, брата и сестру из Ростова-на-Дону, которые в разное время получили совершенно одинаковые травмы орбиты, вызвавшие одинаковое снижение остроты зрения до 0, 2; причем подобные травмы сопровождали весь их род. И так далее.

Амир Рашитович в результате своих исследований пришел к выводу, что в нас самих сидит

еще и родовая информация, от которой мы никуда не можем деться и которая, хотим мы того или не хотим, все равно влияет на нас, рано или поздно напоминая о себе то ли карой за грехи предков, то ли неожиданным подарком судьбы за душевную чистоту давно уже забытых родственников. Причем эта родовая информация уходит в столь далекое прошлое, что, возможно, корнями соприкасается со временами ангелов и даже со временем создания человека, когда Создателем для каждого рода была заложена информационная линия, называемая кармой, внутри которой не только накапливается информация о бесконечной веренице жизней, но и идет постоянный анализ этой информации, соединяющий прошлое и будущее в единую линию жизни. В этой кармической линии ничего не забывается и ничто не оставляется без внимания и без анализа. Не только деяния человека подвергаются этому удивительному по совершенству анализу, но и его мысли, те самые мысли, которые постоянно тормозят нас днем и ночью. Никто из людей не может жить изолированно от предков, никто; каждый из нас несет печать своего рода, а жизнь наша складывается по неведомым нам принципам и законам общеродового единого начала, или Кармы.

Карма не является штампом, карма изменчива, потому что она есть думающая субстанция, но думающая категориями родовой жизни, объединяющей всю череду индивидуальных жизней внутри рода. Весь Ваш род, включающий ангелов, призраков, лемурийцев, атлантов и арийцев, влияет на Вас, дорогой человек, и Вы, со своей маленькой, может быть миллионной по счету жизнью, тоже влияете на весь Род и, через него, на чью-либо или на свою следующую жизнь. И когда-нибудь Вы, дорогой человек, увидите всю эту линию жизни, мгновенно уходя в прошлое или окунаясь в будущее. И тогда Вы поймете не просто величие и доброту Создателя, но и совершенно четко осознаете значимость понятия — Чистая Душа. И поверьте, дорогой человек, что этот момент не будет страшным для Вас; напротив, он будет счастливым, потому что Вы сможете через весь свой род общаться с самим Создателем, а Ваши давным-давно канувшие в лету родственники предстанут перед Вами или со спокойными и уверенными лицами, или с лицами, выражающими глубокую непреходящую вину перед всем, Богом определенным, Родом. А также Вы увидите и себя в разных жизнях и сами оцените выражение своего лица в той или иной из многочисленных жизней.

Но самое главное, что произойдет с Вами, дорогой человек, так это то, что Вы четко осознаете главный критерий оценки Ваших жизней — общеродовой критерий, который называется Чистой Душой. О, как Вам станет грустно, если Вы увидите, что одну из своих жизней Вы отдали поганому чувству жадности, не понимая, что в общеродовой жизни денег не нужно! О, как Вам станет противно, когда Вы воочию разглядите себя завистником, несчастным завистником, созданным для того, чтобы подгонять того, кому Вы завидуете! О, как Вам будет не по себе, когда Вы будете лицезреть себя в виде красивой, но стервозной женщины, по жизни всегда дергающейся и еще раз дергающейся! О, как Вам будет не по себе, когда Вы...

Но у Вас, дорогой человек, будет вызывать глубокое умиление и радость то, что Вы себя увидите, обязательно увидите еще и благим, добрым, хорошим, милым, ласковым, одухотворенным, щедрым и, самое главное, любящим, сильно любящим, очень любящим не только маму, папу, сына и дочь, но и... всех людей вообще. Вы остановите свое внимание на той Вашей жизни, когда Вы смогли любить людей вообще, и будете любоваться ею, долго любоваться, наслаждаясь той жизнью и немного негодуя по поводу того, что не все Ваши жизни были прожиты так. Именно в той жизни, когда Вы, дорогой человек, любили всех людей вообще, Вы не только смогли выделиться ярким розовым пятном во всей родовой линии жизни, но и смогли разбросать много-много розовых пятнышек в будущем, определяя счастье в будущей жизни для кого-нибудь из Вашего рода или... для Вас же самого... в будущей жизни.

Я поднял голову и вдохнул полной грудью. Передо мной, как призрак в облаках, висел

Топор Кармы.

— Шеф, я одурел от холода! Пойдем, а?! — опять послышался голос Селиверстова.

Сейчас, — еле проговорил я, дрожа.

Я опять опустил голову и опять стал думать. Я представил Время, которое мчится вместе с нами вперед... а может быть, иногда и... назад. Я представил дорогу времени, уже кем-то проложенную для тебя лично среди многочисленных дорог Общего Пути всего твоего рода, и как бы заметил, что от твоей дороги жизни отходят в стороны многочисленные тропинки, уводящие к неприятным черным дырам. Я понял, что это тропинки смерти — черные фатальные тропинки времени, в которые ты в любой момент можешь свернуть с доброй столбовой дороги жизни, которая кем-то, каким-то Великим Оптимистом, была проложена в будущее с надеждой, что все твои будущие жизни будут проходить в розовых тонах и ты будешь идти по дороге твоей жизни по прекрасному розовому паркету. Но... и черные тропинки существуют для поворота... если ты...

Я засунул руки в карман анорака и всласть начал дрожать от холода.

— У — у-у-у-у-у; — вырвалось из моей груди.

В моей голове опять всплыл этот самый жутко богатый человек, который не дал мне возможности... дать надежду его больным детям. До меня вдруг дошло, что этот жутко богатый отец, накопив для них, слепых детей, денег на сто жизней вперед, поставил на их и так-то не очень розовой дороге жизни жирное черное пятно, которое нельзя обойти и из-за которого придется сворачивать на черную фатальную тропинку несчастий, дополнительных несчастий. О, если бы этот жутко богатый отец знал, что его несчастные дети не останутся в долгу, и отомстят ему за накопленные на сто жизней вперед деньги тем, что они, тоже проплывая по общеродовой линии жизни (где отец, породивший их и так не очень полноценные тела, является не очень уж близким человеком), тоже повлияют на его, отца, жизнь, тоже поставив на его розовой дороге жизни жирное черное пятно, обойти которое невозможно! Я вспомнил смерть их жутко богатого отца и поморщился. Мне почему-то показалось, что если бы этот отец не копил тупо деньги во имя них, детей, а просто дал бы им побольше душевной теплоты и, конечно же, душевной чистоты, то они бы вскоре увидели свет, а может быть, и начали бы различать цвета, и первым цветом, который они бы могли увидеть, конечно же, был бы розовый цвет. — Шеф, уже не вмоготу! — доходчиво сказал Селиверстов. — Холодно очень!

Посмотри, Сергей Анатольевич — откликнулся я, показав рукой, — это не Топор Кармы, это Знак Кармы. Он, наверное, когда-то был выкрашен в розовый цвет...

Почему именно в розовый? — спросил Селиверстов.

Бог — Великий Оптимист, он нарисовал для каждого человека розовую Линию Жизни, которая называется Кармой. Люди сами виноваты... — ответил я.

Врата Смерти Гроыхая камнями, мы покатались вниз по склону, туда, где нас поджидал Рафаэль Юсупов.

— Я уж подумал, что по карме мне с-суждено б-было здесь нас-смерть з-замерзнуть, — стуча зубами, с трудом выговорил он.

Мы остановились около Юсупова и молча постояли несколько минут, опустив головы. Я было уже хотел пойти вперед, как Равиль авторитетно проговорил:

— Через несколько шагов у нас начнется новая жизнь!

— С чего это?! — недоуменно вскинул брови Селиверстов.

— Это место, на котором мы стоим, паломники называют Вратами Смерти. Они считают, что человек, прошедший Врата Смерти, вступает в новую жизнь, — пояснил Равиль.

— Не понял!

— Селиверстов насупился.

— Через несколько шагов мы умрем, что ли?

— Да...

— Ничего себе.

— Вон за тем камнем, метрах в пяти от нас, мы умрем. Вот так вот! — слегка усмехнулся

Равиль.

— А я что, сейчас умираю, что ли?

— Ты уже почти умер, Сергей Анатольевич!

— Ничего себе...

— Вот так вот.

— Ну, я вроде как живой. Теплый, по крайней мере.

— После смерти жизнь не кончается, — заметил Равиль.

— Не надо мрачных шуток, — подал голос посиневший Рафаэль Юсупов. — Мы здесь, скорее, от холода помрем. А... за каким камнем, говоришь, жизнь кончается?

— Вон за тем.

— За тем, да?

— За тем.

— В каждой шутке... — хмыкнул Селиверстов.

— Паломники, совершая парикраму или священный обход комплекса Кайласа, — начал объяснять Равиль, убеждены в том, что именно здесь, во Вратах Смерти, они оставляют позади свою прошлую жизнь и вступают в новую, которая отличается от старой тем, что она будет более чистой. Паломники считают, что если человек совершит парикраму 108 раз, то душа его очистится настолько, что он перейдет в ранг святых.

— А не жалко так жизнями-то кидаться? Один круг — одна жизнь, еще круг — еще одна жизнь... ? — бархатным голосом спросил Селиверстов.

— В религиозной и эзотерической литературе нет сведений о том, чтобы Бог устанавливал лимит реинкарнаций, — ответил порозовевший Рафаэль Юсупов.

— Плохо только то, — разулыбался Селиверстов, — что каждый круг приходится в одном и том же теле мотаться. Вот если бы тела менялись, как перчатки!

— Тебе грех жаловаться, Сергей Анатольевич, — завистливо кинул Рафаэль Юсупов, — не каждому Бог дает такое тело, которое может за раз 100 пельменей употребить.

— Да при чем тут пельмени... Кто первым пойдет-то... в новую жизнь?

Мы двинулись вперед. Боковым зрением я заметил, что идущий сзади Рафаэль Юсупов искоса взглянул на злополучный камень.

А из моей головы не выходила Долина Смерти. Я понимал, что туда ходят редкие из паломников, совершающих парикраму... там требования другие.

Тяжело переступая меж камней, мы уходили из района Долины Смерти. Привычно болел желудок. Я еще не знал, буду ли я жить...

Вечерело. Мы, пройдя еще несколько километров, спустились к реке. Там нас поджидали яки.

Я попросил разрешения у ребят не участвовать в процедуре разбивки лагеря, отошел в сторонку, лег спиной на землю и стал смотреть в небо. Мысль о том, что с болью выходит негативная энергия, успокаивала меня.

— Как хорошо, что мы все в одинаковых формах, — где-то сбоку раздался выдох Рафаэля Юсупова.

— Почему? — послышался голос Селиверстова.

— Да потому, что никто не намекает, что я в черной рубашке смотрюсь как черная дыра.

— А в белой маске... как смерть, — добавил Селиверстов.

А надо мной плыли облака — тибетские облака. Они, эти облака, в заходящих лучах солнца переливались всеми цветами радуги. Они казались живыми существами, ласковыми и величавыми существами.

— О, как многообразна жизнь! — думал я. — Мы, маленькие, при взгляде с высоты, люди, почему-то считаем, что человек является хозяином Земли, и ни на одну йоту не сомневаемся в этом. А вдруг это не так?! Может быть, облака считают по-другому... Ведь известно, что облака — это пар или газообразное состояние воды, а вода, как и человек, входит в пятерку легендарных «пяти элементов», равноправных элементов, выделенных Богом, чтобы... творить чудеса под знаменем Бога. А может быть, облака есть та самая призракоподобная жизнь, или паровая форма жизни, — никто этого не знает и не будет знать до тех пор, пока Он, Создатель, не откроет для нас, людей, возможность видеть мир во всем многообразии созданных Им жизненных форм. А пока... пока нам остается только догадываться и... мечтать, да и... слегка негодовать по поводу того, что пока еще не зародилась среди нас Общечеловеческая Чистая Душа.

Мне почему-то вспомнилась известная песенка Галича: Облака плывут, облака, В дальний край плывут, как в кино. А я цыпленка ем табака, Коньячку принял полкило. Я подковой вмерз в санный след...

Но коньячка у нас не было. Был только спирт, и пить его не хотелось.

А боль продолжала истошно вопить в области солнечного сплетения.

— Сколько же во мне негативной энергии накопилось! Не вся еще вышла! Неужели грешил только я, а может, и другие люди своими греховными душами повлияли на меня, живущего в нашем бренном мире? — морщась, думал я. А облака плыли и плыли надо мной.

И вдруг я ощутил счастье, внутреннее счастье... несмотря на боль. Я понял, что Долина Смерти отпустила меня.

Глава 16. Сердце Воды

Вечером, приняв лекарства, я постарался что-нибудь покушать. Но не смог. Даже от вида еды воротило. А мне предстояло еще восстанавливаться, долго восстанавливаться. Я чувствовал это.

Ночью я так и не заснул. Вставал, выходил из палатки и курил. Много курил. Дрожал от ночного тибетского холода, но курил. А когда я залезал в палатку погреться, то в полумраке видел умиленные лица ребят и слушал переливы храпа, среди которых выделялись по-детски всхлипывающие звуки, издаваемые Селиверстовым. Жизнь продолжалась.

Боль не так сильно докучала мне. Просто не спалось, да и все. С удовольствием не спалось. А в голове было пусто-пусто. Как человек, никогда не страдавший бессонницей и, напротив, засыпающий где ни попадя (например, в президиуме или в театре), я слегка удивлялся этому состоянию ночного бодрствования, но, как ни странно, оно мне казалось приятным и легким. На душе было очень легко, ничто не свербело там. Я понял, что не сплю оттого, что всем своим нутром вкушаю давно забытую с детства душевную благодать.

— Странная она, жизнь! — думал я, лежа в палатке и ощущая в груди ком от излишне большого количества выкуренных сигарет. — Дети все рождаются романтичными, мечтательными и чистыми, все до одного. И все до одного живут в состоянии прекрасной душевной благодати. А потом, постепенно, благодать уходит навсегда, заменяясь то ли победным гоготанием в душе, то ли тревожными нотками вперемежку с заботливым квохтанием.

Люди начинают забывать, что такое душевная благодать. А потом о ней даже и не вспоминают. Забывают напрочь... вместе с детством. Забывают оттого, что на чистую детскую душу, способную жить в состоянии прекрасной благодати, начинает что-то действовать, действовать помимо родителей, да действовать столь сильно, что вскоре у детей из глаз исчезает удивительный по силе своей притягательности восторг жизнью. А как важно хоть иногда видеть восторг жизнью! Почему он исчезает? Что же действует на детей? А действуют наши мысли, мысли нас — взрослых, и... наши тусклые, уставшие от жизни в мире черных мыслей глаза, из которых навсегда ушло выражение восторга тем, что мы имеем честь жить на свете.

Состояние душевной благодати захватило меня. Я потрогал свой спальник, он был уютным и теплым. Я потрогал лежащего рядом и храпящего Селиверстова — он показался мне хорошим и родным. Я надел, чтобы снова выйти покурить, свои остроносые татарские галоши — они были мягкими и удобными.

А под утро ребята по очереди начали выходить из палатки, чтобы справить нужду. Я с умилением смотрел на их сосредоточенные спины и слушал журчащие звуки. Возвращаясь в палатку, все они говорили одно и то же:

— Ох, хорошо-то как стало! Всю ночь терпел! Что, шеф, ты уже?

А потом они залазили в палатку, чтобы под утро взять такие нотки, которые не посрамили бы здесь, на Тибете, великую Россию. Через эту какофонию звуков пробивалось журчание ручейка.

Утром я опять ничего не кушал. Но состояние было хорошим, хотя я и чувствовал сильную-сильную усталость, очень сильную усталость. Но это была приятная усталость, усталость без душевного угнетения. Я ощущал, что мое брненное тело так протряслось сжатым временем Долины Смерти, что оно все гудело, но гудело приятно. Даже боль в области желудка казалась приятной.

Я, пока все собирались, подошел к ручейку и опустил в него руки. Холодная вода ласкала пальцы. В ней, воде, чувствовалась жизнь.

— Вода! — с умилением проговорил я.

Гряда пирамид

А потом мы пошли вперед. От нагрузки у меня стало темнеть в глазах, но я заставлял себя идти. Вскоре я втянулся и стал внимательно смотреть по сторонам.

— О! — воскликнул я через некоторое время.

Передо мной открылась прекрасная гряда пирамид.

— О! — еще раз повторил я.

— О! — добавил шедший за мной Равиль.

— Что разокались-то? — послышался голос Рафаэля Юсупова.

— Да вот, не видишь, что ли?! — Равиль показал рукой на гряду пирамид.

— Да вообще-то. В этом случае не приходится сомневаться в искусственном происхождении данных пирамидальных конструкций.

— Скажу Вам, Рафаэль Гаязович, — вставился в разговор Селиверстов, — что здесь все искусственное, все. Вы, Рафаэль Гаязович, находитесь в Городе Богов! Здесь, понимаете ли, надо идти с высоко поднятой головой и смотреть по сторонам, а не идти, уставившись под ноги. А так можно весь Город Богов протопать и ничего, кроме камней, не увидеть.

— Извините, Сергей Анатольевич, — рассердился Рафаэль Юсупов, — во время хода Вы всегда перекрываете мне обзор своим задом.

— А не надо тыкаться в него, — парировал Селиверстов.

— Надо отступать от него, от зада-то. На расстоянии он, зад, меньшим кажется.

— Спасибо, Сергей Анатольевич, учту, — деланно произнес Рафаэль Юсупов. — Только не надо резко останавливаться на ходу, тут волей-неволей об Ваш зад, Сергей Анатольевич, и ткнешься.

— А если Вы, Рафаэль Гаязович, будете идти на расстоянии, то Вы всегда успеете заметить, когда он остановится — зад. — Чей?

— Мой, — Селиверстов отвернул голову.

А гряда пирамид и в самом деле впечатляла, четко выделяясь на фоне желтых пологих тибетских холмов. Пять огромных, одинаковой высоты, этак метров по триста, разнообразных пирамидальных конструкций стояли в ряд, а шестая — больше похожая на экзотический дворец — была расположена чуть поодаль.

Я уселся на склон горы и принялся зарисовывать гряду пирамид. Я поймал себя на мысли о том, что перестал даже задумываться о предназначении увиденных пирамидальных комплексов, — я уже признался самому себе, что все равно ничего не понимаю и... вряд ли пойму. Только восхищение разумом древних осталось в душе.

Три тибетские женщины

Когда я очередной раз оторвал голову от полевой тетради, то вдруг вблизи увидел трех тибетских женщин в национальных одеждах, которые как будто с неба свалились. Вокруг была плоская, хорошо проглядываемая корытообразная долина, и не увидеть их издалека я не мог.

Тибетские женщины заметили меня, сидящего на камнях, и, подойдя, с интересом начали

разглядывать. Потом они приблизились ко мне на несколько шагов и, стараясь заглянуть в мою тетрадь, начали что-то обсуждать.

— По-по-по-по-по-по, — говорили они между собой.

Ко мне подошли Равиль с проводником Тату. Я попросил Тату разъяснить ситуацию об их невероятном появлении здесь. Тату расспросил их и сказал:

— Вон, видите, лежит огромный камень, — он показал рукой. — За ним есть плоское место, где эти женщины молились.

Они вышли из-за камня и поэтому как бы с неба свалились. Видеть Вы их не могли, потому что они молились лежа.

— А почему эти женщины молились лежа? — спросил я.

— Так положено, — ответил Тату. — Более того, им положено здесь молиться в мокрой одежде.

— А почему?

— Так положено.

— Странно.

Я посмотрел на тибетских женщин; одежда их и в самом деле показалась мне влажной, но подойти и пощупать было неудобно.

— Тату, я бы хотел...

В этот момент одна из женщин громко окликнула Тату и спросила его о чем-то, перебив меня.

— Сэр, она хочет знать, что же Вы рисуете?

— Я рисую вот эту гряду пирамид, — я махнул рукой в сторону пирамид.

— А зачем он рисует это? — спросила Тату тибетка, показав на меня.

— Ну... мне это интересно.

— А почему он рисует в сухой одежде? — тибетка опять показала на меня.

— Ну уж... так, — промямлил я.

Тибетские женщины начали что-то бурно обсуждать.

— О чем они говорят? — окликнул я Тату.

— Они удивляются тому, что белый человек обратил внимание на эти священные для тибетцев горы и даже рисует их. По их мнению, рисовать — это почти то же самое, что поклоняться этим священным горам. Но они хотели бы, чтобы Вы, сэр, рисовали в мокрой одежде, — пояснил Тату.

Тот факт, чтобы сидеть и рисовать в мокрой одежде на холодном ветру, я, конечно же, воспринял без восторга, но это показалось мне любопытным. Тату по моей просьбе расспросил тибетских женщина об этом.

— Дело в том, — сказал Тату, сделав многозначительную паузу, — что эти горы принадлежат Воде.

— Чему?

— Воде.

— Как так?

— Так говорят тибетские предания. А эти женщины каждый год приходят сюда, чтобы поклоняться этим священным горам, как повелел им когда-то тибетский монах. Они вначале идут вон к тому ручью, ложатся в него в одежде, потом мокрыми подходят к тому камню, ложатся на землю и долго читают молитву, адресованную этим священным горам, — объяснил Тату.

— М-м-м... Тату, спроси, они поклоняются именно вот этим горам? — я показал на гряду пирамид.

Когда Тату спросил их об этом, женщины радостно закивали.

— М-м-м... Тату, спроси, пожалуйста, суть этой молитвы.

— Суть молитвы отображается двумя словами... — ответил Тату после расспроса.

— Какими словами?

— Ы-ы-ы... Они поклоняются Сердцу Воды.

Сердце Воды

Что-то ёкнуло в груди, подсказывая, что это очень важно. Я набычился, посмотрел на Тату исподлобья и рубленным голосом сказал:

— Тату, спроси, как они называют эту гряду пирамид.

Тату спросил, показав рукой. Одна из женщин подошла ко мне поближе, пристально посмотрела на меня, перевела взгляд на гряду пирамид и тихим голосом ответила:

— Мы называем эти священные горы Сердцем Воды.

— Вот это и есть Сердце Воды? — я вновь показал на гряду пирамид.

— Да, — ответила тибетская женщина.

— Почему? — воскликнул я.

— Так говорят предания.

— Ну почему? — домогался я.

— Не знаю, — тибетская женщина опустила голову.

— Ну, а все-таки? — в отчаянии проговорил я.

— Не знаю, — послышался ответ.

Я встал, на прощанье помахал тибетским женщинам рукой, подошел к ручью, зашел в него по колено и долго стоял, ощущая холодную тибетскую воду.

Выйдя из воды, я присел на каменистом берегу, с непонятым волнением провел рукой по мокрым ногам и стал смотреть на гряду пирамид, называемую... Сердцем Воды. Мои мысли, несмотря на страшную усталость после посещения Долины Смерти, разогнались и стали плясать в голове, пытаюсь найти хоть какую-то разгадку этого. Мысли мчались то в одну сторону, то в другую, то в третью, но каждый раз стучались об какое-то препятствие и возвращались обратно, грустно свидетельствуя о том, что решения не найдено. Но я чувствовал, что в этом экзотичном словосочетании «Сердце Воды», которым назвали... древние пирамиды, кроется что-то очень важное, очень и очень важное.

Я напрягался, напрягался и напрягался, заставляя работать свой мыслительный аппарат. И вдруг в голове вспыхнули воспоминания об Озере Демонов (Ракшас) и священном озере Маносаровар, вокруг которых мыслительная волна закрутилась быстро и легко. Я вспомнил свои рассуждения о водных формах жизни, о том, что вода, как информационно-емкая субстанция, способна нести в себе жизнь — водную жизнь, неведомую и непонятную нам, но существующую, в том числе и в нас самих, потому что наши тела на 75-90% состоят из воды.

Мои мысли уже бешено крутились вокруг гипотезы о водных формах жизни, как бы намекая, что разгадка понятия «Сердце Воды» находится именно здесь и что... что...

Я устало опустил голову. Долина Смерти-Великая Долина Смерти — измотала меня напрочь. У меня просто-напросто не хватало сил мыслить дальше. Я просто устал, сильно устал. Усталость остановила меня на грани разгадки. И только слово «матрица», как всполох, иногда появлялось в сознании и тут же исчезало, как бы нашептывая тебе, что разгадка «Сердца Воды» связана с этим словом. Но усталость... Эта дикая усталость... после Долины Смерти...

Пройдет долгих три года... Многим-многим больным за это время я буду смотреть в глаза и буду напрягать свой мозг, желая изыскать там, в глубинах своего сознания, какой-нибудь способ спасения, какую-нибудь ниточку надежды... А мысли, эти вездесущие мысли, будут раз за разом возвращать меня к этой тибетской долине, из которой была хорошо видна гряда пирамид, называемая «Сердцем Воды», и я буду как бы слегка укорять себя за то, что у меня, с ногами, мокрыми от тибетской воды, тогда не хватило сил домыслить... всего-навсего домыслить...

Теперь все иначе. Теперь уже создан водный Аллоплант. Теперь мне легче смотреть людям в глаза. Но эти три года утекли. А вместе с ними утекли и судьбы людей, которым я мог бы помочь, если бы... у меня тогда хватило сил домыслить.

А тогда, когда я стоял напротив гряды пирамид со странным названием «Сердце Воды», я лишь потрогал свои мокрые ноги, потопал ими и, развернувшись, пошел вперед. Привычно болел желудок, привычно выплескивая из меня накопившуюся за всю жизнь негативную энергию. А ноги были ватными... мокрые ноги. Я усилием воли передвигал эти мокрые ноги, не понимая того, что они, эти ноги, как и все мое тело, состоят в основном из воды и что им, ногам, возможно, не хочется уходить отсюда — с того места, где находится Сердце всей Воды, в том числе и моей, в том числе и моих ног... мокрых ног. Ведь мокрые ноги высохнут и станут сухими... от воды, окропившей их в... самом Сердце Воды.

А ноги и в самом деле вскоре высохли. Они несли меня вперед, вперед и вперед — к тому месту, где находилась загадочная пещера Миларепы.

Глава 17. Пещера Миларепы

— Шеф, ноги ватные, да? — спросил меня Селиверстов на перекуре.

— Сухие они... — грустно ответил я, вызвав недоумение у Сергея Анатольевича.

Шестигранный монолит

Мы опять пошли вперед. Вскоре проводник Тату, шедший сзади, окликнул меня.

— Чего? — я повернул голову, остановившись.

— Сэр, вон видите на склоне маленький монастырь?

— Да, вижу.

— Там находится пещера Миларепы.

— Ого!

Мы полезли по склону и через несколько минут добрались до монастыря. Монастырь с виду был неказист и скорее напоминал сарай, чем монастырь.

— А где вход-то в пещеру? — озадачился Селиверстов.

— Внутри монастыря, — пояснил Тату.

— А это что? — я показал рукой на огромный, высотой больше монастыря, каменный монолит, имевший форму ровного шестигранника.

— Это камень, который вытесал и принес сюда сам Миларепа! — Тату гордо поднял голову.

Я подошел ближе к шестигранному монолиту. Сомнений не было, он имел искусственное происхождение. Кто-то когда-то вытесал его из огромной каменной глыбы и перенес сюда, на каменистый склон горы. Кем-то была выстроена подпирающая каменная стенка, чтобы громадный шестигранный монолит не упал на бок.

Высотой этот монолит был метров восемь, ширина была такой же, а толщина — около четырех метров. Внешне монолит напоминал гигантское шестиугольное колесо. Поражало то, что каждый Гол и каждая сторона шестигранника были совершенно одинаковыми. Ориентировочный вес этого «каменного творения» (с учетом плотности гранита, кубический метр которого весит 2,3 — 2,4 тонны) составлял около 300 тонн.

— Скажи, Тату, — задал я вопрос, — как давно этот шестигранный монолит находится на этом месте? Что говорят по этому поводу легенды?

— Этот камень лежит здесь очень и очень давно, — отвечал он, — говорят, выточил его Миларепа. А жил он примерно в 1000 — ном году нашей эры.

— Я бы хотел уточнить, что Миларепа, в соответствии с литературными данными, жил в период с 1040 по 1123 годы, — вставился в разговор обладавший великолепной памятью Рафаэль Юсупов. — Он, Миларепа, как описывается в литературе, обладал экстраординарными психическими способностями и был истинным махасиддхой.

— Кем, кем? — переспросил Селиверстов.

— Махасиддхой.

— Мухасиддой, говоришь?

— Да, махасиддхой.

— А что это такое? — задиристо спросил Селиверстов. — Мухасиддой — что это?!

— Ну... — замешкался Юсупов, — это особое состояние тела и души. Мне трудно объяснить это, но я скажу точно, что ты, Сергей Анатольевич, не являешься махасиддхой.

— Уж не Вы ли, Рафаэль Гаязович, являетесь этим самым, как его... мухасидкой?

— Я тоже нет. А что?

— А то! Не надо бросаться заумными словами, слыша которые себя дураком чувствуешь.

Мухасидка, мухосидка...

— Читать надо больше.

— Это я-то не читаю?! Я даже вон помню, как на древнем языке назывался остров Пасхи.

— Ну и как?

— Та-пи-то-о-те-хе-ну-а.

— А-а-а...

— Я даже знаю, как переводится это слово.

— Ну и как?

— Пуп земли. Понятно?

— М... да...

— А Вы, Рафаэль Гаязович, не знаете, как переводится слово... как его... м... м...

— Ма-ха-сид-дха! Пора бы запомнить!!!

В этот момент из монастыря появился монах и подошел к нам. Мы поздоровались, поговорили о том о сем.

— Что это? — спросил я его, показав на шестигранный монолит.

— Камень, — ответил он.

— Его выточил Миларепа?

— Конечно, — без тени сомнения сказал монах.

— А где он его вытачивал-то?

— Вон там, высоко в горах, где есть крепкие скалы, — монах показал рукой. — А потом Миларепа поднял этот камень глазами и перенес его сюда.

— Как так поднял глазами? — удивился Рафаэль Гаязович.

— Вытянул глаза на зрительных нервах, обхватил ими камень и перенес сюда! Ха! Не надо понимать все буквально! И так ясно, что Миларепа перенес этот камень за счет психической энергии, выходящей из глаз, а может и... за счет энергии пяти элементов, — ехидно выпалил Селиверстов.

— А чем вытачивал такой монолит Миларепа? — спросил я монаха.

— Руками.

— ...???

— Из рук Миларепы выходила энергия, а когда он точил камень, летели искры. Камень он поднимал глазами (взглядом!), переворачивал и опять точил руками. Когда монолит был готов, Миларепа поднял его глазами (взглядом!) высоко в небо и по воздуху перенес сюда.

— Антигравитация, — проговорил Рафаэль Юсупов, опасливо бросив взгляд на Селиверстова.

— А для чего нужен этот шестигранный монолит здесь? — спросил я.

— О-о-о!!! — монах взметнул на меня глаза. — Этого вам никогда не понять!

— Ну, мы постараемся, очень постараемся... — стал настаивать я. — Мы верим во все тибетские легенды.

Монах пристально посмотрел мне в глаза и отчетливо сказал: — Только тот, кто сможет поднять этот камень глазами (взглядом!!!), сможет войти в Царство Мертвых.

Я посмотрел на шестигранный монолит, ощущая никчемную слабость своего взгляда, потом подошел к нему и постарался толкнуть его. Камень даже не шелохнулся.

— М-м-м... да... — выдавил из себя я.

Внутреннее смятение охватило меня. Даже стыдно стало за традиционно приземленный

характер своего мышления. А шестигранный громадный монолит лежал передо мной и... существовал в реалиях, как бы намекая, что жизнь значительно сложнее, чем мы думаем.

— Эх! — вздохнул я.

Я вспомнил тибетцев, которые поклоняются скелетам, и верящих в то, что, если они поклоняются костному каркасу тела, то они обязательно попадут в Царство Мертвых — странный мир сидящих в состоянии Сомати людей, где, наверное, очень весело, потому что человек там, будучи освобожденным от тела, может всласть предаться душевному упоению или душевным утехам. Но туда, в этот странный мир Мертвых, попадают только избранные Богом, те — кому Бог дает особые способности, такие, как, например, способность поднять взглядом этот шестигранный монолит.

— А почему этот камень имеет шесть граней? — спросил я монаха.

— Ну... это Вы не поймете.

— А все-таки?

— Шесть граней этого камня символизируют шесть миров Царства Мертвых, — монах испытующе посмотрел мне в глаза, как бы стараясь уловить, понял я что-нибудь или нет.

— Странно, что в Царстве Мертвых именно шесть миров, а не... четыре, — промолвил я.

Тату перевел мои слова.

Монах удивленно вскинул брови.

— В тибетских текстах много написано о Царстве Мертвых. Но мы, современные монахи, не можем понять всего, что там написано. Учителя покинули нас. Давно, очень давно никто не выходил из Царства Мертвых. Никто. А мы ждем. Мир поглощает нас, тибетцев. Скоро нас не станет. Боюсь, что мы не дождемся того момента, когда из Царства Мертвых выйдет Учитель и научит нас жить. Но мы будем ждать его, очень ждать, — грустно проговорил монах.

Мне тоже стало грустно. Но вместе с грустью пришло какое-то розовое, с оттенками умиления, вдохновение. Мысли мои затрепетали вокруг параллельных миров и, сладко вращаясь, привели меня к выводу о том, что параллельные миры, располагаясь друг в Друге, как матрешки, отличаются лишь геометрией изогнутого пространства и, соответственно, иным ходом времени.

Каким-то непонятным образом я стал ощущать, что, наверное, основой нашего трехмерного мира является треугольник (а в объемном выражении — тетраэдр), основой четырехмерного мира четырехугольник (в объемном выражении — октаэдр) и эк Далее. И почему-то (не знаю, почему), мне стало казаться, что Тот Свет шестимерен и что он является единым для всех миров до шестого измерения, включая и его, и что тогда, когда мы окажемся там, во фрактальном мире Того Света, где нет расстояний и масштабов, мы увидим таких же фрактальных, как и мы, братьев из других миров, которые были отделены от нас при земной жизни невидимой перегородкой пространства. Мне представилось, что Тот Свет не один, и что следующий Тот Свет должен находиться на уровне 10-го измерения, следующий — на уровне 14-го измерения и так далее.

— А почему я считаю, что не может быть двухмерной жизни, то есть жизни на плоскости, или одномерной жизни, то есть жизни в линии, или даже жизни вообще без измерений («нулевой» жизни), то есть жизни в точке? — подумал я тогда. — А может быть, такие формы жизни и в самом деле существуют?

Но я понимал, что об этом мы будем знать только тогда, когда окажемся на Том Свете и увидим все величие мира, вернее, миров, соединенных воедино.

— Наверное, — думал я романтично, будучи во власти интуиции, — что люди Царства Мертвых живут своими душами на Том Свете, наслаждаясь видением божественного мироздания в его многообразии. И, наверное, горделивые и добрые люди шестого измерения чуть-чуть опекают нас, людей третьего измерения, чуть-чуть снисходительно относятся к людям

второго измерения, вынужденным жить на плоскости, и чуть-чуть посмеиваются над людьми первого измерения, живущими в линии, и людьми нулевого измерения, живущими в точке! Но они, люди шестого измерения, знают, что нулевое измерение не есть глухая и беспросветная точка, и что даже из точки можно выбраться за счет чистоты души и кристалльности помыслов, и что когда-нибудь величественный шестимерный Тот Свет выведет человека нулевого измерения в первое измерение, превратив его из человека-точки в человека-линию, открыв дорогу для восхождения по мирам, если, конечно, человек поймет, что главным критерием жизни является Чистота Души.

и путь обратно наверняка существует — путь нисхождения по мирам, вплоть до человека-точки и... даже до полного его исчезновения... — для тех, кто этого не поймет. Кто знает, что такое ад? Может быть, это и есть нисхождение в более низкий мир — неуютный, чужой и примитивный, а рай — восхождение в более высокий мир, мир розовой мечты.

Я стоял рядом с шестигранным монолитом, обуреваемый мыслями, пришедшими из глубин подсознания, и мне почему-то казалось, что обо всем этом я когда-то уже думал. Я напряг свою память, но так ничего и не вспомнил; все смешалось в памяти — и моя личная память и память предков.

После этого момента пройдет два с лишним года, когда я организую научную экспедицию в Египет, где мы будем прорабатывать гипотезу о том, что землю Древнего Египта некогда посещали люди разных параллельных миров, оставив о себе следы в виде пирамид и статуй в натуральную величину. И вот тогда, когда мы логически проведем геометрический анализ характера искривления пространства в параллельных мирах и, что самое любопытное, этим способом проанализируем крест, то обнаружим, что «наш» Тот Свет должен быть на уровне именно шестого измерения. И об этом, дорогой читатель, я тоже когда-нибудь подробно напишу, обязательно напишу в своих будущих книгах. И, наверное, это будет интересно и уведет Вас к тайнам чудесных технологий людей более высоких параллельных миров.

А тогда, на Тибете, я продолжал стоять рядом с шестигранным монолитом. Я поднял глаза на монаха и предложил:

— Давайте сфотографируемся вместе, а?

— Нет, нет! — тут же возразил монах. — Меня нельзя фотографировать, так же как нельзя фотографировать внутри монастыря.

Я обратил внимание на внешность монаха: это был человек средних лет, достаточно неказистый, с большими глазами, в которых грусть и тоска попеременно сменяли друг друга, не оставляя места радости или восторгу.

Я провел рукой по своему затылку и тихо спросил монаха:

— А какую роль играет каждый угол в шестигранном монолите? Может быть, один угол символизирует один мир, другой — другой...?

— Я не знаю. Об этом написано в тибетских текстах, но я ничего не понял, — грустно проговорил монах.

— А не кажется ли Вам, что шесть углов этого камня символизируют шесть возможных апокалипсисов на Земле с поворотом земной оси каждый раз на 6666 км ?! — высказал предположение Селиверстов. — Четыре апокалипсиса Земля уже пережила, осталось два, чтобы завершить фатальный круг апокалипсисов, когда жизнь на поверхности Земли будет начисто стерта и останется только Царство Мертвых.

— Не все обязательно что-либо символизирует, — встрял в разговор Рафаэль Юсупов. — Кстати, слово «шестерка» тоже кое-что символизирует.

— Вы на что намекаете, Рафаэль Гаязович?! — насупил брови Селиверстов. — На то, что...

— Не надо хмуриться, — пошел в атаку Юсупов. — Если Вы, Сергей Анатольевич,

хмуритесь, то, значит, Вы были...

— Кем, «шестеркой»?

— Да, ею.

— А Вы, Рафаэль Гаязович, никогда «шестеркой» не были, что ли? Ни разу, да?

— Ни разу. Я бескомпромиссный человек, что означает «антишестерка».

— Ох-хо-хо! Иногда по жизни и в самом деле приходится «подшестерить», чтобы добиться чего-либо, деньги, например, выбить, — Селиверстов ухмыльнулся. — А знаете, что такое «антишестерка»?

— Что? — насторожился Юсупов.

— Это «шестерка» на поводе у своей гордыни.

— Это я-то «шестерка»?!

— Пойдемте в монастырь! — перебил я спор друзей.

Когда мы вошли в монастырь, я тронул за локоть монаха и спросил его:

— Скажите, а Миларепа — великий йог и поэт — пришел из Царства Мертвых?

Плита Монах пристально посмотрел на меня своими Миларепы грустными глазами и промолчал. Движением руки он пригласил пройти к тому месту, где располагалось что-то наподобие алтаря, где горели свечи и было много статуэток, изображающих божества.

Когда я шел, меня кто-то дернул за локоть. Я обернулся. Это был Равиль.

— Шеф — прошептал он, — я пронес под полый видеокамеру.

Хочу снять втихаря.

Я тоже втихаря кивнул.

— А где же вход в пещеру-то? — озадачился Селиверстов.

— Непонятно, что ли, что вход загораживается алтарем со свечами и божествами, чтобы люди не могли войти туда и попасть под влияние психоэнергетического барьера пещеры, которая, если следовать легенде, ведет в Царство Мертвых, — с критическими нотками в голосе ответил Рафаэль Юсупов.

— Сам уже догадался, — бросил Селиверстов. — Без подсказок бы обошелся.

— А тогда что спрашивать-то?

— Что, и спросить нельзя?

— В священном месте лучше молчать, — поучающе сказал Рафаэль Юсупов. — Тем более, в том месте, которое связано с Мертвыми. Ведь Мертвые, извините, Сергей Анатольевич, молчат.

— А я, кстати, живой. А Вы, Рафаэль Гаязович, если наденете белую маску, то похожи на...

— Не надо дешевых намеков, — рассердился Рафаэль Юсупов. — Надеть маску не означает обязательно...

— Шеф, — послышался голос Равиля, обследовавшего алтарь, — за алтарем видна стенка, выложенная из камней, которая загораживает вход в пещеру.

Селиверстов разглядел эту стенку и бросил:

— Не только алтарь загораживает вход! Вот так вот, Рафаэль Гаязович...

Я вспомнил рассказ непальца Туктена о том, что пещера Миларепы сделана из огромных каменных плит, которые не могут сдвинуть и тысячи людей, и спросил монаха:

— А где каменные плиты-то?

— Вот же, — монах показал на плохо освещенную часть стены над алтарем.

В полутьме я и в самом деле увидел огромную плиту, уложенную горизонтально на высоте 2,5 метров.

— А может быть, Вы все-таки разрешите сфотографировать плиту? — обратился я к монаху.

— Нет, нет, нет, — категорически запротестовал монах. — Нельзя!

— Ну почему?

— Нельзя, и все!

— Шеф, я снял на видеокамеру из-под полы. Надеюсь, что получится, — зашептал мне в ухо Равиль.

Ладно.

Монах рассказал нам, что эта каменная плита имеет квадратную форму, размер ее составляет 4x4 метра, а толщина — 40 см. Она уложена на две обточенные гранитные скалы, в верхней части которых сделаны прямоугольные выемки для укладки плиты. Ширина прохода между скалами равна 2, 5 метрам. Его, монаха, Учитель около 20 лет назад построил каменную стенку, перегораживающую проход, чтобы люди не заходили в пещеру и не погибали. Он же установил перед перегораживающей стенкой алтарь.

Я подошел поближе к алтарю и по краям от него и в самом деле увидел две обточенные скалы с выемками для укладки плиты. А плита, явно отличаясь структурой и цветом гранита от обточенных скал, мертво лежала на них, будучи идеально подогнутой.

Я прикинул вес плиты. Она «тянула» тонн на десять.

— А правда, что Миларепа вытачивал эту плиту в другом месте? — саркастичеки поинтересовался я, обращаясь к монаху.

— Да, он вытачивал ее в другом месте, высоко в горах, — ответил монах.

— Вытачивал, конечно, «руками» и переносил плиту сюда «глазами»? — усмехнулся я.

— Да, да, — закивал монах. — Хочу только добавить, что великий йог Миларепа выточил много таких плит и перенес их сюда, чтобы обложить ими вход в пещеру, которую он тоже сделал сам.

— Чем он «делал» пещеру? Тоже «руками»?

— Конечно. А чем же еще? — удивился моей непрозорливости монах.

— М-м... да. А каких-либо аппаратов у него не было?

— Нет, не было. Только руки.

— Он что, целый тоннель руками в скалистом грунте сделал, что ли? — усомнился Рафаэль Юсупов.

— Конечно, — невозмутимо ответил монах.

— Да... — прокряхтел Юсупов, — в этой инкарнации мы вряд ли сможем понять данный феномен «работы руками». Возможно, в следующей инкарнации...

— Конечно же, Вы, Рафаэль Гаязович, не сможете этого понять, — откуда-то сбоку встрял Селиверстов.

— С чего это? — насторожился Рафаэль Юсупов.

— А с того, что Вы, Рафаэль Гаязович, не очень удачный инкарнат! — авторитетно произнес Селиверстов.

— Кто-кто?!

— Инкарнат.

— Это я-то? Да еще и неудачный... ?

— Да, и неудачный!

Сам ты инкарнат, — обиделся Юсупов. — Ты что, Сергей Анатольевич, хочешь сказать, что ты более удачный, что ли... этот самый... инкарнат?

— Да ладно, — пошел на примирение Селиверстов, — все мы в этом мире не очень удачные... м... м... инкарнаты — туннели руками делать не можем, плиты «глазами» переносить не можем...

Что тут больно удачного-то? Мы вон только бульжник можем с земли поднять и использовать как оружие пролетариата. Надеюсь, в следующей инкарнации больше повезет.

— А все-таки по твоим глазам видно, что ты себя, Сергей Анатольевич, считаешь более удачным... — сказал Юсупов, не успев остыть.

Мысли о силах параллельного мира

Я отошел в другой конец монастыря и задумался. Мне стало казаться, что, возможно, йог Миларепа «работал руками» по принципу, схожему с тем, который используют филиппинские хилеры. Невесть откуда взявшаяся мысль упрямо твердила, что филиппинские хилеры, чудесным образом входя руками в тело человека, работают с помощью сил параллельного нам, четырехмерного мира и что, возможно, йог Миларепа тоже использовал силы параллельного мира для выполнения «камнеобработки-вающих работ».

Помотав головой и нелепо погладив свой затылок, я стал анализировать эту мысль. Я искренне верил, что параллельные миры и в самом деле существуют, оставаясь невидимыми для нас, и что понятие «пространство» означает отнюдь не только, например, расстояние от забора до сарая, а является основой мироздания, создавая за счет разного характера искривления его — пространства — разные вещества и разные энергии. Да и все, что мы видим вокруг себя, есть искривленное пространство. Я вполне ясно осознавал, что многообразие вариантов искривления пространства может быть бесконечным, но в то же время я понимал, что Создатель не дал возможности Пространству искривляться хаотически, а сгруппировал Пространство по характеру искривления: искривленное пространство по типу треугольника (в объемном выражении — тетраэдр создало трехмерный мир (в котором мы живем!), искривленное пространство по типу четырехугольника (в объемном выражении — октаэдр) создало четырехмерный мир и так далее.

Мы, трехмерные люди, видим вокруг себя только трехмерную кошку, трехмерную жену, трехмерного завистника и не догадываемся, что они — кошка, жена и завистник — могут быть еще и четырехмерными, но... там, в призрачном и невидимом четырехмерном мире, где все и вся четырехмерное.

Пространство — удивительная субстанция, — оно, пространство, многолико. Стоит только изменить характер искривления пространства с треугольника на четырехугольник, как вдруг все вокруг изменится — появится новый мир — и перед Вами, дорогой читатель, замелькают новые лица, но они будут другими — четырехмерными, среди которых, Вы, возможно, начнете искать свою новую любовь... четырехмерную любовь.

Я думаю, есть смысл напомнить Вам, дорогой читатель, то, о чем я писал несколько ранее, а именно то, что трехмерное вещество есть, во-видимому, треугольно искривленное пространство, где остановлено (или почти остановлено!) время, и все разнообразие веществ определяются разнообразием углов треугольника, а трехмерная энергия есть треугольно искривленное пространство, в котором течет время, и все вариации видов энергий определяются, опять-таки, разнообразием углов треугольника.

В этой связи, Вы, дорогой читатель, конечно же понимаете, что точно такую же логику можно провести и по отношению к четырехугольно-искривленному пространству, пятиугольно-искривленному пространству и так далее.

Вполне понятно, что нам трудно представить тот факт, что вещество параллельного мира невидимо и мы как бы ходим сквозь него. Но я уверяю Вас, дорогой читатель, что так оно и есть, поскольку вещество, по сути дела, является пустым; если образно представить, что размер ядра атома равен величине горошины, то электрон будет летать на расстоянии 5 км. А на таком расстоянии горошину, извините, не разглядеть. А твердость камня или алмаза вызывается не

плотностью его вещества, а характером искривления загадочной субстанции — Пространства.

Кроме того, мне кажется, что Создатель предусмотрел еще и возможность взаимопереходов из одного параллельного мира в другой. В принципе, все это должно быть очень просто — надо всего лишь, например, перевести треугольное искривление пространства в четырехугольное, или наоборот. Все это и в самом деле выглядит очень просто, но... в мире должна существовать сила, способная сделать это! Какая же это сила?

Я конечно же, не могу этого знать точно, потому что я не Бог, а только маленький... ростом всего лишь 180 см ... трехмерный человек, но я имею право догадываться и строить предположения. А предположение мое таково — сила, которая способна менять характер искривления пространства или, говоря другими словами, переводить нас из одного мира в другой, — это Сила Мысли. Мысль, я думаю, находится вне Пространства, и я убежден, что она состоит из субстанции, не менее значимой, чем Пространство. Из какой же субстанции состоит Мысль?

Из какой же субстанции состоит Мысль?

опять-таки не могу ничего утверждать и не могу ничего доказать, поскольку я всего лишь трехмерный человек... ростом 180 см, который, к тому же, ведет далеко не праведный образ жизни. Но мне кажется, что Мысль состоит из энергии Времени. Ведь только Время может повлиять на Пространство, потому что только Время определяет — быть, например, трехмерно-искривленному пространству веществом (если Время остановлено) или энергией (если оно течет). И мне все-таки кажется, что Мысль есть не просто Время, сопряженное с Пространством, а есть Свободное Время, свободная энергия Времени, живущая вне пространства по своим законам в прекрасном Мире Мыслей — Мире Времени. Не зря ведь глубинный смысл очень умных восточных религий сводится к тому, что Бог есть прежде всего — Время и что главной мандалой на свете является Калачакра — мандала Времени, по аналогии с которой и построен Город Богов с сияющим над ним священным Кайласом.

Я опять нелепо погладил свой затылок и с неприятным чувством вновь обнаружил, что в верхней части моего затылка находится лысина. Мне представилось, что Сила Мысли или... Сила Свободного Времени, способная переводить вещества и энергии из одного мира в другой, действует напрямую только на Богом выделенные пять первичных элементов (огонь, воду, ветер, землю и человека), в то время как на остальные «создания» природы этот закон не распространяется.

Я опять погладил свой злосчастный затылок с гладкой лысиной и понял, что если Сила Мысли переведет в параллельный мир любое другое творение природы, будь то кошка, дерево или... завистник, то это творение исчезнет в безбрежных далях другого мира, рассыпавшись и не собравшись обратно уже... в другую кошку, другое дерево, или....

И только Человек с Чистой Душой (но не завистник!)... или Вода... или Огонь., или Ветер.. или Земля смогут не рассыпаться в чужом параллельном мире и не поглотиться его безбрежностью, а грациозно собраться и предстать перед чужими параллельными людьми... или чужой параллельной Водой... или чужим параллельным Огнем... или чужим параллельным Ветром... или чужой параллельной Землей в горделивом новом параллельном обличий, своим явлением утверждая Силу Мысли, в которой (эх, как это важно!) главным постулатом является Чистота Помыслов.

— Шеф! Рафаэль Гаязович меня совсем доконал со своей обидой на слово «инкарнат»! —

послышался голос Селиверстова.

— Да будет вам! — ответил я. — Еще минутку подумаю. Сейчас я уже мог представить, что йог Миларепа вытаскивал скал громадные плиты и даже делал тоннель «руками», переводя вещество, окружающее мыслеобраз плиты или грунт внутри предполагаемого тоннеля в четвертое измерение, где оно бесследно исчезало, оставляя в трехмерном мире плиту или тоннель.

Он, Миларепа, знал, что Бог его наделил очень высокой степенью Силы Мысли, с помощью которой он мог перевести трехмерное вещество в четырехмерное. Он понимал, что Мысль есть Энергия Свободного Времени, поэтому он с помощью Мысли мог воздействовать на одну из двух главных составляющих мироздания — Время (другая составляющая — это Пространство!). Он пользовался Энергией Времени... за счет своей мысли. Как это могло происходить?

Вожденный щелчок

В этот момент мысли мои потекли по обобщающему плану, стараясь охватить тайны мироздания. Я даже присел на какую-то скамеечку в монастыре Миларепы, чтобы лучше думалось, и опять-таки погладил свой затылок, поморщившись от досадного ощущения наличия лысины.

Мне представилось, что вещество есть искривленное и замкнутое пространство, внутри которого заперта энергия Времени. В трехмерном мире энергия Времени заперта внутри тетраэдра (объемного выражения треугольника), в четырехмерном мире — внутри октаэдра (объемного выражения четырехугольника) и так далее. Но энергия Времени, хоть и заперта, не теряет своей силы. Эта сила всего лишь затаена и проявляется тут же, когда какие-либо обстоятельства выпускают ее наружу. Не зря, например, банальный кусок дерева может пылать ярким пламенем или вязкая черная жидкость, называемая нефтью, заключать в себе столько энергии, что почти все достижения современного человечества основаны на ее использовании. И мне думается что во всех видах энергий, будь то тепловая энергия или какая-либо еще другая, главенствующим компонентом является скрытая и таинственная энергия Времени, выпущенная наружу.

Вполне резонно в этой связи задаться вопросом — а что будет, если за счет Силы Свободного Времени (или Силы Мысли) увеличить энергетический потенциал Времени, запертого внутри, например, трехмерно-искривленного пространства? Что, при этом искривленное пространство развалится, сотрясаясь от избытка клопочущей внутри энергии Времени?

Не знаю почему, но мне почему-то кажется, что трехмерно-искривленное пространство в виде тетраэдра не развалится, а автоматически среагирует, смачным щелчком переведя тетраэдрический характер искривления пространства в октаэдрический, то есть в четырехмерный. А следствием этого будет... перевод трехмерного (или тетраэдрического) вещества в четырехмерное (или октаэдрическое) вещество, то есть в вещество параллельного нам четырехмерного мира, где все другое — другие лягушки, другие деревья, другие, извините, женщины и многое-многое другое, все воистину другое — четырехмерное другое. И надо сказать, что это Другое является более мощным не просто из-за того, что Оно крупнее (более крупная лягушка, более крупное дерево или более крупная, извините, женщина), но и из-за того, что в каждой частице четырехмерного вещества заключено больше энергии Времени. Переход в другой, более высокий параллельный мир есть, конечно же, чудо, но это чудо достижимо,

поскольку Бог создал силу, способную сделать это, которая называется Энергией Свободного Времени или Силой Мысли. О, как важно владеть своими Мыслями и, самое главное, очистить их от омерзительного налета вездесущих позывов жадного, завистливого или стервозного характера, чтобы вдруг ощутить свою личную Силу Мысли, когда ты способен наполнить своей Мыслью (или энергией Свободного Времени) банальное трехмерное вещество и услышать вожделенный щелчок перевода его в четырехмерное вещество, когда перед тобой — бывшим трехмерным человеком — откроется новый четырехмерный мир, где, возможно, ты и найдешь свою новую... четырехмерную любовь!

Я, сидя на скамеечке в монастыре Миларепы, снова погладил свой... трехмерный затылок и снова с досадой обнаружил наличие... трехмерной, а может быть... и двумерной лысины. Но мои мысли уже текли, хорошо текли. Сейчас они переключились к анализу возможности перевода трехмерной энергии в четырехмерную.

Я понимал, что трехмерная энергия есть тетраэдрически искривленное пространство, но в котором, в отличие от вещества, Время течет, а не заперто. Понимая это, я, тем не менее, не мог представить, как это Время может течь в тетраэдрически искривленном пространстве. Я думал, думал, поглаживая свой злополучный затылок с лысиной, но так и не мог этого образно представить. Мне даже показалось, что от бесконечных поглаживаний на моей лысине образовалась мозоль. И тут я осознал, что, будучи трехмерным человеком, я не смогу представить этого никогда; для этого надо было стать как минимум четырехмерным человеком, а может быть, и... пятимерным.

Я снова поморщился, когда ощутил, что моя лысина, как «признак ума», не может оправдать своего предназначения. Однако мне совершенно четко представилось, что человек с высокой степенью Силы Мысли способен «накачать» своей мыслью, или Энергией Свободного Времени, трехмерное Время (или Время, течение которого ограничено трехмерным искривлением пространства). Мне показалось, что как только эта «накачка» достигает определенного уровня, то происходит опять-таки щелчок, преобразующий трехмерные «рамки» течения Времени в четырехмерные; затем, уже ставшая более мощной после «накачки», энергия Времени течет уже в новом четырехмерном «коридоре», исчезая из трехмерного мира навсегда и наполняя собой новый четырехмерный мир.

Я подумал о том, что мощные (Силой Мысли!) люди более высоких параллельных миров могли бы, если бы захотели, «обесточить» наш трехмерный мир, переведя все наши родные трехмерные энергии в свои четырех-, или пяти-, или шестимерный миры. Но они этого никогда не сделают, поскольку понимают, что Силу Мысли, способную переводить энергии и вещества из одного мира в другой, им дал Бог, создавший все эти миры и наделивший людей разных миров способностью мыслить, используя Энергию Свободного Времени. Да и чистота их четырехмерных или пятимерных помыслов, наверное, выше.

Лысина моя зачесалась. С противными шкрябающими звуками я почесал ее, ощущая ее трехмерную (или двумерную?!) гладкую поверхность. Мне почему-то стало жаль невидимых для нас двумерных людей, вынужденных жить на плоскости и которых нельзя было даже пожалеть, поскольку я не имел той Силы Мысли, способной перевести меня в этот неприглядный мир, похожий на ровную гладкую лысину. А еще жалче мне стало одномерных людей, вынужденных жить на линии, с которой им так трудно сойти; или... людей нулевого измерения, живущих в точке, из которой почти невозможно выбраться. Более того, мне не хотелось попадать туда, даже из интереса или в порыве жалости.

Мне померещилось, что одномерный мир — скучный и угрюмый мир жизни на линии — создан как мир наказания для тех, кто поменял чистоту и силу мысли на свержсытый желудок или клокочущую ненависть, то есть этот мир был создан как ад. А попадать туда, естественно,

не хотелось, очень не хотелось.

— Э-э-эх! — послышался натужный выдох Селиверстова.

Он пытался приподнять плиту, уложенную некогда йогом Миларепой.

— Не получится! Силенок, извините, маловато! — прокомментировал Рафаэль Юсупов.

— А у Вас, Рафаэль Гаязович, больше, что ли?! — принял в штыки слова Юсупова Селиверстов. — Я, в отличие от Вас, Рафаэль Гаязович, хотя бы попытался!

Материализация и дематериализация

В этот момент у меня мелькнула мысль о том, что Миларепа мог пользоваться не только механизмом перевода трехмерного вещества камня в четырехмерное вещество, он мог, вполне возможно, переводить трехмерное вещество в трехмерную энергию, запуская процесс течения Времени в веществе. Говоря иными словами, Миларепа мог вызвать процесс дематериализации вещества, то есть процесс перехода вещества в энергию в пределах одного измерения, а также, видимо, обратный процесс — материализацию, когда надо было остановить течение Времени в энергии.

— Насколько же чудодейственно сильна Мысль — Энергия Свободного Времени! — с восторгом подумал я. — Если владеть Силой своей Мысли, можно делать чудеса: переходить в другие миры, дематериализовывать или материализовывать что-либо и делать многое-многое другое.

Сила Мысли может быть опасна

Я заерзал на скамеечке, на которой сидел в монастыре Миларепы, и вдруг с ужасом подумал о том, что человек, владеющий Силой Мысли, может быть опасен, чрезвычайно опасен. Ведь с помощью этой невероятной силы можно, например, дематериализовать противника, превратив его в клубок бурлящих энергий, или загнать его в параллельный мир, например, в мир нулевого измерения, где жизнь проходит в точке и откуда он, противник, никогда не вернется.

— Человек, владеющий Силой своей Мысли, становится чуть ли не Богом! Он может почти все! — тихо прошептал я самому себе. — И как важно, как важно в этом случае оставаться добрым и иметь только чистые помыслы! В противном случае человек, владеющий Силой Мысли, из Полубога превращается в Демона.

Мои мысли перекинули меня в современный наш мир, от которого я был сейчас очень и очень далеко. Перед моим воображением всплыли лица современных людей. И они, эти лица, были отнюдь не всегда одухотворенными и добрыми. Только выражения лиц детей были добрыми и милыми. Но, как известно, не дети «правят балом» в нашем обществе, а общество учит детей жить «по-земному». Мы заставляем детей верить не только в хорошее, но и в плохое, объясняя им, что люди по своей натуре злые и что себя нельзя давать в обиду, а надо уметь защитить себя. Мы заставляем детей думать прежде всего о себе, а не о людях, сами не понимая того, что под личиной этого вколачиваем в детей эгоизм, уводя от божественного постулата — любить прежде всего людей. А американские боевики, где тупо пропагандируется «добрый эгоист», помогают нам в этом, утверждая у детей взгляд на человеческое общество как на сборище конкурирующих, корыстных и мстительных людей, когда «святая месть» является

самым «добрым дядней». Мы, воспитывая детей, уподобляем их самим себе, хотя и мы иногда, уткнувшись ночью в подушку, так хотим верить в чудеса, в те самые чудеса, в которые так искренне верят дети. От этих ночных мыслей, когда сознание отдыхает и на первый план выходит вечное подсознание, нам становится так хорошо, что у нас даже вытекает слюна, «окропляя» подушку. Подсознание нас вводит в Мир Мечты, в тот мир, в котором все люди добрые и в котором все думают прежде всего о людях, а не о самом себе, и где не надо воспитывать детей, уподобляя их самим себе, потому что этот мир, Мир Мечты, создан таким, в котором себя уверенно чувствуют люди с детскими чистыми душами.

Я привстал со скамейки и мысленно воскликнул:

— А ведь такой мир есть — Мир Мечты! Он существует! Но существует... в другом измерении, где все другое, все-все... где и люди другие. Но... и мы можем стать такими, если... начнем любить людей.

— Шеф, а Рафаэль Гаязович ерзает, — раздался голос Селиверстова.

— А чо он ерзает-то? — спросил я.

— Да так, ерзает, да и все.

— А-а-а...

Снова погрузившись в мысли, я всем своим нутром ощутил, что нашему миру ни в коем случае нельзя открывать секреты овладения Силой Мысли — если это случится, произойдет жуткая катастрофа, когда люди начнут соперничать в достижении безграничной власти, прикрываясь обликом «мстительного добряка» и, в итоге, погубят наш мир; Земля, скорее всего, снова повернется на 6666 км и «сотрет» со своего лица это заблудшее человечество, человечество, так и не осознавшее божественного постулата — «надо прежде всего любить людей!». И, кто знает, если так будет продолжаться, то Бог с помощью своей невероятной Силы Мысли возьмет да и переведет наше трехмерное человечество в двухмерный мир, в котором мы начнем жить, копошась как букашки на ровном листе бумаги, и будем представлять весь мир как плоскость, уложенную на спины трех китов, в глубине души ощущая, что каждый «кит» олицетворяет мир какого-либо измерения и туповато двухмерно скорбя по утерянному трехмерному миру, в котором, оказывается, было лучше, чем здесь... на плоскости.

Спасительные заклинания

Но Бог, на то он и Бог, чтобы предусмотреть в своем созидании «защиту» трехмерного человечества от соблазнительного овладения чудодейственной Силой Мысли. И мне кажется, что в основе этой «защиты» лежат тайные заклинания (или мантры). Только тот, кто знает заклинания, может овладеть Силой Мысли. Да к тому же известно, что заклинаний существует множество, огромное множество, каждое из которых рассчитано на конкретный аспект воздействия Силы Мысли. Попробуйте все познать! А их, заклинания, Бог дает людям (если дает!) по одному...

Я вспомнил пещеру Харати и служащих ей, пещере, «священника» и «старшего человека», которые знали заклинание для входа в священную Сомати-пещеру, которую, как они говорили, оберегает святой Харати. Я также вспомнил то, что «священник» рассказал своей жене секрет этого заклинания, после чего мгновенно умер: Харати не простил его. А еще мне вспомнилась фраза, произнесенная «старшим человеком» — «Харати видит все».

— Да, — подумал я, — Царство Мертвых и Шамбала созданы во многом для того, чтобы охранять священные секреты заклинаний, чтобы не допустить овладения далеко еще не добрыми

трехмерными людьми нашей планеты чудодейственной Силой Мысли. Они — Мертвые и люди Шамбалы — воистину видят, наверное, все, читая мысли каждого из нас и анализируя их, прежде всего в аспекте сохранения секрета заклинаний. Под строжайшим контролем Мертвых и людей Шамбалы находятся Великие Заклинания!

И это, господа, оправдано, поскольку злые люди, овладев Силой Мысли, превратятся в Демонов! А Демоны, пользуясь божественной Силой Мысли, разрушат мир. Защитой от появления Демонов можно назвать покров тайны над заклинаниями.

В принципе, я знал, что отдельные люди имеют счастье знать некоторые заклинаниями, которые им поведал некий Сверхчеловек, «выходящий с ними на связь» по телепатическому каналу. Гималайские йоги рассказали мне это и даже кое-что показали.

Когда они мне это рассказывали (в третьей гималайской экспедиции), то в глазах их можно было прочесть неприкрытый восторг тем, что стоит только ему, человеку, прошептать заклинание и подумать о том, чего он страстно хочет, то оно чудесным образом свершается. Однако йоги признавались мне, что те заклинания, которые передает им Сверхчеловек, касаются не очень принципиальных вещей — оберегаться от холода, быть под водой Долгое время, убить взглядом курицу и оживить ее и так далее. Но, говорили мне гималайские йоги, на свете существуют такие заклинания, такие... с помощью которых можно сделать такое... такое... Однако секрет таких заклинаний глубоко сокрыт, очень глубоко, потому что... Демоны...

В моей голове всплыл образ Саи Бабы — человека, умеющего материализовывать пепел, рис и еще что-то, а также дематериализовывать это. Я вспомнил, как он мне в руку материализовал пе-лел-випути, как бы выдув его из своей ладони. А его заместитель по науке, господин Мурти, рассказал мне, что Саи Баба знает секрет какого-то заклинания, вроде бы заклинания в виде ряда чисел. И секрет этот он никому не рассказывает, поскольку... нельзя.

Я заерзал на скамеечке, на которой сидел в монастыре Миларепа. Я посмотрел на плиту, которую «выточил руками» и «перенес глазами» йог Миларепа и которую безуспешно пытался поднять Селиверстов, и представил всю силу заклинаний, знание которых дает людям только Бог, прежде всего оценивая степень **Добро в душе человека**.

— Ну что, Рафаэль Юсупов перестал ерзать? — громко спросил я Селиверстова.

— Да ерзает еще, но слабо, — ответил он.

— А чо он ерзает-то?

— Да ерзается ему что-то.

— От ерзающего слышу! — послышался голос Рафаэля Юсупова.

Сверхчеловек — это Мертвый

Я еще раз посмотрел на плиту, «выточенную» Миларепой, и постарался понять — кем же он был, этот йог Миларепа? Сверхчеловеком? Или...?

Подсознание подсказывало мне, что Миларепа был йогом, мощным, очень мощным йогом, но он не был Сверхчеловеком. Он знал много очень важных заклинаний, больше, чем другие йоги, но он... не был Сверхчеловеком, потому что Сверхчеловек знает все заклинания, относящиеся к земной жизни.

Кто же такой Сверхчеловек? Я, конечно же, не имел и не имею права этого знать. Но мне кажется, что Сверхчеловек — это Мертвый, живущий в Царстве Мертвых. Еще раз повторю — Мертвый.

— Шеф, он изъерзался совсем! — опять перебил мой голос Селиверстова.

— Кто?

— Да Рафаэль Гаязович. И Равиль что-то ерзать начал. Стою, короче говоря, среди двух ерзающих. Их ерзающие тела, понимаешь, половой акт напоминают. Противно, понимаешь, в таком окружении находиться.

— И с кем это ты, Сергей Анатольевич, половой акт представляешь? Со мной, что ли? — хрипло спросил Юсупов.

— Вы не аппетитны, — кинул Селиверстов.

— На себя бы... — у Юсупова перехватило дыхание.

— У меня есть преимущество перед Вами, Рафаэль Гаязович, — Селиверстов гордо вздернул подбородок, — молодость!

Дематериализация или перенос в другое измерение?

Еще раз посмотрев на громадную каменную плиту и вполне осознанно понимая, что для ее создания и перемещения Миларепа использовал Силу Мысли (или Силу Свободного Времени), я задумался над вопросом — какой же метод «работы» с использованием Силы Мысли применял Миларепа — дематериализацию с последующей материализацией или перенос каменной плиты в другое пространственное измерение?

Я опять грубо почесал свою злополучную лысину. Мне даже показалось, что там что-то завелось. Я продолжал думать, думать и вдруг понял, что на поставленный вопрос я не смогу ответить. Я способен только строить догадки. А догадки эти сводились к тому, что все же, наверное, Миларепа использовал Силу Мысли, переводя трехмерное вещество камня в четырехмерный мир, а не вызывал дематериализацию камня в пределах трехмерного мира (то есть, не трансформировал камень в энергию). Если бы Миларепа использовал эффект дематериализации, то этот процесс привел бы к выделению большого количества энергии, по типу взрыва, что, наверняка, нашло бы свое отражение в легендах.

Стараясь представить то, как «работал» Миларепа, я, в конце концов, пришел к следующему выводу, что он, йог Миларепа, «нарисовав» в гранитной скале объемный мыслеобраз «вырезаемой» плиты, всего-навсего переводил прилежащие к мыслеобразу слои камня в четвертое измерение; в результате чего трехмерное вещество скалы вокруг мыслеобраза плиты исчезало в безбрежных далях четвертого измерения, а каменная плита, так сказать, «вываливалась» из скалы в «готовеньком виде». При этом, Миларепа, видимо, водил руками, произнося заклинания, что нашло отражение в сказаниях о том, что он «вытачивал плиту руками».

Антигравитация

А как же Миларепа переносил эту плиту в нужное место «глазами»? Если это было так, то, видимо, имел место антигравитационный эффект Силы Мысли, исходящий в этом случае из глаз Миларепы. Что же такое гравитация и антигравитация? Как можно достигнуть антигравитации с помощью Силы Мысли?

Отвлекаясь, скажу Вам, дорогой читатель, что несколько выше, когда в этой главе я начал

рассуждать о Силе Мысли как об Энергии Свободного Времени, я отмечал, что, по моему мнению, вещество есть искривленное пространство, внутри которого «заперта» энергия Времени. Под словом «заперта», если Вы помните, дорогой читатель, я понимаю остановку хода Времени в веществе. Однако... в скобочках я вписывал фразу «или почти остановлено Время». И вот это «почти», которое довольно долго фигурировало в моих рассуждениях, при анализе эффекта антигравитации стало играть главенствующую роль. Дело в том, что это «почти» и есть, на мой взгляд, гравитация.

Я опять-таки не могу ничего утверждать, но мне кажется, что вещество, то есть искривленное пространство, в котором полностью (еще раз повторяю — полностью!) остановлено Время, не имеет... веса. А это означает, что любая тысячетонная скала может стать легче, чем пух... если в ее веществе полностью остановить Время... без этого «почти».

Но в реалиях все же существует это «почти». Что такое «почти»? «Почти» — это есть небольшой, очень медленный ход Времени в веществе. А ход Времени, как мы уже говорили, есть энергия, такая, как, например, электричество или... гравитация.

Гравитация, мне кажется, есть энергия, определяемая медленным ходом Времени в веществе. Она — энергия гравитации — конечно же слабее, чем, например, энергия ядерного распада вещества, но она присутствует везде, где есть вещество. А вещества в мире много, очень много!

С помощью Силы Мысли, или Энергии Свободного Времени, можно, видимо, остановить ход Времени в веществе, за счет чего добиться антигравитационного эффекта, то есть сделать вещество легким, как пух. Энергия Свободного Времени — это энергия, способная, как я думаю, влиять на Время в разных его состояниях. А через это можно добиться появления чудес, о которых мы и не помышляем. Но для этого надо знать заклинания, которые... свято охраняются Царством Мертвых.

Йог Миларепа, очевидно, знал некоторые заклинания и применял их для того, чтобы пользоваться Силой Мысли.

Нельзя исключить того, что он и в самом деле мог переносить тяжести «глазами» (взглядом!), когда Сила Мысли вызывала не только остановку Времени в веществе камня и делала его легким как пух, но и обладала телекинетическими свойствами. А происходило это, наверное, так: Ми-ларепа поднимал в воздух «выточенную руками» громадную каменную плиту взглядом, и взглядом же переносил ее по воздуху на то расстояние, насколько хватало взгляда. А потом еще и еще...

А еще, дорогой читатель, я хотел бы повториться, сказав, что в городе Пензе живет человек, способный, как пушинку, поднимать чугунные плиты и удерживать их стоя, на своей груди. Видимо, он тоже умеет пользоваться Силой Мысли и вызывать антигравитационный эффект. Возможно, он даже и не знает, что умеет останавливать Время в веществе за счет своей Энергии Свободного Времени (или Силы Мысли).

Сам же тоннель (пещеру), которую йог Миларепа выкладывал каменными плитами, он делал, вполне возможно, следующим образом. Он «нарисовал» мыслеобраз тоннеля и все вещество (грунт), которое приходилось на внутреннюю часть мыслеобраза тоннеля, перевел Силой Мысли в четвертое измерение, после чего этот грунт исчез в загадочном параллельном мире, а в трехмерном мире остался тоннель.

Я, не обращая внимания на ерзанья ребят, продолжал сидеть на скамейке в монастыре Миларепы и думать. Я понимал, что только при виде каменной плиты, уложенной Миларепой, мысли будут будоражить меня. За этим я и пришел сюда.

Далее мои мысли перекинулись на попытку понять феномен филиппинских хилеров. Мне стало казаться, что они тоже владеют Силой Мысли и знают заклинания, с помощью которых им удается делать примерно то, что Делал йог Миларепа. А именно, филиппинский хилер в процессе медитации прежде всего «рисует» мыслеобраз своей руки, той руки, которая должна погрузиться в тело человека. Затем он мысленно «рисует» пространство вокруг Руки, в котором он, хилер, будет «работать». Ширину этого пространства знает только хилер. Он знает также то, что это мысленное пространство должно передвигаться вместе с рукой хилера.

В этом мысленном пространстве и разыгрываются главные события. Хилер концентрирует Силу своей Мысли именно на этом пространстве вокруг своей руки. Может быть хилер понимает, что его мысль есть Энергия Свободного Времени, может быть нет, но он, как я думаю, наполняет трехмерное вещество этого мысленного пространства Энергией Времени. Хилер, все более концентрируясь и про себя произнося заклинания, наполняет и наполняет этой Энергией вещество вокруг руки, пока в его возбужденном подсознании не раздастся вожделенный «щелчок» перевода тетраэдрически-искривленной материи в октаэдрически-искривленную, то есть «щелчок» перехода трехмерной материи в четырехмерную... в этом мысленно очерченном пространстве вокруг руки.

— О! — в глубине души, наверное, восклицает хилер.

После этого он смело вводит свою руку в тело человека и она, рука, свободно входит в тело. Внутреннее удовлетворение наполняет хилера. Он понимает, что совершил чудо и это чудо он совершил за счет своей собственной Силы Мысли. Хилер, погрузив руку в тело человека, поднимает глаза к небу и мысленно говорит:

— Спасибо тебе, Боженька! Спасибо, что дал мне такую силу — Силу Мысли! Спасибо, что в моей голове неведь откуда всплыло это бушующее страстью заклинание и появился призыв лечить людей, вводя в их тело свою руку, чтобы «нащупать болезнь» и извлечь ее из тела человека.

При этом хилер понимает, что заклинание передано только ему, лично ему, и что он не имеет права раскрыть секрета заклинания никому, поскольку так велит ему Хозяин, передавший секретное заклинание, и что если он скажет кому-либо это заклинание, то он немедленно умрет. Ему, хилеру, трудно осознать то, кем же является этот его Хозяин, но он ежеминутно чувствует, что Хозяин всегда незримо присутствует в нем самом — маленьком филиппинском человеке с неказистой фигурой, который волей Хозяина стал хилером. И только иногда в глубине его души, как вспышка света, появляется мысль о том, что он, хилер, является «выставочным экземпляром», демонстрирующим Силу Мысли, которая так и не может быть передана людям из-за злых, завистливых, жадных, стервозных и тоскующих людей, которые не позволяют другим людям полностью осознать смысл красивого, страстного и будоражащего символа — Чистая Душа. И ему, хилеру, от этого становится грустно, хотя в глубине души он, наверное, и горд тем, что является божественным «выставочным экземпляром».

Я сомневаюсь в том, что хилер знает что либо о четырехмерной материи, которую он создает своей Силой Мысли в очерченном пространстве вокруг своей руки, но он знает, что именно это пространство дает свободу его руке «лазить где ни попадя». Он, хилер, наверное, удивляется своим способностям, а потом, выйдя из состояния меди-таци (или транса), окидывает взглядом унылые филиппинские хижинки и еще больше удивляется тому, почему же Бог не дает всем остальным людям, бездарно прозябающим в этих хижинах, способности пользоваться заложенной в них же самих Силой Мысли, с помощью которой они смогли бы

творить чудеса и превратить свою жизнь в сплошное чудо. Он, хилер, конечно же не знает, что если этим людям, кормящим своих свиней рядом с хижинкой из бамбука, дать волю пользоваться Силой Мысли, то они в большинстве превратятся в Демонов и будут прежде всего уничтожать друг друга Силой своей Мысли в угоду низкопробным устремлениям. О, сколько воды должно утечь, пока эти люди, кормящие свиней у бамбуковой хижины, будут делать эту нехитрую и в принципе нужную процедуру с кристально светлыми мыслями в душе, чтобы когда-нибудь... когда-нибудь начать жить и работать за счет Силы Мысли! А пока... пока можно только грустить, видя «выставочные экземпляры», демонстрирующие небольшую часть того, что должен уметь любой человек.

Я помотал головой, стараясь освободиться от этих грустных мыслей, и начал снова анализировать, делая попытку понять феномен филиппинских хилеров. Каменная плита, уложенная Миларепой, своим величественным видом воодушевляла меня.

— Так-так, так-так, — приговаривал я шепотом, пытаясь сосредоточиться.

В принципе, я понимал, что рука хилера, «облаченная в зону», в которой Силой его Мысли трехмерное вещество превращается в четырехмерное, может беспрепятственно войти в тело человека, поскольку четырехмерное вещество для трехмерной руки совершенно проницаемо. По-видимому, процесс перехода трехмерного вещества в четырехмерное в зоне вокруг руки хилера происходит мгновенно. Поэтому, куда бы ни повел рукой хилер внутри тела больного, ткани и органы, попадающие в зону вокруг руки, тут же становятся четырехмерными. Зона, в которую хилер «накачал» Энергию Свободного Времени, действует безотказно.

Эта зона, скорее всего, имеет очень небольшую ширину. По крайней мере, в документальных фильмах про хилеров не видно, чтобы вокруг руки хилера имелся широкий прозрачный ободок.

Я еще раз посмотрел на каменную плиту Милареппы. И вдруг сомнения начали терзать меня.

— Елки-палки! — воскликнул я про себя. — Не-сосытковочка получается! Когда я рассуждал о предположительном механизме «работы» йога Милареппы, то у меня получалось, что он, Милареппа, переводил, например, трехмерный грунт внутри мыслеобраза тоннеля в четырехмерный мир, где этот грунт исчезал в безбрежных далях параллельного мира. Тогда почему же ткани человека, которые, как мне кажется, хилер тоже переводит в параллельный четырехмерный мир, не исчезают также в безбрежных далях? Почему?

Я снова стал гладить свой затылок, а потом нервно зачесал лысину. Ее... двумерная полированная поверхность была неприятна мне. Мой мыслительный аппарат напрягся, еще более напрягся, еще более... и я, почти привстав, сказал сам себе:

— Пять элементов! Пять элементов! Только пять элементов: вода, огонь, ветер, земля и человек могут переходить из одного мира в другой и возвращаться обратно! Все остальное, будучи переведенным в параллельный мир, исчезнет там. И только пять элементов могут возвращаться обратно! А человек входит в святую пятерку! Поэтому ткани его тела, будучи переведенными рукой хилера в другое пространственное измерение, могут возвратиться обратно в наш мир, где мы живем и где мы... болеем.

Я устало опустил голову. Мысли потекли ровно и спокойно. Все укладывалось в систему. Я уже понимал, что Энергия Свободного Времени (Сила Мысли) может действовать в зоне, окружающей руку хилера, мгновенно, наполняя собою трехмерные ткани больного и «щелчком» переводя их в иное качественное состояние — четырехмерную материю. А потом... следуя за рукой хилера, «зона» перемещается и переводит новые участки тканей больного в четырехмерное состояние, в то время как ткани, вышедшие из под влияния «зоны», обратным щелчком возвращаются в трехмерное состояние. Этот процесс — перевод материи из трехмерного мира в четырехмерный мир и обратно — может происходить, еще раз повторяю,

мгновенно; все дело в зоне вокруг руки хилера — любое вещество, попавшее в эту зону, тут же переходит в четырехмерный мир, а как только начинает выходить из зоны (когда, например, хилер двинул рукой), тут же переходит обратно в трехмерный мир.

Я, конечно же, сомневаюсь, что все эти мгновенные переходы из одного мира в другой находятся под контролем сознания хилера; более того известно, что хилер почти отключает свое сознание. Какой-то Богом созданный механизм, «сидящий» в подсознании, руководит этим процессом, то усиливая, то уменьшая «накачку зоны» Энергией Свободного Времени. О, сколько загадок еще таится, на первый взгляд, в банальном понятии — Время!

Я вспомнил, что хилер в ходе «лечения» извлекает рукой из тела человека какое-то «мясо» — покрытые сукровицей куски ткани. Что это?

Думая на эту тему, я вполне понимал, что «мясо» есть болезнетворный агент, обнаруженный хилером в теле больного и извлеченный оттуда. Можно было предположить, что хилер «видит» болезнетворные участки именно в четвертом измерении, где они, наверное, высвечиваются каким-либо светом и воспринимаются подсознанием хилера, в которое он погружен. Хилер, прежде всего, оставляет здоровые ткани в четырехмерном состоянии и переводит обратно из четырехмерного мира в трехмерный именно болезнетворный участок, извлекая его в виде «мяса» из тела пациента.

Однако при этом, извините, остается, образно говоря, «дыра» или дефект на месте удаленного болезнетворного участка в теле пациента. А организм человека, как говорится, «не терпит дыр» внутри себя. Я знаю это как хирург. «Дыра» (или дефект) обязательно должна быть чем-то заполнена, лучше всего вновь выросшей здоровой тканью (или регенератом), в худшем случае — рубцом. Я знаю нескольких людей, которые лечились у филиппинских хилеров, и у них не было никаких рубцов на теле; а рубцы, поверьте мне, хирургу, всегда хорошо заметны.

Отсюда можно было сделать вывод, что хилер, удаляя из тела болезнетворный участок, мгновенно «заращивает дыру», оставшуюся на этом месте нормальной здоровой тканью (а не рубцом!). Как он это делает?

Начав думать на эту тему, я так напрягся, что начал ерзать на скамейке, на которой сидел.

Шеф, ты тоже что-то начал ерзать, — отреагировал на это Селиверстов.

— Да уж, — ответил я.

— А что это мы все ерзаем-то? — выпучил глаза Селиверстов.

— Вы, Сергей Анатольевич, ерзаете больше всех!

— вставился Рафаэль Юсупов.

— А мне кажется, что это Вы, Рафаэль Гаязович, главный ерзятник, — парировал Селиверстов.

.Кто? Стервятник? — не расслышал Юсупов.

— Во, во! От слова «стерва» происходит.

— Это я-то...?

— Не надо выставлять деланных обид! Ерзать не надо, короче говоря! — Селиверстов горделиво откинул голову.

— От «стервятника» слышу!

Файл регенерации

Слушая привычную перепалку между друзьями, я вновь погрузился в мысли. Я думал, думал на тему о возможностях сказочно быстрой регенерации тканей на месте дефекта и вдруг,

неожиданно для самого себя, пришел к удивительному выводу. Я опять привстал со скамейки и про себя... для самого себя... сказал:

— Особенностью мира четвертого измерения является возможность мгновенной регенерации тканей!

В этот момент я вспомнил сказки и фантастические фильмы о том, что у пришельцев из космоса, вампиров и других персонажей раны мгновенно, прямо на глазах, заживают.

Но как врач я знал, что механизм заживления раны очень сложен. Более того, этот процесс сравнительно длителен: нужно, чтобы в ране появились стволовые клетки, чтобы они превратились в другие клетки, чтобы эти другие клетки начали делиться, образуя себе подобные, чтобы «фабрика коллагена» — фибробласты — начали производить коллаген, чтобы этот коллаген начал выстраиваться в пучки волокон и так далее.

— Неужели там, в параллельном четырехмерном мире, процесс регенерации может происходить мгновенно? — думал я. — Если это так, то механизм регенерации тканей там должен быть иной, совсем иной. Но какой?

Я знал, что регенерация ткани в нашем (трехмерном) мире запускается и идет под контролем какой-то, Богом созданной программы, которая, как мне кажется, локализуется в биополе человека. Эта программа и руководит невероятно сложным процессом самовосстановления тканей, когда идет сбалансированное воспроизведение не только клеток, но и волокон, молекул, матрикса и многого другого, из чего состоит ткань. Данная программа как бы говорит клеткам и молекулам — «размножайтесь и растите по этому плану». А клетки и молекулы слушаются, всецело подчиняясь этому «файлу регенерации», и ведут свою созидательную работу, чтобы через несколько месяцев на месте дефекта («дыры») воссоздалась новая ткань. Сознание человека неспособно воспринять существование и работу этого биополевого «файла регенерации», но подсознание человека знает об этом «файле» все и руководит его работой, не утруждая сознание, которое и так озабочено многочисленными проблемами кухни, мытья полов, ублажения прихотей любимой женщины и многим другим.

Итак, в трехмерном мире «файл регенерации» запускает процесс естественного роста тканей, чтобы через несколько месяцев (еще раз повторяю — через несколько месяцев!) гордо отрапортовать перед подсознанием — «все, дыра закрыта, ткани восстановлены!». Подсознание трехмерного человека, наверное, утвердительно кивает, но слегка грустит, поскольку знает, что его четырехмерный брат работает совсем по-другому.

Я полностью убежден, что в загадочном и призрачном четырехмерном мире у громадных четырехмерных людей тоже существует биополевой «файл регенерации», тоже предназначенный для того, чтобы, образно говоря, «закрыть дыру». Но он, этот «четырёхмерный файл регенерации», работает по другому принципу, он более совершенен, он запускает не процесс деления клеток, он... способен... запускать процесс материализации. Как это происходит?

Давайте постараемся окунуться в тайны гипотетического четырехмерного мира, где, наверное, живут огромные четырехмерные люди и где, конечно же, процветает прекрасная четырехмерная любовь, более мощная и более страстная любовь, потому что этот мир более «энергетичен», и там любое вещество, конечно же, имеет больший потенциал Энергии Времени — главной Энергии Мироздания, и там бушуют более мощные энергии и потенциал Силы Мысли (Энергии Свободного Времени), конечно же, выше.

В этом более насыщенном Энергией Времени мире, естественно, должны существовать те феномены, о которых мы, менее «энергетичные» трехмерные люди, говорим как о чуде: антигравитация, материализация, дематериализация и, наверное, многое другое, о чем мы, обитая в глубинах трехмерного мира, и не догадываемся. И вполне возможно, для

четырёхмерного человека так же естественно сказать: «Слышь, Вася (четырёхмерный Вася!), давай-ка поднатужим наши Мысли и, вызвав антигравитационный эффект, переместим вон ту скалу метров на сто правее, а то весь четырёхмерный вид из окна загораживает»; как и для нас, трёхмерных людей, взять кувалду и начать крошить эту нервирующую скалу по частям, чтобы лет этак через десять сказать: «Ух! Раскрошил наконец!», с любовью поглядывая на изрядно потрепанную кувалду в руке.

И медицина, наверное, там, в четырёхмерном мире, совсем другая; она, скорее всего, основана опять-таки на Силе Мысли живущих там людей. Их четырёхмерные врачи, похожие, по-видимому, больше на шаманов, лечат, я думаю, не столько лекарствами, сколько Силой Мысли. Самые сильные люди (с наибольшим потенциалом Силы Мысли!) выбиваются там во врачи.

Уж кто-кто, но четырёхмерные врачи знают, что в основе из лечения лежит Богом созданный «файл регенерации», по программе которого можно мгновенно «вырастить» новую ткань на месте утерянной, поскольку «файл регенерации» работает, базируясь на возможности материализации за счет Силы Мысли.

Врачи и ученые четырёхмерного мира, конечно же, понимают, что главной энергией является Энергия Времени, а по школьным предметам «Энергия Времени» и «Мир Мыслей» надо обязательно получить пятерку, поскольку они служат основой всех знаний. А также, наверное, в школе преподают, заставляя заучивать некоторые заклинания, без знания которых невозможно жить в этом мире, энергетика которого основана на Силе Мысли. Ну и, конечно, в медицинских институтах четырёхмерного мира будущих врачей обучают заклинаниям, помогающим дематериализовать патологические объекты и тут же, мгновенно, материализовать на этом месте нормальную человеческую ткань.

Кто знает, а может быть, в четырёхмерном мире рак лечат следующим образом: обладающий экстрасенсорными способностями врач обнаруживает в четырёхмерном теле пациента опухоль с метастазами, концентрируется и направляет свою Силу Мысли именно туда, произнося несколько заклинаний. «Файл регенерации» срабатывает немедленно, вначале дематериализуя «выбившуюся из программы файла» опухолевую ткань и тут же, мгновенно, «выращивая» на месте опухоли путем материализации новую нормальную ткань. И... бывший раковый больной уходит здоровым.

При этом четырёхмерный врач, конечно же, знает, что мысль есть Энергия Свободного Времени и что он, за счет Силы своей Мысли, преумноженной и направленной заклинанием, ускоряет ход Времени в патологическом участке тканей, в результате чего вещество этого патологического участка превращается в энергию, то есть происходит процесс дематериализации. Вслед за этим врач немедленно произносит другое заклинание — заклинание материализации, после чего Сила Мысли направляется на остановку (почти остановку!) Хода Времени в биополевой программе данного участка тканей или в «файле регенерации», где имеются точные энергетические (биополевые) копии здоровых клеток и всех остальных частей ткани; как только Время в этих энергетических копиях клеток останавливается (почти останавливается!), они немедленно становятся вещественными, то есть материализуются.

Я не думаю, что четырёхмерный врач шепчет раз за разом заклинания, он их, в лучшем случае, произносит про себя, а скорее всего, они, заклинания, сидят у него в подсознании и реализуются поочередно тогда, когда врач входит в состояние транса, освобождая от бремени сознания божественное подсознание. Поэтому и процесс регенерации происходит мгновенно.

и многие четырёхмерные люди, наверное, умеют лечить себя сами, потому что Бог разрешил им пользоваться святыми заклинаниями и ввел их им в подсознание; стоит им только

подумать, и... рана сама на глазах зарастает. А разрешил им это Бог потому, что они, четырехмерные люди, добились расцвета в своем обществе принципа Чистой Души.

Четырехмерные гиганты весят меньше?

А может быть, Бог сделал для них еще одно благое дело — уменьшил их вес (а точнее, массу!); ведь для этого Творцу надо было всего-навсего чуть-чуть увеличить скорость течения локального времени в веществе октаэдрически — искривленного пространства четырехмерного мира, чтобы уменьшить силу гравитации.

Я устало опустил голову. Даже не хватало сил привычно погладить затылок. Но я напрягся, чтобы завершить свои рассуждения о филиппинских хилерах.

— Шеф, о чем думаешь? — послышался голос Селиверстова.

— О хилерах, Сережа.

— О филиппинских?

— Да.

— Но мы же на Тибете!

— Да уж...

Через минуту опять раздался голос Селиверстова.

— Шеф! Вот я смотрю на руки Рафаэля Гаязовича — костлявые и загребущие они, такими только... в чужих телах лазить.

— Ас чего это они загребущие-то? — недовольно спросил Рафаэль Юсупов.

— Костлявая рука — всегда загребущая рука, — кинул фразу Селиверстов.

— Я, вообще-то, бескорыстный ученый! — возмутился Юсупов. — А то, что кости... торчат...

— Говорят, что в Америке таких людей — костлявых — специально откармливают сэндвичами и пиццей, чтобы разжирили до такой степени, когда жир не только на животе, но и на пальцах отложится. Поверье есть там такое: костлявая рука — загребущая рука! Вот и колыхаются жирные американцы, чтобы свою загребучесть скрыть. А это очень важно, — а то соседа надуть не удастся. А не надул соседа — радости нет! А как без радости прожить? Вот и приходится жиреть, чтобы свою любовь к деньгам скрыть. А костлявый... он... напоказ свою жадность выставляет, — поучающе завершил монолог Селиверстов.

— Ты что, хочешь сказать, что я люблю деньги из-за того, что я... костлявый? — совсем возмутился Юсупов.

— Не надо проводить прямых аналогий! Я, может быть, о костях в переносном смысле говорю. А то Вы, Рафаэль Гаязович, воспринимаете все столь прямо, что можно подумать, что Ваша голова вообще сплошная кость! — изрек Селиверстов.

— Посмотрел бы на себя, — зычно сказал Рафаэль Юсупов. — Ты, Сергей Анатольевич, здесь, на Тибете, вообще в мосол превратился. Где живот-то твой? Где?! Нету! Отсосал тебя Тибет, отсосал...

— Кто это меня отсосал? — выпучил глаза Селиверстов.

— Тибет настолько жир твой отсосал, — невозмутимо продолжал Юсупов, — что и руки твои тоже костлявыми стали, как мои.

А уж о загребучести их, рук твоих, и говорить не приходится — у тебя, как у завхоза экспедиции, денег не допросишься. Все в напузнике лежат.

— Да, похудел я немного... Даже ремень напузника на шесть делений подтянул. Зато он,

И вновь я подумал о хилерах

Усилием воли я снова заставил себя думать о хилерах. Разогретые, хоть и усталые, мозги быстро «вошли в колею».

Сейчас я уже понимал, что у хилеров так же, как и у людей четвертого измерения, в подсознании существует Богом созданный «информационный штамп», запускающий работу биополевого «файла регенерации» не по пути медленной (за счет деления клеток) регенерации тканей, характерной для нашего трехмерного мира, а по пути мгновенной регенерации, в основе которой лежит материализация. Этот Богом данный «информационный штамп» начинает работать, когда перед лечением хилер входит в состояние транса, то есть освобождает от влияния сознания свое подсознание, где этот «штамп» и находится. Он, хилер, возможно, мало чего и понимает, но «штамп» работает, бесперебойно работает, показывая величие и надежность божьих творений. Именно поэтому рука хилера никогда не застревает в теле пациента, потому что зона превращения трехмерной материи в четырехмерную (и наоборот) находится под полным контролем этого великолепного «информационного штампа». Когда хилер погружает руку в тело пациента и обнаруживает в созданном им четвертом измерении болезнетворный участок, он избирательно переводит этот участок из четырехмерного мира в трехмерный, извлекая его своей рукой, как «мясо». Оставшаяся «дыра» (дефект) там, в зыбкой полосе четырехмерного мира, под контролем «файла регенерации» мгновенно «зарастает» путем материализации здоровой ткани. А потом материализованные в четырехмерной «зоне» участки ткани, «зарастившие дыру», выходя из «зоны», тут же превращаются в трехмерную «родную» ткань. Хилер использует специфику четырехмерного мира... для лечения трехмерного тела.

Хилер устало откидывает голову. Может быть он понимает, что четырехмерный мир с его большими возможностями помог ему, а может быть... не понимает. А может быть, в четырехмерном мире тоже есть хилеры, которые «работают» с еще более сложным пятимерным миром?! Бог велик, и все, что он создал, находится в стройной системе!

Мир Мыслей и Мир Пространств

Я окинул внутренним взором все свои размышления о Силе Мысли, стимулированные видом каменной плиты Миларепы, и понял, что мир, в основе своей, состоит из двух частей:

— Мира Мыслей, в котором живет и главенствует свободная от Пространства думающая Энергия Времени, управляемая Головным Началом Свободного Времени — Богом, и — Мира Пространства (вернее, Пространств), где Время — божественное начало — заключено внутри материи по строгой системе искривленных пространств различных миров, формируя многочисленные и систематизированные по мирам варианты материальной жизни, основой которых являются вещество и энергия.

Голова моя начала гудеть от перенапряжения. А каменная плита Миларепы лежала передо мной. Я с трудом поднял голову и прошептал для самого себя:

— Спасибо тебе, боженька, что дал мне эти мысли!

Я еще раз перечислил то, что может делать Сила Мысли. Получилось весьма солидно:

перевод вещества из одного пространственного измерения в другое, перевод энергии из одного пространственного измерения в другое, дематериализация, материализация, антигравитация... А сколько еще феноменов может породить Мысль, которая посещает нас, господ, днем и ночью! О, сколько чудес еще появится, когда мы освободим Мысль от гнета заблудших душ! Ведь нашей с Вами Мыслью руководит напрямую... сам Бог!

этот момент, сидя на скамейке, я осознал, что все уложилось в систему. Мне было знакомо это чувство! Оно не подводило меня! Когда возникало это чувство, я поднимался и шел в операционную и, будучи под властью этого страстного чувства, смело разрезал глаз больного человека, чтобы прямо на нем, на Человеке, претворить в жизнь ту мысль (или идею), которая пришла откуда-то сверху и... самое главное... была мощно инспектирована этим неповторимым по страсти чувством. А когда операция заканчивалась и я накладывал последний шов, я, оторвавшись от микроскопа и боясь показаться смешным перед моими операционными сестрами, тайно поднимал глаза к небу и, радуясь тому, что лицо мое скрыто хирургической маской, тихонько шептал, шевеля губами:

— Спасибо тебе, Боженька!

Хриплый голос Рафаэля Юсупова прервал мои мысли:

Шеф, я понял, почему Селиверстов ерзает больше всех.

У него, извини, со стулом проблемы.

— А у Вас что, Рафаэль Гаязович, стул хороший, что ли? — огрызнулся Селиверстов.

— У меня, кстати, всегда нормальный стул.

— Я тоже, кстати, на хорошем стуле сижу, — ответил Селиверстов. Мы вышли из монастыря.

— Он долго думал, — сказал монах, показав на меня. — Это хорошо.

А потом монах рассказал уже известную нам легенду о борьбе йога-Миларепа с йогом-Бонпо, когда они оба, добравшись до вершины священного Кайласа, боролись там, обрушив северную сторону Кайласа.

— Ошибку сделал Миларепа, что боролся с йогом-Бонпо, — сказал он. — Эту ошибку не простили ему и не пустили его через Врата в Шамбалу в Царство Мертвых, вычеркнув из его памяти заветное заклинание. Вот Миларепа и начал делать сам отдельный вход... туда... где Вечная Жизнь и Счастье... туда... в Царство Мертвых.

Право на ошибку

Я опустил глаза и подумал о праве человека на ошибку. Я вспомнил одну девушку, родители которой до такой степени опекали ее, боясь какой-либо ошибки великовозрастного дитя, что у нее в конце концов возник протест. Она хотела ошибаться. Она мечтала ошибаться. Помню, она рассказывала мне следующее:

— Бьюсь я, короче, в истерике! Бью посуду! Швыряюсь тем, что под руку попадет! Кошка в угол забилась! Родители глаза выпучили! Кричу я им, родителям, — вы что со мной, как с писаной торбой, носитесь! Оберегаете меня от ошибок, что ли? А сами что, не ошибались никогда?! Мудрость-то свою через ошибки заимели! А я хочу, хочу, хочу... свои шишки получать и на них учиться жить, а не по вашей указке жизнь коротать, как безлика дрянь! Вы что, хотите меня в безликую дрянь превратить, чтобы свою мудрость, заработанную на ошибках, продемонстрировать?! Демонстрируйте свою мудрость не передо мной, соплячкой, а перед другими людьми, которые на своих ошибках учились! Не получится! Слабо?! Перед теми, кто школу

ошибок прошел, боитесь делать это?! Трусите! Вам страшно, что ваша «мудрость» чепухой покажется! А передо мной, салагой можно, да?! Не меня вы оберегаете от ошибок, а свое самолюбие на мне тешите! А я хочу ошибаться, хочу, хочу, хочу...

А вскоре эта девушка все же ушла из семьи, сняла квартиру и начала так ошибаться, так ошибаться... Она начала мстить родителям за то, что они не давали ей ошибаться... ошибаться нормально, дозировано, всласть. Она наверстывала упущенное в... ошибках, наверстывала истерично, с надрывом, ощущая томное удовлетворение от каждой своей ошибки.

Родители этой девушки вначале, конечно же, возмутились и даже, с дурости, отрекались от нее. А потом родительский долг опять возвратил их к дочери. Дочь смотрела на них холодным чужим взглядом.

— Вы что-то постарели... — отметила она, увидев родителей.

А потом эта девушка, восполнив дефицит ошибок, благопристойно вышла замуж за вполне приличного, правда полноватого и какого-то мягкого, парня и начала коротать с ним свою трехмерную жизнь в нашем мире, полном противоречий и контрастов, где не бывает только белого, а черное должно обязательно появляться, чтобы через призму контраста мы, люди, могли бы радоваться белому свету.

А мягкий и полноватый парень, за которого вышла замуж эта девушка, оказался до такой степени домоседом и абсолютно примерным семьянином, который всегда кивал и никогда не перечил, что эта девушка (сейчас уже жена!) однажды в порыве чувств сказала ему от всего сердца:

— Ты бы, Ваня, пошел да и погулял бы с другими бабами! Чо дома сидеть-то?!

В этот момент, когда мы вышли из монастыря Миларепы и свежий разреженный воздух на высоте 5000 метров слегка заполнил мои легкие, мне вспомнился еще один случай на тему ошибок.

Жила-была девушка. Очень красивая девушка. Грудастая. С косой. У нее была элегантно-вихлястая походка. Много дыхателей было у нее. И даже были такие, которые по-плебейски прятались за деревом, чтобы только взглянуть на нее, когда она выходит из дома, и посмаковать ее элегантно-вихлястую походку. Но была эта девушка строгой и достойной.

И вот она, эта девушка, начав встречаться с одним человеком, вдруг ощутила, что беременна. Гинеколог «обрадовал» ее, сказав, что у нее будет двойня. Но она, эта девушка, вскоре поняла, что не любит человека, который является отцом ее детей. А она превыше всего в жизни ставила любовь, в том числе и к детям... в себе. Тогда она ушла от того человека, с кем встречалась, и вскоре... в одиночку... родила двух прекрасных младенцев — мальчика и девочку. С ними она и приехала домой к своим родителям.

— Ну что ж, — сказали родители, с улыбкой взяв на руки двух кричащих и, возможно, описавшихся младенцев.

Они, родители, понимали, что их дочь допустила ошибку и что все получилось как-то не по-людски. Но они любили свою дочь, очень любили и знали, что она, их дочь, превыше всего в жизни ставит любовь, да вот... вышла ошибка. И только однажды мать этой девушки, припав к плечу мужа, в сердцах сказала:

— Слышь, Коль! Мужики нормальные перевелись, что — ли? Те, которых... любить можно?

А через несколько лет я неожиданно встретил на улице эту девушку (уже мать!).

— Как дети? — спросил я.

— Растут, — ответила она, излучая материнское счастье.

— А как ... в личной жизни? Встретила кого-нибудь... кого можно любить?

— Ой! — засмушалась она.

Встретила. Он меня очень любит, по — настоящему, по — мужски...

— И ты ... тоже?

— Да.

— Вы вместе?

— Нет. Он женат. Но ведь не обязательно... Первая жена, говорят, от Бога... Зато...

— Ты все-таки решила сделать не как положено... не по-людски. Все это во имя любви?

— А как жить, если любви в душе нет! Только ради того, чтобы было все по-людски? Если у матери нет любви в душе, то и дети вырастут неспособными любить. А разве можно такими детей воспитывать?!

— Ты, я вижу, несколько не раскаиваешься в том, что когда-то допустила ошибку?! — я добро посмотрел на нее.

— Бог послал мне эту ошибку, чтобы испытать меня... мою любовь в душе, — ответила она, опустив глаза.

Эти слова врезались мне в память. Я начал осознавать, что ошибка есть, прежде всего, испытание, посланное оттуда, из прошлого... по твоей кармической линии. А также я понял, что критерием оценки тебя в период испытания ошибкой является любовь, которую ты должен достойно сохранить в душе.

— Мужики, способные по-настоящему любить, перевелись что ли? — с негодованием подумал я, еще раз вспомнив эту прекрасную женщину.

Я вспомнил предсказание Елены Блаватской о том, что человечество уже начинает выходить из «материальной ямы» и что дальнейшее развитие будет сопровождаться увеличением духовного компонента в душе человека. Я ощутил, что мы, мужчины, в этом отношении эволюционно отстаем от женщин, которые, от природы имея более высокий чувственный потенциал, идут, как говорится, впереди планеты всей. Им, женщинам, очень часто скучновато с нами, мужчинами, потому что их переполненная чувствами душа требует такой же душевной отдачи, а не созерцания тупо накачанной горы мышц, на которую надета маечка с неестественно короткими рукавами, позволяя в полной мере демонстрировать все «плечевое мужское достоинство». Вот и получается так, что многие женщины остаются одинокими, сохраняя верность своей мечте, или одиноко рожают детей, чтобы воспитать из мальчиков настоящих мужчин будущего — антиподов тех, кто ходит в «короткой маечке», а из девочек создать принцесс будущего, которые буквально одним взглядом облагораживали бы все вокруг, исподволь внушая людям, что скоро наступит «чувственный век».

И, наверное, много-много ошибок совершат люди, следуя по пути «чувственного прогресса», но они все более и более будут понимать, что надо жить не в рамках понятия «По-людски», а в рамках понятия «Как душа велит». А ошибки — эти вездесущие испытания твоей души — будут упрямо и ласково подталкивать людей к осознанию глубинного понятия — Чистая Душа, чтобы когда-нибудь, пусть в далеком будущем, люди смогли ощутить великую радость быть Чистыми, после чего начнется новая эра — Эра Чудес, таких чудес, которые... например, находятся здесь, в Городе Богов, но которые... создали не мы... пока не мы.

Я вновь посмотрел на шестигранный камень, выточенный Миларепой.

— Ведь йог-Миларепа, наверное, владел технологиями Чистой Души, в основе которых лежит Сила Мысли, — подумал я. — Почему же он совершил ошибку, затеяв борьбу с Бонпо-йогом? Неужели и такие люди могут ошибаться? Неужели... и Боги ошибаются? Неужели мир построен так, чтобы всегда и всюду все учились на своих ошибках? Неужели уважение к возрасту — есть уважение к «шишкам», накопившимся в результате преодоления своих ошибок? Неужели взлет молодого талантливого ученого есть всего лишь вспышка, не прошедшая испытания ошибками, а творчество седовласого ученого — творчество «под сенью шишек»?

Почему Миларепа стремился в Царство Мертвых?

Я, конечно же, не знал того, почему йог-Миларепа затеял строительство этой пещеры. Может быть, он не мог попасть в Царство Мертвых (куда, наверное, страстно стремился) через обычный вход, расположенный на западной стене Дома Счастливого Камня, поскольку Мертвые наказали его за ошибку, вычеркнув из его памяти заклинания, позволяющие открыть заветную дверь туда... и вынудив делать новый вход? А может быть, новый вход в Царство Мертвых был нужен, и они, Мертвые, оставив в памяти Миларепы нужные заклинания, повелели ему сделать новый вход, испытав его для того, чтобы он с достоинством мог влиться в когорту Мертвых? А может быть, Миларепа и сейчас там — среди величественных и всемогущих Мертвых, холодные тела которых покоятся во мраке подземелий, а освобожденная Душа делает все, что захочет, с помощью Силы Мысли... Может быть...

Я повернулся к монаху, который стоял рядом со мной и спросил его:

— Скажите, а кто-нибудь входил внутрь пещеры Миларепы?

Не действуют ли там тантрические силы, которые непреодолимы для человека? Ведь отодвинуть алтарь, разобрать тонкую каменную стенку, перегораживающую вход в пещеру Миларепы, и войти внутрь совсем не трудно?!

— Действуют, еще как действуют! — воскликнул монах. — Внутри пещеры Миларепы действуют очень сильные тантрические силы. Никто не может преодолеть их!

— А какие это силы? Я знаю, что тантрические силы некоторых Сомати-пещер вызывают слепоту, онемение, действуют как «энергетический вампир» или приводят к смерти через страх, головную боль и слабость. А здесь как?

— Я не знаю... Я не был там... — сконфузился монах.

— А все-таки?

— Не знаю... Но страшно там, очень страшно! Паника начинается! Люди боятся того, что они просто умрут, но... не станут Мертвыми, а их кости...

— А много костей-то в пещере?

— Говорят, много.

— А зачем люди ходили туда?

Они хотели стать Мертвыми.

— И... умерли? — Да.

— Они не стали Мертвыми?

— Нет, нет. Они просто умерли.

— Почему?

— Мертвые сами выбирают тех, кто достоин стать Мертвым, — монах поднял голову и посмотрел на меня. — А Вы не хотите ли стать Мертвым? Вы очень подробно...

— Я? — теперь уже сконфузился я. — Я? Я не смогу... Я... здесь... пока...

— Я тоже... здесь... пока... — проговорил монах.

Я опустил голову.

— О, как значим на Земле феномен Сомати! — подумал я. — О, как велик, наверное, подземный мир, где, помимо живущей активной жизнью техногенной Шамбалы, находится много, очень много Мертвых, ведущих страстный и очень мощный образ жизни, оставаясь при этом... неподвижными и холодными! Они, эти Мертвые, живут без забот о своем теле, им не надо тратить время на приготовление пищи, не надо ходить в туалет, не надо дышать, не надо

одеваться и прихорашиваться, не надо спать и не надо говорить. Они знают, что их тела, элегантно и немного грустно сидящие в позе Будды, нужны только... на случай глобальных катастроф, чтобы в этом случае вновь войти в эту «машину», называемую телом, и снова начать телесную жизнь, полную забот о желудке и многом другом телесном, чтобы продолжить божественный эксперимент освоения материальной стороны жизни. О, как, наверное, не хочется им, Мертвым, заниматься проблемами желудка, когда можно вечно находится на Том Свете в прекрасном Мире Мыслей, где стоит только подумать... И... откуда можно созерцать свое «мертво-спящее» тело, с которым ты соединен «серебряной нитью» и которое напоминает тебе, что твой долг, долг Духа или Человека-Мысли, не рвать эту связь с планетой Земля, где в глубоком подземелье сидит «твоя личная машина», называемая телом и, которая... может быть... будет нужна... когда-нибудь.. . когда телесные люди, «тела-машины» которых двигаются, работают и саморазмножаются, забудут, что главное в них — Людях — не эта «машина с руками, ногами и... головой», а Дух или Человек-Мысль, управляющий ею. Ведь забыв это, телесные люди начнут всю свою духовную деятельность направлять на достижение недостижимого — сделать «машинный вариант жизни» главным... вместе с обслуживающими «тело-машину» домами, деньгами и многим другим, тем самым становясь «слугами машины» и постепенно сводя на нет божественные принципы бытия и все более и более приближая глобальную катастрофу, поскольку Бог никогда не может стать слугой «машины»!

Монах исподлобья смотрел на меня. Шестигранный камень лежал предо мной. А мысли, эти шальные мысли, весело вертелись в голове, напоминая о своей силе и как бы приговаривая, что главное в Человеке — это Мысль, поскольку на Том Свете он, Человек, и есть Мысль, так как он зарожден там, в Мире Мыслей или Мире Свободного Времени, которым напрямую управляет сам Бог — Властелин Свободной Энергии Времени.

Я ненароком вспомнил разговоры на кухне — чисто российскую привычку, когда двое или трое мужчин или женщин, открыв бутылку водки и накурив до состояния, когда можно «топор вешать», до такой степени распяляются в задушевном разговоре, что им, сидящим на кухне, кажется, что их слышит весь мир. А мир их и в самом деле слышит. Мне кажется, что ни одна мысль не проходит просто так. А если однотипных мыслей у людей много, то эти мысли в какой-то момент могут суммироваться и начать самостоятельно влиять на сознание людей, называясь, в периоды революционных ситуаций, «политическим настроением масс». Научное подтверждение этому нашли, как я уже писал, японские ученые, описавшие так называемый «феномен сотой обезьяны», когда одна из обезьян на одном из японских островов догадалась мыть батат (сладкий картофель), брошенный учеными в песок. Когда эта «прогрессивная» обезьяна научила этому полезному делу других сородичей (чтобы песок не скрипел на зубах), а другие обезьяны к тому же стали учить еще и других, то, когда мыть батат научилось около 100 обезьян, наступил такой момент, что все обезьяны всех японских островов (а их много!) вдруг одновременно научились мыть бататы, брошенные в песок. Сработал какой-то мощный информационный механизм накопления и распространения мыслей.

Я вспомнил рассказ одной моей английской пациентки, которая поведала мне о том, что причиной ее болезни явился стресс, вызванный тем, что ее любимый человек уехал из родного Лондона в Нью-Йорк, где ему предложили более выгодную работу. Через год, когда они встретились вновь, она, англичанка, не узнала своего любимого — он стал безобразно жаден. Она долго боролась с его жадностью, носившей, по ее словам, патологический характер, но ничего не смогла сделать — перед ней стоял тот же лондонский парень, но чужой, в глазах которого была другая страсть — деньги, перед которой меркла она, эта красивая англичанка. Он даже, оказывается, сказал ей однажды, что расплачиваться за ужин в кафе пришла ее очередь. И она, эта англичанка, была абсолютно убеждена в том, что Америка «заразила» ее любимого

жадность, и что жадность есть... заразная болезнь, а вся Америка есть «инфекционная бомба», где в качестве «инфекции» выступает жадность — основа американского образа жизни. Она, потеряв своего любимого, хотела даже предложить бывшей колонии Англии заменить свой полосатый флаг на флаг с изображением доллара.

Я понимал, что не зря гениальный русский ученый Влаил Петрович Казначеев предложил термин «информосомы», научно доказав, что информация может неведомым образом распространяться. И мне показалось, что в основе этих «информосом» лежат, если так можно выразиться, «сгустки мыслей», способных беззастенчиво внедряться в другие организмы, заставляя их мыслить или делать то, что заложено в этих «сгустках мыслей».

— Не зря... не зря так противно находиться рядом с жадным человеком, — подумал я. — Они, эти жадные идиоты, являются источником «жадной заразы». Но как приятно находиться рядом со светлым человеком! Он тоже является источником чего-то светлого и хорошего. Информосома информосоме рознь! И... как много зависит от мыслей!

Я продолжал стоять на месте, не отрывая взгляда от шестигранного камня, выточенного Миларепой. Ребята не беспокоили меня — они меня понимали, и как мне казалось, даже чуть-чуть жалели меня за то, что мысли, эти вездесущие мысли, будоражили меня так, что... натуральные информосомы градом сыпались из моего сознания. А я грустил, тихо грустил, недоумеваю по поводу того, что люди так и не могут понять, что счастье отнюдь не в деньгах.

Я уже понимал, что Мысль не может не быть живым существом, поскольку родоначальный Тот Свет — праматерь всех форм жизни — есть Мир Мыслей и что каждый из нас, оказавшись там, превратится в Человека-Мысль — Свободного, Изначального и Великого, ведомого только Создателем, давшим всему живому главное — способность мыслить.

— Бойтесь злых мыслей! — захотелось крикнуть мне. — И как здорово, что вы иногда собираетесь на кухне, освобождая с помощью алкоголя и сигарет свои мысли, чтобы поговорить о таком, таком... Но... говорите, пожалуйста, по-доброму!

Но я молчал. Я продолжал созерцать шестигранный камень. Вскоре ход моих мыслей опять перекинулся на Мертвых. Я понял, почему нужны Мертвые. Они, не обремененные проблемами тела, нужны здесь, на Земле, чтобы жить в мире земных мыслей и управлять этим миром. Мертвый — это тоже Человек-Мысль, но земной Человек-Мысль. Он нужен здесь, на Земле, ведь Человек-Мысль Того Света есть космический Человек-Мысль. И на Земле, как говорится, проблем хватает; например, охранять священные заклинания, следить за ходом мыслей людей, стремящихся попасть в Сомати-пещеры, следить за мысленными устремлениями обычных «двигающихся» земных людей, определять угрозу появления предвестников глобальных катастроф, способствовать наказанию заблудших людей и многое другое. Мы просто мало знаем о Мертвых и не понимаем их роль для жизни на Земле! А она, эта роль, колоссальна! Стражами наших мыслей можно назвать Мертвых, тела которых покоятся в глубоких подземельях Тибета и Гималаев!

Не зря йоги стремятся хоть чуть-чуть походить на Мертвых, отрекаясь от телесных забот и в процессе медитации входя в земной Мир Мыслей! Не зря йог-Миларепа стремился стать полноценным Мертвым! Не зря про йогов говорят, что они очищают мысленную ауру Земли!

Резкая желудочная боль прервала ход моих мыслей. Я понял, что кто-то (наверное, Мертвый!), прочитав ход моих мыслей, решил еще больше очистить меня, изгнав из меня еще больше негативной энергии, накопившейся во мне.

Я слегка согнулся, стараясь не застонать. Но гримаса боли на лице, видимо, выдала меня.

— Шеф, что? Опять заболело? — Селиверстов ласково положил руку мне на плечо.

— Да. Не обращай внимания! Долина Смерти... Я бы назвал ее Долиной Мертвых... Там вступают в силу законы Мертвых и там нет места законам живых! Только тот, кто может

принять законы Мертвых, пройдя через испытания... Неужели вся наша жизнь есть сплошная ошибка! — прохрипел я.

Я мутным взглядом провёл по окружающим меня горам. Горы как бы колыхались в разряженном воздухе и как бы напоминали, что они не мертвые. Да и существует ли в природе что-либо истинно мертвое? А может быть, словом «мертвое» древние мыслители отображали понятие «неподвижное», зная, что все и вся в природе живое? А может быть, То, что является неподвижным в материальном мире, в Мире Мыслей живет более интенсивной жизнью, чем Те, которые умеют двигать руками и ногами? Может быть...

Вдруг я почувствовал себя кем-то наподобие зверя в зоопарке, выставленного на обозрение любопытствующим людям. Неужели Мертвым дозволено проникать в таинство мыслей каждого человека? Неужели это так?

Я, на мгновение забыв про боль, задумался над этим вопросом и понял, что это так. Более того, Мертвым дозволено влиять на наши мысли и... наказывать... или очищать... Ну что ж, мы живем на виду, как в зоопарке! Но... извините, думать надо чище, тогда нечего будет скрывать!

Я подумал о том, что любой человек, наверное, в той или иной степени способен читать мысли. Положа руку на сердце, мы должны сознаться, что очень часто верим не словам, а глазам, в которые мы смотрим. О, как часто это бывает! Попробуйте поговорить с человеком, который не смотрит Вам в глаза, — вы сразу ощутите дискомфорт — информации не хватает! Наш Дух (или Человек-Мысль) затаен, но он все равно проявляется, и это выражается в том, что мы все-таки, хоть чуть-чуть, читаем мысли друг друга. Но нам оставлено только это «чуть-чуть»; какой-то мощный разум, формируя программу трехмерной земной жизни, решил подарить людям «таинство мысли», хотя наш Дух способен и на такое, такое... Вот и живем мы в тайне друг от друга, потому что нам... хочется казаться добрыми и щедрыми, хотя на самом деле... Да и не наступили еще времена искренности, потому что счастья искренности можно достичь только через тернии.

А Мертвые, наверняка, могут позволить себе счастье быть искренними, потому что все они, как на подбор, имеют Чистые Души и, представляя собой особую земную форму жизни Человека-Мысли с законсервированными на всякий случай телами, судачат, наверное, читая мысли обычных земных людей, о том, что мы так глупо уклоняемся от главного идеала — Искренности, раз за разом впитывая в себя мысли Чужого Бога, извращенно заставляющего верить в то, что Бог — это Ты, а идеал — это Богатый Человек. И им, Мертвым, хочется, по-видимому, для хохмы законсервировать тело богатого и жадного человека, чтобы поговорить с ним «как на духу» и посмотреть на него — прозрачного и летающего — без его «двигающейся телесной машины», в угоду обслуживанию которой он так глупо посвятил самого себя. Ужас, наверное, охватит этого «бывшего богатого человека», когда он поймет, что у него... уже нет желудка.

Я поморщился от боли. Сняв рюкзак, я полез в него и достал желудочные таблетки. Положив их в пересохший рот, я ощутил, что не могу их проглотить. Равиль, увидев это, полез в свой рюкзак, достал бутылку с водой и подал ее мне. Наконец я почувствовал, что таблетки дошли до моего желудка.

— Сергей Анатольевич! А у тебя желудок когда-нибудь болел? — спросил Селиверстова Рафаэль Юсупов.

— Ну... если перееем... А что?

— Да так, ничего.

— Вы на что-то намекаете, Рафаэль Гаязович! — Селиверстов насупился.

— Да нет. Просто так спросил...

— Я, кстати, рабом желудка никогда не был, хотя аппетит у меня хороший. Я хоть что могу

съесть. Гвозди даже переварю.

— Гвозди, говоришь?

— Да, гвозди. А что?

— Да так, ничего...

— А вот Вам бы, Рафаэль Гаязович, следовало бы призадуматься над проблемами Вашего желудка. У меня такое ощущение, что он у Вас вообще ничего не переваривает, все отправляет в кишечник, на выход. А то, с чего Вы такой худой? Я уж не говорю о гвоздях...

— Гвозди я, конечно, не пробовал, — теперь уже насупился Рафаэль Юсупов.

— Понятно, гвозди — не еда, — кинул Селиверстов.

— У меня, Сергей Анатольевич, понимаешь, коэффициент полезного действия при переваривании пищи ниже. Поэтому...

— Все в трубу идет, что ли? — перебил Селиверстов.

— В какую трубу?

— Заднюю.

— А у тебя как будто оттуда ничего не выходит!

— Выходит, — смутился Селиверстов, — но меньше.

— Я бы этого не сказал, — многозначительно произнес Юсупов.

— А откуда Вы это знаете?

— Есть факты...

— Какие это?

— Расход туалетной бумаги! Ты же мне сам, как завхоз, поручил ею командовать.

— А я, может быть, тщательнее и многократнее подтираюсь, чем Вы, Рафаэль Гаязович.

Я, кстати, тоже чистоплотен!

— А Вы смотрите на то, что вышло? — Селиверстов прищурил глаза.

— Не всегда. Не интересно мне это. А Вам, Сергей Анатольевич, чувствую, это очень интересно!

— Любому человеку это интересно.

— Но не мне.

— А почему?

— А потому, что разглядывать это низменно.

— Не надо красивых фраз! Вы хотите сказать, что никогда не смотрели на свое...

— Никогда.

— Не верю.

— А зря!

— Почему?

— А потому, что если бы Вы, Рафаэль Гаязович, посмотрели на свое «это», то обнаружили бы в нем непереваренную пищу — морковь, например.

— Я, кстати, морковь люблю.

— И... употребляете ее в пищу только для того, чтобы украшать «это»?!

— С чего это ты взял?!

— Пищеварительный тракт — это Вам не трубопровод, — поднял указательный палец Селиверстов. — В нем пища варится...

— Переваривается, — поправил Рафаэль Юсупов.

Слушая очередную перепалку друзей, я понимал, что уж кто-кто, но они оба не являются рабами желудка; в противном случае судьба не привела бы их в далекий Тибет и не заставила бы их терпеть столько лишений. Более того, здесь, на Тибете, пища почему-то не шла, уступая место клокочущему от возбуждения духовному началу. Да и Селиверстов по уровню худобы

быстро приближался к Рафаэлю Юсупову.

Боль в области желудка немного утихла. Я поднял голову, нашел взглядом монаха и спросил его:

— Скажите, монах, а Вы сами-то верите в то, что плиты и шестигранный камень смог «выточить руками» человек?

— Конечно, верю. Ведь люди могли обтачивать не просто отдельные скалы, а целые горы ... вон те, например, — монах пока зал рукой.

«Обточенные» горы

Я посмотрел в направлении взмаха руки монаха и увидел, что горы на противоположном склоне и в самом деле были как бы обточенными: какие-то горизонтальные борозды, похожие на ступеньки, проходили через эти горы.

— Здесь нельзя исключать того, что данные горные структуры имеют слоистый характер, а ветровая эрозия сформировала в этих хребтах подобие ступенек, — раздался голос Рафаэля Юсупова.

— Чего?! — переспросил монах. Тату, как мог, перевел слова Юсупова.

— Нет, нет! — воскликнул монах. — Не ветер сделал эти ступени! Эти ступени сделали люди!

— Как они их делали? — не унимался Рафаэль Юсупов.

— Руками и головой, — монах смутился. — Так говорится в легенде.

— Легенды — это всегда серьезно! — не удержался Селиверстов, посмотрев на Юсупова.

— А каково предназначение этих ступеней? — задал вопрос дотошный Юсупов.

— Не знаю. Об этом ничего не написано... — монах опустил глаза.

Я поймал себя на мысли, что я тоже не понимал предназначения этих ступеней и, более того, даже предположить ничего не мог. Я тогда еще не знал, что ступени способны как бы гасить тонкую энергию при вхождении в наш трехмерный мир из другого, например, четырехмерного мира, который по природе более «энергетичен».

Должна была свершиться египетская экспедиция, чтобы возникло хоть какое-то понимание этого. Ведь там, в жарком Египте, мы начали интерпретировать ступенчатые пирамиды как пирамиды для входа в наш мир, а классические остроконечные пирамиды — как пирамиды для выхода из нашего мира.

А тогда, на Тибете, умственно я был значительно примитивнее и все более склонялся к предположению Рафаэля Юсупова о ветровой эрозии слоистых горных пород. Но где-то в глубине души таилась мысль о том, что великая Шамбала, способная жить одновременно в нескольких параллельных мирах, некогда создала здесь то, от чего будет зависеть наше будущее, и что когда-то среди нас появятся «новые люди», похожие на нас, но... другие... новые...

Я пожал руку монаху. А Селиверстов, прощаясь, так долго тряс его руку, что, по-моему, испугал монаха.

Мы, виляя между камней, пошли вперед по маршруту. Я, шагая, морщился от боли. Вечерело.

Вскоре мы остановились и начали ставить палатки. Желудочная боль совсем достала меня. Я лег на землю и, корчась, начал стонать. — Ох! О-о-х! — наверное, раздавалось в тишине в тот холодный тибетский вечер.

Мертвые не щадили меня.

Глава 18. Все пирамиды, пирамиды и пирамиды

Вечером я, конечно же, ничего не ел; как говорится, не лезло. Ребята положили меня, как больного, в отдельную большую палатку, а сами сгруппировались в маленькой дополнительной палатке. Они, видите ли, боялись побеспокоить мой сон своим храпом. А мне не хватало дружеского плеча, в которое я мог бы уткнуться, преодолевая дикую боль. Я лежал в палатке один... как в могиле. Звонящая ночная тишина удручала меня. Я ждал утра. Боль в области желудка совсем замучила меня.

— Хрк! — смачно раздалось в ночной тишине из соседней палатки.

— Чувствую, он вперед меня заснет, — послышался недовольный голос Рафаэля Юсупова.

— Да уж... — ответил раздосадованный голос Равиля.

— Вы чо болтаете? Шефу не даете спать! Совесть иметь надо, — палатка ведь совсем рядом! — услышал я голос проснувшегося Селиверстова.

— Да будет Вам, Сергей Анатольевич!

Опять наступила тишина. Звонящая тишина. Черный свод палатки давил на меня, напоминая свод пещеры, где находятся... Мертвые.

— Хрк! — опять раздался жизнеутверждающий звук из соседней палатки.

— Э-эх! — послышался вздох Рафаэля Юсупова.

— Хрк! — раздалось в ответ.

— Засыпает... — выдохнул Юсупов.

— Хрк! Хрк! Хрк! Х... х... х, хр... хр... хр-р-р... хр-р-р... хр-р-р!!! — понеслось из соседней палатки.

— Бессонная ночь обеспечена, — послышался трагический голос Юсупова. — Равиль, толкни его локтем!

— Сейчас.

— У-оп!булькнуло что-то.

— Подействовало, — удовлетворенно произнес голос Юсупова. — Засыпаем быстрее!

Опять наступила звонящая тишина. Боль не проходила.

— Хрк! — вновь разрезало тишину.

— Не успели... — раздалось в ответ.

— Хрк! Хрк! — послышалось снова. — Х... х... х, хр... хр...

хр-р-р... хр-р-р... хр-р-р!!!

— Опять обороты набирает! Кошмар какой-то!

— Да уж...

— Хр-р-р... хр-р-р... хр-р-р...

— Ужас!

— Хр-р-р... хр-р-р... хр-р-р...

— Рядом с трактором лучше!

— Хр-р-р... хр-р-р... хр-р-р...

Потом я услышал глухие звуки; видимо, Равиль толкал Селиверстова локтем.

— У-оп! — вновь отрывисто пронеслось в тишине.

— Ненадолго... — безнадежно заявил голос Юсупова.

— Хрк! — как бы подтвердил голос Селиверстова.

— Эх!!!

— Хрк! Хрк! Х... х... х... хр... хр... хр-р-р... хр-р-р... хр-р-р...

— Толкай еще, а?!

— А я что делаю?!

— У-оп!

— Еще толкай! Сильнее!!!

— Вы что крутитесь, спать не даете! — послышался сонный голос Селиверстова.

— Храпишь!

— Я, что ли?

— Перевернись!

— Куда?

— На живот.

Какое-то вошкание слышалось две-три минуты.

— Меня в стенку палатки вмазали, — с придыханием произнес Равиль.

— Меня тоже, — добавил Юсупов.

— Мне, может, сидя спать?! — послышался недовольный голос Селиверстова.

— Послушай, Сергей Анатольевич, ты лучше посиди в палатке и подожди, пока мы с Равилем заснем. А потом храпи, сколько хочешь.

— А вы-то храпеть не будете?

— Конечно, нет!

По характеру вошкания я понял, что Селиверстов и в самом деле сел и стал ждать, когда заснут Равиль и Рафаэль Юсупов.

— Фью, — раздавалось иногда в тишине.

Чувствовалось, что Сергей Анатольевич курил в форточку палатки.

— У-гу-гу-гу, — послышался новый звук.

— Засыпает, сволочь, — прокомментировал вслух Селиверстов, издав нервный звук «Фью».

— У-гу-гу-гу!

— Пока только один начал.

— У-гу-гу-гу, у... у... у....ур... ур... ур....ур-р-р...ур-р-р...

УР-Р-Р ...

— Глотку тренировать надо, — многозначительно произнес голос Селиверстова.

— УР-Р-Р — УР-Р-РУР-Р-Р.

— Какая похабная глотка!

После этого началось вошкание. Чувствовалось, что Селиверстов укладывается спать, расталкивая Равиля и Рафаэля Юсупова. Последний на некоторое время замолк, а потом опять понеслось в тишине:

— Ур-р-р... ур-р-р... УР-Р-Р...

Вдруг среди этих однообразных звуков четко, как выстрел, прозвучало: — Хрк!

— Ур-р-р... ур-р-р... ур-р-р...

А далее звуки «Хрк» участились, потом перешли на звук «х», потом — на звук «хр» и... в тибетской ночной тишине «запел» грандиозный русский дуэт:

— Хр-р-р... ур-р-р... хр-р-р ... ур-р-р...

— Бедный Равиль! — подумал я.

Честно говоря, храп друзей помог мне скоротать эту ужасную ночь с доставшей до предела болью. В перерывах между приступами я даже иногда похахатывал. Я — хорошо засыпающий человек и могу заснуть даже в том случае, если рядом со мной спит «источник» самого жуткого варианта храпа, когда монотонные душераздирающие звуки внезапно прерываются и ты, холодея, думаешь: «Не умер ли он?». Часто пауза устрашающе затягивается, и ты чувствуешь, что сам перестаешь дышать. Неожиданно, когда напряжение достигает предела, раздается уже долгожданное «Хрк!!!», после чего звуки набирают такую силу, что кажется, что храпун

старается успеть выпустить весь свой «звуковой заряд» до следующего западения корня языка. А простые и уютные звуки «хр-р-р... хр-р-р...» или «ур-р-р... ур-р-р» даже успокаивают меня и перед засыпанием кажутся ласкающей ночной мелодией. Сам я считаюсь среди туристов «малохрапящим экземпляром». Утром желудок еще болел, но уже не так сильно.

— Как спал, шеф? — спросил Селиверстов.

— Не спал...

— Мы тоже что-то плохо спали.

Я уже устал от боли. Мне хотелось... домой. Но дом был далеко.

Мы собрали лагерь. Позавтракали китайской лапшой. Невыспавшийся Сергей Анатольевич дважды уронил рюкзак, выюча своего «родного» яка... Рафаэль Юсупов угрюмо наблюдал ним, не в силах что-нибудь сказать.

— Ну что, пошли, что ли? — тихим голосом сказал я.

И вновь пирамиды...

...По пути стали встречаться все новые и новые пирамиды.

Их было много. Превозмогая боль, я останавливался, фотографировал и рисовал. Я понимал, что не могу сосредоточить все свое внимание на рисовании, но я старательно рисовал, пытаюсь не придавать значения бесконечной и надоевшей боли. Иногда я зачеркивал плохо получившийся рисунок и упрямо начинал делать его вновь, с раздражением отмечая, что лучше он не становится. Здесь, в обители Мертвых, мне не удавалось перепрыгнуть самого себя. Но... хотелось... очень.

Одна из пирамидальных конструкций, которую я зарисовал (№48), имела многоступенчатый характер, высотой была около 400 метров и, несмотря на то, что имела не совсем правильную форму, была очень похожа на искусственное и очень древнее сооружение, четко выделяясь на фоне обветшалых тибетских гор. По середине проходил мощный разлом.

Другая пирамидоподобная конструкция (№59), которая встретилась нам по пути, была громадна и чрезвычайно сложна. Когда мы шли по долине, то из-за откоса банального осыпного тибетского холма показалось нечто огромное и ступенчатое, высотой минимум 700— 800 метров. Это «нечто» резко выделялось на фоне окружающих гор.

— О-о! — вскрикнул Равиль. — Вот это пирамидка!

— Да уж... — сказал Рафаэль Юсупов.

— Шеф! А что если мы полезем по склону, а потом... залезем и на саму пирамиду? Здесь вполне возможно совершить восхождение! — романтично предложил Равиль.

— Не надо, — угрюмо ответил я.

— Почему?

— Зеркала.

— М. ..да.

— Мне кажется, что здесь, в Городе Богов, все пирамидоподобные конструкции защищены Зеркалами Времени. У нас пока нет карты-схемы Города Богов, но мы ее сделаем, обязательно сделаем — не зря я вымеряю все азимуты и стараюсь точно привязать ту или иную конструкцию к местности. А если мы залезем на это пирамидоподобное сооружение, то я не исключаю, что мы попадем под действие сжатого времени и... тут же превратимся в стариков, — добавил я. — Не надо, братцы!

— Не надо, — согласился Селиверстов.

Подойдя ближе к этому «ступенчатому нечто», мы вскоре разглядели четкий куб, метров этак 50x50, выступающий вперед из одной из ступеней этого «нечто».

В меня как бы влились силы, и я, забыв про боль, начал привычно носиться по холмам вместе в Равилем. Вскоре перед нами открылся вид на все гигантское каменное сооружение. Две ступенчатые пирамидоподобные конструкции были соединены огромной, длиной не менее 2 км, каменной дугой. Было четко видно, что все это гигантское сооружение имело иную структуру камня, чем прилегающие тибетские холмы: камень, местами припорошенный снегом, блестел как зеркало. Складывалось впечатление, что на месте этого сооружения когда-то высилась обыкновенная горная вершина, которую древние строители сточили и из плотных ее слоев выточили эту необычную конструкцию.

— Здесь, наверное, был использован каменный лазер для обтачивания гор, — произнес я сам для себя.

Я тщательно зарисовал всю эту конструкцию, раз за разом задаваясь вопросом о ее предназначении.

— Равиль! Для чего, по-твоему, была построена эта махина? — задал я вопрос.

— Не знаю, шеф, — ответил он.

— Я тоже не знаю... — тихо признался я.

Что это, штампы?

Я присел на камни и задумался. Сумбур мыслей метался в голове. Мне очень хотелось знать это... но я не знал. Я напрягся, ожидая, что из мысленного сумбура, как искорка, выскочит «спасительная» мысль, которая поведет меня, разматывая клубок мыслей. Но эта «искорка» так и не выскочила. Я угрюмо опустил голову.

— Эх! — с досадой произнес я.

Я встал с камней, сложил полевые тетради в рюкзачок и в последний раз взглянул на это красивое гигантское каменное сооружение. — Штамп! — чуть ли не вскричал я неожиданно для самого себя. — Это штамп! Точно — это штамп! Гигантский штамп! Но... чего? Чего?! Чего?! Что создавалось по этому штампу? Кто это делал?

Я почувствовал унижительную слабость своего разума. Я выглядел маленьким-маленьким на фоне этого гигантского штампа. Я так мало знал! Я был таким маленьким! Как... муравей.

С опущенной головой я побрел дальше по маршруту. Ярким всполохом сверкнуло и исчезло в подсознании слово «матрица».

Вскоре мы дошли еще до одного пирамидально-зеркального комплекса длиной около 7 км. Я рисовал и рисовал, делая наброски каждого элемента этого комплекса, чтобы потом соединить их воедино. Разглядеть весь этот комплекс с одной точки было невозможно. Да и каждый элемент приходилось зарисовывать с нескольких точек зрения, чтобы воссоздать целостную картину этого комплекса. Я, конечно же, фотографировал и извел несколько пленок, но в конце моих «фотографических мучений» понял, что фотографии мало что дадут.

Высота каждого элемента этого комплекса составляла около 400— 500 метров. Складывалось впечатление, что весь этот комплекс был «вытесан» из существовавшего некогда горного хребта, возможно, с помощью... каменного лазера, работавшего на Силе Мысли человека.

Когда я, сидя на камне и преодолевая надоевшую желудочную боль, заканчивал панорамный рисунок пирамидально-зеркального комплекса, я уже не задавался бессмысленным вопросом о предназначении этого грандиозного сооружения. Мне просто казалось, что это есть «штамп», по которому сотворялось что-то грандиозное. Но что? Я не знал.

В тот момент я и представить не мог, что логика приведет нас к выводу, что по этим «штампам» созидались Тела Человека, а не просто рука или нога. Однако об этом, мы, дорогой

читатель, поговорим в следующем томе этой книги И, поверьте мне, это будет сложно, но очень увлекательно К тому же Вы, дорогой читатель, наверняка удивитесь тому, что древние шумеры знали тайну Города Богов И представьте степень моего удивления, когда ниточка мысли, кружившей вокруг анализа голографической и водной форм жизни на Земле, привела меня к осознанию сути непонятных доселе шумерских текстов Следующая пирамидоподобная конструкция (№70) была весьма оригинальна по замыслу и не походила ни на одну из ранее встреченных Высотой она была около 500 метров На юго-западной ее поверхности виднелись выступающие то ли каменные останцы, то ли полуразрушенные фигуры, кем-то и когда-то сделанные.

Вначале я немного сомневался в искусственном происхождении этой пирамидоподобной конструкции, но, окинув взглядом окружающие ее тибетские горы явно естественного происхождения, убедился в том, что никакая гора, даже самая необычная, не может столь резко выделяться на фоне осыпных пологих склонов. К тому же, мы находились в Городе Богов, состоящим из пирамид и монументов...

Вдруг мое внимание привлекли два конуса (№77, 78): один — остроконечный, другой — с цилиндрическим выступом на вершине. Высота каждого из них составляла около 200— 300 метров . Они были припорошены снегом. Я на скорую руку зарисовал их.

— Что это? — очередной раз спросил я самого себя. — «Штамп» тоже, что ли? Для чего?!

Вскоре мы увидели еще один комплекс, состоящий из трех громадных (высотой метров по 600-700) пирамидоподобных образований (№81, 82, 83). Было видно, что каждое из этих образований довольно сильно разрушено, но ступенчатый характер и множество других признаков выдавали в них то, что это не банальные горы, а сооружения, построенные древними с какой-то целью.

Вдалеке виднелась еще одна пирамидоподобная конструкция (№85). Я понимал, что из-за холмов отсюда видна только вершина этой конструкции, но мы не могли подойти ближе, чтобы разглядеть основание, поскольку боялись... зеркал. Видимая часть данной конструкции, высотой около 200 метров , очень походила на типичную ступенчатую пирамиду. Хотя она и имела следы довольно значительных разрушений, можно было отметить целый ряд отличий от пирамидоподобных конструкций, которые мы видели ранее.

И вновь из-за тибетских холмов выглянуло пирамидоподобное сооружение (№86). Высотой оно было около 500 метров , а длиной — около 1000 метров . Это ступенчатое сооружение имело одну характерную особенность. Все оно было изогнуто в виде дуги, а на вершине имело выступы, один из которых был похож на кланяющегося человека, второй — на рожок, а третий — на покосившуюся пластину. Я хотел забежать на бугор, чтобы рассмотреть это сооружение более подробно, но все время домогающая желудочная боль не дала мне сделать этого.

— Штампы, штампы и штампы! — тихо проговорил я. — Огромные и необычные штампы! Но... чего?

Я обернулся и встретился глазами с Равилем.

— Что, шеф? — спросил он.

— Да так... штампы.

— Какие штампы?

— Да так...

Я еще раз пристально взглянул на Равиля и, почему-то, обратил внимание на его карие глаза, вернее, на карего цвета радужки.

— Радужка, радужка... — опять тихо проговорил я.

— Чего?

— Да так... радужка...

— А при чем тут радужка?

— Сам не знаю.

Я как-то весь скукожился, ощущая полную нелепость этой мысли о радужке глаза, да еще вспомнил и кучу других нелепостей, сопровождавших меня по жизни.

— Эх! — только и смог сказать я про себя.

О, как многого я не знал в тот момент! Должны были пройти годы, чтобы эта, так нелепо появившаяся мысль о радужке глаза, всплыла вновь в новом обличий. Должны были появиться Анатолий Попов и Роберт Гордеев из Набережных Челнов, во время дискуссий с которыми об ангелоподобной форме жизни на Земле эта мысль о радужке глаза начала бы конкретизироваться, переплетаясь с хорошо известной мне, офтальмологу, иридодиагностикой, и привела бы к совершенно неожиданному выводу о том, что Бог вначале создал человека в виде радужки и только потом развернул из нее человеческое тело; и что голографическое тело ангелов очень похоже, как это ни странно звучит, дорогой читатель, на... радужку глаза. Не судите меня слишком строго, дорогой читатель, за этот весьма неожиданный вывод — об этом я подробно напишу в четвертом томе этой книги, и Вы поймете, что неожиданного и скоропалительного здесь ничего нет, а напротив, Вам все покажется логичным, понятным и даже само по себе разумеющимся.

А тогда, в тибетском Городе Богов, я стоял, слегка согнувшись от желудочной боли, обдуваемый холодным высокогорным ветром и про себя повторял:

— С чего это мысль о радужке пришла мне в голову? С чего это, а?

Нелепости

Далее я стал думать о нелепостях, которые мы так часто делаем в жизни, каждый раз приговаривая про самого себя: «Какой дурак, а! Чо я так сделал-то, а?». Но, как мне показалось, мой разум совершенно не отвергал эту нелепую мысль о радужке; он, мой разум, даже как бы «поглаживал» эту нелепость и даже как бы лелеял ее. Мне даже стало приятно, что я допустил такую нелепую мысль, а не отогнал ее горделивым взмахом головы.

— Нелепости! Нелепости! — я даже причмокнул губами, шагая вперед.

Я вспомнил, что по жизни я делал очень много нелепостей, очень много... и каждый раз, делая нелепость, густо краснел, что я... вообще-то, умею делать «на полную катушку», как стыдливая девочка. Я вспомнил, что каждый раз, когда краснел из-за нелепости, перед моим взором вставал горделивый «мэн» (мужчина) с непроницаемым выражением лица, который никогда не допустил бы нелепости и которому я так бы... хотел подражать. Но подражать не удавалось — нелепости преследовали меня.

— Да что это! — говорил я, допуская очередную нелепость и краснея при этом.

Ой, ой, ой! Смотри-ка, покраснел как рак! — «заботливо» подмечал кто-то из присутствующих, вгоняя меня в еще большую краску, когда лицо начинало уже полыхать огнем.

Постепенно я стал относиться к нелепостям, которые допускал по жизни, как к естественным поведенческим неудачам человека и даже стал меньше краснеть при этом, заменяя «процесс покраснения» на нервное курение или опрокидывание рюмки водки. А на людей, которые допускали нелепости при мне, я стал смотреть с чувством глубокого понимания, стараясь ободряюще хлопнуть по плечу или сказать что-то типа «Бывает! Через минуту эти дураки все забудут».

Но у меня осталось странное чувство уважения к тем людям, которые способны краснеть

как рак.

— Какой молодец, покраснел ведь, а! — порой думал я. Я стал даже анализировать свою симпатию к «процессу покраснения» и в ходе этого анализа заметил, что люди, умеющие краснеть, обычно лучше, чище и дружелюбнее, чем ничем не пробиваемые «человеческие манекены», умеющие, так сказать, «держат марку».

А потом, через много-много лет, я понял, что нелепости есть Богом определенное противоядие от главного греха — считать себя Богом, поскольку нелепости осаживают, а вернее «самоосаживают» человека, не давая ему вознестись слишком высоко от удачно подобранного галстука или сиюминутного внимания куклоподобной женщины. Счастлив тот человек, кто делает нелепости, поскольку в его менталитет «встроен» механизм борьбы с «Самим Собой Великим». Не каждого Бог наделяет счастливой способностью делать нелепости и густо краснеть при этом! Не каждому дано такое право — покраснеть за самого себя и, ощущая при этом чувство стыда, тренировать свою Совесть. Тренировкой Совести можно назвать вереницу нелепостей, сопровождающих нас по жизни. А человек с тренированной Совестью может даже пойти в Долину Смерти, где его ожидает Великий Суд Совести Царя Смерти Ямы.

— Совершайте, пожалуйста, нелепости и краснейте при этом! Это так важно — тренировать свою Совесть! — чуть — и не вслух воскликнул я.

Я понимал, что, наверное, всем людям Бог дает эту способность — совершать нелепости и, реагируя на них, ограждаться от греха самовозвеличивания. Но люди по дурости борются с этой «нелепой привычкой делать нелепости» и очень часто достигают в этом успеха, превращаясь в хорошо нам известных «манекенов», которым.. .уготована судьба «избиваться судьбой» на Этом Свете, а еще хуже — избиваться со скрежетом и маятой на Том Свете — только за то, что они отучили себя краснеть... Да и женщины — более чувственные создания с материнским элементом в душе — любят, почему-то, не «манекенов», своим напыщенным обликом поганящих какой-либо рекламируемый напиток, а просто нормальных парней, сила которых состоит не в «отштампованном имидже», а в искреннем взгляде и умении иногда сказать: «Извини!», густо покраснев при этом. А те девушки, которые «канают под манекенов», сами являются манекенами, да и «разбираться с ними» надо, не тратя на них чувств... «по-манекенски» иногда показав, что и парень с искренними глазами и умеющий нелепо краснеть может быть мощнее и сильнее каких-то там «манекенов», капающих под Бога. Ведь они, «манекены», с дурости переборовшие все свои нелепости, перед Богом являются самыми натуральными импотентами. А если говорить о любви, а не о потенции, то женщины любят немножко нелепых мужиков, поскольку они узнают в них детей, которых надо не только кормить, поить и обстирывать, но и... как повелел Бог, любить... еще раз повторяю, любить, как повелел Бог.

— Шеф, пойдем! Чо стоять-то? — послышался голос Равиля.

— Пойдем, пойдем... — ответил я.

— О чем думал-то, шеф?

— Да мысль такая нелепая пришла, что ангелоподобный человек есть... человек есть... радужка глаза... в биополевом или голографическом варианте, — сказал я и почувствовал, что покраснел.

Опять пирамиды

А потом опять «посыпались» пирамиды, древние пирамиды, которые кто-то и когда-то для

чего-то построил.

Две пирамиды (№87, 88) были видны очень хорошо. Одна из них, более высокая — метров этак 300 высотой, имела остроконечную вершину и две широкие ступени. Другая пирамида была раза в три ниже первой и имела четкие ступенчатые очертания и срезанную вершину. Я понимал, что из-за бугра выглядывают только части этих пирамидальных конструкций, но бежать на бугор, чтобы разглядеть все, не было сил.

Морщась от боли, я сделал зарисовку. Мы с Равилем все отсняли. Камень, на котором я сидел, был хотя и холодным, но уютным и удобным. Не хотелось встать и идти дальше.

— Мертвые ведь тоже на камнях сидят, — пронеслась мысль. — Странное счастье — быть Мертвым! Оно непонятно нам — Живым! И только те люди, которые умеют медитировать и мысленно входить в пространство Мира Мыслей, называемом Тем Светом, и превращаясь там в Человека-Мысль, могут знать, что быть свободным Человеком-Мыслью и есть истинное счастье — высшее и вечное Счастье, данное Богом. О, как велико это счастье — быть Человеком-Мыслью! Как счастливы, наверное, йоги, умеющие освобождаться от гравитационных и прочих тягот своего тела и взмывать вверх, забыв на время о своем теле и чувствуя себя составной частью прекрасного и страстного Мира Мыслей! Как счастливы, наверное, Мертвые, все время живущие на Том Свете в Мире Мыслей и любующиеся оттуда на свои неподвижные тела, которые молчаливо свидетельствуют о том, что главным полем деятельности Мертвых определен Мир Мыслей планеты Земля, где живем и... мыслим мы, простые люди, даже не заботясь о чистоте своих помыслов.

И, наверное... это тоже счастье, необычное счастье, — сидеть на каменном полу пещеры и... быть все время там, где когда-нибудь все мы будем.

Вскоре мы увидели еще одну группу пирамидоподобных конструкций (№96, 97). Две громадные пирамиды высотой метров по 500-600 высились вдаль. Одна из них была ступенчатой, а вторая — без ступеней, со срезанной верхушкой, на которой была установлена огромная каменная пластина. Уже темнело, поэтому на фото и видео эти пирамиды получились плоховато, но глазом они были видны достаточно хорошо.

Рядом мы заметили еще одну пирамидоподобную конструкцию (№ 112), тоже имеющую ступенчатый характер поверхности, но значительно меньшую по высоте (ориентировочно 80—100 метров). Темнело, да еще на нее упала тень от облака, — я еле успел зарисовать эту небольшую пирамиду.

Вечером в кухонной палатке я отказался от ужина, вернее... я поужинал горстью желудочных таблеток. Боль утихла. Я пошел в палатку и крепко уснул. Храпел ли кто-нибудь рядом или нет — я не слышал.

Утром, по пути, снова стали встречаться пирамиды. Группу из трех пирамидоподобных образований (№107-109) обнаружил Равиль, который попросил разрешения подняться на одну из возвышенностей, за которой он издали вроде бы заметил что-то необычное, не вписывающееся в пейзаж обычных тибетских гор.

Когда Равиль помахал мне рукой, я тоже поднялся на эту возвышенность и оттуда зарисовал три небольшие пирамидки (высотой 150— 200 метров), две из которых были ступенчатыми, а одна остроконечной.

Еще одна пирамидальная конструкция (№111) выглянула из ущелья. Она была довольно большой (высотой 300— 400 метров) и имела форму ровной пирамиды, на вершине которой виднелось трапециевидное образование с какой-то шишкой наверху.

И, наконец, мы увидели длинную (длиной около 700 метров) конструкцию (№142) со срезанной вершиной, около 300 метров высотой, на которой была установлена небольшая прямоугольная плита. Рядом торчала трапециевидная каменная плита (№143) высотой не менее

100 метров , похожая на отражатель. Какая-то необычная изогнутая конструкция (№144) дополняла весь этот странный ансамбль.

Мы вышли в широкую долину. Пройдя еще километра три, я остановился, снова огляделся вокруг и сказал:

— Братцы! По-моему, мы уже вышли из гигантской мандалы. Города Богов.

— Похоже, что так... — согласился Равиль, — пирамид больше не видно.

Я оглянулся и посмотрел на Равиля. Сзади него расстилались обычные тибетские горы, хаос ущелий и хребтов которых был так привычен на вид. В них, этих обычных тибетских горах, все линии плясали произвольный бессистемный танец, и не было ни одной ровной линии, ни одного красивого угла, ни одной ступени, за которую мог бы зацепиться взгляд. А мне хотелось... видеть пирамиды... уже просто по привычке.

Я опустил голову. Мне не хотелось смотреть вокруг. Я угрюмо побрел вперед. Ребята понуро шли за мной.

Я вспомнил ступу Сваямбанат в Катманду, в комплексе которой из 108 малых ступ мы не встретили ни одной однотипной ступы. Здесь, в Городе Богов, мы тоже не встретили ни одной однотипной пирамиды.

— А ведь и в самом деле, ступа Сваямбанат символизирует Город Богов, — подумал я. — Для чего же был построен этот Город? Для чего была выполнена эта гигантская работа, равной которой нет в мире? Для чего? Ведь это...

Боль в желудке мешала мне думать. За спиной ведь осталась... Долина Смерти. А надо было... думать-то!

Я продолжал угрюмо шагать по ровной долине к тому месту, где когда-то, перед походом в Город Богов, стояла наша палатка. Я отметил на карте это место и держал сейчас четкий азимут туда. Город Богов с каждым шагом отдалялся от нас — загадочный и неповторимый Город Богов.

Я вспомнил мысль, которая возникла у меня в начале путешествия на Тибет, что жизнь Шамбалы связана с пирамидами. Но каким образом, я не знал. Передо мной просто стояли необычные глаза, изображенные на ступе Сваямбанат, и не давала покоя мысль о том, что эти глаза смотрят на Главную Обитель Шамбалы — Город Богов.

Вдруг, неожиданно для самого себя, я остановился и оглянулся назад. Сверкающая вершина Кайласа, выглянув из-за гор, казалась уходящей в небо.

— Башня Шамбалы, — тихо произнес я.

Глава 19. Башня Шамбалы

Мы остановились.

— Может, покурим? — предложил Селиверстов.

— Давай! — согласился я.

Мы достали сигареты, легли на редкую травку и закурили. Все замороженно смотрели на сияющую пирамиду священного Кайласа. Наступила тишина. Даже ветер как бы стих.

— Фью, — раздался звук выдуваемого дыма.

— Почему ты, Сергей Анатольевич, так громко выдуваешь? — задал вопрос Рафаэль Юсупов.

— Вроде как не громко, — сконфузился Селиверстов.

— Нет, громко.

— Неужели?

— Да.

— А что тут плохого?

— Существует, так сказать, культура курения, — Рафаэль Юсупов поднял палец. — Даже заплеванной бычок от сигареты «Прима» можно курить культурно. Курение — оно носит ритуальный характер, когда человек, наслаждаясь дымом, выпускает его кольцами и любит ими.

— Чем любит? — Селиверстов опять громко выдул дым.

— Кольцами.

— А-а...

— Необходимо, — продолжал Юсупов, — слегка задержать втянутый в себя дым, чтобы он... — Впитался что ли?

— Ну... чтобы организм мог поглотить ароматические элементы, ради ощущения которых и совершается ритуал курения. Поэтому...

— Извините, Рафаэль Гаязович, — перебил Селиверстов, — о каких ароматических веществах может идти речь при курении заплеванного бычка сигареты «Прима?». Он, этот поганый бычок, навозом пахнет. А ведь курит его колхозник, курит! Понятно, что колхозник всю жизнь с навозом работает и запах его, навоза, становится родным для него. Но тогда, извините, можно навоз в самокрутку завернуть и курить! Но ведь не курит колхозник навоз, не курит, а заплеванной бычок предпочитает. Почему? Позвольте Вас спросить, Рафаэль Гаязович!

— Вы, Сергей Анатольевич, не понимаете того, что ароматические элементы сигареты не только через запах передаются. Запах — это дело второе!

— А что первое? Никотин, наверное?! Я понимаю, что в навозе никотина нет, потому что коровы, извините, не курят. Поэтому колхозник его и не курит, а бычок предпочитает, чтобы никотин его, бычка, — впитать. Никотиновым наркоманом является колхозник!

— Почему только колхозник? — вставился некурящий Равиль.

— Можно курить и сено, — не обращая внимания на слова Равиля, продолжал Селиверстов, — но его, сено, пусть коровы едят и в навоз превращают.

— Вы что, Сергей Анатольевич, думаете что бычки... ой... что сигареты «Прима» из навоза с добавкой никотина делаются? — с усмешкой спросил Рафаэль Юсупов, красиво выдув дым.

— Из травы делаются. Но добавки навоза точно присутствуют.

Вот только для чего его туда добавляют? Для адаптации к условиям деревни, что ли? Тогда бы лучше назвали эти сигареты не «Прима», а «Деревенские» или «Колхозные». Справедливее было бы.

— Вы, Сергей Анатольевич, ничего не понимаете в ароматах.

Ароматы или амбрэ...

— Чего-чего?

— Амбрэ.

— А-а...

— Ароматы ольфакторным путем способны воздействовать на некоторые структуры мозга, прежде всего на амигдалогиппокампаальный комплекс, вызывая ассоциации, приятные для человека. Ради этих ассоциаций, воспринимаемых лишь подсознательно, и курит человек, — заявил Юсупов.

— Извините, Рафаэль Гаязович, какие ассоциации может вызвать аромат или, как его...

— Амбрэ.

— Амбрэ, исходящее от колхозника, выкурившего заплыванный бычок сигареты «Прима»?

— Ассоциации могут быть внешними и внутренними...

— Ассоциация здесь одна — навоз, — отрезал Селиверстов.

— Не все так однозначно!

— У современных женщин, особенно у этих фифочек, которые с жиру бесятся, в моду вошли страшно дорогие духи с запахом прелого сена. Я с одной такой фифой дружил... Но как она помазалась такими духами, то сразу ассоциация возникла...

— Какая?

— С навозом! — утвердительно сказал Селиверстов. — Да еще и кладовкой подпахивало.

— Кладовкой?

— Да. Вы нюхали, Рафаэль Гаязович, кладовку?

— Ну, нюхал.

— Чем она пахнет?

— Кладовкой.

— Кладовка, — Селиверстов поднял указательный палец, — пахнет старостью. Эти зажавшиеся дамы до такой степени дури дошли, что стали запах старухи модным считать... да еще и вперемешку с запахом навоза. А ведь молодая та фифа была, очень молодая! А как кладовкой запахла... вперемешку...

— Ты ушел?

— Ушел.

— Кстати, — заметил Юсупов, — мужчины курят из-за женщин.

— А это почему?

— Когда некурящий мужчина сидит рядом с курящей женщиной, то он себя импотентом чувствует. Как только мужчина закуривает, то это чувство проходит.

— Вы это по себе знаете, что ли, Рафаэль Гаязович?

— Ну... ароматы сигареты, воспринимаемые подкоркой, возбуждают многие центры, в том числе и... Кроме того, притупляется неприятное восприятие курящей женщины, от которой пахнет...

— Навозом, что ли?

— Женщины дешевые бычки не курят!

— Втихаря покуривают...

Наступило минутное молчание. Чувствовалось, что друзья исчерпали эту тему.

А высоко над нами в небе сверкала пирамида священного Кайласа, которую тибетцы называли Башней Шамбалы.

— Давайте еще по одной засосем! — раздался голос Селиверстова — Закурим, имеее в виду? — переспросил Юсупов.

- Да.
- Только вы, Сергей Анатольевич, дым выдувайте, пожалуйста, изящнее!
- Здесь разреженный воздух!
- Ну и что?
- Дуть сильнее приходится. В Уфе буду слабее дуть, там воздуха много.

Священная Башня

Я продолжал смотреть на священный Кайлас. Я чувствовал, что мое подсознание при виде этой самой священной (я не побоюсь этого слова!) пирамиды сильно радуется — ведь именно оно привело меня сюда. Но оно, мое подсознание, раз за разом подсказывало мне, что эта гигантская пирамида была построена не для нас — земных телесных людей — она была построена для... для... О, как многого я не знал тогда! Я даже и представить не мог, что вскоре в моем лексиконе появится термин «Новый Человек».

Я лежал и думал о том, что эту гигантскую пирамиду, построила, наверное, Шамбала-многоликое сообщество Лучших из Лучших, которое живет по истинным божьим законам и которое, к тому же, опекает все остальные формы земной жизни, в том числе и нашу, являясь стержнем жизни на Земле. Им для чего-то и была нужна эта... Башня Шамбалы.

Я присмотрелся к вершине Кайласа и вспомнил, что «старший человек» пещеры Харати говорил, что там, на вершине, находится третий вход в подземелья Кайласа, и что никто не имеет права взойти на его вершину, потому что там могут пребывать только Боги.

Я вспомнил слова ламы Кетсуна Зангпо о том, что на вершине Кайласа есть площадка. Тогда я еще не предполагал, что вскоре нам удастся логическим путем рассчитать размеры и форму этой площадки и что этот расчет поведет нас в новые экспедиции по миру по следам «корабля древних».

Я вспомнил двух тибетцев, которые стояли на холме и смотрели на запад, в сторону Кайласа, пытаясь уловить свечение, исходящее от священной горы. Затем всплыли лица немецких паломников, видевших таинственное свечение, исходящее от Кайласа, а также вспомнилась история о загадочных глазах в небе, которые видел Сергей Анатольевич Селиверстов.

— Легендарный камень Шантамани! — прошептал я. — Внутри пирамиды Малого Кайласа он находится! Но никто из людей не может достичь его, никто не сможет овладеть им и стать Владыкой Мира!

Я пристально вглядывался в четкую пирамидку Малого Кайласа. Она была белая и как бы светила на фоне неба. Мне показалось, что камень Шантамани наблюдает за нами.

Я вспомнил монаха из монастыря Чу-Гомпа и его рассказ о Добром Боге Тиуку Точе, который вернулся и сейчас живет на священной Кайласе, определяя наступление «хороших времен». А также я вспомнил из его рассказа, что возвращение Бога Тиуку Точе сопровождалось сильным свечением камня Шантамани.

Необъяснимое

Я смотрел и смотрел на Башню Шамбалы.

Завороженно смотрел... Я уже понимал, что мир значительно сложнее, чем мы думаем. Но меня удивляло то, что люди, почему-то, считают мир, в котором мы живем, простым и понятным. Они, люди, не думают о параллельных мирах, не думают о Шамбале, не думают о подземном мире и многом другом, а относятся к среде своего обитания примерно так же, как домашняя кошка считает всем миром квартиру, в которой она живет, ощущая себя при этом полновластной хозяйкой, слугами которой являются большие двуногие существа, называемые людьми, призванные кормить хозяйку — кошку, стоит только ей погромче мяукнуть. Люди почему-то считают, что могут все объяснить, поскольку они знают все, и в этом угаре всезнайства, они доходят до такого абсурда, как археологическое объяснение строительства пирамид «бесколесным» рабовладельческим обществом полудиких людей.

Люди даже ставят идиотские эксперименты по «пирамидостроительству» полудиким способом, или выдают какой-нибудь пресловутый черепок за мировое открытие, лишь бы можно было объяснить все «по-чело», «научно», в пределах существующего уровня знаний, чтобы никогда не признаться в том, что в мире существует еще и необъяснимое... пока необъяснимое, и что это необъяснимое надо воспринимать как существующую реальность, самую натуральную объективную реальность, а не фантазию. Люди до такой степени влюблены в себя и до такой степени пропитаны грехом «считать себя Богом», что не могут воспринимать того, что в мире в реалиях существует необъяснимое, и существует только на том основании, что человек — не Бог, а всего лишь продукт божьего замысла. Но, наверное, так хочется считать себя... пусть не Богом, но хотя бы всезнайкой!

Люди так влюблены в «машину», называемую Телом, которая подарена им Богом, что напоминают чокнутого автолюбителя, вся жизнь которого посвящена любимому автомобилю, а верчение «баранки» воспринимается им как высшее человеческое достоинство.

Люди дошли даже до того, что вот уже много лет не могут отойти от объяснения предназначения монументов древности как всего лишь гробниц для царей, поскольку его царское «тело-машина» было так ценно, так ценно... что надо было воздвигнуть аж «пирамиду Хеопса», чтобы увековечить эту неказистую и плохо работавшую «машину», некогда зародившуюся в утробе скучающей от земной жизни матери и на мгновение переборовшего импотенцию отца-царя. Люди доходят до абсурда, пытаясь все объяснить, и никак не хотят воспринять, что для них, трехмерных людей, создан всего лишь трехмерный — сравнительно примитивный — мир и что нельзя смотреть на все мироздание «трехмерным взглядом», и, тем более, нельзя ставить знак равенства между монументами древности и пресловутыми гробницами... мы ведь не делаем гробниц для своих автомобилей! К тому же мы не Боги, чтобы знать все, и для нас, простых трехмерных людей, существование Необъяснимого должно быть нормально, совершенно нормально. И надо иногда признаваться, сказав себе, что это необъяснимо! А если Вы ученый, то взять да и написать в научной статье, наперекор мнению ученых авторитетов, что данный факт по современному уровню знаний можно считать необъяснимым. Это будет, по крайней мере, честно.

Любопытство

Я смотрел и смотрел на священный Кайлас — Башню Шамбалы. Прямо-таки сверлил ее, Башню, взглядом. Сильно сверлил. Я, конечно же, хотел понять ее предназначение. Но не понимал. Ни на граммульку не понимал! Но хотел. Очень хотел. Я был, в сравнении с Башней Шамбалы, маленьким-маленьким, никчемным-никчемным... Но я был человеком. И, как

человек, конечно же, обладал любопытством, которое, конечно же, хотел удовлетворить. Город Богов так протряс меня, Долина Смерти так поколотила меня, что я, наверное, стал кое-что понимать в этой жизни. Я наконец-то осознал, что именно любопытство, которое привело нас сюда, есть чувство, возбуждаемое Необъяснимым и Непознанным, и является истинным стимулятором прогресса. Я бы даже назвал Любопытство Главным Чувством человека, поскольку именно оно, это страстное чувство, порождающее бесконечные «Почему?», реализует человека, как самопрогрессирующее начало.

О, как важно почаще задаваться вопросом — «Почему?!». Но также очень важно понять, что Создатель установил границы познания в виде прозрачных и невидимых преград Пространства, разделяющих параллельные миры и ограничивающих любопытство человека. Наше любопытство — любопытство трехмерных людей — может реализоваться только в пределах знаний, вложенных Создателем в трехмерный мир, и никогда не реализуется на уровне знаний четырехмерного мира. Для того чтобы овладеть знаниями четырехмерного мира, надо стать... извините, четырехмерным человеком.

А Бог, я думаю, предусмотрел возможность перехода человека из одного мира в другой. Мы ведь в череде наших бесконечных жизней, наверное, меняем тела «как перчатки», и... когда-нибудь Бог «подарит» нам четырехмерное тело, и тогда для нашего любопытства откроются безбрежные просторы нового, более сложного мира, где мы начнем удовлетворять, удовлетворять и удовлетворять свое безбрежное любопытство... в этом странном поначалу мире. И, где-то в глубине души, мы будем радоваться тому, что в ставшем уже далеким трехмерном мире ты, человек, смог все же, порой чертыхаясь и негодуя, сохранить чистоту своей души и старался привить им, уже далеким трехмерным людям, принципы жизни с Чистой Душой в противовес всевластию Жадности и Зависти. И там, в этом странном четырехмерном мире, ты, наверное, погладишь свой четырехмерный животик и с удовлетворением отметишь, что... все-таки люди здесь какие-то не такие, со странными, по-детски чистыми глазами и... что они радуются новому человеку... пришельцу из трехмерного мира... потому что он смог выдержать там, в темном трехмерном мире, испытание Жадностью и Завистью, от которых четырехмерное человеческое общество давно уже освободилось; да и жить здесь легко... с Чистой Душой... не то что там, в трехмерном мире, где человек с Чистой Душой кажется «белой вороной».

Я все продолжал смотреть на Башню Шамбалы.

— Как жаль, что я не человек Шамбалы! — просквозила мысль.

Я встал с земли. Я понимал, как-то легко понимал, что я не Лучший из Лучших. Я всего-навсего имел право надеяться, что когда-нибудь, через много-много жизней... может быть... может быть... если я... смогу... быть чистым Душой...

Я подумал о том, что люди Шамбалы, наверное, настолько совершенны, что могут переходить из одного мира в другой и обратно, что своей Силой Мысли они смогли построить Город Богов с Башней Шамбалы в центре...

— А ведь Башня Шамбалы построена не только в одном мире, а сразу в нескольких параллельных мирах! — чуть было не воскликнул я. — Они, люди Шамбалы, имеющие способность жить попеременно в нескольких параллельных мирах, в период строительства Башни Шамбалы, говорили, наверное: «Ну, что ж! Строительство трехмерной Башни мы закончили, давайте приступим и к строительству четырехмерной Башни».

Я пристально смотрел своим трехмерным взглядом на трехмерную Башню Шамбалы. Я понимал, что увидеть четырехмерную Башню я не смогу. Но мне хотелось. Но... я не мог, поскольку... я был трехмерен, одетый в трехмерный анорак... с трехмерной сигаретой в зубах.

Я ждал. Страстно ждал... что скоро появится мысль. Я надеялся, что мысль все же появится. Я только боялся того, что эта мысль будет расплывчатой, требующей дальнейших

исследований, а не финальной, конечной, когда с удовлетворением можно поставить точку.

Так оно и случилось — мысль появилась, но оказалась расплывчатой и... очень и очень странной... с какими-то грандиозными оттенками. Я даже хотел отбросить эту мысль, но, к счастью, не стал делать этого.

Ген Жизни?

А суть этой мысли состояла в том, что Кайлас (или Башня Шамбалы) есть, прежде всего, штамп, по которому создавался Ген Жизни.

— Ген Жизни! Ген Жизни! — начал я повторять раз за разом про себя.

Как ученый-медик, я хорошо знал, что каждая клетка человека и других живых организмов имеет в своем генетическом аппарате так называемый ген апоптоза (или ген запрограммированной гибели клетки, или Ген Самоубийства, или Ген Смерти) и антиапоптотический ген (Ген Жизни). Если включается Ген Смерти (апоптоз), то в клетке начинается фатальный отсчет времени, который приводит к ее гибели. Если включается Ген Жизни, то эффект запрограммированной Смерти отключается, и в этом случае, здоровая клетка продолжает жить, а больная клетка начинает выживать, выживать и, в конце концов, превращается в здоровую клетку.

Ученые всего мира изучают эти два гена, и в этом есть большой резон; если, например, удастся включить Ген Смерти в раковых клетках, то опухоль погибнет.

Я опять уселся на землю. Закурил новую сигарету. Стал думать. В то время я уже знал, что, по данным двух гениальных российских ученых П. П. Горяева и Г. Г. Тертышного, генный аппарат клетки несет всего лишь 10% всей информации организма, а остальные 90% приходится на биополе и, видимо, на внутриклеточную воду.

— Так, так... — стал я анализировать, — информация, вложенная в человека Создателем, находится в трех составляющих его тела: генах, воде и биополе. Но что-то должно объединять эти разрозненные источники информации! Что же?

Меня стала нервировать эта расплывчатая и, в принципе, нелепая мысль о том, что пирамидоподобная конструкция Кайласа есть штамп, по которому загадочная Шамбала создавала Ген Жизни. Все плавало в голове, безобразно и противно плавало. Я даже заерзал. Потом я собрался и опять стал анализировать.

Внутренне я был вполне согласен с тем, что базовая (определенная Создателем) информация находится в генах, воде и биополе, но не мог найти объединяющее начало этих информационных структур.

— Что же? Что же их объединяет? — думал я.

Все подчиняется Времени

И тут я вспомнил Долину Смерти и то, как меня и мою жизнь анализировала думающая субстанция, исходящая от Зеркала Царя Смерти Ямы.

— Время! Энергия Времени объединяет все три информационные структуры живого организма! — чуть не вслух воскликнул я. — Объединяющая информация находится в Энергии Времени!

Именно в Энергии Времени заложено не только то, что отмеряет минуты, часы, дни и годы земной жизни, но и то, что... в какой-то момент начинается фатальный отсчет в сторону неминуемой смерти, когда включается ген апоптоза в клетках, чтобы они, клетки, постепенно и самопроизвольно умирали, все затягивая и затягивая в смерть весь организм, состоящий из клеток. Все — будь то гены, будь то вода, будь то биополе, — подчиняется Времени! Какая же мощь заложена во Времени! Почему именно Время, почему именно оно...? Почему?

Мой мозг раскалился, Я снова закурил, не обращая внимания на намеки ребят, что, вообще-то, пора идти.

— Откуда у Времени столь колоссальная информационная мощь? — раз за разом задавался я вопросом. — Это неспроста!

Неспроста! Что-то грандиозное и... связанное со знаниями религий. .. заложено здесь. Но что? Что?!

В этот момент я хлопнул себя по лбу и громко сказал:

— Дурак! Какой же я дурак!

— Почему? Заблудились, что ли? — отозвался Селиверстов. — Ты вроде хорошо идешь по азимуту. Прямо. Чо еще надо?!

— У любого человека иногда наступают моменты самобичевания, — послышался голос Рафаэля Юсупова. — Кстати, это хороший признак. Человек, бичующий себя, не бичует других. Вот если бы Вас, Сергей Анатольевич, обозвали дураком, Вы бы обиделись?

— Обиделся бы.

— А если бы Вы сами обозвали себя дураком, то Вы бы никогда не обиделись на себя. Так ведь?

— Так. А к чему это?

— А к тому, что иногда очень полезно назвать себя дураком, — Рафаэль Юсупов пристально посмотрел на Селиверстова поверх очков.

— Вы на что это намекаете? — насупился Селиверстов.

— Не намекаю.

— Нет, намекаете!

— Нет, не намекаю.

— Здесь ведь и обидеться можно...

— На что?

— На то.

— На что это — на то? Я ведь Вас, Сергей Анатольевич, не назвал...

— Еще бы назвал...

— Объясняю, — Юсупов сделал миролюбивое движение рукой. — Называть себя дураком полезно с профилактической точки зрения.

— Чтобы не стать дураком, что ли? — Селиверстов искоса посмотрел на Юсупова. — Какая такая профилактика?! Нет профилактики от дури! Дураками рождаются!

— Бывают и приобретенные формы...

— Я вон знал дурака одного, Кольку. Так он, как родился дураком, так и живет им, — поделился жизненным опытом Селиверстов.

— Кем живет?

— Дураком.

— Так он, этот Николай, никогда, наверное, не называл себя дураком? — с ехидцей в голосе спросил Юсупов.

— Не припомню. Глупости говорил только. Чушь порол с умным видом, да еще активно так порол! Он, Колька, вообще считал себя умным, даже поучал, но тупо, — вспомнил Селиверстов.

— Очень тупо! Бежать от его тупости хотелось, чтобы в пивной примитив не превратиться. Пиво он любил, Колька-то!

— Пиво, говоришь?

— Да, пиво. А что?

— Да так, ничего.

— Приобретенная форма дури — от пива, что ли? — Селиверстов недоуменно посмотрел на Юсупова.

— Не всегда.

— Я, кстати, пиво не очень уважаю.

— Я тоже.

— Но иногда пью.

— И я иногда...

Я отвлекся от привычной перепалки друзей, у которых, извините, дорогой читатель, хватало ума на то, чтобы по жизни быть открытыми и активными и уметь с детской откровенностью вступать в споры в минуты расслабления, которых, ой-ой, было не так-то много в этой тяжелой экспедиции. Да и легко было с этими людьми, всегда легко; хотя они оба и являлись солидными российскими учеными, но... умели жить с элементами детства в душе.

— Дурак! Какой же я дурак! — уже про себя сказал я. — Ведь я же сам совсем недавно пришел к выводу о том, что человек первоначального (и родоначального) Того Света есть прежде всего Человек-Мысль, а Мысль состоит из Энергии Свободного Времени, свободной от Пространства. Поэтому человека Того Света (или Человека-Мысль) можно назвать еще и «Человек-Время». Именно его, Человека-Время, вечно живущего в Мире Свободного Времени (или в Мире Мыслей или Том Свете), Бог, образно говоря, заставил войти в пространство и начать осваивать новый мир — Мир Пространств, где ты — Человек-Время — уже не фракталей и не можешь мгновенно перемещаться по Вселенной, а должен жить внутри Пространства, вдыхая в него жизнь. О, как, наверное, неуютно чувствует себя человек Того Света, привыкший свободно жить в бескрайних просторах Мира Свободного Времени, когда его посылают в то или иное пространство (например, трехмерное) и буквально запирают внутри «тела-машины», которой он должен управлять, постоянно заботясь о функционировании трех информационных структур «тела-машины» — биополя, воды и генов! О, как, наверное, тяжело, когда его — древнейшего и совершеннейшего Человека-Время — заставляют управлять этими не очень совершенными (пока!) биополями, этой жадной до информации водой и этими совсем еще примитивными генами! Ах, как хочется вновь обрести свободу и летать там, где ты захочешь, стоит только подумать! Но... Бог-Отец велел! Ему виднее! Приказ есть приказ! Приказы не обсуждают! Если послал Бог осваивать Мир Пространств, значит, так и надо! Мог бы, конечно, послать в более приличное пространство, а не в это примитивное трехмерное пространство, где все так угрюмо, что даже управлять машиной-телом не хочется; ведь оно, это трехмерное тело, еще не адаптированное к условиям вечной жизни со сменой тел, проявляет глупую самостоятельность и даже давит на тебя — Дух, не прислушиваясь к подсознанию, чтобы ты — вечный Человек-Время — уступил ему, телу, и стал управлять всей трехмерной сознательной деятельностью «пространственного человека» в угоду низкопробным телесным помыслам, таким как, например, обеспечение тела... питанием на сто жизней вперед! Как противно управлять телом, которое копит эти поганые деньги, не задумываясь над тем, что тело не вечно, а на Том Свете денег не нужно! Как жаль, что так быстро проходит детство, когда управлять телом легче, а сознание еще не отравлено «трехмерным вещиизмом»! Но... наверное, нужен этот мир испытаний, чтобы испытывать нас — древних и совершенных Людей — и время, чтобы родоначальный Тот Свет, где во всех красках блистает слово Свобода, был всегда чистым и

страстным! Богу виднее! Наверное, и вправду надо осваивать и совершенствовать этот мир Пространств! Но как хочется туда, в мир Свободного Времени... в родной Тот Свет...

Я лежал на траве и смотрел в небо. Оно было голубым. Я постучал ладонью по земле — она была твердой... трехмерно твердой. А потом я еще раз сосредоточился и постарался все эти мысли привести в систему.

Я понимал, что существуют два принципиально отличающихся мира — Мир Свободного Времени и Мир Пространств. Я осознавал, что Бог есть, прежде всего, Владыка Мира Свободного Времени и что прежде всего там, в этом мире, где мы когда-нибудь обязательно будем, Он начал в свое время создавать жизнь и создал ее в таком совершенстве, что удалось добиться даже того, что человек стал бессмертен. Человек-Мысль, которого Он создал из Энергии Свободного Времени, стал поистине счастливым потому, что он был фрактальным, то есть у него не было масштаба (так как он был отделен от пространства) и он мог мгновенно перемещаться по всей Вселенной Свободного Времени, — стоило только подумать.

Но Бог не остановился на этом. После того как жизнь в Мире Свободного Времени до полного совершенства и гармонии, Он решил освоить Мир Пространств. Первым долгом Он систематизировал Пространства, разложив их по мирам: трехмерный мир, четырехмерный мир, пятимерный мир и так далее. А далее он использовал совершеннейшую форму жизни Мира Свободного Времени, чтобы через нее вдохнуть жизнь в Мир Пространств. Изогнув, например, в трехмерном варианте Пространство, Создатель послал туда и «запер» там Человека-Время (или Человека-Мысль), определив его как Дух, призванный управлять всеми сотворенными информационными структурами этого Пространства, прежде всего биополем (или биополями!), водой и генами Человека-Пространства. По замыслу создателя Человек-Время (или Дух) должен был отсчитывать время жизни каждой клетки, каждого органа и всего организма и делать многое-многое другое, чтобы эта «пространственная машина», названная телом, работала хорошо.

Человек-Время также должен был контролировать работу сознания — чисто «пространственного варианта мышления» и заставлять его, сознание, хотя бы иногда прислушиваться к нему — Духу и не забывать об интуиции. Но поскольку Человек-Время (Дух) есть одновременно и Человек-Мысль, то он, пристально наблюдая за сознанием пространственного человека, должен был постоянно передавать на свою Родину — Тот Свет — информацию о мыслях земных (пространственных) людей и, в согласии с Тем Светом, определять продолжительность жизни земного человека в усредненном для данного периода истории варианте, когда главным критерием того, в какое время надо включать ген смерти (апоптоза), является чистота помыслов земных людей.

Как бы два человека живет в нас — Человек-Время и Человек-Пространство. Когда мы освободимся от Человека-Пространство, то земное сознание исчезнет, но на смену ему придет другое сознание — космическое.

— С чего это я начал так глобально мыслить? Откуда я это все знаю? А где доказательства? — внезапно ударила отрезвляющая мысль.

Меня даже бросило в жар.

— Да какие доказательства этому могут быть? — появилась ответная мысль. — Бог, что ли, предоставит доказательства тебе, неразумному, на блюдце с каемочкой, что ли... как очередной черепок археологам?! А почему мы так боимся верить мыслям, а верим пресловутым черепкам? Почему?

Я взглянул на священный Кайлас — Башню Шамбалы. Мысль о том, что это есть гигантский штамп Гена Жизни, не покидала меня. Я даже сопоставил форму Кайласа с формой Гена Жизни и представил, как на этом «штампе» искривлялось пространство, да так

искривлялось, что образовались сразу и «биополевой ген» и «водный ген» и обычный телесный ген для того, чтобы все было готово к тому, когда оттуда, сверху, поступит команда, и к этим трем «генам» прилетит нечто другое — Человек-Время, который и начнет управлять их работой, чтобы когда-нибудь, пройдя стадию ангелов и призраков, на Землю шагнул телесный человек, который никогда и не вспомнит, что его делали на гигантском штампе, в сравнении с которым он — плотный — кажется сущим муравьем.

Я встал и сделал несколько шагов.

— Уходим, что ли? — спросил Селиверстов.

— Сейчас, сейчас...

— Хорошо.

Я еще раз взглянул на Башню Шамбалы и представил величие людей этой загадочной подземной страны — они не просто знали все это и намного больше этого, но и пользовались этим... да так эффективно пользовались, так эффективно... так...

Я опустил уставшую голову и потрогал ее. Она показалась мне маленькой-маленькой, хотя, и была 61 размера.

— Радужка! Ангелы! — прострелила необычная мысль.

Но я не смог уцепиться за нее. Я просто устал. Я ведь был маленьким-маленьким. .. всего лишь слегка разумным человеком... очень слегка.

А Башня Шамбалы сверкала на солнце, как бы свидетельствуя о мыслительной мощи людей великолепной Шамбалы.

— Человек-Время, входя в Человека-Пространство, управляет, прежде всего, его уже созданным Телом Времени и через него управляет биополем, водой и генами. Тело Времени создавалось тоже здесь! — просквозила еще одна шальная мысль. Но у меня уже не было сил думать дальше.

О, как многого я не знал тогда! Нужны были годы, чтобы эти две шальные мысли о радужке и Теле Времени развились, отработались и привели в систему всю гипотезу о Городе Богов, где... извините, дорогой читатель, за смелость...по-моему, и создавался человек, но... новый человек. Но об этом мы поговорим в следующем томе этой книги, в противном случае этот том станет слишком пухлым и не полезет в женские сумочки, что, как Вы понимаете, очень важно.

Мы рисуем Жизнь

Я посмотрел на компас, еще раз взял азимут и зашагал к тому месту, откуда мы начинали поход к Городу Богов.

— Мы живем в каком-то нами же нарисованном мире — думал я, шагая. — Каждый человек — художник своей жизни. Рисует жизнь каждый или... почти каждый. Редко кто живет натурально. Почему? Да потому, что мы так мало знаем самих себя. Мы почти не знаем, кто мы! Мы проходим в школе и даже сдаем на пятерки предметы, навязывающие нам «обезьяний вариант» развития человечества, но в глубине души не верим тому, за что получили пятерку. Что-то глубинное не дает нам отупеть до этой степени. Мы начинаем ходить в церковь, чтобы здесь удовлетворить свой внутренний порыв познать самого себя, но заунывное напевание попа с неестественными утробными нотками в голосе, исходящими, вроде как, чуть ли не из пищевода, вскоре надоедают нам, и мы перестаем вникать в суть молитв, всего лишь рассматривая прекрасные орнаменты и вдыхая какой-то особо пряный воздух церкви. А вопрос «кто я?» так и висит над нами и., . одновременно треплет, треплет и треплет изнутри. Вот и

остаётся самому «рисовать сюжет» на тему — кто я?

«Сюжеты», которые мы рисуем о самих себе, бывают разные. Достаточно редко люди рисуют «самобичующий сюжет», представляя себя чем-то вроде деревенского животного, научившегося ходить на двух ногах.

Значительно чаще люди рисуют о себе «банальный сюжет», для которого характерны, например, самозабвенное поедание мороженого как способ получения радости; желание красиво постоять с банкой пива на людной улице как способ удовлетворения своего тщеславия; привычка загадочно помолчать с томными глазами перед интересующим экземпляром противоположного пола как способ скрыть банальность своего мышления; умение рассказать «зажеванный» анекдот, первым захохотав при этом как способ демонстрации своего интеллекта и так далее.

Но чаще всего люди рисуют о себе «самовозвеличивающий сюжет», обычно глубоко утаивая его в себе, но иногда, когда душа уже не терпит, появляясь на людях в цветастом галстуке или малиновой рубашке навыпуск и любуясь, как перед ним — нарциссом (из-за рубашки!) — тают «банальные сюжетчики», рассказывая ему лично занюханый анекдот и подобострастно поглядывая на него — в малиновой рубашке. Мужчин, которые рисуют «самовозвеличивающий сюжет», в народе называют «надутым индюком» или «самовлюбленным идиотом». Наиболее умные из этих... «идиотов» способны додуматься до того, что носить пресловутую малиновую рубашку бескультурно, поэтому они чаще всего одеваются во все белое (видимо, вплоть до трусов, не говоря уже о носках) или во все черное (естественно, вплоть до трусов или... кальсон), чтобы подчеркнуть свою загадочность (или скрыть свою...).

А самые умные из этих... «идиотов» осознают, что дело даже не в одежде, а в манерах, которым они где-то там (непонятно, кстати, где!) учатся и красиво демонстрируют, с укором поглядывая на «банального сюжетчика», не умеющего даже элегантно держать вилку и не обученному английскому варианту открывания рта для запихивания туда, например, капусты. И уж совсем гении из этих... самых... догадываются до того, что дело даже не в манерах, а во взгляде, который надо долго тренировать перед зеркалом, чтобы потом все время «жить» за счет своего взгляда: не понравилось — слегка поднял бровь одного глаза; понравилось — приспустил ресницы (дай-то Бог, чтобы они были длинными как у «... меньшинства»); скучно — уставился в одну точку; весело — «посмеялся» глазами (слегка их прикрыв); надо обаять — широко раскрыл глаза и так далее. «Банальщик» не понимает этого, но чувствует и... клюет.

Мужчины женщин, как правило, «хотят», и без конца говорят об этом... даже если и не «хотят». Процессу «хотения» подвергаются все три категории женщин: «самобичующих женщин» хотят, чтобы доставить им благородную... двухминутную... радость, «банальных женщин» хотят, вспомнив, что в животном мире существуют отношения между самцом и самкой, а «самовлюбленных женщин» хотят, приговаривая: «Я тебе, сука, покажу — кто я».

Так вот, количество женщин третьей категории (рисующих «самовозвеличивающий сюжет» своей жизни, которых мужчины хотят по принципу «Я покажу тебе ...»), на мой взгляд, в последнее время увеличивается. Наступили такие времена, что советская уравниловка канула в лету, и на первый план выступили материальные (а не „комсомольские“ или... „пионерские“) ценности, когда даже импотент на «Ауди» может сойти за мужика, а свой сексуальный порыв можно удовлетворить, глядя на экран компьютера или просто представляя сантехника Ваню, который способен на такое...

При этом, очень важно не перепутать и, в периоды высокосветских бесед о любви, не назвать (не дай Бог!) своего любимого именем... Ауди или, еще хуже... Ваня. Такие женщины очень ценят себя, очень, и каждый «допуск» к своему белому телу экземпляра мужского пола оценивают как золотой подарок ему — «самцу», не забыв при этом издать душераздирающий

крик, свидетельствующий о дикой степени возбуждения во время двухсекундной процедуры, которую бы тот самый Ваня даже и не заметил, привыкший к тому, что если трубы драить долго, то долго и...

Мужчины такое состояние женщины называют синдромом, а если говорить подробнее — синдромом «золотой...» (женского органа), не забывая при этом в культурном обществе, особенно в присутствии людей в малиновых рубашках, высокопарно называть это «синдромом золотой женщины».

Я, конечно же, не верю, что автомобиль «Ауди» покупают только импотенты, но в существование «синдрома золотой женщины» глубоко верю. Они, такие женщины, к тому же очень любят золото и носят его по пять цепочек сразу. А колец на пальцах — и не счесть, в золотых оковах пальцы даже и не сгибаются. Жаль, что на ногти длиной по пять сантиметров кольца не надеть — не выпускают колец для ногтей, почему-то... даже арабы. И не подумал никто, даже арабы, что пора бы начать выпускать подвески для... а то пупок приходится задействовать.

Я часто наблюдаю за женщинами с этим «синдромом». Они, к тому же, ко мне липнут, хотя «Ауди» у меня нет, я езжу с водителем Володей на «Ниве». Зато удастся изучать этих «золотоносных женщин». Кстати, интересно это, но... немножко грустно... изучать «золотую дурь».

Женщин с «золотым синдромом» можно в той или иной степени оправдать, памятуя, что уж очень много мужчин в «малиновых рубашках» и в «черных кальсонах» шляется вокруг, что даже кажется, что они весь мужской мир выкрасили в малиново-черный цвет. Они, эти женщины, чувствуют свое преимущество перед «малиново-черными мужиками» и, как ответ, выставляют свой «сюжет жизни, выкрашенный золотой краской». Вот и начинается «соревнование сюжетов»; куда уж тут до любви.

А любить «золотые сюжетчицы» все равно хотят, ведь их тоже создал Бог и не Он (а они сами!) «выкрасил их золотой краской». Желание влюбиться, посещающее «золотую женщину», чаще всего в периоды образного восприятия Ваньки-сантехника, давит все сильнее и сильнее, что рано или поздно наступает момент, когда она — «золотая женщина» — в реалиях задается вопросом — где же «он»? Она начинает рассматривать представителей мужского пола, нисколько не заботясь о том, что «автомобиль Ауди» тоже... может ревновать. И наконец она выбирает объект любви. Вид избранного «объекта» зависит от умственных способностей «золотой сюжетчицы».

Самые примитивные из «золотых сюжетчиц», у которых забота над пупком превалирует над всем остальным, в качестве «объекта любви» выбирают «качка» в короткой маечке, плохо понимая, что «анабольные качки» даже в подметки не годятся Ваньке-сантехнику, уяснив из американских боевиков постулат о том, что женщине обязательно нужен защитник, будто бы ее, «золотую сюжет-чипу», все так хотят... так хотят, что ее просто необходимо защищать. А жизнь, как назло, проходит мирно, пупок не всегда оголишь, а этот «качок» все ходит и ходит рядом, порой даже в мороз по-дурацки одевая короткую маечку без рукавов.

Более умная категория «золотых сюжетчиц», не столь сильно обращающих внимание на пупок, выбирает «объектом любви» мужичка с короткой шеей, в складки которой навечно «впаяна» золотая цепь. Такой выбор, возможно, связан с подспудным желанием женщин видеть рядом с собой то, от чего «пахнет мужиком», а короткая шея воспринимается как главный признак мужественности, тем более что красота шеи (не длиннее одного позвонка!) подчеркнута золотой цепью. Вначале кажется очень милым виснуть на этой бычьей шее (или на цепи), но потом это надоедает так же, как надоедает делать одно и то же упражнение во время утренней зарядки, да и... жизнь с «шеей» становится унылой, ведь не в шее, все-таки, дело.

Еще более умная категория «золотых сюжетчиц», которые обращают внимание больше на украшательство своей шеи, «объектом любви» склонна выбирать артистов, видных ученых, депутатов и тому подобный интеллектуальный контингент, лишь бы он не был слишком дряхлым. Несмотря на то, что шеи у этого контингента мужчин бывают чаще тонкими и отличаются нелепо выпяченными кадыками, «золотая сюжетчица» понимает, что главное, за что можно любить мужчину, — это ум. А если ум облачен еще и в известное имя — вообще шик! Гордость берет, когда идешь рядом с ним — неказистым, потому что у него, неказистого, хватает ума говорить всем и всегда, что она, именно она, осчастливила его, и он сейчас в таком творческом порыве, таком... Подруги, стоящие под ручку кто с «качком», кто с «шеей», от зависти пухнут, ведь их милые двух слов связать не могут, а только крутят отсутствующей шеей или надувают грудную клетку.

Но... постепенно, очень постепенно начинает проявляться противоречие, потому что «объект любви» любит все же больше не ее, «золотую», а свою науку или какое-нибудь там артистическое творчество, да еще и имеет наглость постоянно говорить с ней об этом самом творчестве (пропади оно пропадом!), тогда как он — этот «объект» с тонкой шеей — должен все свое красноречие, весь свой творческий порыв и все свое время посвящать ей — «золотой». Как исправить положение? Как?! Покапризничать надо! Покапризничала раз — помогло, покапризничала два — помогло и так далее... всю жизнь. Но потом... потом «золотая женщина» вдруг замечает, что ее «родной объект» стал каким-то потасканным, красноречие в ее адрес стало до противности обыденным (как сходить в туалет), творческие порывы — редкими и нервными, а шея, эта тонкая шея, на которой он стал забывать сбрасывать островок щетины, стала похожа на шею общипанного гуся. И тут, конечно же, возникает мысль по типу: «Кому же я, дура, отдала лучшие годы своей жизни?!», и... становятся вдруг родными эти самые «шеи в один позвонок» со «впаянной» золотой цепочкой и даже ожиревшие уже «качки», которые все еще по привычке раздувают грудную клетку и носят короткие маечки, обтягивающие теперь уже... пузо. Но и минуты общения с «шеей» или «качком» хватает для того, чтобы понять, что «мясо-жировая порода» мужчин еще хуже, чем та, которая вдруг... из-за чего-то... теряет свой творческий потенциал и начинает оставлять островок щетины на своей исхудавшей шее.

Ей, этой «золотой дуре», и невдомек, что причина эта в ней, а, вернее, в ее «золотом сюжете», который она так старательно рисовала всю свою жизнь. И ей на ум, уже давненько «отравленный золотом», все чаще начинает приходить образ Ваньки-сантехника, который бы не только... но и так бы «прочистил» ей... мозги и отхлестал бы ее, как Сидорову козу, чтобы она, сука, не отбивалась от человеческого стада.

И, наконец, самая умная, я бы сказал изощренно-гениальная категория «золотых сюжетчиц», которая весьма сдержанно относится к пресловутым проблемам украшательства пупка и шеи, в качестве «объекта любви» выбирает себе голубых или мужчин с голубыми наклонностями, но, так сказать, нереализованных. Они, эти «золотые умницы», понимают, что голубой (или нереализованный голубой) станет, прежде всего, ее «подругой», но будет всю жизнь чтить ее и всю жизнь ублажать ее «золотые наклонности» только за то, что она — красавица — ... разглядела... и подняла на щит его мужское достоинство, которое было загнано в угол его «задними интересами». Она, эта «золотая умница», взглянула на него «спереди», чем «оправдала» существование у него спереди кое-чего и даже стала отвечать злопахующим завистникам, намекающим на его «заднее происхождение», гениальной фразой — «Это экология!». Почему же в этом случае ему не стать «подругой» такой женщины! Ведь она, эта «золотая женщина», всегда говорит о нем хорошо, порой приговаривая, что он — нормальный мужчина, но... вышивает малость! Зато сколько общих интересов — навалом! И как это важно! Как важно... вышивать вместе! Науку о вышивании можно продвинуть вперед, ведь... любовь

(друг к другу и к... вышиванию) стимулирует! А если уже говорить о сексуальной удовлетворенности «золотой умницы», то она, на мой взгляд, умеет даже медитировать как йог, то ли силой мысли загоняя в угол свою естественную похоть, то ли сделав из своей «подруги» настоящего мужчину, то ли особо искусно владея образом Ваньки-сантехника. И уж если ее «подруга-возлюбленный» иногда поддастся влиянию своих окрашенных особым цветом генов, то она, «золотая», простит его... во имя того, что слово «Подруга» надо произносить с большой буквы, ведь сколько прекрасных моментов связано с этим словом... вышивание, например.

Я споткнулся о камень, и чуть было не упал. Я сверил направление хода с азимутом. Под ногами опять захрустели тибетские камни.

— Эх! Как легко идетя-то! — послышался сзади голос Селиверстова — Да уж, — прокряхтел Рафаэль Юсупов.

— Вы что, устали что ли, Рафаэль Гаязович? — начал интриговать Селиверстов.

— Да нет, иду.

— Нет, скажите, Вы устали все-таки?

— Слегка...

— Моя бабушка говорила — «умрем — отдохнем».

— К чему это?

— Да так...

— Вы, Сергей Анатольевич, сказали это не зря. Так ведь?

— Да нет, просто так сказал.

— Вы определенно что-то имели в виду!

— Нет, не имел. Сказал, да и все.

Ну ладно тогда. А то... и накаркать можно!

Стрелка компаса вела по тибетскому плоскогорью. Город Богов, в центре которого стояла Башня Шамбалы, отдалялся от нас.

— Скоро мы доберемся до цивилизации. Там нас встретят «цивилизованные» люди, которым мы начнем доказывать, что Город Богов существует на самом деле, и что... и что... там, когда-то в глубокой древности, происходили события, равных которым не было в истории человечества, и что... и что... наши истоки исходят из Тибета, где... где... где... — стали «заикаться» мои мысли, как бы не желая преждевременно подводить итог экспедиции.

Любовь и псевдолюбовь

Опять вспомнились эти самые игроки в «золотую лихорадку», рисующие сюжеты жизни, и мне сразу представилось, что они, будучи тоже божьими созданиями, хотят главного — любви, но, по причине своей духовной неразвитости, не знают, что это такое — любовь-то. Они с дурусти путают любовь, как таковую, с желанием, чтобы все до одного влюблялись в нее (или в него). У них, «золотых сюжетчиков», конечно же, не всегда это получается, поскольку романтических дураков слишком мало по жизни. И каждый романтический дурак, способный влюбиться в «сюжет», ценится на вес золота. Эх, если бы основная масса населения состояла из романтических дураков! Влюбляй в себя одного за другим и ходи королевой — Королевой Любви! Вот где счастье-то!

И надо прямо сказать, что символ королевы (или короля) Любви очень привлекателен. Он более сладок, чем, например, символы «Мистера-Деньги» или «Мисс-Популярность», так как здесь задействуется главное, идущее от самого Бога, — Любовь. А все божьи создания хотят

быть ближе к Богу!

Любви хотят все: и умные, и глупые, и красивые, и некрасивые, и молодые, и старые. Люди готовы отдать все — и деньги, и положение и многое другое — за Любовь. В сравнении с Любовью меркнут даже Жадность и Зависть, так что даже какой-нибудь законченный жмот способен отдать все «злато, над которым чахнет», за Любовь. Это непонятное чувство, называемое Любовью, может творить чудеса.

Но Любовь, будучи беспредельно заманчивой, может подмениться псевдолюбовью, главным вариантом которой является хорошо нам известная «всемирная любовь» к вождю, товарищу генеральному секретарю, дуче, фюреру, любимому руководителю и тому подобным лидерам. Но тоталитарный лидер, «славный путь» которого озарен лучами безграничной власти, в руках которого сосредоточены все деньги, весь интеллектуальный потенциал и все достижения науки, все равно чего-то хочет. Хочет, хочет и еще раз хочет! Он не спит ночь, вторую, третью... ворочая на сверкающей белизной постели свое рыхлое тело с кратерообразным пупком, и думает — «Чего же я хочу?». Наконец к нему приходит «гениальная» догадка, что он хочет любви. Он, вождь (или дуче) намекает об этом своим слугам в ранге, например, премьер-министра, и... вскоре к нему, под вечер, приводят объект любви в виде прожженной б... бабы, которая технично начинает ласкать его «отработанным способом». Вождь, конечно же, слушается, и даже от волнения начинает ковыряться в своем кратерообразном пупке, но элегантно (пусть даже тят-ляп) совершает то, что положено не просто настоящему мужчине, а «сверхнастоящему» мужчине, как волшебную музыку слушая при этом душераздирающие крики, свидетельствующие, конечно же, о ее «беспредельном возбуждении».

Потом ему, вождю (или дуче) приводят еще одну такую «влюбленную» в него, потом — третью, четвертую... и... у него возникает желание, чтобы его любили (вернее, были влюблены) все женщины страны. А потом, когда вождь (или дуче) полностью утверждает во мнении, что все женщины от него без ума, то у него возникает желание охватить вторую половину общества — мужскую... возможно даже и не в «голубом варианте», а просто так, чтобы любили, да и все. Так и возникает «всемирная любовь», сладость которой беспредельно высока и не идет ни в какое сравнение с сексом.

Но «всемирной любви» хочется все больше и больше, хочется, чтобы все люди думали только о нем, любимом... что вождь, наконец, кивает, когда ему предлагают при жизни поставить памятник до неба, естественно, скрыв всякие там недостатки типа... кратерообразного пупка.

Люди, когда думают о Любви, почему-то напрочь забывают о том, что надо, прежде всего, любить самому, а уж потом желать любви к самому себе. Люди боятся любить сами, катастрофически боятся дарить Любовь! Почему?!

Да потому, что настоящая Любовь в Душе обязательно требует Чистоты. А Чистота — вещь сложная — с жадностью, стервозностью и завистливостью Чистым не стать.

А как стать Чистым? Как? Да очень просто — надо чисто мыслить, потому что именно в мысли заложена чистота человека. Человек с грязными мыслями чистым не станет.

В каждом из нас сидит и превалирует Человек-Пространство, который так хочет, так хочет стать тоже «Сыном Бога», как и его вечный собрат — Человек-Время, но... для достижения этого нужно пройти много-много испытаний и нужно много-много времени, а самое главное — нужно осознать то, что важнейшим критерием прогресса является Чистота Помыслов. Если это произойдет, то Создатель, наверное, скажет: «Да, Мир Пространств освоен... по-божески!».

А пока... пока мы рисуем, рисуем жизнь. И еще много-много времени пройдет, пока мы станем просто жить, а не «рисовать жизнь». А чтобы перестать «рисовать жизнь», надо, прежде всего, перестать путать настоящую Любовь с любовью к себе. Ведь в основе настоящей Любви

лежит Чистота, а в основе любви к самому себе — самый страшный грех — считать себя Богом. Настоящая Любовь — от Бога, а эгоистичная любовь — от Дьявола.

В моей голове опять пронеслись всевозможные люди в малиновых рубашках и черных кальсонах, «золотые женщины» разного пошиба, и я... как-то сразу понял, что люди не виноваты в том, что они рисуют жизнь и рисуют любовь.

В этом их слабость — в желании рисовать в угоду вездесущему греху — считать себя Богом, ведь грех этот очень силен, очень, и по силе даже сравним с силой Любви, поэтому люди и... носят золото. Но надо с ним бороться, с этим грехом, сильно и упорно бороться и... бороться, прежде всего, с Самим Собой Великим. Тогда не будут появляться мужчины в малиновых рубашках, женщины в «золотом обрамлении», вожди (или дуче) и многое тому подобное, исходящее от величайшего греха.

От этих мыслей мне стало даже весело. Я шагал по Тибету, весело шагал. В голове всплыло четверостишие из моего стихотворения о женщинах:

Нарисованной быть хочет, А с картины, кто захочет, Может копию отснять И другую мисс обнять...

Мне страстно захотелось быстрее оказаться в моем родном городе Уфе и взглянуть в глаза женщинам. Мне почудилось, что по всей улице идут люди, освещая ее влюбленными друг в друга глазами. Я представил влюбленные глаза и... мне показалось, что все-таки таких глаз становится все больше и больше. Что же, Человек-Пространство совершенствуется.

А еще мне показалось, что люди Шамбалы давно уже научились по-настоящему любить.

Мы дошли до места, где когда-то стояла наша палатка и откуда мы уходили в загадочный Город Богов. Я оглянулся — Башни Шамбалы уже не было видно.

Мы поставили палатки. Сварили нехитрый ужин. Выпили по чуть-чуть спирта. Желудок почти не болел.

— Ребята! Завтра я пойду к Месту Голодного Черта... один, — сказал я.

Глава 20. К Месту Голодного Черта

Утром следующего дня я проснулся раньше обычного, что со мной бывает редко. Обычно меня надо будить громким криком в ухо «Подъем!» или (что очень противно) щекотанием. Когда я все-таки встаю (а это случается каждый день), я минимум час хожу как зомби, ничего не соображая, — куда уж тут сделать зарядку или умыться, окропив водой хотя бы кончик носа, в туалет сходить — и то лень, — приходится терпеть.

Но рано или поздно я просыпаюсь, и тогда, вспомнив, что я все-таки шеф экспедиции, я начинаю бурную деятельность, поругиваясь на тему о том, что мы опять поздно выйдем на маршрут, забывая о том, что главной причиной позднего выхода являюсь, все же, я сам. А когда все уже готово к выходу, я достаю свой умывальный набор в полиэтиленовом мешке с вечно сырым полотенцем, от которого несет половой тряпкой, и начинаю процедуру умывания, в которой особое место уделяю чистке зубов, порой даже не вспомнив про лицо, не говоря уже о шее. Иногда я достаю замызганное зеркальце и, пытаясь разглядеть себя сквозь разводы грязи, бреюсь, помазав лицо (конечно же, без горячей воды) раскисшим куском мыла с приставшими к нему кусочками гальки и не устая приговаривать — «Ну и рожа, а?!».

Я всегда завидую моему брату Альберту, который, будучи «жаворонком», легко встает утром, готовит на костре для всех завтраки и, в конце концов, начинает громко орать — «Подъем! Подъем!», порой даже исполняя какой-либо куплет из серии советских песен типа «Вставай, проклятьем заклейменный...». Мы, спящие, конечно же, долго не сдаемся и даже иногда применяем хитрость, похлопывая изнутри по палатке рукой, что должно, вроде бы как, свидетельствовать о том, что мы уже встаем. Но Альберт тоже не сдаётся и продолжает орать — «Завершающая стадия подъема! Финальная стадия подъема!», барабаня, к тому же, по чашке ложкой. Наконец, из палаток появляются, на радость Альберту, наши заспанные... рожи.

Заспанная физиономия, конечно же, отличается от всех состояний лица человека самой высокой степенью неприглядности, когда понятие «мятое лицо» приобретает натуральный смысл. Когда я вижу заспанные... лица и мои руки невольно начинают совершать мнущие движения, я всегда вспоминаю рассказ моего друга Юрия Ивановича Васильева о красоте женщины, в котором он смачно подчеркивает то, что «реальную» красоту женщины можно увидеть только утром, сразу же после сна, когда она свободна от... «штукатурки».

Утренние мысли

А в то утро, когда я проснулся на удивление рано, я просто лежал в палатке с совершенно ясными мыслями. Я вспоминал рассказы лам, и прежде всего лам Кетсуна-Зангпо, Бонпо-ламы и монаха Тленнурпу, о Месте Голодного Черта, куда я собрался пойти сегодня.

Мне вспомнилось, как Бонпо-лама рассказывал, что в районе Кайласа до VII-VIII века нашей эры существовало Королевство Йогов, называемое Шанг-Жонг, где жили адепты или йоги, которые знали мантры и через них могли пользоваться тантрической силой Кайласа. Столица этого королевства была построена с помощью тантрических сил Кайласа и называлась Тунь-Лонг-Вали (что означает Вавилон). Это место, уже покрытое барханами песка, заколдовано и сейчас называется Местом Голодного Черта.

В голове всплыли также наши беседы с Бонпо-ламой о том, что, вполне возможно, именно здесь шли эксперименты (говоря современным языком) по клонированию постпотопного

человека, то есть человека, адаптированного к суровым условиям Земли после Всемирного Потопа. Большие люди (предположительно, атланты подземной Шамбалы) вели эти эксперименты, используя «семена» допотопного человека арийской расы, сохраненные в Варе — генных хранилищах Шамбалы. Эксперименты шли один за другим, но вскоре Большие люди поняли, что зарождающийся постпотопный человек требует опеки, поскольку клонированные тибетцы имели склонность входить в грех и никак не могли нормально пользоваться психическими технологиями, как это обычно делали Большие Люди. Поэтому недалеко от Кайласа был создан город (тибетский Вавилон или Тунь-Лонг-Вали), в котором Большие Люди учили маленького роста тибетцев... жизни. Так продолжалось очень долго, пока тибетцы не расселились по земному шару, теряя при этом, к сожалению, способности к психическим технологиям. Но на Земле уже стали жить люди. Шамбала выполнила свою миссию. А Большие Люди стали уходить под землю — в родную Шамбалу, оставляя тибетцев без опеки. Тибетцы, оставшиеся на «Вечном Материке», уже и забыли, что их предки, давно расселившиеся по Земле и создавшие разные народы и нации, есть их братья, — они и не вспоминали о них, они ждали возвращения Больших Людей. А Большие Люди все не возвращались и не возвращались. Тибетцы все звали и звали их, но Больших Людей уже не было на поверхности Земли. Тибетцы тосковали и очень быстро полностью утратили остатки психических технологий, которым их когда-то научили Большие Люди.

Только величественный Кайлас напоминал об этом. С утерей психических технологий пришли дикость и примитивизм. Пророки, изредка появляющиеся неведь откуда, создали много религий и повелели тибетцам создать теософическое (религиозное) государство и... вспоминать, вспоминать... о своем прошлом, которое является главным для всей Земли. Страной Воспоминаний стали называть Тибет.

Очень часто тибетцы приходили к тому месту, где находились уже... развалины их древнего великого города — тибетского Вавилона, где когда-то вместе с ними жили Большие Люди, и... вспоминали, вспоминали и вспоминали... о своем былом величии. А развалины города все заносились и заносились песком. Тибетцы шли к священному Кайласу, совершали священную парикраму (обход горы по священной тропе) и просили Кайлас вернуть Больших Людей, без которых им было так одиноко. Но Кайлас молчал.

Вскоре тибетцы стали замечать, что на месте их великого города, уже занесенного песками, поселилась какая-то черная сила. Люди, приходящие сюда, стали убивать друг друга безо всяких причин. Говорили, что Кайлас заколдовал это место, и там поселилось бестелесное существо, которое питается злыми мыслями людей. Существо это было всегда голодным и всегда требовало, чтобы от людей исходили злые мысли. И люди поддавались ему. Даже друг мог убить друга. Люди стали говорить, что Кайлас не зря создал такое место, где воочию можно увидеть, чего стоят злые мысли людей... ведь здесь злые мысли нельзя скрыть, ведь здесь они реализуются. Люди перестали ходить в это место, а если и ходили, то ходили поодиночке. Но даже те, кто ходил туда поодиночке, часто не выдерживали влияния тех злых мыслей, которые исходили от них самих, и сходили с ума или просили Бога, чтобы их тело... окаменело.

Тибетцы прозвали это место Местом Голодного Черта. Они всегда рассказывали другим людям страшные истории об этом ужасном месте, поскольку знали, что там притупляется страх. Они были глубоко убеждены в том, что страх — это святое чувство, предохраняющее людей от злых мыслей и злых деяний. А там, в Месте Голодного Черта, страх не защищает человека, и человек делает все, что хочет.

Рафаэль Юсупов резко всхрипнул. Я даже вздрогнул. Потом он поднял голову, посмотрел на меня туманным взглядом и спросил:

— Ты чо, не спишь что ли?

— Да так, не спится что-то... — ответил я.

— Да! Воздуха мало... — проговорил Юсупов и снова мелодично захрапел, «выдувая» низкие ноты.

Слушая храп, я думал о том, что сегодня, перед тем как пойти к Месту Голодного Черта, хорошо было бы вновь встретиться с монахом Тленнурпу, келья которого (монастырь Чу-Гомпа) располагалась совсем недалеко от нас и с которым мне не дал обстоятельно поговорить «водитель» Лан-Винь-Е, выполнявший указание китайских спецслужб препятствовать длительным контактам иностранцев с монахами Тибета.

Я вспомнил короткий рассказ монаха о том, что когда-то Тибетом управлял Бог Демонов, «сидевший» на Кайласе, и что жена его «сидела» на... Месте Голодного Черта. А также я вспомнил его рассказ, что когда 28 Добрых Богов победили Бога Демонов, Кайлас светился, и еще светилось... Место Голодного Черта. А светиться мог, как нам говорили, только камень Шантамани.

— Вполне возможно, что один из фрагментов легендарного камня Шантамани (по-тибетски — Норбу-Ринпоче) находится там — в Месте Голодного Черта, — подумал я. — А почему бы нет? Фрагмент этого чудесного камня тоже должен иметь защиту, такую же защиту, как и основной камень Шантамани, расположенный, по нашему мнению, внутри совершенно недоступной пирамиды Малого Кайласа. Вполне возможно, что Голодный Черт послан Кайласом для того, чтобы защищать фрагмент камня Шантамани.

Я тихонько вылез из палатки, достал за — мызганный умывальный набор в полиэтиленовом мешке с полотенцем, похожим на половую тряпку, и с удовольствием, побрившись, умылся в ручейке, напоследок даже отмыв давно не мытое зеркальце и поморщившись от прикосновения к лицу «половой тряпки».

Потом я разжег примус, вскипятил воду для приготовления каши и громко, вспомнив Альберта, заорал:

— Подъем! Подъем! Финальная стадия подъема! Вставайте, е-к-л-м-н!

Ребята выползли из палаток. Я любовался их заспанными лицами, ощущая свежесть своего умытого и даже побритого лица.

Разговор с монахом Тленнурпу

Когда мы позавтракали, я подошел к проводнику Тату и стал уговаривать его устроить мне встречу с монахом Тленнурпу втихаря, без разрешения «водителя» Лан-Винь-Е, который должен был ждать нас там же, в монастыре Чу-Гомпа.

— Нет, нет, нет! — вскричал проводник Тату. — Этого нельзя делать! Лан-Винь-Е видит все! От него трудно скрыться! Лучше поговорить с Лань-Винь-Е.

Мы с Тату и Равилем угрюмо побрели по ровному полю в сторону монастыря Чу-Гомпа.

Лань-Винь-Е встретил нас первым. Его восточное лицо не выражало никаких эмоций. Я, вложив всю свою психическую энергию во взгляд, попросил его разрешения вновь поговорить с монахом Тленнурпу. Лань-Винь-Е на удивление легко разрешил мне это, но в его присутствии.

Когда мы встретились с монахом, я обратился к нему:

— Дорогой монах! Я бы хотел продолжить наш разговор о Месте Голодного Черта. Сегодня я хочу пойти туда... — сказал я.

— Туда? — монах Тленнурпу поднял брови, а глаза его расширились.

— Да.

— Не ходите туда. Это заколдованное место.

— Вы были там?

— Да, я был там... один. Вдвоем туда ходить нельзя. Я понимаю...

— Динь, динь, динь, динь, — вставился в разговор Лан-Винь-Е, толкнув в плечо «переводчика» Тату, знавшего, кроме родного тибетского языка, еще и английский и китайский.

— Дуау, дуау, дуау... — стал отвечать ему Тату, из чего я «понял», что Тату поведал о моем желании пойти к Месту Голодного Черта.

— Бя, бя, бя, бя, — стал говорить Лан-Винь-Е, из чего я «понял», что он против моего желания.

— Позвольте мне продолжить мой разговор с монахом! — попросил я.

— Please, — первым ответил Тату.

— Как Вы себя чувствовали там, в Месте Голодного Черта, дорогой монах?

Тленнурпу поднял на меня темно-карие глаза и ответил:

— Плохо.

Ну... — монах замешкался, — ну... злым становишься там.

— Сильно злым?

— Сильно.

— Хочется убить кого-нибудь?

— Ну... Злишься там сильно все плохим кажется. Плохие мысли в голову лезут, короче, — ответил монах.

— А если бы рядом был друг? — я пристально посмотрел на монаха.

Монах посмотрел на меня и уклончиво сказал:

— Туда можно ходить только в одиночку и... только...

— Только...?

Только после того, как человек совершит священную па-рикраму вокруг Кайласа. Кайлас очищает человека, сильно очищает, поэтому, став более чистым, там можно выжить.

— А не «очищенные» люди там выживают?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда! — монах опустил глаза и исподлобья зыркнул на Лан-Винь-Е.

Я знал, что уже совершил парикраму, поэтому я тоже мог... выжить.

— «Неочищенные» люди туда ходят? — продолжал я.

— Нет... Они боятся смерти. Кто же хочет умереть?

— Совсем не ходят?

— Ну... если только не знают.

— А как умирают люди в Месте Голодного Черта?

Они обычно... просят Бога, чтобы их тело... окаменело, — монах как бы виновато посмотрел на меня, видимо, понимая, что для европейца понятие «окаменеть» кажется глупым и фантастичным.

— Ну и... окаменел кто-нибудь? — усмехнулся я.

— Окаменеть — это счастье, — с напором сказал монах. — Он, Бог, только избранным давал такое счастье — окаменеть. А простым людям он не дает этого счастья. Простые люди там просто умирают, а их кости растаскивают грифы и орлы. — Окаменеть, значит... — только и проговорил я.

— Это очень хорошо — окаменеть, — простодушно добавил монах.

В тот момент я уже знал про феномен Сомати, то есть про феномен самоконсервации человеческого тела, когда высочайшего уровня йог за счет медитации мог перевести воду своего

организма (как я думаю!) в воду 4-го состояния, после чего обменные процессы останавливались и тело переходило в так называемое «ка-менно-неподвижное состояние», способное сохраняться тысячи и даже миллионы лет при температуре +4°C. Я сам, не совсем понимая почему, интерпретировал гипотетическую воду 4-го состояния как воду, похожую на ту, которая содержится в... хрящах. А хрящи, как известно, имеют склонность к минерализации, то есть к накоплению в них минеральных веществ, в частности, солей кальция. Из этого можно было сделать вывод, что тело человека в Сомати может... подвергнуться минерализации или... окаменеть.

Неужели состояние Сомати не вечно? Неужели существует опасность окаменения? — подумал я.

Рассуждая про себя на эту тему, я предположил, что, наверное, «сверху видно все»: или, может быть, такое количество тел в Сомати и не нужно для Генофонда Человечества; или, возможно, Дух этого тела, живущий на Том Свете, совершил грех, и тело должно быть ликвидировано; или люди вошли в состояние Сомати в неподходящих условиях (нет стабильной температуры +4°C, как в пещерах), в связи с чем тело должно деградировать или... окаменеть.

— Дун вяо као? — послышался голос Лан-Винь-Е.

— Лан-Винь-Е спрашивает меня, о чем Вы сейчас думаете, — сконфузился Тату, обращаясь ко мне.

— Ну... ответьте, что не знаете, — проговорил я. — Вы же, Тату, не можете знать, о чем я думаю.

— Дань мэ, — ответил Тату. Наступила минутная пауза.

— Скажите, монах, а в Месте Голодного Черта есть окаменелые люди? — первым прервал я паузу.

— Есть, есть, — ответил монах. — Их восемь.

— Какие они?

— Большие.

— Сидят или стоят?

— Сидят, конечно.

— Как они сидят?

— В виде треугольников или... треугольных каменных глыб.

— Не понял.

— Медитирующий человек (в позе Будды — прим. автора) всегда напоминает треугольник.

— А-а-а... И где они там?

— Давайте я нарисую.

Монах взял мою полевую тетрадь и стал рисовать. Я сразу понял, что художественных способностей Бог ему не дал, но терпел, без конца, правда, встречая с уточняющими вопросами.

Выяснилось, что это место находится недалеко от небольшой речки. Там есть площадка между скал, где и расположены восемь «тел окаменелых людей». Эти «тела» напоминают треугольники, но каждый треугольник имеет индивидуальные черты. Высота каждой треугольной «статуи» составляет то ли два, то ли... пять метров, а может быть, и больше (видимо, монах Тленнурпу не обращал внимания на это!). «Тела окаменелых людей» расположены в ряд с северо-запада на юго-восток. Рядом расположен горячий источник, в котором много круглых камней, а также есть три родника со святой водой разного вкуса. В двух местах есть песчаные барханы со святым песком, который может использоваться в лечебных целях.

— А почему Вы, дорогой монах, считаете, что треугольные глыбы есть тела окаменелых людей? — спросил я.

— Как так? — удивился он. — Человек в позе медитации (позе Будды) всегда образует треугольник. Он стремится к этому. В этом смысл медитации.

— Это не маленькие пирамиды?

— Вы что! Припирамида — это, например, Малый Кайлас.

— Ну ладно тогда.

— Окаменевших людей мы называем иногда статуями, хотя это неправильно, — добавил монах. — Кстати, каждая из этих «статуй» имеет свое название.

— Вы их знаете?

— Так, так... — стал вспоминать монах. — Пишите!

Я достал блокнот и записал следующее:

1. Пема-Самбоа

2. Согэ-торче-чань

3. Пема-Кяльбао

4. Санго-таго

5. Лонден-чази

6. Чанья-санги

7. Торче-толи

8. Пема-джуньгни

Монах победно взглянул на меня.

— Интересно? — спросил он.

— Ну... да, — ответил я. — А что это означает?

— Это означает разные проявления одного человека.

— Как понять?

— Ну... человек ведь по-разному проявляется, — монах недоуменно посмотрел на меня.

— В чем проявляется-то?

— Как в чем? В теле. А как же еще?!

— Не понял. Это как — один и тот же человек каменел восемь раз, что ли? — удивился я.

— Да, каменел восемь раз и каждый раз оставлял после себя статую, — с невозмутимым лицом ответил монах.

— Такого не может быть!

— Как не может быть?! — монах искренне удивился. — Такое как раз и бывает.

— Я понимаю, что если человек вошел в состояние Сомати, то его тело в неподходящих условиях может минерализоваться, то есть окаменеть, — заметил я. — Тело ведь не может восемь раз минерализовываться и каждый раз оставлять... каменный слепок.

— Может, — утвердительно сказал монах.

— И... как это происходит?

— Очень просто. Человек, если Вы понимаете, есть, прежде всего, Дух. А Дух может войти в одно тело, потом в другое, потом в третье и, если захочет, может входить в тела по очереди. Так ведь?

— Ну...

— Так вот, один человек, то есть Дух, решил когда-то давным-давно окаменеть восемь раз. Ясно? — монах посмотрел на меня.

— Нет.

— И вот он, Дух этот, вошел в одно тело, пришел в Место Голодного Черта, начал медитацию и вскоре окаменел. Ясно?

Видимо, он вошел в состояние Сомати, и из-за неподходящих условий (не было главного — стабильной температуры +4°C) его тело окаменело, — пробурчал я себе под нос.

Увидев, что его тело окаменело, человек (то есть Дух) покидал «каменное тело» и вселялся в новое тело во время беременности какой-нибудь женщины.

Когда его новое тело рождалось и вырастало, он опять шел к Месту Голодного Черта, опять садился там и входил в состояние медитации, после чего его тело опять каменело! Тогда он опять покидал окаменевшее тело, опять вселялся в новое... и так продолжалось восемь раз. Восемь названий статуй, которые я Вам перечислил, есть имена этого человека во время восьми его жизней. Ясно?

— Ясно, — ответил я. — Но для чего он это делал?

— О-о! — воскликнул монах.

— Что «о-о»?!

— Это так не просто...

— Он что, восемь статуй, что ли, хотел создать таким путем? — усмехнулся я.

— Да нет, — усмехнулся уже монах.

— Ну, для чего он каменел-то восемь раз?

— Для того чтобы... — монах замолчал.

— Но для чего?

— Для чего?!

— Для того, — монах искоса посмотрел на меня, — чтобы бороться с... Черным Ангелом.

Он, этот человек, хотел победить Черного Ангела или... Ангела Зла.

— А кто такой Черный Ангел? — спросил я.

Так это же Голодный Черт, — монах посмотрел на меня, как на несмышленное дитя.

— А-а...

— Этот человек очень хотел стать Мертвым, ведь только Мертвые могут соперничать с ангелами, — добавил монах.

Эти слова задели меня. Я, конечно же, ничего не понимал в ангелах, но чувствовал, что Мир Ангелов, наверное, и в самом деле существует на Земле — неведомый и чудесный голографический Мир Ангелов, где, вполне возможно, течет... более высокоразвитая, чем наша, жизнь. Я, конечно же, читал об ангелах в Библии и Коране и даже знал имя одного из главных ангелов (то ли Джабраил, то ли Гавриил), но относился к этому достаточно скептически, представляя слово «ангел» больше как символ нежности телесной женщины или как человеческое определение неземной красоты какой-нибудь длинноногой особы с томным взглядом и небольшим телом, состоящим преимущественно из груди, которой родители, волей судьбы, дали имя Анжела или Анжелика. Но я никак не мог представить, чтобы ангелы были злыми или даже черными. Всю свою жизнь, когда я то отсюда, то оттуда слышал про ангелов, я даже ни на йоту не задумывался над тем, что слово «ангел» есть не только символ пресловутой нежности или красоты большегрудых и длинноногих женщин с томными глазами, но и вполне конкретное понятие, свидетельствующее о том, что на Земле, кроме нас — похотливых до всего, существует еще и ангелоподобная форма жизни, где ангелы не ходят, тяжело переставляя ботинки на толстой подошве или туфли на шпильках высотой 20 см, а летают, свободно и легко летают, порой в любовном порыве начиная парить, взявшись за руки.

В последние годы, когда судьба забросила меня в Гималаи и принудила заняться экспедиционными исследованиями, я, конечно же, немножко поумнел и даже перестал при упоминании ангелов представлять эту самую женщину с томными глазами и верхним преимуществом, а вполне четко осознал, что история человечества начиналась с ангелов, которые в ходе эволюции видоизменялись, уплотнялись и... в конце концов создали нас — телесных и... похотливых... до всего. А также я, еще больше (но немного!) поумнев, понял, что ангелоподобная жизнь не растаяла как призрак во тьме, а сохранилась, и даже, возможно, в ходе

невероятной по длительности эволюции, набрала такие обороты, такие обороты... и создала такую совершенную голографическую жизнь, такую... что нам, телесным людям, нужно будет еще долго переступать в ботинках на толстой подошве или в туфлях на шпильках, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к ним — ангелам, среди которых, возможно, и в самом деле есть ангелоподобные особы... с большей голографической грудью.

Надо к тому же отметить, что судьба дала мне возможность кое-что узнать про Мертвых, тела которых покоятся в затаенных пещерах, а Души летают там где хотят, будь то на Том Свете, будь то на Земле, порой даже, возможно, обгоняя ангелов в свободном парении. Я понимал, что Мертвые — это особая форма «жизни», по уровню превосходящая... «живую жизнь». Я также понимал, что Мертвыми могли стать только «Богом помеченные» телесные люди, способные за счет своего мощного Духа перевести свое тело в законсервированное состояние (то есть в состояние Сомати), чтобы не только пополнить Генофонд Человечества, столь необходимый для сохранения гарантий жизни на Земле, но и для того, чтобы свободный от тела Дух очищал ауру Земли. Я вспомнил свои собственные рассуждения о том, что свободный от тела Дух есть космический и первоначальный Человек-Время, созданный Богом в Мире Свободного Времени (Том Свете) и прошедший в ходе вечной жизни горнило высочайшей степени очищения в периоды своих бесчисленных вояжей в земные жизни, называемых инкарнациями, и... тут я осознал, что только Человек-Время (Дух) может выступить в качестве наставника по очистке земной ауры.

От чего же надо очищать ауру Земли? Мне было вполне ясно, что не мне — банальному двуногому существу — судить об этом.

Но я предполагал, что ауру Земли надо очищать не только от злых мыслей телесных людей, столь приверженных силе дьявольского доллара, но и от чего-то другого. Чего?

Я задумался над этим вопросом, сморщил лоб... и, вдруг, что-то подсказало мне, что Землю надо очищать и... от злых (или черных) ангелов.

Я сразу представил Черного Ангела в виде черной большегрудой летающей женщины с неприятными холодными глазами... потом помотал головой, чтобы освободиться от этого образа... помотал еще... и понял, что, к сожалению, еще не пришло время анализировать жизнь ангелов.

В голове неожиданно всплыло словосочетание «радужка глаза». О, как много должно было еще утек воды! Я еще не знал в то время, что жизнь поведет меня по тернистому пути, когда я в ходе своих размышлений буду тыкаться в колючие препятствия, но этот путь, волей-неволей, будет выводить меня в поле знаний, касающихся странного и невидимого Мира Ангелов. Но об этом, дорогой читатель, мы поговорим в следующем томе этой книги, где... воочию столкнемся с ангелами.

— А почему только Мертвые могут соперничать с ангелами? — спросил я монаха Гленнурпу.

— Мертвые очень сильные, — ответил он.

— Живой человек слабее Мертвых?

— Конечно слабее.

— А тот человек, тела которого окаменели восемь раз, в конце концов смог победить Черного Ангела по прозвищу Голодный Черт?

— Нет, не смог. Черный Ангел оказался сильнее, — монах потупил взгляд. — Черный Ангел ждал, когда тело этого человека войдет в состояние Сомати, и тут же превращал его в камень, не давая возможности стать полноценным Мертвым. Но этот человек, стремящийся победить Черного Ангела, обретал новое тело в новой жизни, опять добирался до Тибета, опять шел к Месту Голодного Черта, опять входил в состояние Сомати и, став Мертвым, боролся с

Черным Ангелом. Но Черный Ангел опять превращал его тело в камень, опять не давая возможности вобрать в себя всю силу Мертвых. Так продолжалось восемь раз.

— Значит, Мертвые бывают полноценные и неполноценные... — пробурчал я себе под нос.

— Конечно. Не каждого человека, ставшего Мертвым, принимают в когорту Мертвых. Если его не приняли в когорту Мертвых, то его тело в Сомати каменеет. Но если когорта Мертвых приняла нового Мертвого, то этот «счастливый Мертвый» овладевает силой всех Мертвых на Земле. А Мертвых на Земле очень много, и сила Мертвых велика.

Я подумал о том, что Мир Мертвых, наверное, отнюдь не прост, и туда, наверное, принимают не каждого человека, вошедшего в Сомати, но если уж примут, то этот Мертвый становится воистину счастливым, чувствуя в самом себе колоссальную мощь всего Царства Мертвых, выражающуюся в том, что ему, «счастливому Мертвому», становится подвластным не просто жить в мире мыслей одновременно и людей, и ангелов, и призраков, и даже Шамбалы, но и влиять на этот мир, очищая его от грязных мыслей.

Я понял, что если бы тот человек, тело которого каменело восемь раз, смог влиться в когорту Мертвых, то он смог бы победить Черного Ангела своей мыслью, усиленной всем Царством Мертвых, победил бы он этого Голодного Черта, питающегося злыми мыслями людей.

Я на мгновение отвлекся и представил, как животные и люди перед дракой обязательно «борются мыслями», направляя в сторону ненавистного противника негодующую мыслительную энергию. У животных, например, кошек, это выражается в том, что эти мягкие и приятные животные стоят друг перед другом, изогнув спины, и сверлят друг друга глазами, сузив свои и без того щелевидные зрачки, и издают дикие пугающие звуки: «Мяу, Мяу-у-у-у». У людей, особенно в деревне, «борьба мыслей» выражается в том, что два парня, например, механизатор и скотник, тоже стоят друг перед другом, тоже сверлят друг друга глазами, и тоже сузив зрачки, издают пугающие звуки, но облаченные в слова, среди которых превалирует выражение — «А ты кто такой?!», ответом на которое звучат те же самые слова — «А ты кто такой?!».

Борьба мыслей» присуща всему живому, будь то куры (чаще петухи!), будь то кошки, будь то люди, и очень часто «физической» драки и не бывает, а побеждает тот, кто смог «мысленно подавить соперника», то ли громче издав звук «Мяу-у-у-у», то ли с более устрашающими нотками в голосе сказав — «А ты кто такой?».

— А все-таки Царство Мертвых не приняло того человека, тело которого окаменело восемь раз, — с грустью проговорил я.

— Да, не приняло, — промолвил монах.

— Но почему? Он ведь, этот человек, хотел побороть Голодного Черта с благородной целью?!

— Не знаю. Но старые ламы говорили, что там, в этом месте, называемом Местом Голодного Черта, сокрыто что-то священное. Именно это священное и охраняет Голодный Черт, не допуская туда людей, — тихо проговорил монах. — Заколдовали это место и... очень хитро заколдовали.

— А что такое — это «священное»? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил монах.

Мои мысли разбежались в стороны, потом собрались в кучку, и я представил, что это «священное» есть, скорее всего, фрагмент камня Шантамани. К сожалению, монах Тленнурпу не знал про камень Шантамани.

— О, как многолик и гениален Создатель! — подумал я. — Он послал Черного Ангела по прозвищу Голодный Черт в то место, где когда-то существовал прекрасный город Тунь-Лонг-Вали (или тибетский Вавилон) и где, наверное, хранился фрагмент чудесного камня Шантамани. Послал, чтобы Черный Ангел охранял это священное место и оставшийся там

фрагмент чудесного камня, но охранял очень специфическим образом, в реалиях показывая людям, чего стоят их злые мысли, и превращая в камень тех людей, которые хотели бороться с ним с помощью силы Мертвых, не понимая того, что сам Создатель определил его — Черного Ангела, — как защитника фрагмента камня Шантамани и... защитника памяти священного города, создавшего людей на Земле.

Я откинулся на скамеечке, на которой сидел, и... вдруг увидел «водителя» Лан-Винь-Е, склонившего на бок голову и крепко спавшего.

— Ах, вот почему меня так долго не перебивали! — мелькнула радостная мысль.

Продолжая размышлять о Голодном Черте, я еще раз осознал не просто гениальность, но и оригинальность решений Создателя. Я вспомнил, что всю свою жизнь в науке я думал, думал и думал, ощущая внутреннее негодование от тупости и нелепости своих мыслей. И только иногда, довольно редко, я вдруг приходил в восторг от возникшей, наконец-то, оригинальной мысли, которая отличалась исключительной простотой и обладала свойством как бы светиться особым светом. Я даже недоумевал — «Как же я до этого раньше не догадался?». Вначале от этой мысли у меня в закоулках сознания начинала клокотать гордость, но потом, когда со временем я все же чуть-чуть поумнел, я начал понимать, что это не мое личное достижение, а подарок мне — стремящемуся создать что-нибудь новое — подарок от Создателя.

Вскоре, когда я еще чуть-чуть поумнел, я стал отличать «божественную мысль» в виде подарка мне — несмышленому — от человеческой «гениальной» мысли. «Божественная мысль» и в самом деле как бы светилась, вызывая легкость и восторг своей беспредельной простотой и оригинальностью, а «гениальная» человеческая мысль всегда оставалась облаченной в футляр из тяжелых сомнений. И в конце концов я перестал быть ученым, я превратился в «просителя мыслей» у Бога и даже понял «принцип попрашайничества» — думать, думать и думать на тему своих исследований (но не безвольно кланяться!), зная, что Бог — Владыка Мира Мыслей — почувствует твои потуги и поможет тебе... своей мыслью. Так и живу я сейчас... в виде Раба Божьего и... горжусь этим, очень горжусь, потому что понимаю, что и меня создал Бог.

— Дань, линь, вз! — проснулся Лан-Винь-Е.

Ой! — невольно проговорил я.

Чего он сказал? — через переводчика спросил Лан-Винь-Е, показав на меня.

Я сконфузился. Лан-Винь-Е вопросительно смотрел на меня.

— «Ой» переводится как «доброе утро», — сказал я полную чушь.

Тату перевел. Лан-Винь-Е улыбнулся.

Понимая, что наш разговор скоро прервут, я быстрее задал очередной вопрос монаху:

— А тот самый «человек, тело которого каменело восемь раз», был обычным или Большим Человеком?

— Не знаю. Но «статуи» большие.

Мне подумалось о том, что, может быть (а кто его знает!), гигантские статуи в Египте есть не просто статуи, а окаменевшие тела людей из параллельных миров, которые, уходя в свой родной мир, оставляли свои тела здесь, в чужом мире, вводя их в состояние Сомати и тем самым создавая все предпосылки для минерализации (или окаменения) тела. Уж слишком идеально исполнены эти «статуи»!

— Динь-дэ, динь-дэ, — стал приговаривать «водитель» Лан-Винь-Е.

— Пора заканчивать, говорит он, — Тату показал на Лан-Винь-Е.

— Сейчас, сейчас!

— Винь-лео-бео?

— Он спрашивает, когда Вы конкретно закончите разговор? — Тату опустил голову.

— Через три минуты.

— Лань-Винь-Е кивнул.

— Дорогой монах! — начал я, собравшись с духом. — Сегодня или завтра я хочу пойти к Месту Голодного Черта... в одиночку. Я только что совершил парикраму, то есть ритуальный обход священной горы Кайлас, в связи с чем, наверное, немного очистился.

Как по-Вашему, смогу ли я выжить в Месте Голодного Черта?

— Может быть выживете, а может быть — нет, — ответил он.

— Отчего я могу погибнуть там?

— Злые мысли, которые есть в Вас, многократно усилятся и «разорвут» Вас.

— М... да.

— А еще, — монах насупился, — Вы начнете просить Бога, чтобы Ваше тело превратилось в камень. Тело Ваше будет страдать, сильно страдать и... Вам будет очень хотеться, чтобы оно стало каменным... ведь камень не чувствует боли.

— М... да, — только и произнес я.

— Вот так вот, — добавил монах.

— М... да, — еще раз произнес я.

— Я хотел бы еще вот что сказать, — монах почесал затылок. — Вы ведь, — он указал на меня, — совершили священную парикраму, обойдя гору Кайлас. Так ведь?

— Да, — ответил я.

— Человек, совершивший парикраму, как я уже говорил, способен выжить в Месте Голодного Черта, потому что Кайлас очистил его и злых мыслей у него осталось мало.

— Да, — нелепо произнес я.

— Но, — продолжал монах, — я Вам не рекомендую близко подходить к окаменевшим людям.

— Почему?

— Стоит ли пачкаться?

— Не понял.

— Именно там, около окаменевших людей, обитает Голодный Черт — «катализатор» злых мыслей людей. Если Вы будете стоять около окаменевших людей, Вас накроет собой огромный Черный Ангел — Голодный Черт, и Ваши злые мысли, многократно усиленные, разорвут Вас. А если злые мысли не разорвут Вас, то Вы так и останетесь во власти Зла. Стоило ли тогда совершать священную парикраму?

— Не надо пачкаться, значит...?

— Вам и так повезло в жизни, — монах поднял на меня глаза, — Вы смогли совершить парикраму, не умерли и очистились. Если Вы подойдете к окаменевшим людям, то Вам надо будет еще раз совершить парикраму, чтобы изгнать злые мысли, усиленные Черным Ангелом. Я, перед тем как пойти к Месту Голодного Черта, два раза совершил парикраму, а сразу после посещения этого места мне пришлось еще раз совершить парикраму; и скажу Вам, что последняя парикрама далась мне труднее всего — злые мысли, усиленные во мне Черным Ангелом, с болью выходили из моего тела. Монах замолчал.

— Динь ел-ки, — раздался голос Лан-Винь-Е.

Даже без перевода я понял, что он просит закончить разговор.

— Елки-палки, сейчас! — ответил я Лан-Винь-Е. — Скажите монаху, а я точно там запачкаюсь?

— Точно, — кивнул монах. — Кстати, не берите с собой фотоаппарат, а если возьмете, не фотографируйте Место Голодного Черта.

— Почему?

— Иногда на фотоснимках проявляется Голодный Черт. Он это знает и... чаще всего тот,

кто фотографирует, умирает, потому что Голодный Черт начинает злиться и еще больше усиливает злые мысли человека, которые прямо-таки... разрывают человека изнутри.

В этот момент я еще не знал, что через несколько лет у меня скопится целая пачка фотографий с хорошо видимыми светящимися объектами, анализ которых приведет нас к выводу, что, скорее всего, эти светящиеся объекты есть различные варианты... ангелоподобной жизни на Земле, невидимые глазом, но почему-то получающиеся на фотографиях.

Я посмотрел на монаха Тленнурпу и понял, что сделать все так, как сделал он (то есть совершить парикраму, посетить Место Голодного Черта и вновь совершить парикраму), я не успею. Для еще одного ритуального обхода горы Кайлас у меня не хватало времени: поджимал срок отлета в Россию, да и холодало с каждым днем.

Гроздь сомнений возникла в душе.

Лань-Вин-Е встал, всем своим видом показывая, что пора идти.

Я тоже встал.

— Так Вы пойдете туда? — спросил, нахмурившись монах.

— Пойду, — ответил я.

— Идите в одиночку, — бросил напоследок он.

Когда мы вышли из монастыря, я остановился, потом развернулся, опять вошел в монастырь и позвал монаха.

— В каком направлении мне искать Место Голодного Черта, и сколько километров до него? — спросил я.

— Там... туда надо идти... — монах махнул рукой.

— Точнее, точнее! Я хочу взять азимут по компасу.

— Вон там... вон! До этого места километров семьдесят. Дороги туда нет. Но проехать на автомобиле можно, везде пологие холмы или ровное поле. Ориентиром будет речка, на противоположной стороне которой Вы должны увидеть как бы выросшие из-под земли скалы.

— Точно там? — я показал направление, взятое по азимуту.

— Да, там.

— Спасибо, дорогой монах!

Мы пошли.

— Не пачкайтесь! — крикнул вслед монах.

Шагая в направлении нашего лагеря вместе с Тату и Лан-Винь-Е, я думал о перипетиях своей судьбы, которая взрастила меня как глазного хирурга, а потом повела в те места, где сказки переплетаются с былью. Вот и сейчас судьба вела меня к Месту Голодного Черта, которое здесь, на Тибете, все называли заколдованным.

В лагере я налил немного спирта Лан-Винь-Е и Тату. Мы чокнулись и выпили.

— Завтра поедете вместе со мной к Месту Голодного Черта, — сказал я им приказным тоном.

— Нет, нет! Не поедем! — вдруг вскричал Лан-Винь-Е.

— Почему это?! — спросил я, набычившись.

— У нас не хватит бензина!

— Чепуха! Бензина мы взяли с двойным запасом. Вон, целый грузовик едет за нами и везет несколько бочек с топливом, — парировал я.

— Нет, не хватит бензина! — опять вскричал Лан-Винь-Е.

— Хватит болтать чепуху! — я стукнул кулаком о колено.

Лан-Винь-Е замолк и опустил глаза. Тату подтянулся к моему уху и тихо проговорил:

— Он боится туда ехать. Он думает, что он там обязательно умрет. Ему много рассказывали про это страшное место. Вы, сэр, должны понять его! Страх есть страх!

— А что чепуху-то болтать? — продолжал кипятиться я.

— Простите его, — промолвил Тату.

— Я же, Тату, пойду туда один! Я всего лишь прошу подвезти меня поближе. Скажи ему, этому трусу, об этом!

Тату перевел.

— Нет, нет! — опять закричал Лан-Винь-Е.

— У нас не хватит бензина!

Я почувствовал, что мое терпение лопается. Но я собрал свои нервы в кулак и сказал:

— Хорошо! Мы поедем туда вдвоем — вместе с тобой, Тату!

Скажи ему об этом!

Когда Тату перевел это, Лан-Винь-Е опять вскричал:

— Нет! У нас не хватит бензина! А Тату не имеет права водить автомобиль.

Я побагровел.

— Бензина у нас хватит, — почти по слогам произнес я.

— Если вы не подбросите меня ближе к Месту Голодного Черта, то я пойду туда пешком, прямо отсюда. Не сомневайтесь, я пройду эти 70 км туда и вернусь обратно! А вы будете ждать здесь, долго ждать... А к этому времени выпадет снег... поднимутся реки...

Когда Тату перевел эти слова, Лан-Винь-Е опустил глаза и, покачивая головой, почти прошептал:

— У нас не хватит бензина...

У меня сузились зрачки.

— Я никогда не думал, что представитель великой китайской нации может быть трусом, — раскаленным шепотом произнес я. — Тату, переведи это!

Тату перевел.

Лан-Винь-Е побагровел. У него сжались кулаки. Он встал. Я тоже встал. У Лан-Винь-Е подергивался уголок рта. Я смотрел ему в глаза. Он тоже.

Потом я нагнулся, взял в руки фляжку со спиртом, налил хорошую дозу в кружку и подал ее Лан-Винь-Е. Он отодвинул мою руку с кружкой. Я выпил спирт сам. Потом налил снова хорошую дозу спирта и снова протянул Лан-Винь-Е. Он опять отодвинул кружку. Я опять выпил.

Наступила гробовая тишина.

Я налил третью кружку и вновь протянул ее Лан-Винь-Е. Он взял ее.

— Завтра мы выедем пораньше. Вы с Тату останетесь за 10 — 20 км до Места Голодного Черта, а дальше я пойду пешком. Один.

А вы будете ждать меня, — ледяным тоном, не терпящим возражений, произнес я.

Лан-Винь-Е продолжал держать кружку. Я налил еще, себе и Тату. Я выпил первым. Вслед за мной выпил Тату, а затем и... Лан-Винь-Е.

Потом... мы поели китайских супчиков. Было вкусно.

Ночью я спал хорошо. Желудок не болел.

Навстречу Голодному Черту

Утром, обращая особое внимание на заполнение бака, Лан-Винь-Е осмотрел машину. Мы — Тату, Лан-Винь-Е и я сели в нее и поехали в направлении, которое я указал по компасу. Мы медленно ехали по целине, преодолевая холм за холмом. Периодически я выходил из машины, чтобы сверить направление по компасу. Вскоре местность начала понижаться, и по характеру ее

я понял, что километров через 12-15 мы окажемся у реки.

На первом же бугре я остановил машину, вышел из нее, достал бинокль и стал смотреть вперед. У меня заколотилось сердце. Прямо по ходу, на той стороне реки, я увидел группу скал, как бы торчащих из земли.

— Вот оно — Место Голодного Черта! — прошептал я. — Я нашел его! Я нашел его! Я нашел... нашел... нашел...

Я попросил Тату и Лан-Винь-Е выйти из машины.

— Заколдованное место вон там, — я показал рукой. — Ждите меня здесь. Мне надо пройти 12— 15 км туда и столько же обратно.

Если наступит темнота, включите фары... в мою сторону. А если я не вернусь, подождите еще один день... но не ищите.

Потом я полез в рюкзачок, достал фляжку со спиртом и протянул ее Тату с Лан-Винь-Е.

— Выпейте! Чо так сидеть-то?!

А потом я опять полез в рюкзачок, достал фотоаппарат и попросил Тату сфотографировать меня, уходящего... туда. Тату сделал это.

— Фотоаппарат-то возьми! — крикнул он мне вслед.

— Оставь его! — крикнул я в ответ.

Я уходил к Месту Голодного Черта.

Бугор за бугром, низину за низиной преодолевал я, шагая по азимуту к Месту Голодного Черта. Порой я уставал и садился на землю, чтобы отдохнуть; все же высота была не менее 4600 метров .

Вскоре я приблизился к реке. Скальные выходы, обозначающие Место Голодного Черта, становились все лучше видимыми. А я все шел и шел вперед.

— Лишь бы не особенно запачкаться! — думал я, шагая.

— Как это сделать? Как найти баланс между любопытством и тибетскими предречениями? Верить ли в существование Черного Ангела по прозвищу Голодный Черт или нет? Не осталось ли там свидетельств существования древнего тибетского Вавилона, где был «выпестован» земной человек? Там ли находится фрагмент камня Шантамани?

Эти мысли, конечно же, увлекали меня. Исследовательский инстинкт глубоко сидел в моем сознании и, как мне казалось, напоминал любопытство кошки, которая сиганула (выбежала!) в коридор и начала обнюхивать каждый угол, сама не зная, почему она это делает. Но самым неприятным в этом сравнении было то, что кошка, обнюхав углы коридора, начинала валяться, как бы «отмечая» (то ли запахом, то ли чем-то еще) тот факт, что она была здесь. Вот и я... ведомый исследовательским инстинктом, нередко ходил на пресловутую кошку, желая посетить то или иное загадочное место лишь с той целью, чтобы «отметиться» там, хотя у меня, конечно же, хватало ума на то, чтобы... не валяться. Вот и сейчас я шел, может быть, всего лишь за тем, чтобы ... отметить.

Сравнение с кошкой, естественно, не могло ублажить моего самолюбия. Я даже приостановился, подумав — а стоит ли вообще идти туда?! Но... «кошачье» любопытство было столь велико, что я по-бычьему согнул шею и, как осел, упрямо зашагал вперед.

Я все шел и шел, шагая по тибетским кочкам. Погода была хорошей. На душе было легко. Желудок не болел.

— И каков же ты, Голодный Черт? — залихватски думал я.

Трусом я, конечно же, никогда себя не считал. Походная жизнь научила меня перебарывать страх. Более того, во мне сидело и сидит одно качество, которое уж никак нельзя назвать высокопарным или интеллигентным, — я был драчуном. Я понимал, что драться — это плохо, но уж очень я любил (и люблю!) подраться. Причем, почти всегда я забиячничая и обычно

«вступаю в бой» первым. Эффект неожиданности, связанный с тем, что... в бой идет именитый профессор, почти всегда обеспечивает успех. Но, будучи все же... в чем-то интеллигентным человеком, я никогда не бью кулаком в лицо, а толкаю ладонью в грудь, от чего соперник чаще всего падает и, поверженный наземь, видит перед собой «нравоучительное» лицо профессора. Правда, иногда я беру соперника, как говорится, «за грудки» и сверлю его взглядом, в глубине души осознавая, что биологически я прежде всего... самец, хотя и... самок-то... вокруг, чаще всего, не бывает.

Чаще всего я дерусь на рыбалке, отвоевывая у браконьеров «свою территорию» для ловли рыбы, будто бы без рыбы я умру голодной смертью. Инстинкт «борьбы за свою территорию», существующий у волков, оленей и даже, возможно, у червей, сидит и во мне. И сидит крепко, как бы... подтверждая дарвинистскую теорию происхождения человека.

Главное, из-за чего дерутся люди, — это желание заставить «уважать» себя. Я даже (намедни подравшись) порой думаю о значимости этого самого «уважения», ради достижения которого, как говорится, все средства хороши. Фактор «достижения уважения к самому себе», на мой взгляд, распространяется на все формы жизни на Земле, будь то волки, будь то олени, будь то даже черви и... наверное, ангелы.

— «Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог», — вспомнил я стихи Пушкина, шагая.

По пути встретилось болотце. Я пошел через него напрямик, набирая в сухие ботинки воду.

— Как противно чавкает болото! — отметил я про себя.

Выбравшись на сухую землю, я вздохнул:

— Ух! Хорошо-то как идти!

Но мысли мои, как я признался самому себе, вертелись все же вокруг Черного Ангела. Я все-таки боялся его! Я не хотел соперничать с ним, я не хотел драться с ним, нет... — он, этот Голодный Черт, был интересен мне, и... любопытство вело меня туда, где... я мог встретить свою смерть.

А Место Голодного Черта шаг за шагом приближалось.

— Наверное, Черный Ангел уважает себя! — подумал я.

Я понимал, что меня не надо заставлять уважать Черного Ангела — я уже уважал, его, понимая, что он охраняет фрагмент легендарного камня Шантамани. Бог ведь не зря создал разные вариации Черной Силы, чтобы, как говорится, жизнь медом не казалась и чтобы любой человек, даже самый высокородный и высокопоставленный, и даже, может быть, бирюзовоголубой, мог не просто красоваться или жить, наслаждаясь «совершенством» своих генов, но и вспомнить иногда стихи Пушкина «...он уважать себя заставил...» и, дав кому-нибудь пощечину, приговаривая: «На тебе, противный!», и, даже получив в ответ «повальный» удар кулаком, зауважать себя — настоящего мужчину.

Я уважал Черную Силу — силу, которая была создана Богом с одной целью — чтобы человек не «зажрался». Ведь «зажир» страшнее Черной Силы, а зажавшегося человека легче убить, чем, так сказать, перевоспитать, потому что он, этот зажавшийся дурак, думает, что он почти Бог; он вальяжно выпрямляет колени, на котором, не дай Бог, разгладится стрелка на брюках и сгладит впечатление от него как от Бога. Такого трудно пронять словами (он их не понимает), такому мордобой нужен, который, извините, быстро ставит все на свои места.

Вот и приходится иногда... драться и... выступать в качестве «черной силы». В этом мире все относительно и трудно понять — где белое, а где черное. Да и в каждом из нас есть «черные пятна», чтобы к ним, «родинкам от черта», когда-либо кто-либо прицепился и начал то ли морально (сверля тебя взглядом и говоря обидные слова), то ли физически (в бою) выбивать из тебя... тебя самого — Великого. «Заманухой» можно назвать на блатном жаргоне эти черные

пятна человека.

Мне кажется, что людей без «черных пятен» не бывает; важно, чтобы «черные пятна» не выводили нас в поле жадности и зависти — глобальных уродств человечества (стервозность еще можно пережить); да и важно, чтобы «пятнистые» по своей природе люди не брали пример с «благородства» героев американских боевиков, где по беспробудной тупости режиссуры бывает только белое и черное, когда примитивный герой «благородно мстит», а «черный дурак» только и делает, что страдает, извиваясь в болевых конвульсиях. После просмотра американского боевика возникает впечатление, что для того, чтобы быть белым, надо быть обязательно тупым и мстительным, в связи с чем многие люди во многих странах мира начинают воспринимать американцев именно такими. Миной замедленного действия можно назвать Голливуд для Америки! И не дай Бог, какой-нибудь талантливый актер какой-либо страны сыграет в голливудском фильме — к нему тут же приклеится клеймо «правдивого, но... тупого человека», которое трудно отмыть даже голливудскими деньгами, полученными за счет эксплуатации «поля тупости человечества». Ну уж, если соединить американские боевики с рекламой, то их вместе можно назвать «стимуляторами тупости» человечества. А люди, извините, хотят уметь, а не... Такими их создал Бог, — направленным на прогресс, прежде всего умственный.

Впереди послышалось журчание воды. Я привстал на цыпочки и увидел речку. Сразу за ней находилось Место Голодного Черта. — Да разве можно назвать Голодного Черта черной силой?! — промелькнула мысль. — Ведь он выполняет благородную миссию — защищать от погрязших в «денежной грязи» людей фрагмент чудесного камня Шантамани, который, не дай Бог, попадет в руки этих нечистоплотных людей и даст им неограниченную власть, которая, конечно же, обратится во власть денег — тупую власть под символом накопительства... с одним лишь непонятым нюансом — для чего же нужно копить на сто жизней вперед? Ведь жизнь человека столь коротка!

Я вспомнил слова моего друга — Венера Габдрахимовича Гафарова, когда он однажды, у костра, тихо произнес: «Бог уравнил людей в одном — смерти».

Вспомнив эти слова, я даже остановился. Я понимал, что впереди, вот-вот, через пару сотен метров, меня самого может ожидать смерть.

Я задумался. — А ведь ты, молодец, Голодный Черт... — почти прошептал я. — Тебя считают черным, тебя называют чертом, а ты, дорогой мой Ангел, выполняешь благороднейшую миссию — показываешь людям, чего стоят их злые мысли, которые они, люди, так привыкли таить в себе, чтобы когда-нибудь эти злые мысли прорвались и мстили, разрушали и служили... в угоду тебе — Злому. Ты, дорогой... Голодный (до злых мыслей!) Черт, усиливаешь людские злые мысли в них же самих — злых людях, а они, эти злые люди, наконец начинают понимать (дураки!), чего стоят их злые мысли, и... будут понимать еще очень долго, но... уже на Том Свете.

Я смело шагнул вперед, прошел эти двести метров и дошел до речки. На той стороне речки, как монумент, высилась скала, за которой тянулась гряда скальных останцев, как бы вырастающих из земли.

— Статуи окаменевших людей должны быть чуть-чуть выше по реке, на той ее стороне, — прикинул я, вспоминая слова монаха Тленнурпу.

Я прошел немного вверх по течению, выглянул из-за скалы и там, в промежутке между двумя грядами каменных останцев, увидел ряд треугольных камней. Я их пересчитал. Их было восемь! У меня заколотилось сердце.

Я достал бинокль и всмотрелся в эти треугольные камни, — каждый из них имел, вроде бы как, лицо, руки, раскинутые по сторонам, контуры тела, ноги, сложенные так, как сидят в позе Будды... вроде бы как....

— Это окаменелые люди... что ли? — проговорил я.

Я пошел бродом через речку. Дошел до ее середины и... остановился. Ледяная вода с шумом плескалась о мои колени.

Я простоял в воде минуту, вторую... третью... Холод воды был приятен мне.

— Я не должен подходить к окаменелым людям! Не должен! Не должен! — пронеслась мысль.

И вдруг я понял, что... фрагмент легендарного камня Шантамани находится... внутри окаменевшего человека.

— Внутри! Именно внутри!! — вслух сказал я. — Он внутри камня, внутри... окаменевшего человека.

Холодная вода плескалась и бурлила между моих ног... живая вода.

— Неужели этот человек, который... каменел восемь раз, хотел в себе... запрятать фрагмент чудесного камня Шантамани... надежно запрятать в окаменевшем теле? Неужели? — подумал я.

А холодная вода плескалась о мои ноги. Мне не хотелось выходить из воды. Дул пронзительный холодный ветер. Но мне не было холодно.

— А почему, почему этот человек каменел восемь, а не один раз?

Если он хотел запрятать в себе фрагмент легендарного камня Шантамани, то... хватило бы... окаменеть один раз, погрузив в каменеющее тело этот фрагмент, например, проглотив его? Почему? — клокотала мысль.

Холодная вода немного успокоила мой клокочущий разум, и ко мне вернулась способность спокойно думать.

— Да, — думал я, — запрятать в своем каменеющем теле фрагмент легендарного камня Шантамани — самый надежный способ сокрыть его; даже если кто-то будет разрушать окаменевшее тело, то трудно будет найти внутри одного камня другой камень — легендарный камень Шантамани. Но почему он, этот человек, каменел восемь раз? Это неспроста...

Холодная вода еще более остудила мой разум. Я начал мыслить логически. И тут меня прострелила мысль.

— Так ведь, так ведь, — стал про себя заикаться я, — так ведь здесь, в этом месте, был не один фрагмент, их было восемь — восемь фрагментов камня Шантамани. Почему же этих фрагментов легендарного камня, принесенных сюда (где располагался некогда тибетский Вавилон — колыбель человечества), было восемь, именно восемь?! Почему? Может быть, «выхаживание» нового клонированного тибетского человека было разделено на восемь этапов, во время каждого из которых использовался отдельный кусочек камня Шантамани? Может быть? Может быть!

Я почувствовал, что мои ноги начали деревенеть от холодной воды.

— Как мало мы знаем! И как противно признавать, что мы этого не будем знать никогда! — про себя воскликнул я. — Я вынужден всего-навсего предполагать и только предполагать! Я не могу Утверждать! Не могу... И не смогу! Никогда!

Мне показалось, что холодная вода образовала ручеек и стала течь внутри моего правого ботинка. Дрожь пробежала по телу.

— Ну пусть, пусть мы будем только предполагать и никогда не сможем утверждать! — продолжал возбужденно думать я. — Пусть это так! Но это очень хорошо, что мы уже можем предполагать! Никто не может зарыться в глубины мироздания и истории, никто не может увидеть воочию то, что происходило много-много тысячелетий назад! Наукой, базирующейся на предположениях, можно назвать историю! И пусть археологи и историки говорят с серьезным видом слово «факт», доставая из ящика стола черепок примитивного кувшина, пусть они

напускают важность на свои далеко не всегда одухотворенные лица, пусть... Но никто из них, археологов или историков, не может окунуться в прошлое и увидеть то, что было! Прошлое уже позади, а мы живем будущим! Поэтому остается одно — предполагать, предполагать и предполагать... а это уже неплохо.

Я ощутил, что ручеек потек и в моем левом ботинке.

— По моим предположениям, — начал думать я, дрожа от холода, — по моим предположениям, после того, как клонированный в подземельях Шамбалы постпотопный Человек был возвращен на Тибете и заселил всю Землю, его колыбель — тибетский Вавилон — стал постепенно приходить в упадок. Пришло время сокрыть все восемь фрагментов камня Шантамани. Это было возложено (скорее всего, Шамбалой!) на одного человека, который в каждой своей жизни выполнял одну миссию — спрятать в себе один фрагмент камня Шантамани. Ничего умнее и надежнее придумать было нельзя. Этот человек, в очередной раз рождаясь и вселяясь в новое тело, шел туда, где некогда процветал тибетский Вавилон, брал очередной кусочек камня Шантамани, глотал его, входил в состояние Сомати и... каменел, скрывая в своем каменном теле кусочек чудесного камня. А в следующей жизни все происходило так же. Так повторялось восемь раз — такова была миссия этого человека!

Я почувствовал, что мои зубы колотятся друг о друга, выбивая мелкую дробь.

— Ах вот в чем дело! Восемь окаменевших тел (статуй!), и в каждой из них — кусочек камня Шантамани! Но попробуй их достань! Среди камня камень не найдешь!

Холодная вода текла по ногам, мои зубы начали натуральным образом лязгать.

— Что такое камень Шантамани? Что это? — задумался я. — Что это? Это, это... скорее всего, программа создания и становления телесного человека, записанная в... каменном файле. Главный файл находится внутри пирамиды Малого Кайласа, в камне Шантамани. А восемь кусочков — это программы восьми этапов становления нового человека, который был когда-то, после Всемирного Потопа, заново создан на Земле.

Холод совсем достал меня. Я захотел выйти из воды, но почему-то побоялся. Вода казалась мне моим защитником.

— Но почему, почему каждый кусочек камня Шантамани надо хранить внутри каменного тела? Разве камень Шантамани не выполнил уже свою роль? Ведь земной человек уже создан!

Я задумался, забыв про холод.

— Новый человек! На Земле должен быть создан новый человек! — вслух воскликнул я.

В то время, когда я стоял по колено в воде, я еще не знал, что новый человек уже создан и... создан в противовес нам, погрязшим в мелочных дрязгах.

Я сделал шаг вперед. Стало глубже. Я шагнул еще и провалился в какую-то яму почти по пояс. Я посмотрел вниз, на булькающую вокруг меня воду: она, эта текущая вода, была чистой-чистой и какой-то веселой-веселой. Вода веселилась, обтекая меня. Ей, воде, возможно, было смешно, что она обтекает не мои колени, а мое, не самое престижное, заднее место.

— Странно, что в этом зловещем месте вода такая веселая. А ведь она, вода, живое существо, и уж она наверняка знает про это место, рядом с которым протекает, — подумал я. — Не боится ведь этого места, не злится, бушует на порогах, не впадает в истерику, низвергаясь водопадом, и... не умирает, превращаясь в болото, а течет себе ласковой и уютной речкой, весело радуясь жизни, течет здесь... в зловещем месте, которого так боятся люди, погрязшие в....

Я подвигал ногами, постаравшись еще больше углубиться в воду ... в уютную и веселую воду. Я даже захотел присесть, чтобы погрузиться в нее по плечи, но испугался, что промочу карты, полевые дневники и многое другое — то, что было в карманах и рюкзаке.

Мне сейчас уже не было холодно. Нет. Мне было просто хорошо... вместе с водой. Мне

даже показалось, что ее веселье передалось мне. Я уже верил, что вода есть такое же живое существо, как и мы — люди, и есть тоже божье создание, но ... наверное, более чистое, чем мы, погрязшие в... Вода, наверное, уже прошла те этапы эволюции, когда злость в виде бушующих порогов и водопадов переполняла ее, но потом вода успокоилась, поняв, что главным стержнем жизни является Чистая Душа... ее водная Чистая Душа.

Я похлопал ладонью по поверхности воды.

— Шлеп, шлеп, шлеп, — уютно раздалось вокруг.

Я похлопал еще раз.

— Шлеп, шлеп!

Я улыбнулся. И еще раз хлопнул по воде.

— Шлеп!

Я провел мокрой ладонью по обветренному лицу. Оно показалось мне... по-человечески шершавым.

— Вода не боится Голодного Черта, потому что она чистая, — подумал я. — И люди бы не боялись, если бы были...

Я шагнул еще вперед, шагнул еще, еще... и вылез на противоположный берег. Вода стекала с меня, а мне... этого не хотелось.

На негнущихся ногах я сделал несколько шагов вперед и совсем рядом увидел статуи окаменевших людей.

— Шантамани! — прошептал я. — Легендарный камень! Каменная программа жизни!

Вода уже стекла с меня, и вихрь сомнений закружился в моей Душе.

— Достоин ли я, достоин ли приближаться к кусочкам легендарного камня Шантамани? Я ведь всего-навсего порождение той «каменной программы», которая была кем-то вложена в этот камень и сокрыта в каменном теле! Могу ли я себе это позволить?

Я сделал глупое движение рукой, будто бы шлепая по воде. Но шлепка не раздалось.

— Мои биополя, мои биополя... мои не очень чистые биополя... мои банальные человеческие биополя ... мои биополя, впитавшие жизнь в окружении злости ... мои биополя, вобравшие в себя необходимость приспособливаться к грязи... мои биополя, впитавшие все, чем дышит наше человечество ... мои биополя, в которые независимо от тебя всочился даже дух Америки с Чужим Богом во главе и колокольным звоном доллара... мои биополя не могут быть чистыми. Они, мои биополя, могут нарушить и даже стереть программу жизни в каменном файле Шантамани! — почти прокричал я про себя.

Я понял, что не имею права приближаться к статуям окаменевшего человека. И от этого мне стало грустно. А как хотелось в противовес всему человеческому обществу быть чистым! Но я понимал, что такого не бывает. И ты, индивидуальность, являешься прежде всего частицей, что даже далекая Америка через общечеловеческое биополе может влиять на тебя — уральского россиянина с татарско-украинскими корнями!

А чистым быть хотелось. Очень хотелось. Таким как... вода.

Я опустил голову. Потом поднял ее, вскинул руки и громко, чтобы слышало все Место Голодного Черта, закричал: Спасибо тебе — дорогой Черный Ангел! Спасибо тебе, что ты охраняешь фрагменты легендарного камня Шантамани, что ты охраняешь каменную программу созидания и становления земного человека! Спасибо тебе, что ты не пускаешь сюда людей, наяву показывая им, чего стоят их затаенные злые мысли, которые могут разрушить каменную программу жизни человека! Спасибо тебе, ангел; и зря злые люди называют тебя Голодным Чертом! Спасибо тебе... добрый Черный Ангел! Спасибо тебе за твою миссию — охранять истоки телесного человека! Спасибо тебе, мой дорогой!

Мне даже показалось, что ангел услышал меня. Но я его не видел. А он меня, наверное,

видел и, возможно, даже накрыл меня своими черными крылами. Я его не чувствовал, я не мог осязать его ангельское тело, оно было прозрачным для меня. А как хотелось поговорить с ним! Но жизнь нас развела по разным материальным сторонам созидания; мы не могли, да и... не имели права общаться, мы могли только думать друг о друге.

Я уже понимал, что главный камень Шантамани находится в неприступной пирамиде Малого Кайласа, установленной на трех каменных столбах высотой свыше 600 метров каждый, куда могут добраться только ангелы. Странные штыри, торчащие из скал и похожие на перископы, как бы наблюдают за этой святыней из загадочных подземелий Кайласа, боясь пропустить что-нибудь, что может нарушать покой того, где записана программа жизни на Земле... по которой строился Город Богов.

— По программе, записанной в главном камне Шантамани, строился Город Богов! — прошептал я, еле шевеля обветренными губами.

А потом я задумался и добавил:

— Город Богов — Город Жизни!

Я еще не понимал смысла этих слов. Должны были пройти годы, чтобы этот смысл со скрежетом вошел в мою душу и вызвал в ней глубочайший восторг великим разумом Шамбалы и... Создателя, конечно.

— А по программам, записанным в восьми фрагментах камня Шантамани, строился легендарный тибетский Вавилон — колыбель земного человека, — еще раз прошептал я. — Но почему, почему все же этих каменных программ было восемь, а не одна? Почему нельзя было вложить все в одну каменную программу? Ведь «технические возможности», наверное, позволяли. Я задумался.

— Ах вот в чем дело! Ах вот в чем дело! — почти вскричал я. — Период становления (или адаптации к земной жизни) клонированного постпотопного человека длился очень долго. И, видимо, Шамбала разбила весь этот долгий период на восемь этапов, программа каждого из которых была введена в отдельный каменный файл. Как только программа первого из восьми этапов выполнялась, появлялся... этот самый человек, брал отработанную программу в виде кусочка камня Шантамани и сокрывал его в себе... в своем каменеющем теле... для потомков. Как только выполнялась программа второго этапа, этот человек появлялся снова, и... так повторялось восемь раз, пока человечество, зарожденное на Тибете, не пустило крепко свои постпотопные корни на всей планете.

Я сделал еще несколько шагов вперед, в сторону окаменевших тел, внутри которых, как я думал, находились фрагменты камня Шантамани. Вдруг мне показалось, что что-то остановило меня.

— Все сокровенное, что есть на Земле, имеет как минимум двойной уровень защиты. Если главный камень Шантамани находится в совершенно неприступном месте, внутри пирамиды Малого Кайласа, да еще и под бдительным надзором людей из подземелий Шамбалы, то эти восемь фрагментов, накрепко замурованные в каменные тела, охраняются еще и ангелом, которого так несправедливо прозвали Голодным Чертом, — подумал я.

Мне снова страстно захотелось... пообщаться с этим ангелом. Я ведь не хотел зла! Я ведь просто хотел знать! Я ведь стремился... Я ведь...

Мне показалось, что что-то как бы стукнуло меня сверху. Я даже пригнулся.

— Как я не подумал об этом! — воскликнул я. — Мои биополя! Мои биополя, впитавшие грехи человечества! Разве я имею право приближаться к священным каменным программам?! Не только я виновен в том, что мои биополя далеки от кристальной чистоты, но и... люди, среди которых я живу!

Машинально я сделал еще пару шагов вперед... несмотря на то, что я и не хотел этого

делать. Резкая желудочная боль внезапно пронзила меня.

— Ух! — выдохнул я и присел.

Боль была ужасной. Корчась от боли, я поднял голову и посмотрел на «окаменевшие тела». Мне показалось, что одно из каменных изваяний сказало мне:

— Уходи отсюда!

Я развернулся. Согнувшись, прошел несколько метров и остановился. Боль терзала меня. Обессиленный, я упал на землю и громко, не стесняясь, заплакал.

— А-а-а-а-а-а-а, — плакал я — взрослый здоровый мужик, мастер спорта.

Потом я встал на четвереньки и как-то глупо и нелепо стал продвигаться к воде. Расстояние до воды мне показалось очень большим, хотя... вода была совсем рядом.

Наконец я добрался до воды. Скребя руками прибрежную гальку, я подполз к воде, продвинул тело подальше в речку, где было поглубже, и с удовольствием опустил туда голову, стараясь погрузить ее полностью в воду, хотя для этого мне пришлось разгребать носом дно. Я выдохнул разреженный воздух из легких:

— Буль, буль, буль, буль! — послышался уютный и веселый звук.

Я высунул голову из воды и так, лежа, стал жадно пить воду. Я пил ее — эту хрустальную и... веселую чистую воду, и мне казалось, что ее, этой чистой и веселой воды, мне все мало, все мало... Жадность до воды обуяла меня, жадность... до ее хрустальной чистоты.

Холодная вода успокоила боль. Но я продолжал лежать на берегу, ощущая, как по моей голове плещутся волны. Периодически я поворачивал голову на бок и шлепал щекой по воде.

— Шлеп, — слышалось, когда я опускал щеку.

Я даже подвигал щекой вверх-вниз.

— Шлеп, шлеп, шлеп, шлеп, — весело разносилось вокруг.

Я улыбнулся.

— Жив! — прошептал я.

Я еще попил воды до той степени, что уж больше было некуда. Боль каким-то отголоском точила изнутри, но уже не мучила меня.

Я встал. Кружилась голова. Меня колотило от холода.

Я развернулся, опять посмотрел на окаменевшие тела, потом поднял вверх голову и тихо, с чувством, сказал:

— Спасибо тебе, мой добрый Черный Ангел! Спасибо, что не пустил меня, неразумного, дальше! Мое любопытство этого не стоит! Я не достоин... камня.

А потом я снова повернулся к воде, присел, пошлепал по воде рукой и сказал:

— Спасибо тебе, водичка — кладезь чистоты!

Покачиваясь, я перешел вброд речку и, остановившись на берегу, взял обратный азимут, по которому должен был пройти еще около пятнадцати километров до нашего автомобиля. Качаясь от слабости и трясясь от холода, я прошел несколько метров по азимуту. Но вдруг резко развернулся, посмотрел в небо над окаменевшими телами, улыбнулся и громко, по-детски, крикнул:

— До свидания, добрый Черный Ангел!

Я шел, шел и шел по компасу. Кружилась голова, сбивая меня с линии азимута. Порой я тряс головой, пытаюсь сосредоточиться, но меня все равно мотало из стороны в сторону.

Сильной боли не было. Но мучила слабость. Ватные ноги плохо слушались меня.

— Давай, давай, Мулдашев... давай! — приговаривал я, заставляя себя шагать. — Ты жив, ты жив, ты жив! Давай, давай!

Упрямо согнув шею, я шагал вперед.

— Быстрее шагай, Мулдашев, быстрее! Скоро темнеть будет, — повторял я раз за разом.

Стало смеркаться. Оставалось еще километров пять. Я не был уверен в том, что иду точно по азимуту, ведь меня мотало из стороны в сторону. А надо было выйти в точку, где должны были ждать меня Тату с Лан-Винь-Е. И выйти надо было точно туда.

Я знал, что у меня достаточно большой опыт хождения по азимуту, но... меня мотало, и я никак не мог сосредоточиться.

— Черт побери! Давай, давай! — постоянно повторял я.

И вдруг, непонятно почему, мне стало страшно. Я остановился. Мне показалось, что я что-то услышал.

— У-у-у-у! — раздалось вдалеке.

— Собаки! Дикае собаки! Или... волки?! — тихо проговорил я.

Я почувствовал, как бешено заколотилось сердце.

— Тук, тук, тук, тук, — стучало сердце.

Я задрожал всем телом.

— Смерть преследует меня! — прошептал я.

у.у-у-у-у! — раздалось в ответ, но уже ближе.

Я сжал кулаки... безоружные кулаки. Потом достал нож. Смеркалось, но кое-что еще было видно.

Вскоре я увидел собак. Они резво пронеслись поперек моего хода и где-то сбоку остановились, с любопытством поглядывая на меня. Их было пять.

— Смерть преследует меня! — еще раз прошептал я.

Я упрямо согнул шею и пошел прямо на собак, отклоняясь от линии азимута.

— Уже который раз смерть преследует меня! Уже который! Не возьмешь и сейчас! Не возьмешь! Не возьмешь! Не возьмешь! — твердил я. — Давай-ка, сразимся! Эй, собаки, сюда! Нападайте! Посмотрим, кто сильнее!

Собаки опешили оттого, что я пошел прямо на них, не боясь их. Они стали бегать вокруг и даже разделились на две группы. — Самое главное — не бояться! Страх притягивает смерть! — подумал я.

Одна из собак громко завывала. Остальные ответили ей хором. Потом собаки собрались в кучу и внезапно ринулись на меня.

Я на мгновение растерялся, но потом выставил нож и пошел на них, набычив шею. Я не боялся их, потому что уже... не боялся смерти. Я просто хотел сразиться с ними — исчадиями дьявола — и посмотреть, кто кого победит в бою. Я хотел боя, я жаждал его! Страх у меня не было. Была только жажда боя.

Собаки метрах в тридцати-сорока от меня остановились и стали рычать.

— Р-р-р-р-р, — передразнил я их, продолжая шагать в их сторону.

— У-а! — вдруг взвыла одна из собак.

Все собаки замолкли. И тут самая крупная из них, наверное, вожак, побежала в сторону, а за ней ринулась и вся стая.

Меня трясло. Я взял направление по азимуту и, в каком-то опустошении, пошел вперед. Почти стемнело.

— Я переборол смерть, потому что не испугался ее, — устало подумал я.

Я шагал и шагал в темноте. Только иногда, где-то сбоку, раздавался противный вой — «У-у-у-у!».

Вскоре, чуть-чуть в стороне от линии азимута, я увидел свет фар.

— Молодец, Тату... и Лан-Винь-Е, — проговорил я, — включили фары!

Лан-Винь-Е встретил меня восторженным криком.

— Мень,мень,мень! — услышал я.

Я обнял его, этого китайского парня. Он тепло смотрел мне в глаза. Тату отодвинул его и обнял меня. А Лан-Винь-Е задержался, включая свет в салоне автомобиля, достал мою фляжку и протянул ее мне вместе с кружкой.

— Пень! — сказал он.

Я понял правильно и сделал хороший глоток из... горла. Потом я протянул фляжку им обоим. Они с удовольствием выпили оставшийся спирт.

— Спасибо, мужики! — проговорил я по-русски.

Они ничего не поняли.

А потом мы лихо доехали до нашего лагеря, конечно же, хорошо поплутав.

Из палаток высунулись сонные лица ребят. Сергей Анатольевич Селиверстов сказал:

— Ну, как ты, шеф?! Поешь, каши много осталось...

Утром, проснувшись, я заставил себя умыться и переодеться.

А потом я отошел в сторонку и сел на землю — тибетскую землю. Она была холодной, но уютной.

— А ведь смерть-то прошла стороной! — отстранение подумал я.

Ко мне подошли Лан-Винь-Е с Тату.

— Среди китайцев не бывает трусов, — сказал Лан-Винь-Е.

— Великая нация не может иметь трусов, — важно подтвердил я.

Я вспомнил ангела с нелепым прозвищем «Голодный Черт», встал и прошептал:

— Спасибо тебе, добрый Черный Ангел!

Сегодня мы отправлялись домой.

Глава 21. Домой

Мы собрали вещи и погрузили их в автомобиль. Сергей Анатольевич Селиверстов задержался возле ставшего и вправду каким-то родным яка.

— Так я к нему привязался, шеф, что уезжать тяжело!

Як терся носом о впалый живот Сергея Анатольевича.

— Ну ладно, хватит сантименты разводить! Поехали, Сергей Анатольевич! — прервал я затянувшуюся прощальную сцену.

Мы залезли в наш джип и тронулись в обратный путь.

Лан-Винь-Е был очень доволен, он ехал домой. Тату грустил. Равиль часто и невпопад хохотал. Рафаэль Юсупов почему-то с удовольствием кричал на кочках. Сергей Анатольевич Селиверстов, элегантно поглаживая висок, постоянно смотрел в небо. А у меня болел желудок, но не очень сильно.

Кайлас был закрыт облаками. Его не было видно. А так хотелось помахать ему рукой...

— Тату! Лань-Винь-Е! Давайте подъедем к подножию гор, откуда начинается Город Богов. Будет крюк километров в двадцать, ну и что ж с этого! — предложил я.

Все согласились.

Мы подъехали к подножию гор и остановились. «Как по заказу», опустился туман и окутал нас белой пеленой.

Я вышел из машины и пошел к горе. Равиль пошел за мной.

Дойдя до горы, я опустился на колени и провел ладонью по каменистой поверхности горы (а вернее, одной из гор вокруг Города Богов). Она показалась мне очень и очень родной.

Я посмотрел вверх и увидел только белый туман. А потом склонил голову, склонил ее перед Городом Богов.

Я закрыл глаза, представил величие Города Богов и... еще ниже склонил голову. Равиль так и сфотографировал меня... в тумане... со склоненной головой.

Мы снова сели в машину и поехали. Урчал мотор, мерно так урчал. Я прикрыл глаза и начал тихонько засыпать, потряхиваясь на кочках и не обращая внимания на ставшую уже привычной и какой-то «родной», боль в области желудка.

— Ур-р-ур-р-ур-р, — урчал мотор.

А спалось так сладко-сладко. Плечо Сергея Анатольевича было уютным, хотя и жестковатым. Оно, это плечо, как бы облегало мою голову со всех сторон и убаюкивало. И вдруг среди урчания мотора стали различаться какие-то нотки. Эти нотки усиливались, усиливались и вскоре стали проявляться в виде мелодии, которую будто бы пел Сергей Анатольевич Селиверстов:

Баю-бай, должны все люди ночью спать.

Баю-баю, завтра будет день опять.

За день мы устали очень,

Скажем всем: «Спокойной ночи».

Глазки закрывай, баю-бай...

А мне было хорошо... на плече моего друга. И мне казалось, что Сергей Анатольевич все пел и пел в сопровождении странного оркестра, играющего на инструментах, издающих только звук «Урр-урр...», среди которых иногда слышались слова «Баю-бай, должны все люди ночью

спать...».

Наверное, я во сне всхлипывал, и даже, возможно, у меня вытекла слюна на плечо Сергей Анатольевича. Но я спал, сладко спал, спал с чувством исполненного долга, который... конечно же, придумал я сам, сам не зная почему, придумал этот самый мой долг здесь... на Тибете.

Во сне я вспомнил одну свою особенность — засыпать где ни попадя. Мне приснилась прима-актриса уфимского драматического театра Тансулпан Бабичева, которая однажды пригласила меня на премьеру, где она играла главную роль (бомжихи, по-моему) и сказала, что она будет играть только для меня. А я... конечно же, сразу уснул в кресле, сладко всхлипывая. Спектакль вскоре закончился и я, свеженький как огурчик, предстал перед ней, делая вид, что я восхищен и очарован ее игрой.

— О, как противно было играть, когда ты дрых в кресле-кровати! — помню, сказала она.

А сейчас я спал не «где ни попадя», а спал законно, нормально... на плече Сергея Анатольевича Селиверстова, которого даже не смущала моя слюна, вытекающая на его грязный анорак. Это было нормально — спать, когда можно спать, а не спать, когда надо следовать ситуации — «Я весь внимание!».

Далее во сне мне примерещился один индийский этюд из моего прошлого. В 1996 году мы с Венером Гафаровым и Сергеем Селиверстовым совершили хирургический вояж по нескольким городам Индии, совместив его с началом нашей первой гималайской экспедиции. В каждом из индийских городов мы читали лекции местным глазным врачам и делали показательные операции. Но чтение лекций по индийской традиции сопровождалось пышной церемонией представления меня индийской «глазной» общественности, когда меня сажали на отдельный стул, обязательно надевали на шею венок из сильно пахнущих желтых цветов и, на смеси английского и хинди, говорили про меня минут этак сорок такие слова, такие слова... что даже из обрывков английских фраз можно было понять, что посещение им (то есть мною) этого города надо воспринимать по меньшей мере как «луч света в темном царстве». Но таковы уж традиции индийского народа, который склонен из всего устраивать праздник и умеет «из всего... сделать конфетку».

Я, слушая сладкие речи и сидя на отдельном стуле с венком на шее, конечно же, чувствовал себя полным идиотом. А слишком Долго чувствовать себя идиотом, поверьте, трудно, тем более — «сладким идиотом». Поэтому волей-неволей я засыпал (контролируя? правда, чтобы не вытекала слюна), но... продолжал «облагораживать» своим важным видом индийскую общественность. В те редкие моменты, когда я открывал глаза и смотрел в зал, я тут же замечал моих друзей — Венера и Сергея, которые изо всех сил телепатировали мне, что спать у всех на виду (да еще с венком на шее!) нельзя, и дико расширяли свои глаза, порой даже делая это пальцами. Я кивал им в ответ, выражая свое согласие, но их лица с расширенными глазами опять расплывались в тумане и... представляли в том же виде, но... уже во сне.

А когда процедура представления меня... спящего... заканчивалась, я неведомым образом тут же поднимал голову, делая вид, будто бы у нас, в России, именно так принято слушать речи о себе. Вдох облегчения «Ух!» тут же исходил от Венера с Сергеем.

Встав за трибуну (с венком, конечно!) и взяв микрофон в руки, я уже окончательно просыпался и, даже не путая английскую речь с русской, бойко произносил: «Ladys and gentlemen! Dear colleagues!», с радостью ощущая, что говорю я уже... не во сне.

Я всегда завидовал моему другу Рафику Талгатовичу Нигма-туллину (доктору медицинских наук, профессору, заместителю директора нашего Центра по науке), который обладает способностью не спать в президиуме и может часами высидживать в состоянии бодрствования, не нуждаясь в комедийных очках, на которых нарисованы широко открытые глаза.

Плечо Сергея Анатольевича Селиверстова, на котором я спал в машине, показалось мне не

совсем удобным; я стал в полусне двигать его и, наконец, нашел более удобное место для головы — его грудь. — Ух! — вздохнул я удовлетворенно.

А машина катилась вперед, напевая урчащую песенку дорог. А потом в этом урчании появились какие-то грандиозные нотки, появились басы, и... в ушах моих зазвучал прекрасный вальс послевоенных лет:

В городском саду играет духовой оркестр.

На площадке танцевальной нет свободных мест...

Чувство торжественности вошло в мою душу, и я ... почти наяву... увидел во сне московский парк «Сокольники», по которому я давным-давно шел с какой-то выставки и вдруг в сторонке услышал звуки духового оркестра, играющего «В городском саду...». Помню, я остановился, послушал минутку и через газоны пошел в направлении музыки. Вскоре я дошел до огороженной сеткой танцплощадки, на противоположной стороне которой играл духовой оркестр, в котором оркестрантами были только... седовласые старики. Но они играли с таким вдохновением, таким вдохновением... А ветер трепал их седые волосы.

На площадке танцевала только одна пара: старенький-старенький полковник в кителе кружил старушку в старомодном платье и в туфлях со стоптанными толстыми каблуками.

Я стоял и смотрел, а мне образно представилась война, которую пережили наши отцы, и... мне показалось, что они, наши отцы и матери, даже воевали торжественно, потому что слово Родина всегда звучит торжественно. А этот полковник в кителе, до сих пор не потерявший осанку военного, так кружил свою... давным-давно бывшую девушку все в таких же туфлях на толстых каблуках, так кружил... что чувство глубочайшей несправедливости тем, что люди... почему-то стареют, пронзило меня. Но я понимал, что Бог решил сделать так; ведь злые люди, которых так много, не имеют права жить слишком долго и должны пройти очищение на Том Свете. Только вот... они, эти злые люди, увлекают в пучину смерти и других — добрых, которые тоже, как и злые, должны покрываться сединой и вспоминать, кружась в вальсе жизни, те годы, когда торжествовала молодая любовь, чтобы, может быть, в новой жизни, представ перед каким-то человеком в новом обличий, вдруг почувствовать, что он чем-то... чем-то... чем-то родной и близкий, не понимая того, что стоящий перед тобой человек есть твоя любовь... любовь той жизни.

Я стоял, даже не ощущая того, что носом и щекой совсем «въехал» в проволочную сетку ограды. А вальс все кружил и кружил прекрасную седовласую пару.

— Смерть не страшна, страшна разлука! — подумал я.

А еще я подумал тогда о том, что чем больше живут люди друг с другом или чем дольше дружат между собой, тем они ближе и роднее становятся.

Старых друзей не меняют! — пронеслось в голове. Помню, что тогда перед моим взором вереницей пронеслись образы моих старых друзей, с которыми жизнь уже развела меня, но... но... какая-то теплая и добрая энергия окутывала каждого из них.

— Старых друзей не меняют! — еще раз подумал я.

Помню, что тогда, в Сокольниках, когда я стоял, вжавшись лицом в проволочное ограждение, я подумал о том, что самая большая низость людей — это то, что они иногда гордятся молодостью. Я вспомнил лицо молодой дамы, которая сказала другой:

— У меня есть преимущество перед Вами — молодость!

Я представил, что если человеку нечем гордиться, то он гордится молодостью, не думая о том, что через сколько-то лет кто-то может и ему сказать, горделиво взглянув на него:

— У меня есть преимущество перед Вами — молодость!

Мне стало грустно. Я опустил голову и пошел по парку «Сокольники» к метро. А сзади играл духовой оркестр: «В городском саду играет...» — играл торжественно, как бы намекая на то, что, кроме низости, существует еще и торжество жизни.

Я почувствовал, что сползаю с груди Селиверстова. Я поднял голову.

— Спи! Спи! — сказал Селиверстов, пытаясь создать из своей груди что-то наподобие полувертикальной подушки.

Я опять опустил голову на его грудь. Но уже не спалось. Я почувствовал, что все еще сильно болит желудок. Боль была ноющей, и она достала меня. Но очень хотелось спать, очень... Я понимал, что мой сон — это естественная защитная реакция, возникшая после всех стрессов, которые мы пережили в Городе Богов, где Жизнь и Смерть соединились воедино... с одной лишь оговоркой — жить-то, все-таки, хочется...

И я чувствовал, что живу, но живу с этой вечной болью.

— Запачкался, наверное, там, ... в «месте», ну... там, где надо быть другим... более чистым... значительно более чистым, — подумал я.

Я понимал, что с этой болью из меня выходит вся грязь... грязь банальной жизни, к которой мы так привыкли и которую считаем нормой, нормой под девизом — «Жить в душевной помойке». А так хотелось видеть у всех людей искрящиеся глаза! Но я знал, что глаза у людей искрятся очень редко... пока.

— Пока... — с надеждой повторил я про себя.

Боль усилилась. Я остановил машину и вышел. Отошел от машины на несколько метров по песчаному бархану и встал полусогнувшись.

— У-ух! — вырвался из меня звук боли.

Я постоял еще немного, а потом безнадежно подумал: — Куда мне деваться! Надо терпеть! Зато грязь выйдет из меня... с болью! Если бы люди не болели, то они бы совсем... охренели... от грязи! В свержпомойке стали бы жить! Пусть это жестоко, но люди должны болеть, люди должны переносить боль, потому что боль — это отголосок грязи, от которой освобождается твоя душа! И пусть болит. Да, пусть болит — чем сильнее болит, тем чище ты станешь! Боли, боли сильнее, очищай меня, очищай! От этих мыслей мне стало легче. Вдруг я вздрогнул.

— А если меня совсем сильно «очистить», то... то... как я стану жить в нашем мире? Ведь здесь... извините, грязненьким быть приходится! — выдавил я из себя, совсем согнувшись от боли.

Я на мгновение опешил, но потом понял, что человек, вообще-то, живет вечно, меняя тела и жизни, и в этой веренице жизней главным критерием все же выступает Чистота Души, которую давным-давно, созидавая нас, нарисовал сам Бог... по своему образу. И нам, божьим созданиям, некуда деваться, как следовать заветам Главного Отца — Бога, научившись отречься не только от грязного, но и от того, что имеет даже малейший грязноватый оттенок. А смог ли ты сделать это, отразится в твоих глазах...

В этот момент я как-то набычился, поднял голову и шепотом, отвернувшись в сторону гор, сказал:

— А я буду стараться... а я буду бороться... а я буду стремиться... а я буду рвать и метать, чтобы изменить наш запачканный мир, хоть чуть-чуть... хоть чуть-чуть....

Я поймал себя на том, что искра самонадеянности промелькнула во мне, а самонадеянным идиотом, желающим изменить весь мир, мне быть не хотелось.

Я задумался. Но потом сказал сам себе:

— Оптимисты решают в этой жизни все! А брюзжащие пессимисты, играющие роль «всезнаек-судей» и умеющие красиво покачивать головой, идут они... подальше, потому что

они, смакуя негатив, только тянут общество вниз, смиряясь с грязью и перелопачивая эту грязь своими... привыкшими к грязи мыслями! Не надо брюзжать! А надо, все-таки, хоть на мгновение, сумев отречься от «грязной жизни» под сенью всезнайства «грязных законов», посмотреть на мир детскими глазами и увидеть, например, в том же человеке, в котором ты видишь потенциального предателя, человека светлого и чистого... даже если это не так... даже если ты ошибаешься... даже если ты... Смакование грязных законов само заводит в грязь!

А оптимисты, эти нелепые оптимисты, критикуемые и поучаемые всезнайками-пессимистами и... имеющие смелость по-детски розово смотреть на жизнь, решают все в этой жизни, потому что они видят ее в будущем, розовом будущем, лучшем будущем, прекрасном будущем — том будущем, которое и нарисовал всем нам Бог — Величайший Оптимист. А без этого божественного оптимизма не было бы и нас — людей.

Именно исторические пессимисты затащили нас в бездну всемирных катастроф и потопов, потому что они копались... рассудительно копались в «грязном белье». А «белье» должно всегда быть стиранным и чистым, как... детские глаза.

Я представил, сколько оптимизма надо было иметь людям Шамбалы, чтобы построить Город Богов и заново, через тернии, воссоздать Человечество на Земле. Только розовые мысли о будущем помогали им, этим оптимистам, свершать, свершать и свершать великие дела, и свершать их не ради себя, а ради нас — неразумных, чтобы на планете Земля человеческий голос мог произнести слова: «Я люблю Вас!».

Я вернулся к машине. Мы снова поехали. Горы и холмы «Вечного Материка» проплывали мимо.

Боль немножко успокоилась. Я поймал себя на мысли, что доволен. Я был доволен тем, что нам, простым российским парням, удалось побывать в объятиях Шамбалы, призрачных и прекрасных объятиях. Я был доволен тем, что нам удалось увидеть Город Богов — невероятный и необычный Город, который был создан для того... что имело принципиальное, и... я даже сказал бы, главное значение для жизни на Земле.

Я еще не знал, что разгадка предназначения Города Богов растянется на годы, но я уже чувствовал, что загадка Города Богов, который мы видели своими глазами, грандиозна.

Я ехал, порой засыпая и опуская голову то на плечо, то на грудь Сергея Анатольевича Селиверстова. Биополя Сергея Анатольевича приглушали боль — хорошие добрые биополя моего друга. Сергей Анатольевич порой кряхтел, стараясь сохранить одну позу, чтобы не разбудить меня, а если и поворачивался, то делал это тихо и уютно. Порой он, Сергей Анатольевич, на ходу отхлебывал из фляжки спирт, но делал это аккуратно и не издавал традиционных для данного момента: «У-ух! Хорошо пошло!», и даже ни разу не уронил на мою лысую голову каплю этого живительного напитка. Только звуки «Хрум-хрум» выдавали то, что Сергей Анатольевич закусывает сухарем.

В полусне (а может быть, и во сне!) передо мной проносились видения параллельных миров, и мне, спящему на плече Сергея Анатольевича Селиверстова, казалось, что все люди параллельных миров наши друзья, которые хотят помочь нам и которые дали свою силу нам — трехмерным людям, чтобы и в нашем мире, где слово «человек» пока не звучит с большой буквы, появилась божественная сила пяти элементов, способная не только сокрушать, но и созидать, созидать то, что невозможно создать ничем иным. Божественная сила пяти элементов работала на Земле именно здесь, на Тибете, чтобы сотворить здесь Город Богов, чтобы он мог... чтобы он мог... чтобы он мог... Результаты работы силы пяти элементов — объединенной силы параллельных миров — мы воочию видели здесь в виде уникальных каменных конструкций Города Богов, но так и не поняли, для чего же была применена здесь эта... «тяжелая артиллерия Вселенной». Но не поняли... пока... Пока еще не поняли!

Плечо (а порой и грудь!) Сергея Анатольевича было уютным. Я ощущал, что спал на теле трехмерного человека, трехмерного Сергея Анатольевича Селиверстова. И мне, почему-то, не хотелось менять его трехмерное тело (используемое в качестве подушки!) на гигантское тело четырехмерного человека, хотя Сергей Анатольевич и в трехмерном обличий был не мал! Я ведь и сам был порождением трехмерного мира и, естественно, тянулся ко всему трехмерному, потому что здесь, в этом по высшим меркам скучном и угрюмом мире, была моя Родина, которую мы, трехмерные люди, должны изменить и сделать веселой и жизнеутверждающей.

Я еще раз подвигал своей головой по трехмерному плечу (или груди?!) Сергея Анатольевича и вдруг ощутил, что мы, трехмерные люди, не очень-то уважающие самих себя, все-таки... все-таки сможем изменить наш скучный и угрюмый мир и сделать его таким... таким... что и в нем, этом заброшенном на низшие уровни мире, когда-нибудь появятся чудеса, те невероятные чудеса, на которых прозрачными, но ясными буквами будет нанесен главный девиз достижения чудес — Чистая Душа. И тогда (кто знает?!), может быть и в нашем, уже не угрюмом, а веселом мире, засияет чудодейственная сила пяти элементов, сила, которая (скажу я вам, забегая вперед) создала нас самих, как составную часть мироздания... создала через Город Богов, совместным творчеством (и зодчеством!) параллельных миров.

— Тр-тр-тр! — гулко прозвучало в моей голове.

Сергей Анатольевич снова закусывал сухарем.

Мне приснилось Главное Зеркало Времени и Зеркало Царя Смерти Ямы в Городе Богов. И я как-то просто и легко (во сне!) осознал, что времена чудес наступят тогда, когда Человечество познает законы Времени и станет признавать каждого человека как Человека-Время или Человека-Мысль (поскольку Энергия Мысли есть энергия Свободного Времени), а также станет больше доверять чувствам, которые и посланы Богом для того, чтобы инспектировать мысли. И тогда, если чувства начнут превалировать в нашем мире, вполне возможно, и наступят времена матриархата (поскольку женщины более склонны к чувствам!), и... женщины начнут ухаживать за мужчинами (кстати, такие симптомы уже есть!), когда с дурости накачавшийся «качок» будет стыдливо склонять голову, не решаясь позволить обнять свое «мясожировое тело» хрупкой женщине.

В тот момент, когда я ехал и, беспредельно устав, спал, спал и спал на плече (или груди!) Сергея Анатольевича Селиверстова, периодически пробуждаясь от уже привычных звуков «Тр-тр-тр!», я еще не знал, что скоро смогу сделать первую в мире трансплантацию глаза, в основу которой лягут пусть призрачные, пусть гипотетические и недоказуемые законы Времени (а именно «скоростного вращающегося кровеносных сосудов»), которые будет так трудно объяснять коллегам и которые были навеяны Зеркалом Царя Смерти Ямы — Думающим Зеркалом Времени.

— Тр-р-р-р-р-р-р-р! — прозвучало в голове.

— Твердый сухарь попался! — подумал я.

А мы все ехали и ехали. А желудок все болел и болел. А я, не обращая внимание на боль, спал и спал, спал и спал, спал и спал. Только иногда я, просыпаясь от нестерпимой боли, останавливал машину и выходил постонать, порой... громко постонать. А однажды я лег на плечо стоявшего рядом Сергея Анатольевича и громко заплакал.

— Больно! Очень больно! — вырвалось из меня сквозь слезы.

День проходил за днем. А мы ехали и ехали. А желудок болел и болел. А грязь выходила и выходила из меня.

Порой я открывал глаза и смотрел в окно и видел то каменные надписи на склонах, говорящие о том, что тибетцы не хотят забывать великих когда-то заклинаний, то ровные круги — свидетельства Шамбалы, то ступы — символы пирамид Города Богов, но я уже понимал, с

болью в душе понимал, что миссия тибетцев уже выполнена.

— Почему же Бог обижает людей?! — думал я периодически.

Я не находил прямого ответа на этот вопрос, но в глубине души понимал, что... так, наверное, надо... ради прогресса... ради жестокого прогресса, поскольку без прогресса не будет жизни.

— Живет все: живут люди, живут насекомые, живет энергия, живет вода, живет огонь, — пронеслось в моей голове.

Мне почему-то было грустно. И только периодические звуки «Тр-р» немного веселили меня.

Вскоре мы достигли того места, когда тибетское плато начало снижаться. Наступила пора прощаться с Тибетом. Мы горделиво обнимались, позируя перед фотоаппаратом то на фоне озера, то на фоне палатки, а на душе было грустно, потому что нам не хотелось расставаться с Тибетом — Колыбелью Человечества.

Я, конечно же, улыбался и фотографировался с деланной улыбкой на лице. А желудок болел, болел и болел... Но как только я [садился в автомобиль, я тут же засыпал и спал, спал и спал, не обращая внимания на боль. Срабатывала защитная реакция организма после перенесенных стрессов.

Иногда я вспоминал свои бывшие чемпионские походы, когда на тяжелых перевалах было столько стрессов, столько стрессов... А потом... нам на грудь вешали чемпионские медали.

— Неужели я сдал, неужели я... постарел? — думал я.

Мне вспомнился уже пожилой бывший президент японской фирмы «Ничиборен», господин Кондо, или вернее, Кондо-сан. Он прекрасно говорил по-русски, но иногда путал русские слова.

С ним, господином Кондо, мы как-то шли по Манежной площади в Москве, изрядно выпив. Конечно же, мы говорили о жизни. Весело говорили. Я помню, расспрашивал его о степени напора японских мужчин во время процедуры ухаживания за японскими женщинами, попросив особо отметить его личный опыт.

— Ты что, Мулдашев-сан, ты что? — помню, сказал Кондосан. — Я уже, уже... я уже устарел.

— Чего? — переспросил я.

— Устарел, — повторил он, путая слово «устарел» со словом «постарел».

Помню, мне стало грустно.

Вот и сейчас мне стало казаться, что я, возможно, тоже «устарел», но... кто знает... кто знает, в какой степени. Вскоре стали встречаться селения, в которых мы останавливались, чтобы перекусить. Я наблюдал, как Рафаэль Юсупов пьет чай, всем своим видом оценивая качество этого напитка, я любовался, как Равиль Мирхай-даров простодушно «сосет» из горла пиво, но особо внимательно я следил за Сергеем Анатольевичем Селиверстовым, который выпивал любой напиток одним-двумя глотками и тут же начинал писать на коленях, желая, видимо, наверстать упущенное в ведении своих полевых дневников.

На границе с Непалом мы остановились и ждали пропуска очень долго. Мы уже стали опасаться, что китайцы не пропустят нас в Непал, откуда нам предстояло улететь в Россию. Но вскоре появились Лан-Винь-Е с Тату и... предложили хорошенько выпить, ведь они оставались здесь, в Китае... на Тибете.

Китайская водка была жуткой, но, самое главное, невероятно пахучей — казалось, что мы пропахли ею насквозь. И тут... Лан-Винь-Е, захмелев, запел... по-русски... «Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой...» и... стал вспоминать годы, проведенные в МГУ, почти без акцента произнося русские слова. Мы все тепло улыбались.

Когда мы пересекли границу с Непалом и автобус довез нас до равнины, Сергей

Анатольевич вздохнул:

— Ух! Воздух-то какой густой! Если хорошо вздохнуть, легкие может разорвать. Это вам не «Вечный материк»!

Мы все дышали с удовольствием.

В столице Непала Катманду было жарко и влажно. Мы все ходили в шортах и иногда поглядывали на свои худые натруженные ноги. Желудок мой изо дня в день болел все меньше и меньше. Я смотрел на цивилизацию совсем другими глазами... немножко чужими глазами.

Каждые часа два раздавался чей-то голос, чаще всего Рафаэля Гаязовича Юсупова: — Ну что, мужики, пожрем, может?!

И мы опять шли в какой-нибудь дешевый ресторанчик, чтобы поесть, с удовольствием поесть... цивилизной еды.

Во время «приема пищи» я с удовольствием наблюдал за лицами ребят. Нет, они не просто радовались изобилию еды, они радовались тому, то смогли выдержать тяжелейшие и, я бы сказал, смертельные испытания и увидеть легендарный Город Богов или... Город Жизни, и понять, очень многое понять в этой жизни. А лицо Рафаэля Юсупова просто светилось.

Вскоре самолет унес нас в Москву. В салоне Сергей Анатольевич «сошелся» с одним альпинистом и они «уговорили» бутылку спирта... из-под минеральной воды объемом 1, 5 литра.

В аэропорту Шереметьево-2 у Сергея Анатольевича проступили слезы, и он, опустившись на колени, стал целовать гранитный пол, приговаривая:

— Земля! Российская земля!

На выходе мы увидели встречающих нас друзей: Ирину Казьмину, Татьяну Драпеко и Юрия Ивановича Васильева. Мы обнялись, сели в автомобиль, приехали к Ирине Казьминой домой и... отмечали, отмечали и отмечали. Я пытался что-то рассказывать, но у меня не получалось — все-таки все здесь было для меня пока еще... чужим. И только теплые глаза друзей возвращали меня к жизни, а я... как ни странно... был еще там, в Городе Богов.

А потом самолет принес нас в родной город Уфу. Нас встретили, протянули нам по рюмке водки, и мы беспрестанно галдели, болтая, конечно же, чепуху. О Городе Богов мы говорили мало — это было слишком свято.

Машина довезла меня до подъезда моего дома. Я знал, что дома меня ждет моя жена — Татьяна.

Выйдя из автомобиля, я на мгновение остановился. Я вспомнил, что моя жена — Таня — научилась спать два раза в день, обладая прекрасной нервной системой, никогда не страдая бессонницей. Она, придя с работы, часов этак в семь вечера, пила чай и ложилась спать часов этак до одиннадцати-двенадцати, после чего вставала и готовила ужин, ожидая, что ее работяга-муженек придет домой часика этак в три ночи (поскольку он, к сожалению, сова) и захочет поесть, а ему, этому обреченному работяге, будет невкусно хлебать щи в одиночку с котом в обнимку. Она, Таня, всегда ждала меня, и мы, как нормальная семья, ужинали вместе... в три ночи. А я, приговаривая — «Ну что, Таня, налить по рюмочке-то?» — хлебал щи и уплетал ее, Танины, котлеты с картошкой, не забывая в конце ужина, приняв важную позу татарского мужа, произнести: «Ну что, Таня, убери посуду-то... пожалуйста!».

А потом мы пили чай, конечно же, с ее пирогами, которые, честно говоря, я не очень люблю, но ем из чувства патриотизма, хотя другие люди (когда я их приношу на работу), поедая Танины пироги, издают один и тот же звук «М-м-м-м!» и приговаривают: «Какое тесто!».

Вот и сейчас, когда я стоял у подъезда своего дома, я чувствовал, что вот-вот дойду до лифта, нажму кнопку, лифт, грохоча и вибрируя, опустится на первый этаж и повезет меня до моей квартиры, перед дверью которой я на мгновение остановлюсь, чтобы понять, что мне

очень хотелось сюда... домой. Мне... истрепанному пыльными бурями Тибета... очень хотелось домой.

Я и в самом деле шагнул в подъезд, нажал кнопку лифта, лифт пришел и принес меня к дверям моей квартиры.

Перед тем как позвонить, я на мгновение остановился. В голове прозвучали слова Юрия Ивановича Васильева, произнесенные в аэропорту «Ше-ремельево-2», когда он нас встречал:

Ну чо, шеф, нашли Город Богов-то?

— Нашли, Юра, нашли! — помню, ответил я.

— И чо это такое? — спросил он.

— Матрица Жизни на Земле, — помню, неожиданно для самого себя ответил я.

На этом, дорогой читатель, повествование не заканчивается. В следующем томе я расскажу о том, как в результате тяжелых и скучных расчетов мы пришли к удивительному выводу, что Господь послал нам судьбу найти... место, где Бог создавал земного человека. И пусть для Вас, дорогой читатель, эти расчеты покажутся сложноватыми и скучноватыми, но Вы, начав читать следующий том, вскоре осознаете, что через Город Богов вы поймете и самого себя, что... вообще-то... очень важно.

А потом появится и «Матрица Жизни на Земле-2»...